

А.Б. МАРТИРОСЯН

• ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ •

СТАЛИН И РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

СТАЛИН И РАЗВЕДКА
НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

АРСЕН МАРТИРОСЯН

- ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ -

СТАЛИН И РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
М29

Мартirosян, А.Б.

М29 Сталин и разведка накануне войны / Арсен Мартirosян. — М. : Вече, 2014. — 480 с. : ил. — (Историческое расследование).

ISBN 978-5-4444-2079-9

Знак информационной продукции 12+

Любая послевоенная ложь о любой минувшей войне начинается со лжи в адрес разведки. Дескать, она это не доглядела, то не раздобыла, тут не подтвердила, там ошиблась, здесь не разгадала, там проглядела и т.д. и т.п. История Великой Отечественной войны, прежде всего ее кроваво-трагического начала, не исключение. Родоначальниками несносной хулы, лжи и клеветы в адрес советской разведки стали маршалы и генералы предвоенной и военной поры. В деятельности разведки и контрразведки СССР был, конечно, не только позитив, но и негатив тоже. Были ошибки и промахи. Были и необоснованные подозрения в отношении агентыры* и разведчиков, а также к сообщаемой ими информации. Были, увы, и провалы. Короче говоря, все было. К сожалению, эти негативные явления — неизменные спутники активной разведывательной деятельности. Подробно о негативных сторонах в этой книге не говорится, но лишь по той простой причине, что и без того об этом натрепали сверх всякой меры много. Именно поэтому-то исследование на 99,99% сосредоточено на информативном показе достижений советской разведки как сообщества всех разведывательных служб СССР накануне войны.

Книга издана в авторской редакции.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4444-2079-9

© Мартirosян А.Б., 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

ПРОСКРИПТУМ

Предлагая читателям настоящее исследование, меньше всего автору хотелось, чтобы у читателей сложилось только благостное впечатление, что-де в деятельности разведки накануне войны был один только позитив. Ничего подобного. В деятельности разведки и контрразведки СССР был, конечно, не только позитив, но и негатив тоже. Были ошибки и промахи — оспаривать это бессмысленно. Были и необоснованные подозрения в отношении агентуры и разведчиков, а также сообщаемой ими информации. Были, увы, и провалы. Короче говоря, все было. К сожалению, эти негативные явления — неизменные спутники активной разведывательной деятельности. Подробно о негативных сторонах в этой книге не говорится, но лишь по той простой причине, что и без того об этом натрепали сверх всякой меры. Но именно же натрепали. Потому что те, кто треплет славное имя разведки (безотносительно ведомственной принадлежности), как правило, либо умышленно не проводят глубокий анализ, дабы показать подлинные причины того или иного негатива, либо же, что чаще всего и имеет место быть, просто не в состоянии понять глубокие причины негатива, потому как просто не понимают уникальную, редкостную специфику разведывательной деятельности и тем более процесса анализа разведывательной информации. Да и сотворенные по милости маршалов, генералов и их присных многочисленные мифы о разведке накануне войны также сильно мешают.

Именно поэтому исследование на 99,99 % сосредоточено на информативном показе достижений советской разведки как общества всех разведывательных служб СССР накануне войны.

А что касается негатива и его исследования, то осмелюсь предложить вниманию читателей свое двухтомное фундаментальное исследование «22 июня. Блицкриг предательства: от истоков до кануна» (1-й том) и «22 июня. Детальная анатомия лжи» (2-й том), (М.: Вече, 2012).

Раздел I

МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ ЛЖИ, КЛЕВЕТЫ И СОКРЫТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ О РАЗВЕДКЕ

Глава 1

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КЛЕВЕТА О РАЗВЕДКЕ В СВЯЗИ С 22 ИЮНЯ 1941 ГОДА?

Все, что видим мы, — видимость только одна.
Далеко от поверхности моря до дна.

Омар Хайям

Любая послевоенная ложь о любой минувшей войне начинается со лжи в адрес разведки. Дескать, она это не доглядела, то не раздобыла, тут не подтвердила, там ошиблась, здесь не разгадала, там проглядела и т.д. и т.п. Отсюда незамысловатый вывод, который «ненавязчиво» вдалбливается в сознание людей: ну и как после этого доблестным генералам было разобраться, что, как и, самое главное, когда и где окаянные супостаты замышляют супротив их родины. Простенько, но с каким «стратегическим» вкусом и прицелом!

История Великой Отечественной войны, прежде всего ее кроваво трагического начала, не исключение. Напротив и, увы, едва ли не классическое правило. «Родоначальниками» несносной хулы, лжи и клеветы в адрес советской разведки (безотносительно ведомственной принадлежности той или иной разведывательной службы) стали маршалы и генералы предвоенной и военной поры. Именно они, за редчайшими исключениями, спровоцировали до сих пор не прекращающуюся вакхана-

лию, скажем просто, по-мужски, очень подлых, особо оскорбительных нападок в адрес отечественных разведывательных служб, переплетая их мнимую вину с невесть откуда взявшейся виной Сталина за трагедию 22 июня 1941 г.

Исторический штрих. К возможному удивлению многих, в подобных делах не принимали участия только два маршала: Великий Маршал Великой Победы, честнейший и благороднейший К.К. Рокоссовский и выдающийся летчик-ас, Главный маршал авиации, основатель советской авиации дальнего действия, верный рыцарь Сталина — А.Е. Голованов.

Практически до конца своих дней страшась ответственности за неисчислимые бедствия, обрушившиеся на страну ранним утром 22 июня 1941 г., целый ряд маршалов и генералов той поры решили сделать «козлом отпущения» в первую очередь разведку и Сталина. Благо, и сверху была соответствующая отмашка. Заклятый враг СССР, России и лично Сталина, отпетый подонок и предатель — пресловутый Н.С. Хрущев — уже совершил главное преступление в своей подлой жизни троцкиста-кукурузника: зачитал-таки свой лживый доклад на шабаше недобитых троцкистов, почему-то именуемом XX съездом КПСС. Доклад, в котором не было ни одного слова правды. Из 61 положения доклада ни одно не соответствовало реалиям недавней к моменту его произнесения истории. Таково безапелляционное мнение американского ученого Гровера Ферра — автора блестящей книги «Антисталинская подлость» (М., 2007).

Маршалы и генералы решились на такое, заведомо понимая, что в силу особой секретности своей деятельности разведка ни при каких обстоятельствах не сможет оправдаться и тем более полностью реабилитировать себя. Ведь голым словам никто не поверит, а называть подлинные имена разведчиков и агентов, рассекретить их информацию, показать подлинные документы, увы, разведке нельзя. Во всяком случае по горячим следам. То есть сразу после выдвигания клеветнических обвинений. Ведь секретность — альфа и омега разведывательной деятельности.

Да и всех выдающихся разведчиков, которые знали о реальных достижениях разведки накануне войны, сразу же после похорон

Сталина и особенно после подлого убийства Лаврентия Берия по указанию приснопамятного Хрущева предусмотрительно «расфасовали» по «медвежьим углам» необъятной родины, проще говоря, упекли за решетку на длительные сроки. Остальным же попросту заткнули рты, не считаясь ни с их положением, ни с их высокими званиями.

В этом плане очень характерна история попытки предвоенного главы ГРУ¹, Маршала Советского Союза Ф.И. Голикова, написать правдивую историю о деятельности советской военной разведки накануне войны. Голиков решился на этот шаг ввиду того, что уже к концу первой половины 60-х гг. прошлого века сложилась комплексная система тесно взаимосвязанных между собой, разнообразных, до остервенения глумливых, однако же абсолютно беспочвенных нападок как на само ГРУ (впрочем, и другим советским разведслужбам доставалось, что называется, «по полной программе»), которое-де не смогло добыть убедительных доказательств подготовки гитлеровской Германии к нападению на СССР, что-де в свою очередь якобы негативно отразилось на подготовке к отражению фашистской агрессии и тем более на Сталине, которому еще со времен XX съезда КПСС беспардонно стали «шить» все мыслимые и немыслимые грехи за трагедию 22 июня 1941 г.

Как и всегда в истории Великой Отечественной войны, «впереди планеты всей» оказался маршал Г.К. Жуков — его беспрецедентно «особо выдающийся» по своей уникальной подлости «вклад» в создание этого монстра лжи трудно не оценить по достоинству. Ведь это именно с его нелегкой подачи в истории Великой Отечественной войны загуляло беспрецедентное оскорбление в адрес славного ГРУ: **«Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования**

---

¹ Перед войной ГРУ называлось Разведывательное управление Генерального штаба РККА. Аббревиатура ГРУ появилась с 16 февраля 1942 г. Соответственно во избежание путаницы и принимая во внимание то обстоятельство, что современному читателю эта аббревиатура лучше знакома, автор использовал её и для описания предвоенных событий.

в отношении войск, расположенных в Польше. Наша агентурная разведка не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о намерении воевать с Советским Союзом»¹.

Когда же этому клеветнику-«златоусту» предъявили многочисленные донесения военной разведки о подготовке Германии к нападению на СССР, причем именно те, на которых он был указан как адресат и на которых стояла его же собственная подпись, свидетельствовавшая о том, что он ознакомился с их содержанием еще тогда, в 1941 г., то четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Г.К. Жуков был не просто изумлен, не просто шокирован — он едва в кому не впал!.. Так ведь было же отчего — с поличным взяли! Об этой истории речь еще впереди.

Это именно он, маршал Жуков, всеми своими отнюдь не хилыми маршальскими силами так «вдарил по всем тормозам», дабы безальтернативно воспрепятствовать предвоенному начальнику ГРУ в реализации его намерения опубликовать подлинную правду о действиях советской военной разведки накануне войны, что с тех пор Голиков был нем как рыба, ну а если и открывал рот, то либо отделывался общими замечаниями или репликами, либо же грешил ложью конъюнктурного характера.

А дело было так. Прознав (глава ГРУ — он и в отставке глава ГРУ) о неслыханном оскорблении Жукова в адрес ГРУ и его, Голикова, персонально — оно было изложено в письме Жукова писателю В.Д. Соколову 2 марта 1964 г., — Филипп Иванович, как свидетельствуют архивные данные², уже в июле того же 1964 г. попытался получить разрешение ЦК КПСС (тогда таковы были правила) на подготовку и публикацию книги о советской военной разведке накануне войны, в одной из центральных глав которой он намеревался «**в полной степени рассказать о том, как усилия советской военной разведки были... сконцентрированы на выявлении и раскрытии военных планов гитлеровского командо-**

¹ Стенограмма октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1957. С. 518.

² ЦА МО РФ. Оп. 29403. Д. 1. Л. 203—204.

вания против СССР, как по срокам эта задача осуществлялась, что конкретно было достигнуто и какие конкретно данные давались по времени политическому и военному руководству нашей страны...»¹.

Увы, то были хотя и на закате, но еще времена Хрущева. Так вот, за эту попытку «**в полной степени рассказать о том, как усилия советской военной разведки были сконцентрированы на выявлении и раскрытии военных планов гитлеровского командования против СССР...**» Маршалу Советского Союза (с 8 мая 1961 г.) Ф.И. Голикову так дали по рукам, что он вынужден был навсегда отказаться от этого замысла и впредь произносил только что-то общего характера, причем даже во время встреч с ветеранами и сотрудниками ГРУ, а также с отдельными историками, либо же произносил «ритуальную» ложь конъюнктурного характера, зачастую тут же противореча самому себе (нередко и при помощи отдельных, явно недалеких историков).

О самом Сталине уж и говорить не приходится. Лежа в могиле, он-то тем более ничего не мог сказать. В отношении своего Великого Верховного Главнокомандующего маршалы и генералы (за двумя указанными выше исключениями) поступили и вовсе варварски, полагая, что мертвые сраму не имут. Потому и ввали с особой наглостью, прекрасно зная, что ни разведка, ни тем более Сталин не смогут парировать и опровергнуть их подлое вранье, которым они полагали возможным на свой лад переписать подлинную историю начала войны, особенно ее непосредственного кануна и первых мгновений. Да, собственно говоря, при Сталине они и не посмели бы так брехать. Потому что знали, что выдающимися полководцами они стали **только потому, что были при Сталине**, — подобно тому, как Даву и Мюрат стали великими маршалами при Наполеоне. Впервые аналогичный, фактически на уровне приговора вывод сформулировал ныне, к сожалению, покойный известный русский философ, социолог, писатель и публицист Александр Зиновьев. Именно так он и выразился в одном

¹ ЦА МО РФ. Оп. 29403. Д. 1. Л. 203—204.

из своих последних интервью корреспонденту «Красной звезды» А. Бондаренко 23 апреля 2005 г.¹

Но признавать это не собирались, вплоть до самой смерти, за исключением всего двух великих маршалов — К.К. Рокоссовского и А.Е. Голованова, которые до конца своей жизни считали Сталина святым и открыто говорили, что они имели счастье и честь работать и служить Родине под его руководством и командованием.

А что касается остальных, то у них ведь и Сталин якобы поумнел благодаря их, маршалов, «титаническим усилиям», да и то после Сталинградской битвы. После той самой победоносной битвы, которую гений Сталина, исходя из донесений разведки, стал готовить еще тогда, когда эти бравые брехуны чересчур бодро отступали, а то и вовсе безудержно драпали — в начале октября 1941 г., — о чем сохранились неопровержимые документальные доказательства!

Исторические штрихи. 1. Первые приказы о подготовке оборонительных рубежей на подступах и под Сталинградом Сталин отдал еще 2 и 9 октября, а также 11 ноября 1941 г. Это четко подтверждается архивными документами: ЦА МО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 314. ЦА МО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 10. Л. 352—353. Вот и верь после этого брехунам в маршальских эпохеах.

2. Но мало кто знает, что одним из прямых оснований для таких приказов Сталина послужили перекрывающиеся разведывательные данные от разных источников. Причем одним из первых поступило соответствующее сообщение от легендарного Р. Зорге. Вот его текст:

*«РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 18068
НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ТОКИО, 14 сентября 1941 года*

Паула [морской атташе германского посольства в Токио] сказал мне, что он уверен, что очередное большое наступление немцев будет направлено на Кавказ через реку Днепр.

¹ См.: Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Утаенные страницы советской истории. М., 2007. С. 140.

Паула думает, что если немцы не получат нефти в ближайшее время, то дальше они должны проиграть войну. Поэтому бои около Ленинграда и Москвы являются более или менее для показа, а главная атака должна быть на Кавказ. ИНСОН...»¹

В одном только ошиблись принимавшие участие в столь неблагоприятном деле маршалы и генералы. Естественно, «по традиции» в самом главном, принципиальном. Ибо если стратегия вступления в информационную войну — а их «вклад» в мифологию, а также не прекращающаяся вакханалия пережевывания их вранья и попыток с помощью этого вранья переписать историю войны, особенно ее трагического начала, и есть информационная война, — ошибочна, более того, если она в принципе несправедна в самой своей основе, то никто и ничто их не спасет. Даже самые искусные лгуны средств массовой брехни, коих нынче пруд пруди. Ибо испокон веку хорошо известно, что, сколько веревочке (их лжи и клеветы) не виться, конец-то все равно настанет. Пускай и позднее, чем хотелось бы, но настанет. И он, слава богу, настал.

Потому что **«разведывательные службы оказывали и оказывают гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стояли разведчики, однако авторы научных хроник то ли из-за высокомерия, то ли из чувства безгливости игнорируют их вклад и редко называют их имена. Даже те политики, дипломаты и генералы, кому секретные агенты оказали неоценимую помощь, как правило, умалчивают об этом в своих мемуарах»².**

Комментарий. Дело, конечно же, не столько в высокомерии или безгливости «авторов научных хроник», сколько в том, что разведки чрезвычайно редко афишируют свою деятельность и конкретные дела. Как правило, это происходит спустя многие и многие десятиле-

---

¹ ИНСОН — псевдоним Р. Зорге в переписке с ГРУ на последнем этапе. Цит. по: Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. Публикация, вступительная статья и комментарии А.Г. Фесюна // Новая и новейшая история. 2000, № 2. http://www.japonica.ru/Texts/Documents.shtml#_ftnref178..

² *Фараго Ладислас.* Игра лисиц. М., 2004. С. 8.

тия, или, что чаще всего, вовсе не раскрывают суть своих операций. Обычно разведки говорят лишь о тех делах и тех операциях, а также разведчиках и агентах, о которых, помимо воли самих разведслужб, каким-то образом уже стало известно широкой общественности. Это обычная практика разведывательных служб всего мира. Однако и в этих случаях они говорят ровно столько, сколько позволяют соображения безопасности разведывательной деятельности, прежде всего соображения безопасности разведчиков и агентов, особенно ценных, в том числе и в ретроспективе. Так что нет ничего удивительного в том, что «авторы научных хроник» не говорят о роли разведок в тех или иных событиях, по крайней мере в должном объеме и необходимых для понимания сути событий масштабах информативности. Особенно по «горячим следам». Хотя, естественно, не обходится и без исключений.

Иное дело, когда разведки (и вообще спецслужбы) уже официально предали гласности некоторые из своих операций. А также ранее секретную информацию, знать о которой в период ее особой актуальности, а потому и особой секретности имели право только считанные лица из числа высшего военно-политического руководства того или иного государства. Вот тут-то действительно непонятно, какими соображениями руководствуются «авторы научных хроник» и не только они, игнорируя официальную информацию разведывательных служб. Скорее всего, это происходит не из-за их высокомерия, а вследствие простого неумения адекватно историческим реалиям оперировать в исторических исследованиях уже раскрытой разведслужбами информацией. Или же, что, увы, не редкость, неумело оперируют такой информацией с прямой оглядкой на текущую политическую конъюнктуру.

Это действительно повсеместные, резко обедняющие эти исследования явления, зачастую приводящие их авторов к ложным выводам, либо, что, увы, чаще всего и имеет место быть, «ненавязчиво» подводящие их читателей к заведомо ложным выводам, а нередко и просто нагло вдалбливающие эти ложные выводы в сознание людей. К глубочайшему сожалению, в историографии трагедии 22 июня 1941 года сии явления буквально на каждом шагу. Одна полувековая,

более чем омерзительная склока вокруг знаменитого доклада ГРУ от 20 марта 1941 года чего стоит! Так оболгали, так зафальшивили, так извратили все, что связано с этим докладом, так оклеветали руководство советской военной разведки, само ГРУ и Сталина, что трижды не приведи Господь! Нам еще предстоит детальный анализ этой истории.

*Между тем по отношению ко всем историческим исследованиям поэтапно раскрывающие суть фиксируемых, но невидимых процессов данные разведки, тем более доложенные в свое время высшему руководству государства и военному командованию, являются собой как бы эталонную информацию для контроля выводов в этих исследованиях. Ибо только адекватное историческим реалиям оперирование такой информацией, в том числе и в сравнении с другими данными, дает шанс правильно понять действия высших государственных мужей (в том числе и военных), получивших эту информацию. Оказавшийся в конце Второй мировой войны в советском плену выдающийся германский военный разведчик времен Первой мировой войны **полковник Вальтер Николаи** во время одного из допросов на Лубянке обронил такую фразу: «**Став историком, я сохранил менталитет разведчика**»¹. Понятно, что подавляющее большинство историков, особенно аутсайдеры, пришли в эту науку не из разведки. А потому им, очевидно, надо не сохранять менталитет разведчика, а по меньшей-то мере попытаться проникнуться этим менталитетом, дабы правильно оценивать рассекреченную информацию и не менее правильно оперировать ею. Хотя бы потому, что если говорить образно, то **История — это разведка, разведывающая назад!** И она обязана быть точной. По крайней мере, насколько это представляется возможным на том или ином этапе. Но особенно важно чтобы она была свободна от конъюнктурных влияний.*

Да, действительно, умалчивают, в том числе и умышленно, а нередко и злоумышленно замалчивают роль и заслуги разведки. Есть

¹ *Мотов В.С.* Шеф германской разведки Николаи. В сб.: Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2006. С. 205.

и более худшие варианты. Молотов однажды заявил писателю Ф. Чуеву следующее: **«Я считаю, что на разведчиков положиться нельзя. Надо их слушать, но надо их и проверять. Разведчики могут толкнуть на такую опасную позицию, что потом не разберешься. Провокаторов там и тут не счесть. Поэтому без самой тщательной, постоянной проверки, перепроверки нельзя на разведчиков положиться...»**¹

Как минимум очень странная оценка из уст такого матерого политического волка, как Вячеслав Михайлович Молотов, который практически никогда ничего не предпринимал, не ознакомившись с информацией разведки и вообще спецслужб. Хотя насчет проверки и перепроверки он сказал истину. Правда, и Америки он тут не открыл. Это не столько обязательное, сколько абсолютно категоричное условие доверия к разведывательной информации. И обычно разведка сама этим занимается. Без каких-либо подсказок со стороны. Потому как это ее жизненное кредо — не только добывать актуальную разведывательную информацию, но и немедленно ее проверять, а если оно потребуется, то еще и трижды перепроверять, пока не исчезнет даже тень намека на сомнения в достоверности хотя бы одного из аспектов добытой информации.

В нашей историографии о Великой Отечественной войне подобное отношение к разведывательной информации прошлого — замалчивание, в том числе и умышленное, а также и злоумышленное, — всего лишь один из методов, причем не всегда самый главный и востребованный. Потому что он сразу создает для воспользовавшихся им неприятности — непонятного происхождения белые и черные пятна в истории, которые те, кто умалчивает (тем более злоумышленно) о роли разведки, просто не в состоянии прояснить. Но чаще всего это делают, преследуя определенные, как правило, отнюдь не самые праведные цели.

---

¹ *Чуев Ф.И.* Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 32. Цитата из письменно зафиксированного Чуевым содержания бесед на одну и ту же тему — о начале войны, — которые он вел с Молотовым в промежутке с конца 1969-го по июнь 1983 г. — всего 14 бесед.

Впрочем, у нас не считают нужным страдать брезгливостью. И потому поступают проще, но коварно и подло, едва ли не на грани фола. На пути любой попытки честно и объективно разобраться в столь сложнейшем вопросе, почему же 22 июня 1941 г. произошла такая трагедия, кто или что, или кто и что вместе взятые виноваты в ней, выставлен особый легион спецназа маршалско-генеральской лжи. **Имя его — мифология о разведке.** Вы только полюбуйтесь, что натворили маршалы и генералы военной поры, на какие «подвиги» в клевете и лжи они сподобились сами, да еще и умудрились подвигнуть бесчисленную рать всевозможных толкователей и комментаторов их «воспоминаний и размышлений».

1. Советская разведка не имела достоверной информации о планах руководства Третьего рейха на осень 1939 г., в частности о том, что война в Европе начнется именно с вторжения вермахта в Польшу, и потому не могла своевременно информировать высшее советское руководство о том, что нападение на Польшу станет предвестником нападения нацистской Германии на СССР¹.

2. Маршал Г.К. Жуков (зادолго до того, как он сел писать свои мемуары): «Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше. Наша агентурная разведка не сумела опровергнуть лживую версию Гитлера о ненамерении воевать с Советским Союзом»².

3. Маршал Г.К. Жуков (еще в рукописи своих «Воспоминаний и размышлений»): «Я не знаю, что давала Сталину разведка, находившаяся не в руках Генштаба, но разведка, которую возглавлял перед войной генерал Голиков Ф.И., не смогла вскрыть мероприятий, которые в глубокой тайне отрабатывались в штабах немецких войск по плану войны. Разведка не сумела проникнуть в тайники,

---

¹ Позняков В.В. «По полученным агентурным данным...»: Информация советской разведки и военно-политические решения, сентябрь 1938-го — июнь 1941 года // В сб.: «Памятные страницы истории. 1941—1945». М., 2009. С. 178—193.

² Стенограмма октябрьского 1957 г. пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1957. С. 518.

где планировались цели и задачи в войне с Советским Союзом. Обо всем этом мы узнали только после войны, читая трофейные документы»¹.

4. Маршал Г.К. Жуков: Сталин «даже из того, что докладывалось ему по линии военной разведки, мог видеть безусловное нарастание угрозы войны, но этого им сделано не было, так как он поверил исходившей от Гитлера дезинформации»².

5. Маршал Г.К. Жуков: «Могло ли руководство наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было затруднительно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали»³.

6. Маршал Г.К. Жуков: «Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»⁴.

7. Маршал Г.К. Жуков: «С первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащённость... Позволю со всей откровенностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»⁵.

¹ РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 9. Л. 35.

² Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 341, 343, 363.

³ Там же.

⁴ РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 10. Л. 95.

⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 365.

8. Маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский (в порядке тезиса): «В Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще»¹.

9. Из тех разведывательных данных, которые представили разведывательные службы, никто в Москве не стал бы делать вывод о завершении гитлеровцами подготовки удара по СССР².

10. Советским разведывательным службам не удалось достоверно установить состав вооруженных сил Германии и ее группировку на востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу³.

11. Агентурная разведка пограничных войск лишь с 24 мая 1941 г. была ориентирована на выявление подготовки Германии к войне с СССР⁴.

Специальный комментарий. Автор этого тезиса, А. Пранович, очевидно подразумевал разведку штабов приграничных военных округов. Дело в том, что такое указание от 24 мая 1941 г. по их линии действительно имело место быть. Однако даже в этом случае нельзя было делать такой вывод, ибо с профессиональной точки зрения он просто фантастически глуп. Разведка штабов приграничных военных округов работает в непрерывном режиме — такова специфика деятельности не только указанных подразделений разведки, но и вообще разведки как острого инструмента государственной, в том числе и военной, политики. Единственное, что могло быть с 24 мая 1941 г. и действительно имело место быть — так это очередное требование об активизации разведывательной деятельности. Тут надо просто понимать, что начальство любит давать такие указания, в которых разведка не очень-то и нуждается. Впрочем, на то

¹ РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 12. Л. 48. *Василевский А.М.* Накануне войны // Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 7.

² *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 232.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 233. *Пранович А.* Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ) // Военный Вестник АПН. 1992, № 2—3. С. 1—15.

оно и начальство, чтобы выдавать «на-гора» различные «ценные указания»...

Кстати говоря, это требование касалось не только военной разведки, но и по согласованию с руководством ГРУ всех подразделений разведки НКГБ СССР и НКГБ приграничных с Германией союзных республик, разведки погранвойск НКВД СССР. Вот, к примеру, текст «Директивы НКГБ СССР Наркому Госбезопасности УССР МЕШИКУ по проведению разведдеятельности в связи с военными приготовлениями Германии»:

«ДИРЕКТИВА НКГБ СССР НАРКОМУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР МЕШИКУ ПО ПРОВЕДЕНИЮ РАЗВЕДДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СВЯЗИ С ВОЕННЫМИ ПРИГОТОВЛЕНИЯМИ ГЕРМАНИИ

№ 2177/м

9 июня 1941 г.

Сов. секретно

Условия современной обстановки выдвигают перед всеми разведывательными органами Советского Союза, в качестве главнейшей задачи, выяснение всех вопросов, связанных с подготовкой войны против СССР и в первую очередь со стороны Германии. Поэтому в Вашей разведывательной работе, в качестве задачи на ближайшее время, должно быть выяснение следующих вопросов:

1. Общая численность взятого в германскую армию контингента и его возрастной состав с распределением по сухопутным войскам, войскам СС и СА, воздушным силам, резервной сухопутной армии и морскому флоту.

2. Организационно-штатная структура отдельных германских войсковых соединений: пехотных дивизий, танковых дивизий, тяжелых танковых дивизий, моторизованных дивизий, горнострелковых дивизий, дивизий воздушной пехоты, парашютных дивизий, корпусной артиллерии, артчастей резерва главного командования, зенитных корпусов и зенитных дивизий, авиационных корпусов и авиационных дивизий, химических частей.

3. Среднемесячная производительность и производственная мощность отдельных германских заводов, выпускающих танки, броневики, боевые самолеты, орудия (по типам — полевые, противотан-

ковые, тяжелые и зенитные), пулеметы (ручные, станковые и для ВВС), порох, взрывчатые и отравляющие вещества.

4. Какие новые образцы приняты за вторую половину 1940 г. и в 1941 году на вооружение в германской армии; танки, авиационное и артиллерийское вооружение. Особенно важно выявить по танкам: максимальную толщину и силу сопротивления брони, типы танков с максимальным весом и вооружением и количество танков весом от 45 тонн и выше. По ВВС особенно важно выяснить: максимальную скорость новых и модернизированных истребителей и бомбардировщиков, максимальные мощности моторов, максимальные дальности истребителей, бомбардировщиков и транспортных самолетов, максимальную бомбовую нагрузку и самолеты с наиболее мощным пушечным вооружением.

5. Дислокация штабов немецких армий и штабов армейских групп на всех театрах военных действий Германии против СССР, в частности проверить наличие штабов армий и их нумерацию в Варшаве, Люблине; в районе Замостье — Красностав — Янов; в районе Тарнов — Лембица, Бохня; в районе \336\ Закопане — южнее Кракова 75 км; в районе Лодзь — Спала (быв. резиденция Мосцицкого¹), Краков.

6. Установить количество немецких дивизий и корпусов к востоку от реки Одер, т.е. от линии Моравская — Острава — Бреслау — Штеттин. При этом особенно важно выявить состав войск в районах Ченстохов, Катовице, Краков, Лодзь, Познань, Бреслау; Познань, Франкфурт (на Одере), Бреслау.

7. Детальные данные по строительству укрепленных районов против СССР и аэродромных узлов, особенно подземных ангаров к востоку от реки Одер до нашей границы, на территории Словакии, Венгрии и Румынии. При этом особенно важно получить данные по состоянию укрепленных районов в пограничной полосе по реке Висле (Варшавский УР, Демблинский УР) и по рекам Прут и Серет (Молдавия).

8. Планы военных операций против СССР (в любой форме: документальной, в высказываниях и т.д.).

¹ Правильно: Мосцицкого.

9. Суточная пропускная способность железных дорог к востоку от р. Одер до нашей границы от Мемеля до Карпатской Украины.

10. При даче заданий агентуре необходимо учитывать район, в который агент направляется или находится и его возможности по сбору разведданных. Во избежание провала агентуры и расшифровки нашего интереса к упомянутым вопросам, следует избегать давать одновременно одинаковые задания нескольким агентам. Все добытые разведывательные данные, по этим вопросам, направлять в 1-е Управление НКГБ СССР.

Зам. народного комиссара государственной безопасности СССР Кобулов»¹.

Чтобы не вводить некоторых читателей в искус воспользоваться якобы появившейся возможностью ёрничать и тем более пытаться ёрнически утверждать, что-де эти меры предпринимались для подготовки нападения на Германию, о чем ныне очень много брешут, сразу же отмечу, **во-первых**, что если бы такое нападение действительно планировалось, тем более, как утверждают брехологи, на июль 1941 г., то подобный круг вопросов разведка должна была начать освещать значительно раньше. Как минимум за 6—10 месяцев, а то и год, если не того более. А не с 9 июня, что означает практически в пожарном порядке.

Во-вторых, эти задания поставлены руководством военной разведки, и отдельные из них внешне свидетельствуют не в пользу руководства ГРУ — ведь постановка, например, задачи изучения организационно-штатной структуры германских войсковых соединений, как, впрочем, и других задач, всего за месяц до якобы давно запланированного нашего нападения на Германию, мягко выражаясь, несколько поздногато выходит. Более того. Получается, что ГРУ не располагало никакой информацией по этим вопросам даже от официально действовавших в Германии советских военных атташе и неофициально действовавших резидентур военной разведки. **Но это полный нонсенс!** Такой информацией ГРУ располагало. Еще в марте 1941 г. военный атташе СССР

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 8. Пор. 373. Л. 133—135. Машинопись, незаверенная копия. Имеются пометы. Приводится по: 1941 год. Т. 2. Документ № 531.

в Германии и одновременно резидент советской военной разведки генерал-майор Тупиков (оперативный псевдоним Арнольд) прислал в Москву громадный, многостраничный доклад, в котором подробно освещалась подавляющая часть именно этих вопросов — документ так и назывался **«Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировок по состоянию на 15.3.1941 г.»**¹. Доклад был исключительно подробный — свыше ста страниц машинописного текста. Плюс огромное количество схем, в том числе и схема группировок войск вермахта у советских границ. И, самое главное, схема возможных вариантов действий Германии против СССР, один из которых практически точно отражал суть плана «Вариант Барбаросса». Так что такие задания — скорее всего откровенная, но полностью согласованная с руководством разведки НКГБ попытка руководства ГРУ получить по каналам разведки НКГБ независимую, подтверждающую данные военной разведки информацию.

В-третьих, что и есть самое главное. Как сама суть поставленных задач, так и вся направленность приведенного документа однозначно говорят о том, что необходимо именно выявить конкретные признаки и любые подробности готовящегося нападения Германии.

Дело в том, что как директива по линии ГРУ, так и аналогичные директивы по линии НКГБ и НКВД были обусловлены тем, что в мае месяце (точная дата неизвестна) из берлинской резидентуры НКГБ СССР от ценного агента, крупного железнодорожного чиновника Третьего рейха (подробно об этом агенте будет сказано ниже), были получены неопровержимые документальные данные о том, что с 22 мая 1941 года график военных перевозок войск вермахта переводится в режим отсчета времени «Х» или, если на немецком штабном языке, в **«режим максимально уплотненного графика движения эшелонов»**. А уже 24 мая Сталин созвал расширенное Политбюро с участием высшего военного командования, в том числе и приграничных округов, на котором прямо заявил о том, что в самое

¹ ЦА МО РФ. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693—793.

ближайшее время СССР подвергнется внезапному нападению. Вот чем и были вызваны эти директивы.

*Поэтому еще раз обратите внимание на то, что говорится в преамбуле директивы: «Условия современной обстановки выдвигают перед всеми разведывательными органами Советского Союза, в качестве **ГЛАВНЕЙШЕЙ** задачи, выяснение всех вопросов, связанных с **ПОДГОТОВКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР И В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СО СТОРОНЫ ГЕРМАНИИ**». Такие задачи перед «всеми разведывательными органами Советского Союза» мог поставить только Сталин (а Кобулов в данном случае всего лишь исполнитель приказа Сталина в своем ведомстве).*

И в завершение комментария следует заметить, что не следовало Прановичу лезть с таким «критическим анализом», если он не мог отличить разведку пограничных войск от разведки штабов приграничных военных округов. Мало того, что это, как говорят в Одессе, две большие разницы, поскольку принадлежали (и принадлежат) разным силовым ведомствам, так еще и совершенно разные задачи решают. Тем более ему не следовало лезть на страницы печати с таким «анализом», коли он был не в состоянии уяснить, чем же было вызвано такое распоряжение. Так что нетрудно заметить уровень «профессионализма» автора не столько «критического анализа», сколько глупо неуместного мифа. Ведь ниже же плитуса получилось!

11. Агентурная разведка была слабо укомплектована подготовленными кадрами, агентов вербовали из местных жителей, большинство из которых не имело доступа к важным сведениям, агенты не готовились к работе в условиях войны¹.

12. Разведывательные органы приграничных военных округов не привлекались для подготовки планов прикрытия².

---

¹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 233. Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ)// Военный Вестник АПН. 1992, № 2—3. С. 1—15.

² Там же.

13. Взаимодействие всех видов разведки было налажено слабо, как и обмен информацией между разными ведомствами¹.

14. Низкая эффективность разведки приграничных военных округов не позволяла командованию видеть четкую картину ситуации и делать соответствующие выводы².

15. Отсутствие агентов в штабах противника не позволяло добывать документы о планах Германии, этого не произошло даже тогда, когда 18 июня германское командование уведомило о предстоящем вторжении командный состав, до роты включительно³.

16. Зачастую штабы округов ничего не знали о противостоящих группировках противника, что, естественно, сказалось на ходе боевых действий⁴.

17. Вплоть до германского нападения в сводках разведки НКГБ не было сделано вывода о непосредственной угрозе войны⁵.

18. Также как и военная разведка, разведка НКВД-НКГБ верно установила факт сосредоточения германских войск, но не смогла определить его цели⁶.

19. Маршал Г.К. Жуков: В ответ на просьбу военных разрешить привести войска западных приграничных округов в полную боевую готовность, Сталин 11 июня 1941 года якобы заявил им (подразумевая разведывательные данные), что «для ведения большой войны с нами немцам, во-первых, нужна нефть. И они должны сначала завоевать ее. А во-вторых, им необходимо ликвидировать Западный фронт,

---

¹ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 233. Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ)// Военный Вестник АПН. 1992, № 2—3. С. 1—15.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 233. Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ)// Военный Вестник АПН. 1992, № 2—3. С. 1—15.

⁵ Мельтюхов М.И. Роковая ошибка. В сб.: Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 349.

⁶ Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 233. Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 года (критический анализ)// Военный Вестник АПН. 1992, № 2—3. С. 1—15.

высадиться в Англии или заключить с ней мир». Для большей убедительности Сталин подошел к карте и, показав на Ближний Восток, заявил: «Вот куда они (немцы) пойдут»¹.

20. Маршал Г.К. Жуков: Сталин считал, что «Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнет создать себе второй фронт, напад на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взяты»².

21. «К огромному сожалению, политическое руководство нашей страны вплоть до самого начала войны находилось в плену дезинформационной деятельности немецкой разведки»³.

22. На сообщения Р.Зорге и иных разведчиков и агентов о близящемся нападении Германии Центр не прореагировал⁴.

23. Ни внешняя разведка, ни ГРУ не имели перед войной отделов обработки и анализа разведывательной информации, что негативно повлияло на оценку военно-политической ситуации⁵.

24. Разведка часто сама дискредитировала поступающие сведения, передавая их Сталину без какого-либо анализа⁶.

25. Разведка не смогла убедить Сталина в скором нападении Германии⁷.

26. Выводы военной разведки были своеобразной данью существовавшей деспотичной атмосфере и своего рода пропуском для доклада Сталину, который мог сам делать выводы из докладывавшихся сведений, а на выводы ГРУ не обращать внимания⁸.

¹ Военно-исторический журнал. 1995, № 3. С. 341. *Мельтюхов М.И.* Роковая ошибка. В сб.: Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 350.

² *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 366—367. *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. (см. № 27). С. 353.

³ Наука и жизнь. 1995, № 3. С. 6. *Мельтюхов М.И.* Указ. соч. (см. № 27). С. 351.

⁴ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. СПб., 2000. С. 16.

⁵ *Судоплатов П.А.* Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 149.

⁶ *Безыменский Л.А.* Советская разведка перед войной // Вопросы истории. 1996, № 9. С. 79—81.

⁷ *Байдаков А.* По данным разведки // Правда, 8 мая 1989 г.

⁸ *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре — декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // Отечественная история. 2000, № 6. С. 23.

27. Внешняя разведка и контрразведка «...не оценили совокупности добытых сведений, не проанализировали поступившей информации, не сделали необходимого вывода. В те времена существовал порядок докладывать руководству страны каждый материал в отдельности, как правило, в том виде, в каком он поступал, без аналитической оценки и комментариев... Будучи доложенной руководству страны в разобранном виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий»¹.

28. Руководимая Л.П. Берия внешняя разведка НКВД СССР прозевала войну, потому что репрессии Берия против сотрудников советской внешней разведки подкосили ее, и она не смогла выполнить свой долг перед Родиной.

29. Берия устроил погром в советской военной разведке накануне войны, вследствие чего она не смогла эффективно работать накануне войны.

30. Накануне войны Берия сыпал угрозами применения жестких кар в отношении тех разведчиков и агентов, которые сообщали тревожные сведения о скором нападении Германии на Советский Союз, и раздувал миф о том, что-де разведывательная информация о грядущем в скором будущем нападении Германии на СССР не соответствует действительности.

Исторический штрих. Автором этих беспардонных глупостей, которые, к слову сказать, до сих пор присутствуют на страницах многих, даже солидных исследований, является состряпавший книгу «Трагедия Кассандры» Овидий Горчаков. Указанные под №№ 29—30 «тезисы» были изложены им в предисловии к русскому изданию книги Джона Ле Карре «Шпион, который вернулся с холода». Со-

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 10—12.

стряпанные им мифы детально анализируются и разоблачаются в одной из последующих глав.

31. Неясно, оценивал ли кто-либо в Москве поступавшие донесения как нарастание угрозы нападения¹.

32. «...Сталин не знал о приготовлениях немцев, так же как и о разветвляющихся у советских границ ударных группировках вермахта, ровным счетом ничего (за исключением “дезы”, которую гнала ему советская разведка и которой он сам не верил)! Гениальный вождь, гениальные полководцы, гениальные разведчики не видели, что происходит под самым их носом! Ничего эти самые пограничники, равно как и бойцы и командиры линейных частей РККА, не слышали и не наблюдали в действительности. Это и есть главная советская ложь о войне»².

33. «Сталин, его ближайшее окружение, Генеральный штаб, а также Главное разведывательное управление допустили крупнейший просчет в оценке военно-стратегической обстановки. Не придавалось должного значения сообщениям замечательных советских разведчиков»³.

34. «...Основной причиной неожиданности нападения на нас является плохо организованная на наших западных границах разведка»⁴.

35. «Руководство страны не смогло правильно оценить полученную по разведывательным каналам информацию»⁵.

36. «Главной причиной неудачного начала Великой Отечественной войны стала ошибка советского руководства в оценке военно-политической обстановки накануне войны»⁶.

---

¹ Мельтохов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 242.

² Захаревич С.С. Босфорский поход Сталина. Минск, 2007. С. 550—551.

³ Авторами этого мифа являются прихлебатель Хрущева и злобный хулигатель Сталина маршал Еременко, а также коллектив авторов «Краткой истории Великой Отечественной войны» 1965 года издания.

⁴ Там же.

⁵ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 149.

⁶ Мельтохов М.И. Роковая ошибка. В сб.: Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 322.

37. Разведка имела источники в окружении военно-политического руководства Германии, но не имела доступа к документам германского командования.

Специальный комментарий. Советские разведывательные службы (включая и личную разведку Сталина) действительно располагали ценной агентурой в окружении Гитлера, Гесса, Геринга, Гимmlера, Муссолини, Франко. Из тех, о ком официально стало известно, — Ольга Чехова, князь Радзивилл, Марика Рёкк, С.А. Вронский, перехваченная ценная агентура польской военной разведки в окружении высшего военного командования Германии, а также агентура в германской военной разведке — абвере. Среди последних особо выделяется имевший двойные каналы связи как с чехословацкой военной разведкой (а через нее, увы, и с британской разведкой), так и с советской разведкой агент первой А-54, он же подполковник (впоследствии полковник) абвера Пауль Тюммель, поставлявший исключительно ценную информацию. О других будет сказано отдельно.

Информация, которую они поставляли, была исключительно ценной. Однако никто не может с абсолютной достоверностью сказать, какую долю в общем объеме сообщаемых ими сведений составляли документальные данные. Увы, но эта тайна так и останется тайной за семью печатями. Таковы жесточайшие правила разведки. Хотя по отдельным, частично прорвавшимся на свет гласности признакам можно с определенной долей уверенности утверждать, что поступала также и актуальная, совершенно секретная документальная информация. Дело в том, что сколь бы плотной, непроницаемой ни была завеса секретности на этапе разработки тех или иных планов, обеспечиваемая жесточайшим режимом соблюдения государственной и военной тайн, а также широкомасштабными и массивными усилиями контрразведки, она сильно ослабевает уже на этапе реализации утвержденных планов. Потому как в дело вступают исполнители, причем в немалом количестве. Соответственно пускай и поэлементно, пускай и под контролем контрразведки, но самая

секретная информация начинает широко расползаться — ведь перед каждым исполнителем ставят определенные задачи. Но как гласит знаменитая русская поговорка, на каждый роток не накинешь платок. И потому на этом этапе разведка реально в состоянии добыть ценную документальную информацию, не говоря уже о добывании актуальных разведывательных данных в устном изложении. И тому есть реальные, документальные подтверждения из истории советской разведки накануне войны, о некоторых из которых, практически хрестоматийных, скажем чуть ниже.

В завершение этого комментария считаю необходимым еще раз привлечь внимание к тому, что далеко не всегда добывание разведывательной, в том числе и документальной, информации обеспечивается непосредственным (агентурным) проникновением в наиболее охраняемые сейфы главного противника. Да, в любой разведке, тем более великих держав, это считается сверхвысшим пилотажем. Однако такие операции чрезвычайно сложны и особо трудоемки. И потому в реальности чаще бывает все наоборот. В разведке вообще нередко исходят из того, что самый прямой путь к наиболее охраняемым секретам и планам противника — окольный. Наиболее частым вариантом добывания разведывательной, в том числе и документальной, информации о противнике является агентурное проникновение к его высшим секретам через союзников этого противника, где контрразведывательный режим значительно слабее, либо через противников этого противника, которые стали хотя бы временными союзниками (в данном случае СССР). Это обычная практика всех разведок мира, особенно разведок великих держав. Так, последний из указанных вариантов наиболее известен читателям. Речь идет о деятельности знаменитой «кембриджской пятерки» блестящих агентов советской разведки, имевших в том числе и доступ к уникальным материалам британского радиоперехвата германских сообщений, включая и военных сообщений, актуальным данным британской разведки и дипломатии. Проще говоря, ряд секретных и совершенно секрет-

ных документов германского военного планирования становился известным высшему советскому военно-политическому руководству именно по этому каналу. А во время войны это был один из основных каналов ценнейшей, а зачастую просто бесценной разведывательной информации, на основе которой нередко принимались стратегические решения.

Так что нечего было обвинять советскую разведку за отсутствие добытых документальных материалов о планируемой агрессии Германии. Еще раз обращаю внимание на то, что в разведке наиболее прямым путем доступа к важной документальной информации противника зачастую считается именно окольный путь. Пытающимся «упрекнуть» советскую разведку надо хотя немного представлять себе специфику разведки, особенности добывания разведывательной информации на том или ином направлении и только потом хвататься за перо и выводить на бумаге какие-то «упреки». А то ведь сплошная глупость выходит из-под пера таких незадачливых исследователей-критиканов.

38. Советская разведка плохо работала до войны¹.

39. Разведка добыла максимально возможный объем информации, но в условиях целенаправленной дезинформации и высокоэффективных мер по сохранению секретности, осуществлявшихся германскими спецслужбами, эта информация оказалась слишком противоречивой².

40. «Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке “удалось раскрыть замысел германского командования” и “своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии”»³.

41. «Фактически по мере приближения войны значительная часть разведывательной информации утаивалась от армии,

¹ Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 180.

² Сахаров В. Крушение мифа (Если бы Сталин поверил Зорге...)// Молодая гвардия. 1991, № 10. С. 232—238.

³ Мельтохов М.И. Роковая ошибка. В сб.: Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 324.

вероятно, чтобы не дать ей повода настаивать на конкретных действиях»¹.

42. Несмотря на ослабление репрессиями, накануне войны советская разведка располагала многими ценными сведениями о намерениях Германии и о подготовке к нападению на СССР, однако Сталин не верил этой информации, поскольку верил Гитлеру и, в силу договора о ненападении, стремился оттянуть войну, которой боялся, не давая Германии повода для нападения. Вследствие чего советское руководство не смогло правильно определить сроки возможного нападения, что и привело к трагедии 1941 г.²

43. Между разведывательными данными различных разведывательных служб СССР накануне войны существовал сильный разрыв, который не давал возможности правильно оценить нараставшую угрозу войны. «Почему возникли эти разночтения, и каким образом

¹ *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2008. С. 263. Небезынтересно отметить, что в примечании к данному утверждению Городецкий дает ссылку на мемуары Г.К. Жукова, надо полагать, на том 1. С. 362—363. Но при этом указывает, что подобное признание раньше не печаталось, а ссылка на разведку является спорной. *Городецкий Г.* Указ. соч. С. 279.

² *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С. 88—94; Он же. Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 78—91. *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х тт. М., 1989. Т. 2. Ч. 1. С. 137—148. *Исаев С.И., Рамничев Н.М., Чевела П.П.* Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 53—55. Канун и начало войны: Документы и материалы Л. (СПб.), 1991. С. 21—22. *Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1991, № 3. С. 15—17. *Хорьков А.Г.* Грозной июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 131—152. *Язов Д.Т.* Впереди была война // Военно-исторический журнал, 1991, № 5. С. 4—14. *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны // Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 15—16. *Павленко Н.Г.* Была война... Размышления военного историка. М., 1994. С. 227—235. *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 129—136. *Некрич А.М.* 1941, 22 июня. 2-е изд., М., 1995. С. 154—172. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 116—117. *Орлов А.С.* Роковой 41—й: Готовил ли Советский Союз нападение на Германию // Россия XXI. 2001, № 3. С. 74—76, 82, 86. *Мельтохов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 221—222.

они повлияли на оценку германской группировки на востоке, к сожалению, остается неизвестным»¹.

44. Советская разведка не располагала точными сведениями о количестве сосредоточенных у советских границ германских войск и в своих оценках исходила из завышенных сведений об общей численности вермахта².

45. Накануне войны Берия умышленно «фильтровал» разведывательную информацию таким образом, чтобы достоверные сведения не доходили бы до Сталина.

46. Берия лично виновен в том, что накануне войны Сталину постоянно направляли дезинформацию, исходившую от пресловутого агента Лицеист, которым лично руководили высшие иерархи нацистского рейха Гитлер — Геббельс — Риббентроп.

47. Вместо того чтобы с особым вниманием отнестись к крайне тревожной информации разведки о грядущем в ближайшие дни нападении Германии, Сталин писал на донесениях разведки матерные резолюции³.

48. Советская разведка не смогла вскрыть стратегический замысел германского командования, направления главных ударов, добыть точных данных о возможном характере боевых действий против СССР.

49. Советская разведка в своих оценках исходила из идеи затяжной войны, в то время как Германия делала ставку на блицкриг, причем эта уверенность Москвы поддерживалась поступающей разведывательной информацией.

Такие перлы выдают, увы, представители отечественной, в том числе и современной, российской разведки, которые затем со смачным передергиванием смысла трактуются крайне далекими от разведки исследователями-конъюнктурщиками и далее уже как якобы сермяжная правда истории от разведки подаются ничего не подозревающим читателям и слушателям. Что же касается других

---

¹ Мельтюхов М.И. Роковая ошибка. В сб.: Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 333.

² Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу 1939—1941. М., 2008. С. 229.

³ Миф гуляет сам по себе. Запущен был под 50-летие Великой Победы. Разоблачение мифа приводится далее.

мифов, которым не даны какие-либо комментарии, то о них, точнее об их аргументированном разоблачении, будет представлено читателям далее.

Вопрос: для какой конкретно цели маршалам и генералам, а также их присным и прочим толкователям-извращенцам их «мудрых воспоминаний и размышлений» понадобились приведенные выше мифы?

Не ставя себе целью кого-либо поучать, хотел бы для начала просто напомнить, что означает слово «миф». Первое значение этого термина, происходящего от греческого слова «mythos», — это сказание, передающее представление древних народов о происхождении мира и явлений природы, о богах и легендарных героях. А вот второе значение, имеющее прямое отношение к интересующему нас вопросу, состоит в том, что миф — это вымысел¹.

А теперь посмотрите, какова роль мифа в политической жизни любого общества. Имея при этом в виду, что история — это отнюдь не только прошлое. Прежде всего, это ожесточенно свирепая борьба за настоящее и особенно будущее. Кто контролирует прошлое — тот владеет настоящим. Кто контролирует настоящее — тот господствует над будущим!

Сразу же прошу извинить за довольно обширную цитату, но она того стоит. Тем более что она принадлежит перу самого выдающегося исследователя мифов в XX веке — немецкого философа Эрнста Кассирера. Итак, вот какую характеристику он дал в своем знаменитом труде «Техника современных политических мифов»² мифам XX века: «Миф достигает апогея, когда человек лицом к лицу сталкивается с неожиданной и опасной для него ситуацией. Даже в самых примитивных сообществах использование магии ограничено особой сферой деятельности. Во всех случаях, когда можно прибегнуть к сравнительно простым техническим средствам, обращение к магии исключается. Такая потребность возникает только тогда, когда человек сталкивается с задачей, решение которой далеко превосходит его естественные возможности... В критических ситуациях человек

¹ Словарь иностранных слов. М., 1964. С. 415.

² Этот труд Э. Кассирера написал еще во времена господства нацистов в Германии.

всегда обращается к отчаянным средствам. Наши сегодняшние политические мифы как раз и являются такими отчаянными средствами.

Миф... создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими “мастерами”.

...XX веку — великой эпохе технической цивилизации — суждено было создать и новую технику мифа, поскольку мифы могут создаваться точно так же и в соответствии с теми же правилами, как и любое другое современное оружие, будь то пулеметы или самолеты. Это новый момент, имеющий принципиальное значение. Он изменил всю нашу социальную жизнь.

...Современные политические мифы действуют совсем по-другому. Они не начинают с того, что санкционируют или запрещают какие-то действия. Они сначала изменяют людей, чтобы потом иметь возможность регулировать и контролировать их деяния. Политические мифы действуют точно так же, как змея, парализующая кролика перед тем, как атаковать его. Люди становятся жертвами мифов без серьезного сопротивления. Они побеждены и покорены еще до того, как оказываются способными осознать, что же на самом деле произошло. Обычные методы политического насилия не способны дать подобный эффект...

...Чтобы победить миф, мы должны знать его. В этом заключается один из принципов правильной стратегии. Понять миф означает понять не только его слабости и уязвимые места, но и осознать его силу... Необходимо тщательно изучать происхождение, структуру, технику и методы политических мифов. Мы обязаны видеть лицо противника, чтобы знать, как победить его»¹.

Теперь попробуем ответить на вопрос о том, для какой конкретно цели понадобились перечисленные выше мифы. То, что маршалы и генералы до конца своих дней страшились исторической (а заодно и уголовной) ответственности за трагедию 22 июня, — это и так понятно. Теперь даже и за океаном. В отличие как от отечественных

---

¹ *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 1990. № 2. С. 54.

профессиональных, в том числе и академических, историков, так и, увы, более свободных в своих аналитических выводах историков-аутсайдеров уже и за океаном поняли, что «большинство нападков на Сталина (от себя добавлю, что и на разведку тоже. — А.М.) инициировали советские военные, им же принадлежит формулировка причин отступления в 1941 г. Одна из целей представляется достаточно ясной: *избежать ответственности за бедствия*. Несмотря на случайные вкрапления правды, многие из этих аргументов просто не выдерживают критики. Легенды о катастрофической «внезапности» зародились в командирской среде в первые недели войны и охотно распространялись самими военными для оправдания своих не слишком успешных боевых действий. Неприятная для многих командиров истина состоит в том, что германское нападение было неожиданным только для гражданского населения СССР (далеко не для всего гражданского населения Советского Союза — жители приграничных районов СССР прекрасно знали, что «22 июня ровно в четыре часа...» начнется война. — А.М.), но не для... военачальников...».

Так считает, например, американский историк, профессор Техасского университета Роджер Риз, опубликовавший в 2003 г. книгу «Сталинские солдаты поневоле: социальная история Красной Армии. 1925—1941 гг.», в которой стремится вскрыть причины катастрофы Красной Армии в 1941 г. Р. Риза трудно упрекнуть в просоветских симпатиях, тем более к Сталину, чьё имя и на Западе, и в России то и дело служит поводом для распространения всевозможных небылиц, лжи и мифов, в том числе и устами высокопоставленных лиц, не исключая высших государственных мужей. И тем особенно интересна его книга. Ибо Риз даёт жёсткую и, как ни странно, строго научно обоснованную отповедь мифам, порождённым небезызвестным хрущёвским «закрытым» докладом на XX съезде КПСС¹.

Но все это макушка айсберга под названием «тайна трагедии 22 июня» в части, касающейся разведки. Тут дело гораздо серьезнее. Перефразируя известные слова У. Черчилля, вопрос о том, что же на самом деле и почему произошло 22 июня, есть загадка, завернутая

---

¹ Данные о книге Р. Риза приводятся по: *Бобров В.Л.* Большая ложь о Великой Войне. Спецназ России, 2003, № 5.

в секрет, внутри которого тайна. В том числе и в первую очередь в части, касающейся разведки. Ведь наплести с тридцать три короба, то есть целых пятьдесят мифов (если не больше — здесь ведь были приведены только те, которые активно фигурируют в исторической литературе) только о разведке, причем затрагивая всевозможные аспекты ее деятельности, — это ведь не шутки. Это действительно делалось и, увы, делается по определенному плану. Более того. План этот составлялся явно не без участия лиц, хорошо разбиравшихся в сути разведывательной деятельности, в том числе и в ее предвоенной специфике. Иначе трудно было бы сострять такое количество мифов, каждый из которых свидетельствует о том, что их составители понимали, что и зачем они мифологизируют. Ведь в итоге-то получилось действительно мощное «оружие» в борьбе за недопущение прорыва к подлинной правде!

***Штрих-комментарий.** Ныне дело докатилось до того, что оголтелой клеветнической ложью о разведке накануне войны злоумышленно оболванивают уже детей! Так, на странице 484 части третьей (XX век) пятого тома «Энциклопедии для детей»¹ редакционная коллегия (в составе неких М. Аксеновой, А. Элиович, О. Елисеевой и др.) приводит как якобы общеизвестный достоверный факт, что-де якобы 21 июня 1941 года глава НКВД СССР Л.П. Берия будто бы направил Сталину докладную, в которой, в частности, говорилось следующее: «Я вновь настаиваю на отзыве и наказании нашего посла в Берлине Деканозова, который по-прежнему бомбардирует меня “дезой” о якобы готовящемся Гитлером нападении на СССР. Он сообщил, что это нападение начнется завтра. То же радировал и генерал-майор В.И. Тупиков, военный атташе в Берлине. Этот тупой генерал утверждает, что три группы армий вермахта будут наступать на Москву, Ленинград и Киев, ссылаясь на берлинскую агентуру... Начальник разведуправления, где еще недавно действовала банда Берзина, генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, жалуется на Деканозова и на своего подполковника Новобранцева, который тоже врет, будто Гитлер сосредоточил*

¹ Энциклопедия для детей. Т. 5. История России и ее ближайших соседей. Ч. 3. XX век. М., 2006. С. 484. Ред. коллегия: М. Аксенова, А. Элиович, О. Елисеева и др.

170 дивизий против нас на нашей западной границе. Но я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 году Гитлер на нас не нападет».

А далее идет еще одна бериевская «страшилка» следующего содержания: «Вместе с донесениями, предупреждающими (вот же грамотеи хреновы — ведь надо было писать “предупреждавшими”! — А.М.) о скором нападении Германии на СССР, в архиве хранится резолюция Берии: “В последнее время многие работники поддаются на наглые провокации и сеют панику. Секретных сотрудников... за систематическую дезинформацию стереть в лагерную пыль, как пособников международных провокаторов, желающих посорить нас с Германией...”»

И вот этой, давно уже ставшей омерзительной, «классикой» оголтелой, махрово лживой брехологии о разведке и Л.П. Берия вовсю потчуют детей?! И где? Со страниц детской энциклопедии?! Докатались! Мало того что даже солидные ученые мужи не брезгают этой гадкой мерзостью, хотя им уже раз по сто, в том числе и с использованием убойных аргументов, объясняли, что такого и в помине-то не было, так еще и юное поколение решили оболванить!

Тут уж волей-неволей пожалеешь, что нет Лаврентия Павловича Берия — за такое подлое оболванивание детей он точно стер бы этих мерзких тварей в лагерную пыль! И был бы абсолютно прав! А о том, почему он был абсолютно прав, — поговорим чуть ниже.

Так вот и спрашивается, зачем же это «оружие» было создано. Ответ на этот вопрос и дал Э. Кассирер — «такая потребность возникает только тогда, когда человек сталкивается с задачей, решение которой далеко превосходит его естественные возможности... В критических ситуациях человек всегда обращается к отчаянным средствам...».

Хотя и по-разному, но двигать полки, дивизии, корпуса, армии и фронты маршалы и генералы, конечно, могли — сомнений никаких нет. Особенно когда Верховным Главнокомандующим стал впоследствии подло преданный ими И.В. Сталин. Потому что именно при нем и именно под его командованием они стали теми, какими их знает народ, — ПОБЕДИТЕЛЯМИ.

Только вот сразу же возникают два вопроса: 1. Что за задача стояла перед ними, решение которой столь превосходило их естественные возможности, что породило такую потребность, как обращение к мифам?

2. Что за критическая ситуация возникла, что они были вынуждены обратиться к столь отчаянным средствам, как донельзя лживые мифы о разведке?

Понимаете ли, в чем все дело-то. Для того чтобы отбрехаться — именно отбрехаться, другого слова для данного случая не подберешь, — от ответственности за невиданную в истории России трагедию 22 июня, им не нужно было идти по тонкому и скользкому льду лжи и клеветы, в том числе в отношении разведки. Особенно после того, как не стало Сталина. Ведь вождь, которого они в абсолютном большинстве предали, своим исторически беспрецедентно высочайшим авторитетом прикрывал невиданный позор маршалитета и генералитета за трагедию 22 июня. Но особенно их защищали Величайший Подвиг Советского Народа и его доблестной Красной Армии, сама Блистательнейшая Победа в войне. Однако они отбросили эту уникальную защиту. Хуже того. Не найдя взамен ничего более умного — о честном уж и говорить-то не приходится, — прибегли к самому отчаянному средству. Стали усердно плодить мифы о войне. Особенно о том, кто и что были виновниками этой невероятной трагедии, в том числе и, увы, в упреждающем «разбор полетов» сугубо на военные темы режиме, о якобы неэффективности, а в отдельных случаях фактически даже и о неспособности разведки справиться со своими прямыми обязанностями, да еще и приплели сюда невесть откуда взявшуюся вину Сталина, который якобы не верил разведке.

Однако же наплодить-то мифы наплодили, к тому же бойкая на перо бесчисленная рать всевозможных толкователей-комментаторов их «мудрых изречений, воспоминаний и размышлений» и прочих извращенцев от Истории изрядно помогла, в том числе и растиражировать их в различных вариациях. Да вот получилось только, как в известной русской пословице — гладко было на бумаге, да забыли

про овраги. Проще говоря, забыли крутозвездные стратеги и их приближенные шелкоперы и т.п. деятели от Истории о самом простом. О том, что если собрать все мифы, в частности о разведке, воедино, то даже самый далекий от военных дел и тем более от разведки человек без особого труда обратит внимание на то, что ими всего лишь прикрывается то, что маршалы и генералы военной поры отчаянно хотели скрыть!

Но что они отчаянно хотели скрыть?! Ведь главное, что они могли хотеть скрыть касательно трагедии 22 июня, так это свою (исключительную) осведомленность о противнике и его замыслах, которую самоотверженной и уникально эффективной деятельностью им обеспечили советские разведывательные службы! Потому что обратное, то есть признание своей исключительной осведомленности о противнике при объективно сложившейся общеизвестности факта кровавой трагедии 22 июня, было для них хуже смертного приговора, хуже самого расстрела, хуже полного забвения их имен и даже хуже презрения народа! Не говоря уже о том, что, признав такую свою осведомленность, они лишились бы даже тени намека на возможность взвалить всю ответственность за трагедию на Сталина!

Самое любопытное в этом категорическом выводе заключается в том, что не менее категорично его подтвердил лично... Георгий Константинович Жуков. Давным-давно генерал-лейтенанту Н.Г. Павленко (когда он был главным редактором «Военно-исторического журнала»), которому надоело выслушивать очевидные в своей лживости мифологические байки Жукова о том, что он, видите ли, ничего не ведал и не знал о приготовлениях немцев к нападению на СССР, пришла в голову простенькая, но воистину блестящая идея. Обычно этим пользуются опытные следователи, видя, что подследственный наотрез отказывается признать очевидные факты своей вины. Они предъявляют ему неопровержимые, документально зафиксированные факты, свидетельствующие о его непосредственной вине. Генерал-лейтенант Н.Г. Павленко так и сделал, а реакцию Г.К. Жукова описал следующим образом: «Жуков уверял меня, что он ничего не знал о

“Плане Барбаросса” накануне войны, что он и в глаза не видел донесения разведки. На следующий день я приехал к Жукову и привез те самые сообщения разведки о плане войны с СССР, на которых стояли их — Тимошенко, Жукова, Берии и Абакумова подписи. Трудно передать его изумление. Он был просто шокирован»¹.

Вот своим непередаваемым шоком он и подтвердил вышеприведенный вывод. Но еще бы ему не быть шокированным — взяли-то, как говорится, с поличным! В этой связи небезынтересно было бы знать, а что произошло бы с тем же Жуковым, если еще при его жизни была бы возможность предъявить ему также и сообщения германской разведки, которые ныне хранятся в архивах Германии?! Ведь и по ним тоже прекрасно видно, что Жуков был хорошо осведомлен о плане гитлеровской агрессии. Чуть ниже мы вернемся к этим данным.

Да, к сожалению, реакции Жукова на это мы никогда не узнаем. Но это вовсе не означает, что мы лишены возможности, выражаясь языком маршала Ф.И. Голикова, «в полной степени рассказать» о том, насколько нагло врал Маршал Советского Союза, Четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков в отношении эффективности советской разведки. Да и другие маршалы и генералы не отставали от него.

Как видите, было что скрывать Маршалу Советского Союза Георгию Константиновичу Жукову. Не рассчитывал он, что секретнейшие документы разведки, на которых стоит его же подпись, свидетельствующая о том, что он ознакомился с ними еще тогда, до 22 июня 1941 г., все-таки выйдут из режима секретности. Что они будут рассекречены и даже предъявлены ему, так сказать, для опознания еще при его жизни. Тем более он не рассчитывал, что со временем наступит и эпоха гласности и уже сотни документов разведки будут рассекречены, а ветераны разведки получат возможность опубликовать свои мемуары.

Да разве только одному ему было что скрывать?! Разве только он один оказался бы в трудно передаваемом изумлении и шоке, будь предъявлены эти документы разведки другим ее хулителям из числа особо крутозвездных стратегов?!

Так что же конкретно они хотели скрыть?

¹ «Родина», 1990, № 6. С. 90.

Глава 2

**СОКРЫТИЮ ПОДЛЕЖАЛИ ДАННЫЕ РАЗВЕДКИ
О НЕМИНУЕМОЙ НЕИЗБЕЖНОСТИ ВОЙНЫ?!**

Поток времен свиреп, везде угроза.

Омар Хайям

ПРОСКРИПТУМ

Если принципиально, то по мнению творцов перечисленных выше мифов обязательно сокрытию подлежало то обстоятельство, что стратегические планы Запада и Германии, в том числе начиная с 30 января 1933 г., и планы непосредственно Гитлера (как особого ставленника Запада) и его командования по нападению на СССР были вскрыты советской разведкой не только своевременно, но и заблаговременно.

Проще говоря, необходимо было скрыть то, что неминуемая неизбежность войны, а с рубежа 30 января 1933 г. войны именно с Германией, не только ясно осознавалась высшим политическим и военным руководством СССР, в том числе и с помощью разведки, но и то, что разведкой особо тщательно отслеживалось нарастание угрозы войны. А если и того проще, то за счет сокрытия этого обстоятельства превратить высшее политическое и военное руководство СССР того времени если и не в круглых дураков, которые вообще ничего не ведали или якобы не желали знать, то, по крайней мере, в очень плохо осведомленных в вопросах мировой политики деятелей, что-де и привело к трагедии. Естественно, по вине разведки, которая-де ничего толком не добыла.

И вовсе не случайно, что неоднократные Герои Советского Союза Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский утверждали, что в Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще. Откровенно говоря, можно сразу же разоблачить это заявление с помощью... того же Г.К. Жукова. Он ведь оказался на редкость «памятливым», к тому же впадал в такие «размышления», что, как говорится, грех этим не воспользоваться. Судите сами.

В своих мемуарах он указал: «Мы, военные, не сделали всего, чтобы убедить Сталина в неизбежности войны с Германией в ближайшее время»¹. Не знаю, кто был литературным редактором его мемуаров, но «свинью» он подложил маршалу капитальную. Впрочем, Георгий Константинович и сам подставил себе подножку. Ведь сие «размышление» означает одно из двух. Или на самом деле не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще, что, если такое допустить, более чем удивительно, особенно если исходить из его же слов. Да и то если выразаться очень уж дипломатично. Либо они, высшие военные, твердо зная о неизбежности войны с Германией в ближайшее время, не сделали, как утверждал маршал, всего, чтобы убедить в этом Сталина. Третьего, как вы и сами понимаете, тут быть не может по определению. Но ведь тут же возникает неприятный вопрос. Почему не сделали всего, чтобы убедить Сталина в неизбежности войны с Германией в ближайшее время?! Ведь он же умел слушать и выслушивать мнения других, в том числе и резко отличающиеся от его личной точки зрения. И если ему приводили неоспоримые доказательства чего-либо, он, как правило, соглашался. Это отмечают даже отъявленные антисталинисты.

Ну а о том, что вообще-то Сталина не надо было убеждать в неизбежности войны с Германией — уж и говорить-то не приходится. Будущие маршалы Победы еще во взводных ходили, когда Иосиф Виссарионович уже твердо знал о том, что война, увы, неминуемо неизбежна в ближайшей исторической перспективе и делал все, чтобы мощным отпором встретить агрессора.

Но в таком случае как увязать приведенные выше заявления с другим, также собственноручным письменным заявлением Жукова, которое он сделал в секретном письме от 19 мая 1956 г. на имя главного врага СССР и России — пресловутого Н.С. Хрущева: «Неудачи первого периода войны Сталин объяснял тем, что фашистская Германия напала на Советский Союз внезапно. Это исторически неверно. Никакой внезапности нападения гитлеровских войск не

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 82.

было. О готовящемся нападении было известно, а внезапность была придумана Сталиным, чтобы оправдать свои просчеты в подготовке страны к обороне»¹. Более того. Далее он указал в этом же письме, что «Генеральный штаб систематически докладывал правительству о сосредоточении немецких войск вблизи наших границ, об их усиленной авиационной разведке на ряде участков нашей приграничной территории с проникновением ее в глубь нашей страны до 200 километров»².

Если Генеральному штабу РККА во главе с Жуковым было известно о готовящемся нападении, сосредоточении немецких войск у наших границ, а внезапности никакой не было, то зачем понадобилась упомянутая выше несусветная ложь?! Да и вообще, если все или почти все было известно, то, миль пардон, какого же... для высшего военного командования оказались столь внезапны масштабы сосредоточения немецких войск?! Увы, но «размышляющие воспоминания» Жукова действительно наводят на очень и очень серьезные, неліценприятные для маршала размышления...

Впрочем, не будем заикливаться на этом. Лучше рассмотрим утверждение маршалов о том, что-де они, высшие военные руководители, не знали, «будет ли это нападение вообще». Проще говоря, будет ли война вообще. Потому как отсюда, по их мнению, якобы и проистекает приведшая к трагедии внезапность, под которой в данном случае маршалы явно подразумевали стратегическую внезапность.

При самом элементарном анализе вырисовывается следующая картина. Трагедия 22 июня 1941 г. произошла вовсе не потому, что нападение нацистской Германии на Советский Союз в стратегическом, оперативном или тактическом планах оказалось внезапным. Это категорически неверно. Ибо даже в широком стратегическом плане оно не было внезапным. Потому как сама идея такой агрес-

---

¹ Из непронесенной речи маршала Г.К. Жукова, проект которой секретным письмом от 19 мая 1956 г. он направил первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. АП РФ (ранее — Особая папка Политбюро ЦК КПСС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4 — 30.

² Там же.

сии против уже СССР от момента ее зарождения в XX веке и на протяжении всего ее пути целенаправленной эволюции вплоть до трансформации в конкретный план «Вариант Барбаросса» была прослежена советской разведкой! Прослежена, начиная с 1922 г. и вплоть до 22 июня 1941 г.!

Вся суть сермяжной правды разведки в том, что стратегические планы Запада и Германии по нападению на Советский Союз, а, начиная с 30 января 1933 г., и планы агрессии против СССР непосредственно Гитлера, были вскрыты советской разведкой не просто более чем своевременно. Они исторически детально отслеживались на протяжении практически всего межвоенного периода!

Проще говоря, на протяжении длительного времени советская разведка (как сообщество разведывательных служб) с тем или иным успехом осуществляла детальное разведывательно-информационное освещение генезиса планов агрессии против СССР. В том числе и освещение генезиса планирования наиболее удобного для реализации таких планов времени нападения на СССР. До 30 января 1933 г. эти планы разрабатывались непосредственно Западом, в расчеты которого входило использование в качестве ударной силы вооруженных сил Веймарской Германии. С 30 января 1933 г. эту, грозившую тяжелейшим бременем исторической ответственности, обязанность Запад не без удовольствия скинул на сутулые плечи злонамеренно и именно в этих же агрессивных целях приведенного самим Западом к власти в Германии Гитлера.

Но как бы там ни было, советская разведка постоянно держала свою руку на пульсе этого опасного для Советского Союза процесса. Это был период уникальной деятельности разведки, достойный того, чтобы о нем сказать отдельно, потому как развитие глобального замысла Запада по уничтожению ставшей СССР России было прослежено советскими разведывательными службами в динамике — от четырех попыток учинить России Вторую мировую в сценарии «с колес Первой мировой» до планов Гоффмана, Розенберга и Гитлера включительно.

...Едва только завершилась еще до октября 1917 г. спланированная, а затем и интенсивно спровоцированная и развязанная Западом Гражданская война, сопровождавшаяся к тому же неоднократными

и также заранее спланированными иностранными интервенциями, фактически ставшими попытками развязывания против России очередной мировой войны в сценарии «с колес Первой». С колоссальным трудом, зачастую с немалыми, но далеко не всегда инспирированными непосредственно большевиками жестокостями и прочими перегибами, характерными для ситуации Гражданской войны вообще, но Республика Советов выстояла и победила, изгнав из страны как поганых иностранных интервентов, так и их ублюдочных местных пособников.

В апреле 1922 г. Советская Россия и Веймарская Германия подписали знаменитый Рапальский договор, положивший конец вражде периода Первой мировой войны, но здорово взбесивший весь Запад, особенно Англию. А в конце того же года было провозглашено создание Союза Советских Социалистических Республик. Проще говоря, было провозглашено возрождение хотя и территориально в слегка урезанном виде, но принципиально отстоявшей свою целостность и неделимость, буквально до острых колющих в живот и оскомины в скулах ненавистной Западу России. Что еще более его взбесило, особенно ту же Англию. И Запад, прежде всего Англия, этот проклятый **PERFIDIOUS ALBION—Коварный Альбион**, не замедлил отреагировать.

В самом конце декабря 1922 г. Англия предприняла первые шаги на пути к будущей войне. Начались первые предлокарнские политико-дипломатические «маневры» в виде очень осторожных шашней с донельзя униженной Версальским договором 1919 г. Веймарской Германией, а также все еще упивавшейся своей победой в Первой мировой войне Францией. Всего через три года все эти шашни и «маневры» привели к печально знаменитым Локарнским соглашениям 1925 г., ставшим, как это выяснилось впоследствии, прямым прототипом будущего Мюнхенского сговора Запада с Гитлером 1938 г. Смысл начавшихся тогда дипломатических «маневров», как впоследствии и самих Локарнских соглашений, а также Мюнхенского сговора, состоял в том, чтобы создать хотя бы видимость безопасности западных границ поверженной в Первой мировой войне и донельзя оскорбленной в Версале Германии, но оставить открытым вопрос

о ее восточных границах. Цель — со временем, сиречь в наиболее подходящий, по мнению Запада, момент, подтолкнуть Германию на очередную вооруженную экспансию на Восток.

И в том же 1922 г. в Германии появляется «план Гофмана», автором которого был тот самый германский генерал Макс Гофман, который еще в конце 1917 г. — начале 1918 г. вел в Брест-Литовске переговоры с советской делегацией. Генеральная идея этого плана состояла в том, что в целях уничтожения едва только родившегося Советского Союза, а на самом-то деле ради уничтожения возродившейся в новом обличье, но по-прежнему столь ненавистной Западу России прежде враждовавшие между собой государства Запада должны объединиться и напасть на СССР консолидированными силами!

Хорошенько побитый в Первой мировой войне, но так и не остывший от неумеренно агрессивного и тем более неуместного боевого пыла генерал назидательно вещал: «Ни одна из европейских держав не может уступить другой преимущественное влияние на будущую Россию. Таким образом, решение задачи возможно только путем объединения крупных европейских государств, особенно Франции, Англии и Германии. Эти объединенные державы должны путем совместной интервенции свергнуть Советскую власть и экономически восстановить Россию в интересах английских, французских и немецких экономических сил. При всем этом было бы ценно финансовое и экономическое участие Соединенных Штатов Америки»¹. Ради этого Гофман настойчиво предлагал создание объединенной армии, в которой Германия имела бы 600—700 тысяч солдат. То есть в 6—7 раз больше, чем было разрешено Германии условиями Версальского так называемого мирного договора 1919 г.

Парадоксально, но факт, что в исторически жесткой логической взаимосвязи появлению этого плана предшествовала в самом конце 1921 г. публикация в Мюнхене ныне малоизвестной брошюры «Путь к хозяйственному спасению» (Германии, естественно). «В ней говорилось, что выходом для преодоления экономических трудностей

¹ Цит. по: *Галин В.В.* Политэкономика войны. Заговор Европы. М., 2007. С. 106.

послевоенной Германии является экспансия против Советской страны. Автор брошюры утверждал, что **на востоке “открыта дорога для немецкого расширения, для немецкого могущества, для немецкой расчетливости”**. Автором брошюры был А. Гельфанд, писавший под псевдонимом **Парвус**. Тот самый Парвус, которого и поныне называют не иначе как **«купец русской революции»**. Это было своего рода экономическое обоснование необходимости вооруженной экспансии Германии на восток. Нечто вроде теоретического бизнес-плана будущего гитлеровского «дранг нах Остен». К слову сказать, впоследствии эта брошюра сыграла немалую роль одной из основных идейно-теоретических предтеч пресловутой «Майн кампф» Адольфа Гитлера.

«План Гофмана» был замечен, услышан и детально рассмотрен. И не только на Западе, но и в Москве, где его, естественно, не одобрили. Москва тут же перешла в контрнаступление, настойчиво предлагая детально обсудить идею всеобщего разоружения, прежде всего в Европе, и одновременно предприняла попытки наладить нормальные дипломатические и торговые отношения с Западом. Запад же недолго размышлял и в октябре 1925 г. ответил подписанием пресловутых Локарнских соглашений, суть которых сводилась к пакту о ненападении между Западом и Германией. То есть была гарантирована, да и то относительно, безопасность западных границ Германии, но оставлен открытым вопрос о ее восточных границах. Локарнские соглашения вообще стряпались откровенно против СССР. Хотя их «творцы» и называли его Россией.

Непосредственная предыстория Локарнских соглашений такова. Глава дипломатического ведомства главного «смотрящего» по организации «второй» (на самом же деле пятой) по счету в XX столетии и ориентированной против России Второй мировой войны — министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен еще 20 февраля 1925 г. под грифом «секретно» направил ряду западных коллег меморандум, имевший название **«Британская политика в отношении европейской ситуации»**. Именно с этого меморандума и началось непосредственное движение к пресловутым Локарнским соглашениям 1925 г., к этому **«Мюнхену-1»**, потому что именно тогда на свободу

был выпущен «дух войны», сиречь «дух» Второй мировой войны. Как и аналогичные по духу и смыслу договоренности накануне Первой мировой войны, еще в проекте Локарнские соглашения создавали видимость безопасности западных границ Германии — в тот момент буржуазно-демократической Веймарской республики, — но полностью оставляли нерешенным вопрос о ее восточных границах. Точно так же впоследствии будет проделано и во время «Мюнхена-2» образца 1938 г. Именно это обстоятельство и открывало дорогу войне Германии за пересмотр ее восточных границ, которые преднамеренно и злоумышленно были жестоко оскоплены еще Версальским «мирным» договором.

В части, касающейся России, в меморандуме говорилось: «Россия. Европа теперь разделена на три главных элемента, а именно: победители, побежденные и Россия. Русская проблема, которая остается острейшей постоянной опасностью, может быть поставлена только как проблема; невозможно предвидеть, какие последствия для будущей стабилизации Европы будет иметь развал России. Верно, с одной стороны, что чувство неуверенности, которое испытывает организация новой Западной Европы, в немалой степени вызвано исчезновением России как державы, ответственной перед концертом европейских государств.

С другой стороны, русская проблема является для настоящего момента скорее азиатской, чем европейской; завтра Россия может снова решительно фигурировать как фактор в балансе континентальных сил, но сегодня она, как грозная туча на восточном горизонте Европы — угрожающая, непонятная, но теперь еще и обособленная. Россия не является поэтому фактором стабильности; она предстает в действительности наиболее опасной из всех неожиданностей, неизвестностей и независимо от России, а может быть даже из-за России, должна создаваться «политика безопасности»¹.

Исторический комментарий. Документ был добыт агентурным путем в МИД Чехословакии. А затем умышленно был опубликован в прессе. В той части, которая помечена звездочкой, Лондон сказал почти правду — в то время его сильно беспокоила коминтерновско-

¹ Цит. по: Международная летопись, 1925, № 8—9. С. 78.

разведывательная возня Москвы в Китае, которой, сугубо по анти-британским соображениям, молча благосклонно покровительствовал даже Вашингтон, и, особенно, завершавшиеся тайные советско-японские зонданжные контакты по нормализации отношений между двумя государствами.

Обратите также внимание на выражение **«русская проблема является для настоящего момента скорее азиатской, чем европейской»**. Через 16 лет после этого пассажа именно с этих позиций и будет осуществлен сговор между Великобританией и Третьим рейхом, который по поручению Гитлера осуществил наци № 2 Рудольф Гесс. Именно эта формула легла в основу так называемых **дружественных заверений Черчилля**. Именно ими пресловутый британский бульдог через Гесса заверил главного коричневого шакала, что тот может приступить к безнаказанному однофронтовому разбою на востоке¹. То есть против СССР, так как Второй фронт не будет открыт до 1944 г., о чем Черчиллю хватило ума 4 сентября 1941 г. проболтаться советскому послу в Великобритании И.М. Майскому! И ведь так оно и произошло!

Ознакомившись с этим «дипломатическим рукоделием» — Локкарнскими соглашениями, — Сталин определил основное содержание этого «творения» западной дипломатии следующим образом: «...**“дух войны” является основным содержанием “духа Локарно”**»².

Короче говоря, именно из-за России и должна была создаваться новая **«политика безопасности»**, что в переводе с английского дипломатического языка на нормальный человеческий язык означает — **«дух войны» должен быть выпущен именно же против России!** Но чем же СССР мог тогда угрожать тому же Западу, в том числе и Великобритании, если у него и армии-то в тот момент нормальной не было, не говоря уже об ином?! К моменту написания этого пассажа она была сокращена в **10 раз** и составляла всего **500 с лишним тыс. человек**. Не говоря уже об официальном отказе от курса на «мировую революцию», который достаточно внятно озвучил Сталин, едва

¹ Нюрнбергский процесс. М., 1961. Т. VII. С. 112—113.

² Сталин И. Соч. Т. 10. С. 281.

только забальзамированный труп «вождя мирового пролетариата» втащили во временный деревянный мавзолей.

А только тем, что революция пошла не запланированным Западом путем! Рассчитывали уничтожить Россию как уникальный геополитический феномен, в том числе и путем массивного расчленения в ходе «революции» и Гражданской войны, а получили СССР! А ведь на Западе, как отмечалось выше, давно было известно о том, что «никакая социальная революция не изменит отношения России к ее великим географическим границам»!¹ Что, собственно говоря, и произошло. И в конечном-то итоге ничего, кроме одномоментного финансово-экономического грабежа и частичного (но далеко не смертельного) территориального урезания России не получилось! Получилось совсем иное, что многие десятилетия спустя патриарх «изящного русофобства» американской дипломатии, Генри Киссинджер, назовет следующим образом: **«Невзирая на революционную риторику, в конце концов, преобладающей целью советской внешней политики стал вырисовываться национальный интерес...»**² Как и полагается западнику, этот свой вывод Киссинджер завершил традиционным антисоветским выпадом: **«...поднятый до уровня социалистической прописной истины».** Но куда важней им же осуществленная констатация того факта, что уже в начале 20-х гг. **«советская политика сделала окончательный шаг в сторону возврата к более традиционной политике в отношении Запада»**³. Тут он ни на йоту не ошибся. Как, впрочем, и в предыдущем случае. Более того. Фактически повторил вывод британской разведки и дипломатии еще 1926 г., о котором тогда же стало известно и Москве. Из добытых тогда советской разведкой документов британского МИД (**Foreign Office 37/11779 № 319 27 Jan. и № 560/53/38 27 11 Feb. 1926**) со всей определенностью явствовало следующее. Лондон взбесило то обстоятельство, что Сталин и его соратники уже в то время стали переходить к политике, как внешней,

¹ Этот вывод принадлежит самому почитаемому на Западе гуру англосаксонской геополитики Дж. Х. Маккиндеру.

² Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1996. С. 232.

³ Там же. С. 233.

так и внутренней, с использованием «национальных инструментов». Проще говоря, Лондон взбесило то, что Сталин и его соратники, отказавшись от разрушительной для самой России идеи «мировой революции», взяли курс на строительство нового национального Русского государства в форме строительства социализма в отдельно взятой стране. Проще говоря, целенаправленно инспирированная и экспортированная против России революция в самые кратчайшие сроки была не только национализирована, но и в значительной степени русифицирована! Естественно, Западу было из-за чего взбеситься! И все дело заключалось в том, что Запад прекрасно понимал, что И.В. Сталин выражал ментальность основной массы населения Советского Союза, он знал все сильные и слабые стороны советского народа и осуществлял на практике его устремления. Бывший итальянский посол в СССР Пьетро Куарони впоследствии прямо указывал в своих «Записках посла»: «Я склоняюсь к мысли, что старые стены Кремля должны были всегда чувствовать, что Сталин как государь всея Руси более соответствовал ее (Руси) настоящей традиции, чем какой-нибудь Николай II. Глупо спорить, был ли Сталин великой исторической личностью...»¹ Полагаю, что причина бешенства Запада в отношении Сталина ясна.

*Историческая справка. В сущности же произошло следующее. В поданной в конце сентября 1917 г. в ЦК РСДРП(б) записке Ленин обосновал необходимость устройства «октябрьского переворота» в 1917 г. потребностью «спасения революции и для спасения от “сепаратного” раздела России империалистами обеих коалиций»?!*² *То был потрясающий политико-геополитический кульбит «вождя». Потому как он предложил спасение именно от того, из-за чего, собственно говоря, тевтоны совместно с Антантой и забросили его в Россию! Ведь и тем, и другим нужен был распад и расчленение России ради прекращения войны и ослабления России на будущее, а впоследствии и полная ее ликвидация как геополитического фак-*

¹ Мемуары П. Куарони были изданы в 1955 г. в Париже на французском языке. В данном случае они процитированы по: *Поликарпов В.С.* Сталин — великий планировщик советской цивилизации. Ростов-на-Дону, 2007. С. 142.

² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 245—246.

тора планетарного масштаба. Именно в этом смысле Ильич со своим архи-р-р-р-революционным задором, воплями «о праве наций на самоопределение» и привезенной из-за бугра шайкой «подонков больших городов Европы и Америки» представлялся Западу едва ли не идеальным на тот момент инструментом для реализации своих планов. А к скрывавшемуся за этим внешне красивым и притягательным лозунгом национальному сепаратизму Ленин и К^о относились не столько даже равнодушно, сколько как к явлению, находящемуся в прямой связи с его революционным движением, чуть ли не как к неотъемлемой его составной части. Между тем они не могли не видеть того, что это был не национальный, а сугубо националистический сепаратизм. То есть к тому, что способствовало тотальному разрушению Русского государства — к не скрывавшемуся националистическому сепаратизму — Ленин и К^о относились благожелательно, поскольку это позволяло достаточно быстро уничтожить ненавистную им старую Россию.

Если с принципиальных геополитических позиций посмотреть на то, что же тогда сделал признававший националистический сепаратизм как явление, находящееся в непосредственной связи с революционным движением, Ленин своим «обоснованием» необходимости «октябрьского переворота», то убедимся, что перед нами потрясающий, уникальный парадокс. Сам того явно не подозревая, таким «обоснованием» необходимости свершения «октябрьского переворота» Ленин привел в действие ту часть Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, на логике которой и базируется Русская государственность как таковая вне какой-либо зависимости от господствующего на российской территории режима!¹

После этого любая попытка вновь декларировать «право наций на самоопределение» автоматически была обречена на провал. Как, впрочем, и любая попытка сепаратного расчленения России. Потому как они в корне противоречили бы самим основам русской государственности, веками создававшейся именно же по соображениям **БЕЗОПАСНОСТИ**. А вследствие этого националистический сепаратизм

¹ Автор о нем писал практически во всех своих 22 книгах. Поэтому здесь этот закон полностью не описывается.

окраин, а также «самостийность» ряда сугубо русских регионов, представляя в первую очередь колоссальную угрозу существованию самой России, угрожали национальному бытию и самим этим окраинам и регионам, которые были бы раздавлены империалистами обеих коалиций. **То есть, сам того явно не желая и вопреки всей своей разрушительной политике, Ильич внезапно и даже неожиданно для самого себя произвел мощнейшую геополитическую прививку всей России от инфекции своих же разрушительных планов!** Потому-то яростное сопротивление всей России иностранным интервенциям, направлявшимся в поддержку Белому движению, приобрело естественный для нее патриотический характер, даже невзирая на все идеологические выверты того времени. И, кстати сказать, именно из-за этого-то громадное количество офицеров и генералов царской армии перешло на сторону революции, не разделяя, естественно, каких бы то ни было «измов», тем более большевистских.

Но это была не единственная геополитическая прививка. Сворванный Лениным по тактическим соображениям эсеровский лозунг **«Земля — крестьянам»** был выдвинут им уже как стратегический. А в сочетании с указанным выше «обоснованием» необходимости осуществления «октябрьского переворота» — **«спасением России от сепаратного ее раздела империалистами обеих коалиций»** — он также мгновенно превратился в очередную мощную геополитическую прививку всей России от инфекции любых его разрушительных планов! Ведь лозунг «земля — крестьянам» был произнесен как программный стратегический в крестьянской (более чем на 90 %!) стране, уже не один год воевавшей малопонятно из-за чего и за что. Более того, в стране, армия которой в абсолютном своем большинстве была крестьянской и состояла из крестьян, как малоземельных, так и вовсе безземельных, и которая в массовом порядке тогда дезертировала, потому что уже давно шел стихийный процесс самозахвата земель. **Проще говоря, солдат-крестьянин ринулся домой за землей. Лозунг же «Земля — крестьянам» в мгновение ока превратил стремглав дезертирующего домой за землей безземельного и малоземельного солдата-крестьянина в крестьянина-солдата, обладающего землей!**

Все! После этого революция постепенно, поначалу даже и не очень-то заметно, но стала отдавать исконно русским, мужицким, сермяжным духом! Это ведь только в арифметике от перемены мест слагаемых сумма не изменяется. В геополитике же — напротив, самым диаметральной образом все изменится. Ведь что произошло в реальности?! Руководствуясь всего лишь тактическими соображениями первого этапа «переворота», Ленин неосознанно и за очень короткое время уже во второй раз привел в действие основной механизм второй части Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики, на логике которой и базируется русская государственность. Он действительно не предвидел конечного результата — его задача на первом этапе так называемой октябрьской революции в том и состояла, чтобы выполнить обещания, данные тевтонам, то есть прежде всего вывести Россию из войны, пускай даже и самым позорным образом. Вот почему первыми и оказались — дуэтом! — декреты о мире и земле.

Но если сам Ильич и не понял, что он сделал, то надо отдать должное тем, кто его засылал, — они-то все правильно поняли. После таких «прививок», что сделал Ленин, абсолютный крах всех планов по уничтожению и тем более расчленению России был фатально неизбежен! Потому что после того, как едва ли не в мгновение ока были произведены две мощные геополитические прививки от любых разрушительных планов, сколько ни бубни «о праве наций на самоопределение», но любые попытки сепаратного расчленения России были автоматически обречены на провал! Потому как на чью сторону встанет внезапно обретший землю крестьянин-солдат, даже и не русский по национальности?! Да еще и в ситуации иностранной интервенции и активности Белого движения, стремившегося вернуть прежние, до крайности опостылевшие крестьянскому по составу населению порядки?! И к гадалке не ходи — ответ очевиден. Потому как воздействие этих случайных, несознательно и уже тем более нецеленаправленно в интересах народа осуществленных «прививок» прошло через души и сердца десятков миллионов людей крестьянской страны и в итоге превратилось в неодолимую народную силу. Даже невзирая ни на какие, в том числе и кровавые, выверты того времени.

После таких прививок победить народ невозможно. Тем более было невозможно навязать, особенно в абсолюте, волю к геополитическому разрушению, в том числе и саморазрушению. И иного не могло быть по определению.

Белое движение, к слову сказать, поскользнулось именно на вопросе о земле и, конечно же, на сотрудничестве с Антантой, откровенно не желавшей восстановления единой и неделимой России. Дело, кстати говоря, еще и в том, что после таких прививок на политическом и геополитическом уровнях в действие автоматически вступил давно описанный теми же К. Марксом и Ф. Энгельсом закон монополии, который в перефразированном в геополитическом плане виде звучит так: «вместе с возможностью удерживать товар как меновую стоимость или меновую стоимость как товар, пробуждается знаменитое **LIBIDO DOMINANDI**», то есть «**СТРАСТЬ К ВЛАСТВОВАНИЮ**». Ведь в порядке спасения от сепаратного раздела России империалистами обеих коалиций руками обретшего землю крестьянина-солдата была установлена политическая «**монополия заселения**» большевиков (как общего в тот момент названия движения) со всеми автоматически же вытекающими отсюда последствиями для их же политической «**монополии пути сообщения**». А это в соответствии с логикой **Высшего Закона Высшей Мировой Геополитики и Политики** неминуемо вело к страсти к властвованию в форме восстановления национального суверенитета, независимости и территориальной целостности России. Проще говоря, к восстановлению столь ненавистной Западу единой и неделимой России! Что в итоге и было сделано, хотя бы и в лице СССР! Если еще проще, то произошла фактически полная национализация революции!

Политологический комментарий. С этой точки зрения имел место фантастически уникальный, феноменальный процесс, о котором следует сказать чуть подробнее:

1. Задача Ленина и его шайки (за вычетом группы Сталина) действительно была совсем в ином — раздолбать Россию до основания и сдать ее, как он сам же говаривал, «в экономическую утилизацию» Западу.

Справка. Мало кому известно, что во время встречи со специальным представителем президента США Вильсона Уильямом Буллитом (впоследствии первый посол США в СССР) В.И. Ленин в беседе с ним открыто заявил, что-де возглавляемая им Советская Россия готова отказаться от контроля над 16 принадлежавшими царской империи территориями! И это, между прочим, согласно мемуарам У. Буллита, которые, к слову сказать, принципиально не расходятся с тем, что было опубликовано еще при Сталине. По сути дела, «вождь» подтвердил преемственность своих действий еще от февральских временщиков-предателей, именно при которых и был инициирован процесс децентрализации и расчленения России через так называемое «право наций на самоопределение»! Далее «гениальный вождь» разъяснил У. Буллиту, что он имеет в виду следующие территории:

— *Польши*, что было полностью бессмысленно, так как де-факто Польша и так ушла из состава России и уже в тот период времени существовала практически как государство, да и сам «вождь» тому не мешал — в том была суть залога лояльности окружавших его многочисленных поляков;

— *Финляндии*, что тем более было бессмысленно, так как независимость Финляндии была провозглашена еще 31 декабря 1917 г., причем Ленин и К^о тому не мешали. Правда, затем от всей своей «горячей финской души» Финляндия самым «сердечным образом поблагодарила» Россию... интервенциями (одни только «карельские авантюры» 1920—1922 гг. чего стоят!) и насильственным отторжением жирных кусков русской территории¹ (в точном соответствии с Планом Лабушера²);

— *Румынии*, что вообще было форменной глупостью, допущенной, скорее всего, самим У. Буллитом, так как речь могла идти только о Бессарабии, которую под шумок оттяпала Румыния, а сама Румыния, как известно, никогда не входила в состав Российской империи; Буллита можно «понять» именно в том смысле, который не устает про-

---

¹ Так что зимой 1939—1940 гг. Сталин всего лишь возвращал сворованное, и «горячим финским парням» нечего теперь клацать зубами на Россию! Нечего было тогда хамить!

² Речь идет о плане перманентной мировой войны в тандеме с перманентными же социальными потрясениями, о котором автор писал во все своих 22 книгах.

пагандировать наш знаменитый юморист-сатирик Михаил Задорнов: как американцу, Буллиту что Румыния, что Бессарабия — один хрен; — *Прибалтики (всей)*, где Антанта открыто меняла германские войска на свои.

Исторический комментарий-справка. Антанта побаивалась открыто воровать российские территории. «Вождь» тоже сильно опасался непосредственно своим именем «освящать» воровство российских территорий, тем более письменно. Посмей он это сделать, то и часу бы не прошло, как его разорвали бы на части. Принципиально, но устно согласиться на такое, да еще во время конфиденциальных переговоров, — это одно, а письменно санкционировать это воровство совсем иное дело. Именно эту-то проблему Буллит и обсуждал с ним, о чем прямо не пишет даже в своих мемуарах. Тем не менее, указав, что «вождь» согласился на фактическое признание всех де-факто существующих на территории России правительств, Буллит фактически показал, что в первую-то очередь его интересовало признание Лениным Колчака. Ведь именно на Колчака, как на двойного англо-американского агента, к тому же с 31 декабря 1917 г. официально находившегося на службе у английского короля Георга V, на которую он сам же и напросился еще в конце октября 1917 г., прекрасно понимая, что станет наемником (Колчак сам себя называл кондотьером, то есть наемником), в конечном итоге и была сделана ставка Антанты. От имени союзного командования его действиями руководили непосредственно британский генерал Нокс и легендарный британский геополитик, авторитетнейший британский военный разведчик-интеллектуал, член Комитета 300 — Дж. Хэлфорд Маккиндер. Так вот, Буллит и Ленин, судя по всему, договорились о следующем. Ленин дает свое согласие на то, чтобы ряд российских территорий был бы сворован Антантой, но при одном условии — что письменное оформление этой грязной сделки осуществит лично Колчак. Ради этого Ленин согласился притормозить сопротивление Колчаку в Сибири, чтобы тот успел сделать то, что ему собиралась поручить Антанта. Уже 26 мая 1919 г. Верховный Совет Антанты направил Колчаку ноту, в которой, сообщая о разрыве отношений с советским пра-

вительством (как видите, Антанта сохраняла свои отношения с Лениным до указанного времени; разрыв же был оговорен с Лениным), выразил готовность признать его за верховного правителя России?! Однако при этом было выдвинуто жесткий ультиматум — Колчак должен был письменно согласиться на: 1. Отделение от России Польши и Финляндии, о бессмысленности чего говорилось выше. Здесь главное заключалось в стремлении Великобритании и США обставить все так, что эти страны получили независимость только благодаря усилиям англосаксонского Запада. 2. Передачу вопроса об отделении Латвии, Эстонии и Литвы (а также Кавказа и Закаспийской области) от России на рассмотрение арбитража Лиги Наций в случае, если между Колчаком и марионеточными правительствами этих территорий не будет достигнуто необходимого Западу соответствующего соглашения. Попутно Колчаку предъявили ультиматум и о том, чтобы он признал за Версальской «мирной» конференцией право решать судьбу также и Бессарабии. 12 июня 1919 г. Колчак дал необходимый Антанте письменный ответ, который она сочла удовлетворительным. В результате какой-то адмиралешко одним махом перечеркнул все завоевания многих поколений, не один век собиравших Великую Державу. В высшей степени иезуитский ход Запада! Руками предателя, к тому, еще раз обращаю на это внимание, двойного англо-американского агента, официально находившегося на службе английского короля, предателя именно в адмиральских погонах, к тому же нерусского по происхождению — ведь Колчак был «крымчаком», крымским татаринном — лишить Россию выхода в Балтийское море, за право иметь который Россия Петра Великого свыше 20 лет вела Северную войну со Швецией! Все труды Петра Великого, его предшественников и преемников были начисто перечеркнуты, включая и знаменитый Ништадтский мирный договор от 30 августа 1721 г., коим было навечно узаконено право России на свободный выход в Балтийское море! Когда же он выполнил возложенные на него задачи и громадные по площади территории Российского государства де-юре были отторгнуты, руками французского представителя Антанты

при Колчаке, генерала Жанена (англосаксы и тут остались верны себе — подставили представителя Франции) и при содействии белочехов марионеточный адмирал был сдан большевикам. Ну а те его и расстреляли как собаку! Никто не имеет права разбазаривать территории государства, собиравшиеся не один век, тем более официальный агент британского короля! Но вместе с Колчаком должен был стоять и Ленин — тогда расстрел был бы еще более справедлив;

- **половины Украины;**
- **Западной Белоруссии;**
- **всего Кавказа;**
- **всего Крыма;**
- **всего Урала;**
- **всей Сибири;**
- **Мурманской губернии, включая и сам порт!**

То есть «гениальный вождь» на полном серьезе предлагал превратить великую Россию в карликовое сухопутное государство, полностью лишенное каких бы то ни было выходов в моря и океаны! Так и указывал в своих мемуарах Буллит, сообщая, что «Ленин предлагал ограничить коммунистическое правление Москвой и небольшой прилегавшей к ней территорией, плюс город, известный теперь как Ленинград»! «Россия слишком велика... ее надо свести к Среднерусской возвышенности...» — планировали тогда англосаксы. И «вождь» туда же...

Хуже того — «вождь» предлагал США также и Камчатку, так сказать, «для экономической утилизации»!¹ В результате получилось, что он лично «воскресил» условия даже им крайне резко раскритикованного и дважды расторгнутого позорного Брест-Литовского договора! Более того, «вождь» пошел слишком уж далеко. Ибо речь пошла уже и об Урале, Сибири и Камчатке, чего даже приведшие

¹ Продав Западу с потрохами сахалинскую нефть и прочие ресурсы того региона, в том числе и Камчатки, современные российские либералы показали себя всего лишь гнусными, но «последовательными наследниками» предателя России Ленина. Выполнили-таки намерения своего сумасшедшего предшественника. Какого же труда стоило В.В. Путину вернуть эти ресурсы России?!

его к власти тевтоны не требовали. Если, например, сравнить это с тогдашними планами Великобритании, то без труда увидим едва ли не полное совпадение: **«В интересах Британии, чтобы Россия была как можно меньше. Любые её части, которые захотят от нее отделиться, должны быть поддержаны в этом — Кавказ, Украина, донские казаки, Финляндия, Туркестан и, прежде всего Сибирь, страна будущего, продолжение Американского Дикого Запада... Когда их независимость будет признана, будет легче принимать меры, чтобы “гарантировать” эту “независимость”»¹. То же самое планировали и США.**

Фактически «гениальный вождь» выразил готовность вернуться в геополитический ареал бытия периода возникновения самой Москвы, если не того ранее! Проще говоря, откровенно выразил готовность похерить практически 1000 — Тысячу лет! — Истории России!!! И при этом еще и умудрился назвать У. Буллита своим другом, а намерения американских властей грабить Россию — «добрыми»?² Обалдевший от таких предложений «вождя русской революции» У. Буллит назвал Ильича в своих мемуарах «гениальным человеком с большим юмором и ясностью мысли» и с не меньшим юмором и особенно «ясностью мысли» добавил: «Подумать только, если бы я имел такого отца, как он»?! Буллиту весьма повезло, что у него не было такого отца — политического «сифилитика»! Но ему «повезло» и в другом. Он стал непосредственным свидетелем события всемирно исторического значения: «гениальный вождь» с «большим юмором и ясностью мысли» не менее «гениально» изложил план фантастически «гениального» предательства

¹ Тардые А. Мир. М., 1941. С. 80; Архив полковника Хауза. Т. III. М., 1939. С. 272.

² АВПРФ. Ф. 04/4. Оп. 3. Ч. 4. Д. 121. Л. 11. По вопросу о визите У. Буллита в Россию и содержании его переговоров с Лениным см.: Freud S., Bullit W.C. Thomas Woodrow Wilson. A Psychological Study/ Boston, 1967; Farnsworth B., William C. Bullit and the Soviet Union. Indiana University Press. 1967. Brownell W., R.N. Billings. So Close to the Greatness. A Biography of William C. Bullit. N.Y., 1987. Orvill H. Bullit. Personal and Secret Correspondence between F.D. Roosevelt and W.C. Bullit/ Boston, 1972. Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Вудро Вильсон и Россия. 2002. Эткин А. Эрос невозможного. 1994. Лямин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно. 1919—1925. М., 1947. Штейн Б.Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920). М., 1949.

России — предательства, которого она не ведала за тысячу лет своего существования!¹

Материалы конфиденциальных архивов президента США В. Вильсона и Ф. Керра свидетельствуют также, что не менее «гениально» Ленин предавал не только Тысячелетнюю Историю России, но и без меры проливавшуюся тогда кровь рабочих и крестьян, отстаивавших, пускай и под советскими знаменами, но ведь Россию же! В них хранится озаглавленный «Текст проекта мирных предложений союзных и присоединившихся к ним правительств» отчетный доклад У. Буллита. Так вот, с прямой ссылкой на то, что эти предложения были одобрены лично Лениным, Буллит указывал, что «вождь» был готов сесть за стол переговоров со всеми признанными де-факто на территории России правительствами?! «Вождь» согласился даже с тем, что эти правительства должны оставаться у власти и не быть свергнутыми?! А за что тогда в безмерных количествах проливали кровь рабочие и крестьяне?! Хуже того. Чуть ли не априори де-юре «вождь» признал факт наличия государств, сепаратным образом образовавшихся на территории зверски насилуемой Российской империи?! Сравните с указанными выше планами Великобритании и США. Сравнили? То-то... Еще хуже того. Признал все долги царской России перед странами Антанты?! А ведь ему хорошо было известно о масштабах осуществлявшегося как им и его «гвардейцами», так и их покровителями из Антанты грабежа. Более того, у него под рукой были все данные из секретного архива Особой канцелярии по кредитной части министерства финансов Российской империи! Оперировав только этими данными, можно было так далеко послать всю западную сволочь, что она и к XXI веку-то не возвратилась бы! А он — долги признавать, несуществующие к тому же!²

¹ Вновь с таким же предательством она столкнулась уже в 1991 г. А ведь как слащаво зазывал всех нас «Назад, к Ленину!» печально известный, Богом и Россией проклятый Михаил-«меченый»?! «Назад, к Ленину!» означало расчленение СССР, России! «Перестройщики» знали, о чем талдычили...

² И «наследники» Ильича — всякого рода «ельциноиды» — туда же. Признали-таки, окаянные супостаты, эти несуществующие долги и, в очередной раз ограбив народы России, отправили свыше 400 млн долларов в погашение якобы оставшейся задолженности.

2. Тем не менее, по большей части минуя волю самого вождя, а также несмотря ни на какие идеологические выверты того времени и невзирая ни на какие зверства, творившиеся в те времена в процессе начавшейся еще в октябре 1917 г. ожесточенно смертельной схватки между тремя абсолютно взаимоисключающими друг друга политическими решениями — **революция для России, революция против России и Россия для революции** — через насильственные развал, а затем и похороны останков царской России, через навязанные извне иностранные интервенции и Гражданскую войну была возрождена единая и неделимая Россия, в которой место осталось только **революции для России**. Остальные же обязаны были сгинуть с исторической сцены. Они и сгинули...

P. S.

К слову сказать, то же самое произошло и на наших глазах. Метко переименованная народом в катастрофику перестройка нобелевского комбайнера Михаила-меченого окончилась не только жуткой геополитической катастрофой — уничтожением СССР. Не менее трагической явилась и сдача России со всеми ее национальными богатствами в «экономическую утилизацию» Западу и их ублюдочным пособникам местного разлива. Чему откровенно способствовала откровенно бандитская либерализация экономики страны, проведенная по западным же лекалам уже отправившимися к праотцам Ельциным и Гайдаром и, увы, еще живыми некоторыми их подельниками, прежде всего Чубайсом. Одновременно набирал мощную центробежную силу националистический и местечковый сепаратизм, грозивший окончательно уничтожить Россию.

Но в том-то и особенность геополитического бытия России, как говорится, от сотворения мира, что никакая социальная революция, тем более сотворенная по западным лекалам, не может и никогда не сможет изменить отношения России как к ее великим географическим границам, так и к самой основе ее Бытия! Геополитический дух мощно протрубил необходимость срочной национализации и этой, навязанной Западом, «социальной революции». И — о постоянство русофобии Западу! — тут же начались массивные обвинения России в отходе от демократии, от принципов рыночной экономи-

ки, в нарушении «прав человека», игнорировании давно протухших и сгнивших «общечеловеческих ценностей» и др., и пр.! Запад же, едри его в корень!..

* * *

В тексте меморандума О. Чемберлена не был использован даже термин **«большевизм»**. Будущий лауреат Нобелевской премии мира за разжигание первых искр Второй мировой войны, министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен, чья подпись «украшала» этот меморандум, оперировал даже не географическим по смыслу понятием Россия, а сугубо геополитическим, особенно же когда говорил о том, что это проблема не европейская, а азиатская — налицо были сугубо геополитические соображения **Великобритании**.

Выводы меморандума Остин Чемберлен завершал предложением о необходимости создания **«новой Антанты между Британской империей и Францией»**, а также о том, что в своем расширенном составе — в лице Англии, Франции и Бельгии — **«сердечное согласие»** (Антанта и означает «сердечное согласие») могло бы подразумевать и подключение к нему Германии. Еще в секретном письме от 2 марта 1925 г. на имя французского правительства О. Чемберлен прямо отметил необходимость включения Германии в англо-французскую группировку, ясно указав, что проектируемое соглашение предусматривает направление планируемой агрессии Германии против СССР. За подобные потуги по организации новой мировой войны против России, пускай и называвшейся тогда СССР, и по итогам Локарнской конференции Остину Чемберлену и его подельникам — министру иностранных дел Франции Бриану (в отношении А. Бриана в СССР даже сложили злое подобие крылатого выражения: **«У Бриана всегда пушки торчат из кармана»**) и министру иностранных дел Германии Штреземану — в самом конце 1925 г. присудили Нобелевскую премию мира?! Нобелевскую премию мира за разжигание первых искр очередной мировой войны?!

Комментарий. В день окончания работы Локарнской конференции О. Чемберлен заявил, что-де «Локарно осветит сердца и умы людей»?¹ Не знаю, как насчет сердец и умов, к тому же — чьих, но то, что именно с Локарно началось «освещение» Европы, а затем и всего мира заревом мирового пожара очередная всемирная бойня — это абсолютно точно!

Перефразируя известные слова Пушкина, можно сказать и так — ай да Запад, ай да сукин сын!.. В Кремле, естественно, не только слова Пушкина перефразировали, но и приняли необходимые решения. Прежде всего, в 1926 г. было принято постановление «Об активной разведке».

В ответ, после недолгих переговоров, 24 апреля 1926 г. СССР заключил с Германией двухсторонний договор о нейтралитете и ненападении. А до этого, в 1924—1925 гг., были нормализованы межгосударственные и дипломатические отношения с Францией, Италией и, что особенно важно, с Китаем и Японией. Слегка озверев от очередного дипломатического успеха Кремля, Запад тут же предпринял усилия по «шлифовке “плана Гофмана”».

Строго говоря, «шлифовка» началась сразу после подписания Локарнских соглашений. Уже в декабре 1925 г. в парижском ресторане «Ля рюс» за «рюмкой чая» собралась свора отпетых международных негодяев, поставивших себе целью вновь устроить России (СССР) очередную «кровавую баню» из войны и «революции». В этом «сходняке» приняли участие: глава знаменитого в те времена нефтяного концерна «Ройял Датч Шелл» сэр Генри Вильгельм Август Детердинг; владельцы крупных пакетов акций кавказских нефтепромыслов братья Нобели — Эмануэль, Людвиг и Роберт; германский генерал Макс Гофман; двойной — англо-германский — агент Георг Эмиль Белл (выполнял деликатные разведывательные поручения сэра Детердинга и британской разведки, а заодно и фашистского политического объединения «Флаг Рейха») и другие.

Рядом со столь хотя бы внешне уважаемыми лицами на весьма почетных за столом местах сидела и откровенно уголовная падаль.

¹ Daily Herald, 19.10.1925.

Главарь национально-демократической партии грузинского эмигрантского отребья в Европе Спиридон Кедиа и закоренелые уголовники с громадным стажем преступной деятельности (еще в царской России были приговорены соответственно к смертной казни и 12 годам строгого тюремного заключения за фальшивомонетничество, но, к сожалению, сбежавшие с этапа и поселившиеся во Франции), якобы «серьезно пострадавшие от советской власти» (когда от большевиков «пострадать»-то успели, если сбежали еще из царской России?!) Шалва Карумидзе и Василий Садатирашвили. «Папашка» последнего был крупным землевладельцем, который и впрямь лишился своей земли, — очевидно, потому-то и сыночек «серьезно пострадал от советской власти».

С «пламенной» речью к собравшимся подонкам обратился давно свихнувшийся на «идею, что ничто в мире не сможет совершиться, пока силы Запада не объединятся и не повесят советское правительство», генерал Макс Гофман, повторивший основной замысел своего, еще в 1922 г. выдвинутого плана: «Объединенные державы, Франция, Англия и Германия, должны своей совместной военной интервенцией свергнуть советское правительство и восстановить экономически Россию в интересах английских, французских и германских экономических сил. Ценным было бы участие, прежде всего экономическое и финансовое, Соединенных Штатов Америки. При этом были бы обеспечены и гарантированы особые экономические интересы Соединенных Штатов в русской экономической области». Затем аналогичной по смыслу речью разразился старший Нобель, суть которой была в следующем: использование германской армии для освобождения Грузии из-под «советского гнета»?! Ну, а сэр Детердинг далее объяснил всем, на кой хрен нужно «освободить от советского гнета» какую-то Грузию, которую он и на карте-то так и не смог отыскать, — оказывается, ему не нравился «наглый захват Советами» главных нефтяных месторождений в Закавказье и на Кавказе?!

В итоге собравшийся там международный сброд постановил, что необходимо создать специальный комитет по освобождению Грузии и разработать план по «освобождению Грузии от советского гнета».

Основная идея этого плана состояла в захвате прилегающей к горам Кавказа территории, с плацдарма которой далее «очистить от Советов» уже весь СССР?! То есть «освобождение» Грузии от советского «гнета» задумывалось ими всего лишь как прелюдия к захвату необходимого плацдарма для последующей широко-масштабной военной интервенции против СССР! Проще говоря, для широкомасштабной войны против СССР!

Комментарий. Примерно так же в августе 2008 г. психически невменяемая макака, теперь уже бывший главарь проамериканского режима Грузии по заказу «вашингтонского обкома» пытался спровоцировать столкновение между Россией и Западом, развязав агрессию против Южной Осетии.

В феврале 1926 г. «комитетчики по освобождению томящейся под советским гнетом Грузии» в расширенном составе собрались на берлинской квартире М. Гофмана. На этот раз негодяев набралось уже 30 штук, включая и некоторых представителей парламентской сволочи Германии. Появились в этой банде и связанные с нацистами лица. Отставной капитан третьего ранга и уже матерый бандит-убийца Герман Эрхард — непосредственный организатор убийства подписавшего Рапальский договор от имени Германии министра иностранных дел Вальтера Ратенау. Некто д-р Ойген Вебер — подставная фигура, через которую финансировалось связанное с нацистами Движение зарубежных немцев. Оба являлись единомышленниками М. Гофмана. С лихвой обмыв очередную встречу шнапсом, собравшиеся решили продолжать свои усилия по освобождению «несчастной» Грузии.

Следующая встреча этих неугомонных тварей произошла уже в мае в Гааге и под руководством самого Детердинга. Тогда же было провозглашено, что-де «с большевизмом в России будет покончено еще до конца этого года (т.е. 1926 г. — А.М.); после этого Россия будет пользоваться доверием во всем мире. Для каждого, кто будет готов к сотрудничеству, она откроет свои границы. Деньги, кредиты и, что еще важнее, заказы рекой потекут в Россию». Метод решения все тот же — широкомас-

штабная военная интервенция при одновременной ставке на внутреннюю оппозицию.

А уже в июне 1926 г., по данным советской разведки, в Лондоне состоялась секретная, формально англо-германская, а в действительности весьма представительная международная конференция. Ее задача состояла в организации вооруженного нападения на СССР объединенными силами Запада. Прежде всего, Великобритании, Франции и Германии в целях уничтожения, расчленения и возобновления грабежа теперь уже национальных богатств СССР. В работе конференции приняли участие следующие персонажи. От Великобритании — заместитель министра иностранных дел по разведке Майлз Локкер-Лэмпсон и нефтяной «король» Генри Детердинг, от Германии — ярый «западник» и отъявленный русофоб, ставленник наиболее реакционных кругов военной и экономической элит Веймарской Германии генерал Макс Гофман, германские политики прозападной ориентации — фон Клейст и фон Курсель. Кроме того, присутствовали также и некоторые влиятельные мерзавцы из Болгарии, Польши, Румынии, Чехословакии и даже Турции и Ирана, а также лимитрофная падаль в лице прибалтийских «баронов». Присутствовал даже какой-то не то действительно потомок Наполеона, не то очередной шелудивый самозванец — Георг фон Лейхтенберг. Этот и вовсе разразился посланием на имя конференции, в котором утверждал, что-де «будущий военный поход на Россию (СССР) имеет наиважнейшее значение для политического и экономического роста стран Западной Европы»?! Пример незадачливого «прародителя» этому, естественно, не прок и даже не урок!

Конференция утвердила также и англо-германское соглашение. Его суть сводилась не только к призыву о всяческом, как политическом, так и финансовом, содействии вторжению германской армии на Украину и Кавказ с тем, чтобы эти территории попали бы под «свободный» гнет Англии и Германии, но и к планированию целого ряда соответствующих подрывных мероприятий. Согласно протоколу конференции, вся эта сволочь гуртом выразила большое желание принять участие в сборе средств

для финансирования крупномасштабного военного нападения на Россию (СССР).

Справка. Детердинг до того разошелся, что расцедрился, правда, на словах, аж на целый миллиард марок для этих целей. Однако потом, судя по всему, передумал, так как ему, одному из крупнейших воротил мирового бизнеса того времени, очевидно, больше понравилась сравнительно дешевая затея грузинских уголовников напечатать фальшивые советские деньги (тогда еще в обороте находились обеспеченные золотом червонцы). «К несчастью» для всей этой падали, сэр Детердинг страдал словесным «энурезом». Он во всеуслышание ляпнул, что-де Россия «в данный момент стоит на пороге инфляции». В СССР это его заявление заметили. Расследовав все с помощью заграничной агентуры, ОГПУ вскоре подкинуло соответствующие достоверные материалы германской полиции, которая повязала всю эту шайку международных подонков именно на фальшивомонетничестве. Устроив затем вселенский скандал, совместными усилиями чекистов и дипломатов заставили германское буржуазное правосудие усадить мерзавцев на скамью подсудимых, а затем и за решетку.

В Москве прекрасно поняли причину созыва этой конференции. Ведь за два месяца до нее — 24 апреля 1926 г. — был подписан договор о нейтралитете и ненападении между СССР и Германией. Этот договор едва ли не до белого каления взбесил тогда и официальный Лондон, и всех германских «западников», выразителем настроений крайних «ультра» среди которых и был генерал М. Гофман. Ставший звонкой ответной пощечиной Кремля Западу за подписание Локарнских соглашений 1925 г., договор явился результатом совместных усилий Москвы и наиболее трезво и прагматично мыслящей части политической, экономической и, особенно, военной элиты Германии того периода, прежде всего генерала Г. фон Секта.

Комментарий. В то же время не следует взирать на генерала фон Секта и стоявшую за ним часть германских военных кругов как на неких апологетов советско-германского сотрудничества. Этого не было и в помине. Это были еще те архаровцы. Г. фон Сект был типичным немецким потомственным военным. Принадлежал к тому

наиболее влиятельному узкому кругу высшего офицерского состава, чье кредо было сконцентрировано в девизе: **«Честью прусского офицера было быть корректным, а честь немецкого офицера должна заключаться в том, чтобы быть коварным»**. По отношению к России, хотя бы и Советской он действительно был коварен. Вот образчики его отношения к России:

а) из меморандума Секта от 4 февраля 1920 г.: **«Только в сильном союзе с Великороссией у Германии есть перспектива вновь обрести положение великой державы... Англия и Франция боятся союза обеих континентальных держав и пытаются предотвратить его всеми средствами, а мы должны стремиться к нему всеми силами... Наша политика как по отношению к царской России, так и по отношению к государству во главе с Колчаком и Деникиным была бы неизменной. Теперь придется мириться с Советской Россией — иного выхода у нас нет»**;

б) Из письма Секта от 31 января 1920 г.: **«Если же большевизм не откажется от мировой революции, то им следует дать отпор на наших собственных границах... Мы готовы, в собственных интересах, которые в данном случае совпадают с интересами Антанты, создать вал против большевизма»¹**.

Как видите, уже тогда генерал решил «уесть» треклятые Англию и Францию «сильным союзом» с Россией, хотя бы и Советской. Однако не менее очевидно, что то же самое он попытался бы сделать и с Россией Колчака, и с Россией Деникина, и даже с царской, сохранись она. Проще говоря, ему нужен был не «сильный союз» с Россией вне зависимости от правящего в ней режима, а очень сильный аргумент для геополитического шантажа унизившего Германию Запада. Потому что Сект никогда не скрывал, что этот союз ему нужен всего лишь для **«подрыва основ Версальского мирного договора»²**.

Но при всем этом стратегическое отношение к России, хотя бы и Советской, у него, как и у всех группировавшихся вокруг него

¹ Цит. по: Горлов С.А. Совершенно секретно: Москва—Берлин. 1920—1933. Военно-политические отношения между СССР и Германией. М., 1999. С. 36, 37—38.

² *Seekt Von. Deutschland zwischen Ost und West. Hamburg. 1932, S. 328.*

германских генералов и офицеров, было таким, как оно было изложено в приводившейся выше оценке Красной Армии по состоянию на 1922 г.

Свои решения участники конференции зафиксировали на бумаге, что, естественно, стало известно советской разведке. Имевший название «Государства Европы и большевизм» первый пункт итогового протокола упомянутой выше конференции завершался весьма кратко — **«Большевизм должен быть уничтожен»**. Второй пункт — **«Интересы Европы на Ближнем Востоке»** — завершался выводом о том, что в ограничении панславизма (а это-то тут при чем?!) и в освоении экономических областей заинтересованы Англия и Германия. На Кавказе, как одной из территорий, которые надлежит освободить от большевистского ига, Германия и Англия должны будут сообща заняться экономическим освоением и преградить путь большевистской экспансии, направленной на Турцию, Персию и Индию. Участие Германии в освободительной деятельности подразумевало следующее: а) военно-техническое руководство; б) людские ресурсы (солдаты и инструкторы); в) технические ресурсы — производство военных материалов и снаряжения (фиктивные заказы от других государств, частичное изготовление в практически участвующих других странах); г) характер деятельности в официальной Германии — упоминание договора о нейтралитете (только тактически); д) участие в экономическом восстановительном строительстве освобожденных стран, в том числе и на договорной основе; е) использование зарубежных немцев (в СССР в то время существовала даже Республика немцев Поволжья. — А.М.); ж) активизация русских мусульман. **Вот как готовились напасть еще тогда!**

Комментарий. С целью разоблачения плана агрессии Запада против СССР подробные данные об этой конференции и принятых на ней решениях при содействии советской разведки были опубликованы 4 февраля 1930 г. немецкой газетой «Фоссише цайтунг». Кстати говоря, этот план «выплыл» и в наше время — в частности, чеченский сепаратизм был спровоцирован в точном соответствии с ним.

Особое внимание обратите на то, сколь же последовательны были западные мерзавцы, заточивая свои ножи против славян — аж при-

плели сюда и необходимость ограничения панславизма! Уж не у К. Маркса и Ф. Энгельса научились этому?!

Историческая справка. «Классики» научно обоснованного бандитизма в мировом масштабе в итоге договорились до того, что-де «там, где речь идет о существовании, о свободном развитии всех ресурсов больших наций, там сентиментальная заботливость о некотором количестве... славян не играет никакой роли!»! Хуже того. Они утверждали, что русским (как, впрочем, и сербам) «обеспечены ненависть всей Европы и кровавая революционная война всего Запада против них»¹.

И как вы думаете, зачем они утверждали подобное?! А вот зачем. Ф. Энгельс в свое время весьма вразумительно для такого многовекового агрессора, как Запад, не только объяснил, но и обосновал, почему необходимо уничтожить Россию: «Славяне... оттесненные к востоку немцами, покоренные частично немцами, турками и венграми, незаметно объединяя после 1815 г. отдельные свои ветви... впервые заявляют теперь о своем единстве и тем самым объявляют смертельную войну романо-кельтским и германским народам, которые до сих пор господствовали в Европе. Панславизм — это не только движение за национальную независимость; это движение, которое стремится свести на нет то, что было создано историей за тысячелетие; движение, которое не может достигнуть своей цели, не стерев с карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии, а добившись этого результата, не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы... Он ставит Европу перед альтернативой: либо покорение ее славянам, либо разрушение навсегда центра его наступательной силы — России»².

Едва только конференция завершилась, пресловутый У. Черчилль выступил с развернутой программой еще и экономической интервенции против СССР, которая явилась бы прелюдией к военной интервенции. Он даже выдвинул план финансового удушения Советского Союза путем организации международного антисоветского экономи-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т. 6. М., 1957. С. 289—306.

² Энгельс Ф. Германия и Панславизм. Соч. Т. 11. С. 202—209.

ческого фронта! А в целом правящая элита Великобритании практически уже склонилась к тому, чтобы любыми способами развязать новую войну против России, пускай и называвшейся тогда СССР. И это было действительно так. Как уже указывалось ранее, **24 января 1927 г.** министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен представил британскому правительству секретный меморандум, в заключительной части которого прямо так и говорилось: **«Поскольку разрыв дипломатических отношений не ослабил бы существенно позиции Советского правительства, нельзя предполагать, что это повело бы к изменению советской политики. Что же должно последовать дальше? Куда направить наш удар? Нам больше ничего не остается делать, как внезапно объявить войну»!**¹

Угроза нападения на СССР консолидированными силами Запада действительно стала резко нарастать со второй половины 20-х гг. А планы Запада по организации вооруженного нападения на Советский Союз действительно базировались на идее коалиции вооруженных сил ряда государств, в основе которой лежал замысел генерала М. Гофмана. Уже в 1927 г. произошло резкое обострение обстановки, из-за чего этот год вошел в историю как **«год военной тревоги»**.

Не стали исключением и 30-е гг., причем как догитлеровский их период, так и тем более после его привода к власти. Архивы как внешнеполитической, так и военной разведок СССР-России буквально ломятся от таких данных, в том числе и документальных. Угроза вооруженного нападения на СССР, прежде всего консолидированными силами Запада, в том числе и при участии Японии, уже в самом конце 20-х — начале 30-х гг. была нешуточная. Вооруженный конфликт на КВЖД, спровоцированный в 1929 г. не столько китайцами, сколько Японией и Великобританией при тихой поддержке Германии. Ему наследовало сильное обострение международной обстановки в начале 30-х гг., что и было зафиксировано советской разведкой. Ссылаясь на свои источники в Париже, Берлине, Варшаве, внешняя разведка докладывала руководству страны в начале 1931 г., что французское правительство готово предоставить Германии заем в 2—3 миллиардов золотых франков с тем, чтобы оказать на нее давление в вопросах

¹ Public Record Office, Cab, 24/184. P. 1.

советско-германских отношений и пересмотре условий Рапалльского договора. Пересмотр условий означал бы готовность Германии выступить с оружием в руках против СССР¹.

Комментарий. Чтобы Германии было легче пойти на такой пересмотр отношений с СССР и учитывая, что будущая война должна была стать «войной моторов», американская «Стандарт ойл» еще в 1929 г. передала германскому монополисту в области химии и нефтехимии — концерну «ИГ Фарбениндустри» — уникальную технологию производства синтетического бензина. По расчетам заокеанских «благодетелей» это должно было обеспечить в будущем топливную независимость Германии от поставок нефти из СССР, которые в те времена и вплоть до поджога рейхстага нацистами практически монопольно доминировали на внутреннем германском рынке топлива.

Проще говоря, под выражением «пересмотр условий Рапалльского договора» подразумевалось его одностороннее расторжение Германией! К слову сказать, вляпавшись по собственной же дурости во Вторую мировую войну, Великобритания, в силу своей традиционно подлой политики, тут же пустилась во все тяжкие, сиречь тайные сепаратные переговоры с Гитлером, предлагая ему мир в обмен на непосредственное одностороннее расторжение советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г. А чуть позже, когда уже стало невозможно, с аналогичным предложением Лондон полез и к Кремлю, с тем же предложением — расторгнуть советско-германский договор о ненападении в обмен на признание факта вхождения в СССР прибалтийских республик, Западной Украины, Западной Белоруссии, Бессарабии. Ну что тут скажешь — Великобритания, не приведи Господь и не к ночи будь она помянута...

Особенно интересны стратегические решения по реализации «плана Гофмана». В догитлеровский период они исходили в основном от Англии. Еще 17 августа 1925 г. агент советской военной разведки в Германии Дипломат (он же Вольдемар фон Петров, он же Владимир Федорович Петров, бывший царский офицер, сотрудник японского посольства в Берлине) сообщал о том, что

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 2. С. 179.

«...поиск Великобританией базы в Польше и то, что британский империализм усиливает таковую в странах Балтики, является основанием, на котором он и намерен вести самую решительную борьбу против Москвы. В поисках союзника Англия привлечет и Германию к своей русской политике, взамен чего Германия будет компенсирована изменением существующего статус-кво на восточных границах рейха... А сама английская политика в отношении СССР является политикой подготовки будущего столкновения, но время такового определяется общим политическим положением Великобритании»¹.

Стало окончательно ясно, что речь идет о подготовке Англией вооруженного нападения на Советский Союз при активном использовании в этих целях Германии. Такова и была в действительности суть Локарнских соглашений — за то и дали их творцам Нобелевскую премию мира! Ну, как не дать премию таким негодяям — ведь так «бедолаги» старались разжечь первые искры Второй мировой во «втором» ее сценарии?!

Впоследствии данные Дипломата были конкретизированы в ходе следствия по делу небезызвестной «Промпартии». В 1930 г. это нашло отражение в одной из записок Сталина на имя главы правительства СССР Молотова: «Вячеслав! 1. Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР. Я думаю, что пока они не создадут этот блок, они воевать с СССР не станут, — стало быть, как только обеспечат блок, — начнут воевать (повод найдут). Чтобы обеспечить наш отпор и полякорумынам, и балтийцам, надо создать себе условия, необходимые для развертывания (в случае войны) не менее 150—160 пехотных дивизий, т.е. дивизий на 40—50 (по крайней мере) больше, чем при нынешней нашей установке. Это значит, что нынешний мирный состав нашей армии с 640 тысяч придется довести до 700 тысяч. Без этой “реформы” нет возможности гарантировать (в случае блока поляков с балтийцами) оборону Ленинграда и Правобережной Украины. Это не подлежит, по-моему, никакому сомнению.

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 98. Л. 73—76.

И, наоборот, при этой “реформе” мы наверняка обеспечиваем победоносную оборону СССР...» (обратите внимание на то, что Сталин писал об обороне)¹. По данным советской военной разведки, в случае консолидации под британской эгидой вооруженные силы Финляндии, стран Прибалтики, Польши и Румынии уже тогда могли выставить против СССР как минимум **115—120 дивизий**. С учетом же Германии и Японии — **до 150—160 дивизий**. Естественно, что только этими мерами подготовка к войне против СССР не ограничивалась.

В архивах отечественной разведки есть, например, такое агентурное донесение: **«Турецкий генштаб в Анкаре получил из Германии, Польши и Англии сведения, что война СССР с Польшей произойдет в начале 1930 г. Польша через шведское посольство в Берлине обращалась к немцам с просьбой в момент войны пропустить через территорию Германии все то, что потребует Польша из Франции в момент войны, включая войска... Немцы категорически отказали... Англичане предлагают туркам в момент войны или быть нейтральными, открыв свободный проход в Дарданеллы английскому флоту, или принять участие в войне против СССР»**². А по другим данным, тогдашний начальник польского генштаба, бригадный генерал Януш Гонсиоровский заявлял, что существует соглашение Польши с японцами — в случае, если японцы вторгнутся в СССР, поляки ударят с запада. Одновременно Гонсиоровский вел переговоры с английским и французским штабами по вопросу о координации действий против СССР³.

В середине 1931 г. советская разведка докладывала о тяжелом экономическом положении Германии и о готовности канцлера Брюнинга прибыть в Париж и принять помощь на предлагаемых Францией условиях. Как уже указывалось выше, речь шла об использовании возникших у Германии финансово-экономических трудностей для принуждении ее не только к отказу от Рапалло. Главная цель состояла в принуждении ее к отказу от пролонгации советско-герман-

¹ Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925—1936 гг. М., 1995. Цит. по: *Мухин Ю.* Убийство Сталина и Берия. М., 2002. С. 465.

² *Дамаскин И.А.* Сталин и разведка. М., 2004. С. 160—161.

³ Там же.

ского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г., 5-летний срок которого как раз и истек весной 1931 г. На повестке дня по-прежнему оставался и вопрос о создании объединенной панъевропейской армии по франко-германскому плану Фоша—Рехберга, ударная роль в которой отводилась именно рейхсверу. Все это было предусмотрено еще «планом Гофмана».

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней — от своих западных хозяев не отставала и белая эмиграция, намертво связанная с ведущими центрами силы и спецслужбами Запада. Она часто выбалтывала самые сокровенные планы Запада.

Видный в царской России промышленник В. Рябушинский опубликовал 7 июля 1930 г. в эмигрантской газете «Возрождение» статью, в которой призвал все западные страны напасть на Советский Союз, обещая западному капиталу огромные прибыли от эксплуатации захваченных природных богатств СССР. Рябушинский обосновывал необходимость нападения на Советский Союз... **моралью — поскольку война поможет покончить с мировым кризисом, «аморально», видите ли, отказываться далее от вооруженной интервенции против СССР?!¹** Разумеется, что немедленно выступило и руководство военной эмиграции. Глава РОВС генерал Миллер уже в начале января 1931 г. сообщил, что он может немедля поставить **сто тысяч** обученных солдат и офицеров в качестве белогвардейского контингента интервенционистской армии². Эмигрантская пресса без устали вопила о необходимости и неизбежности срочной интервенции Запада против СССР, настаивая на огромной роли, которая должна была быть отведена эмигрантским войскам. Лидеры эмиграции призывали Запад принять участие в войне против СССР. Так, в номере от 7 февраля 1931 г. журнала «*La Russie et le monde slave*» В. Мерезковский писал, что-де **«новая война вот-вот должна вспыхнуть и весь мир должен принять в ней участие»³**.

¹ Черняк Е.Б. Жандармы истории. Контрреволюционные интервенции и заговоры. М., 1969. С. 381.

² «Sunday Referee», Jan. 4, 1931. W.T. Goode, Is Intervention in Russia a Myth? An Excursion into Recent Political History. London, 1931. P. 115—116.

³ Черняк Е.Б. Жандармы истории. Контрреволюционные интервенции и заговоры. М., 1969. С. 382.

То есть по-прежнему пребывая в диком озверении от проигрыша, белая эмиграция не только откровенно призывала к развязыванию мировой войны против своей же Родины — России, хотя бы и Советской. Она прекрасно знала, что готовится крупномасштабная война против России, подчеркиваю, хотя бы и Советской. И делала все от нее зависящее, чтобы война не только состоялась, но и была бы ускорена. А что погибнут миллионы соотечественников, прежде всего русских, — так и черт с ними, с миллионами-то, рассуждала белая эмиграция!

Попытки организовать вооруженное нападение на СССР консолидированными силами ряда европейских шакалов продолжались вплоть до конца догитлеровского периода. Последний догитлеровский план вооруженного нападения на СССР консолидированными силами Запада с участием Германии тоже базировался на «плане Гофмана»¹. Советская разведка умыкнула его в буквальном смысле со стола предпоследнего догитлеровского рейхсканцлера Германии фон Папена. Было очевидно, что вопрос о нападении решался уже на самом высшем уровне, что действительно могло привести к принятию решения о нападении! То же самое творилось и в период правления последнего догитлеровского канцлера — Курта фон Шлейхера. Этот тоже «засветился» на антисоветской стезе. Причем настолько, что даже главари национал-социалистской партии Германии оценили это. Геринг, в частности, опубликовал за пределами Германии статью, в которой утверждал, что «в правительстве есть только один человек, доказавший, что он располагает качествами, которые необходимы для высокого поста. Этот человек — генерал Шлейхер»². Короче говоря, такие планы разрабатывались вплоть до умышленного привода Гитлера к власти в Германии.

Данные разведки четко совпадали и с информацией контрразведки. Выше об этом уже частично говорилось. Кроме того, следует также указать, что еще в 1930 г., во время допросов одного из главных обвиняемых по делу Промпартии, Рамзина, было установлено, что

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 4.

² Цит. по: *Гинцберг Л.И.* Тень фашистской свастики. Как Гитлер пришел к власти. М., 1967. С. 148.

первоначально интервенция намечалась как раз на 1930 г. Однако вследствие того, что Великобритании не удавалось сбить в послушное стадо всех европейских шакалов, желавших напасть на СССР, ибо каждый из них выдвигал свои условия участия в этом бандитизме, а также вследствие захлестнувшей Запад Великой депрессии, сроки интервенции были перенесены. Сначала на 1931 г., а затем и на 1932 г.

Комментарий. Это же обстоятельство было и одной из основных причин злоумышленного приведения Гитлера к власти. Лондону просто надоело утрясать склоки в этой стае европейских шакалов, и он пришел к выводу, что с одним шакалом ему будет легче управляться. Но, увы, для Лондона естественно, шакал — он и есть шакал, и никакой дрессировке не поддается. Тем более коричневый шакал.

По указанию Сталина советская разведка и дипломатия чрезвычайно активно противодействовали всем этим попыткам, нанося точечные, но очень мощные удары по наиболее уязвимым звеньям. Немалую роль в этом сыграл и Коминтерн, который к концу 20-х — началу 30-х гг. уже плотно контролировался Сталиным и Молотовым. Советское руководство (в том числе и военное) заблаговременно знало об угрозах и совершенно правильно оценивало международную ситуацию. Так, 29 января 1927 г. задачи разведслужб СССР уже формулировались, отталкиваясь от следующего основополагающего тезиса: **«Для оттяжки войны нашего Союза с капиталистическим миром и улучшения нашего военно-политического положения...»**¹ Обратите внимание на дату такой формулировки. Ведь с момента подписания Локарнских соглашений прошло чуть более года. А угроза войны уже остро вырисовывалась. Ровно через три года, 30 января 1930 г., Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о новых приоритетных задачах разведки, пункт № 1 которого гласил: **«1. Раскрытие интервенционистских планов, разрабатываемых в правительственных кругах великих держав Европы — Великобритании, Франции, Германии, сопредельных стран, — вероятных противников СССР (Польши и Румынии,**

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 128. Л. 26.

а на Дальнем Востоке — Японии)»¹. Как видите, угроза нападения настолько возросла, что Политбюро прямо поставило задачу раскрытия конкретных интервенционистских планов великих держав Европы. Более того. Высшее руководство СССР ясно видело как состав коалиции будущих агрессоров, так и наиболее вероятный вариант плана агрессии — двухфронтовой, то есть одновременное нападение и с запада, и с востока.

Запад в свою очередь с 1926 г. и до конца января 1933 г. последовательно осуществлял целую серию мероприятий по максимальной нейтрализации «просоветской» ориентации Германии.

Историческая справка. Слово «просоветской» не случайно поставлено в кавычках. Никакой просоветской ориентации у Германии не было и в помине. Был голый, цинично расчетливый прагматизм (как, впрочем, и с советской стороны тоже). Его суть вполне объективно изложил первый посол Веймарской Германии в СССР Ульрих Карл Христиан фон Брокдорф-Ранцау. В одном из перехваченных советской разведкой секретных писем от 8 июля 1926 г. на имя президента Германии фельдмаршала Гинденбурга Брокдорф-Ранцау прямо указывал, что так называемые «хорошие отношения Германии с СССР изначально были браком по принуждению, а о браке по любви не может быть и речи». В связи с этим всякие чрезмерные надежды, связываемые с германо-советскими отношениями, он откровенно считал «ошибочными и опасными». Более того, в этом же письме он указал, что «отношения с СССР должны были из тактических соображений до известной степени основываться на блефе, т.е. полезно создавать впечатление большей близости с Россией, чем есть на самом деле»².

Прежде всего, Запад втащил Германию в Лигу Наций. Полностью снял с нее военный контроль, предусмотренный Версальским договором. Привлек ее к участию в пресловутом пакте Келлога—Бриана

¹ Позняков В.В. Советская разведка в Америке. М., 2005. С. 58 (подпараграф «Реорганизация ИНО и РУ в 1930—1935 гг.»).

² Ахтамзян А.А. Рапальская политика: советско-германские дипломатические отношения в 1922—1932 годах. М., 1974. С. 206—207.

(своего рода глобальное подобие Локарнских соглашений, но абсолютно бессмысленное ввиду отсутствия механизмов его исполнения).

В соответствии с принятым «планом Юнга», Запад резко ослабил бремя репарационных платежей для Германии. Одновременно попытался втянуть Германию в организацию нового антисоветского похода на восток. В ответ весной 1931 г. СССР добился пролонгации договора от 1926 г. еще на пять лет, что и было зафиксировано в парафированном обеими сторонами 24 июня 1931 г. протоколе о пролонгации срока действия договора. В ответ Запад предпринял отчаянные усилия, чтобы не допустить ратификации протокола о пролонгации (он был ратифицирован только 5 мая 1933 г., то есть уже после привода Гитлера к власти, которому тоже было не с руки сразу же идти на обострение отношений с Советским Союзом). СССР в ответ избрал тактику подписания двухсторонних договоров о ненападении со всеми странами, граничащими с ним, дабы перекрыть любые лазейки для организации агрессии против себя с запада, и добился очень значительных успехов на этом направлении. Проще говоря, такая тактика позволяла добиться главной стратегической цели, суть которой в следующем. **Создать практически никак не пробиваемый «бронезилет» безопасности Советского Союза. Особенно на северо-западном, западном и юго-западном направлениях.**

Короче говоря, в догитлеровский период Запад (прежде всего Англия) так и не смог реализовать свою мечту — организовать вооруженное нападение на СССР консолидированными силами различных европейских шакалов, которых пыталась объединить под своей эгидой Великобритания. Произошло это по нескольким причинам, среди которых особо выделяются следующие три. **Во-первых**, сколотить послушное стадо агрессоров из слишком уж разномастных европейских шакалов на так называемой «демократической» основе Англии не удавалось. Шакалы — они и есть шакалы. Хоть в природе, хоть в политике. Ни дрессировке, ни тем более демократии не поддаются. Не говоря уже о том, что каждый из них выдвигал свои требования, которые кардинально противоречили требованиям других шакалов. И урегулировать, а тем более привести их требования к единому, но необходимому Великобритании знаменателю было не только теоре-

тически невозможно, но и практически нереально. К слову сказать, Сталин прекрасно это знал по донесениям разведки и потому более чем адекватно реагировал. Так, еще в политическом отчете ЦК на XV съезде ВКП(б), проходившем 2—19 декабря 1927 г., он говорил: **«Попытки Англии создать единый фронт против СССР пока еще не удались. Причины этой неудачи: противоречия интересов в лагере империалистов, заинтересованность некоторых стран в экономических связях с СССР, мирная политика СССР, противодействие рабочего класса Европы, боязнь империалистов развязать революцию у себя дома в случае войны с СССР. Но это еще не значит, что Англия бросит свою работу по организации единого фронта против СССР, что ей не удастся организовать такой фронт. Угроза войны остается в силе, несмотря на временные неудачи Англии»**¹.

Во-вторых, существовала серьезная угроза того, что якобы просоветски настроенная часть германского генералитета не пойдет на агрессию из чисто прагматических соображений. В те годы рейхсвер был решающей политической силой Германии — как говорил в 1930 г. военный министр Германии Вильгельм Гренер, **«в политической жизни Германии не должен быть сдвинут ни один камень, без того, чтобы рейхсвер не сказал бы своего решающего слова»**². Следовательно, прежде чем устроить нападение на СССР, необходимо было переформатировать стандарты поведения и мышления рейхсвера, но особенно же самого германского генералитета. А это было возможно только в одном случае — в случае приведения к власти на пост рейхсканцлера нового, но предельно агрессивно настроенного лидера, которому и агрессивным идеям которого генералитет и весь рейхсвер были бы обязаны по конституции присягнуть. Что, кстати говоря, и произошло в 1934 г. после устроенной Гитлером по требованию, в том числе и рейхсвера, «ночи длинных ножей».

И, наконец, **в-третьих**, потому, что Сталин постоянно предпринимал интенсивные меры для укрепления внешней безопасности государства, в том числе и прежде всего дипломатические. В тот пе-

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 288—289.

² Цит. по: Fischer R. *Schleicher. Mythos und Wirklichkeit*. Hamburg, 1932. S. 38.

риод иных средств у него просто не было. С их помощью он искусно ковал **мощный «бронезилет» безопасности СССР** в виде всевозможных договоров о нейтралитете и ненападении с государствами как по периметру, особенно, западных границ, а также с основными европейскими игроками. К началу 1933 г. «частокол» этих договоров был настолько мощным — к тому же он опирался на аналогичные договора между самими приграничными с СССР государствами и основными европейскими игроками, — что преодолеть его физически было невозможно. На Западе, в том числе и в Германии, это прекрасно понимали. Так, за две недели до привода Гитлера к власти, советская военная разведка агентурным путем добыла запись беседы между командующим рейхсвером генералом Гаммерштейном и венгерским посланником в Берлине Кания, состоявшейся еще 11 декабря 1932 г. В документе, в частности, говорилось:

«Кания: Россия добилась все-таки чрезвычайных успехов своими пактами о ненападении, и ее дипломатические позиции очень укрепились.

Гаммерштейн: Следует, конечно, отличать дипломатическую мощь от мощи действительной. Все же, по моему мнению, Россия неприступна»¹.

И без того постоянно усиливавшийся подобными мерами «бронезилет» безопасности СССР советское руководство подкрепляло также и действиями по линии Коминтерна. Еще в середине 20-х гг., в принципе отказавшись от курса на «мировую революцию», советское руководство тем не менее до поры до времени систематически демонстрировало жупел этой угрозы, образно говоря, размахивая над головой Запада дамочным мечом, дабы удержать его от искушения напасть-таки на СССР. Эта задача была предельно конкретизирована значительно ранее: **«Создание единого фронта рабочих передовых стран и трудовых масс колоний для того, чтобы предотвратить опасность войны, или, когда война наступит, превратить империалистическую войну в войну гражданскую, разгромить фашизм, свергнуть капитализм, установить Советскую власть, освободить**

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 497. Л. 2—5.

колонии от рабства, организовать всемирную защиту первой в мире Советской республики»¹.

Обычно эти слова Сталина преднамеренно интерпретируются как сталинское «цзэ» насчет подготовки ко Второй мировой войне ради последующего устроения мировой революции. Однако в действительности такая интерпретация не более чем откровенная глупость, не говоря уже о том, что просто ложь. Потому что главное в его высказывании «предотвратить опасность войны» и «организовать всемирную защиту первой в мире Советской республики». В тот период времени у СССР просто не было достаточных сил для защиты самого себя с опорой только на собственные ресурсы и силы. Ни нормальной армии, ни военно-промышленного комплекса, способного обеспечить вооруженные силы соответствующим оружием и боевой техникой, ни эффективной экономики у СССР не было. Потому Сталин нарочито и размахивал жупелом революционной угрозы, дабы, вновь подчеркиваю это обстоятельство, удержать Запад от искуса напасть на СССР. Зато когда СССР экономически слегка окреп, а его вооруженные силы стали походить на регулярную армию, то те же западные дипломаты в Москве не без удивления обратили пристальное внимание на то, что Кремлю, мягко говоря, откровенно наплевать на Коминтерн и мировую революцию!

Естественно, что в такой ситуации надеяться на вооруженное нападение на СССР хоть одной Германии, хоть консолидированными силами, но при ударной роли все той же Германии было бессмысленно. Необходим был совершенно иной, не тривиальный ход. Более того. Нужен был именно такой ход, который, **во-первых**, позволил бы, не миндальничая на демократический манер, «железной рукой» сколотить послушное стадо агрессоров под единым военно-политическим руководством. А, **во-вторых**, такой ход, который позволил бы наверняка проломить указанный выше «бронезилет» безопасности СССР.

Проще говоря, Запад (прежде всего сама Великобритания, а также США) увидел, что «демократическим» путем объединить и консо-

---

¹ Из выступления 13 июля 1928 г. «Об итогах июльского пленума ЦК ВКП(б)». См.: *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. С. 202.

лидировать свору европейских шакалов он не в состоянии, а соответственно и не в состоянии организовать вооруженное нападение на СССР их консолидированными силами. Действительно, требовался неординарный, нетривиальный ход, смысл которого должен был состоять в следующем. Решение задачи консолидации сил различных европейских государств для нападения на СССР и тем более решение самой проблемы нападения на СССР должно было быть возложено на другого исполнителя. Это было тем более важно, поскольку мировой кризис 1929—1933 гг. скрутил в бараний рог весь капиталистический Запад, в том числе и Великобританию, и ей было недосуг открыто организовывать в такой ситуации нападение на СССР, хотя и очень этого хотелось. **Этим нетривиальным ходом стали уже возвращенные «версальской мудростью» западных негодяев нацизм и его главарь Адольф Гитлер!**

Таким образом, если подвести промежуточный итог, то к моменту привода Гитлера к власти советское руководство — как политическое, так и высшее военное, — располагало в том числе и благодаря разведке уникальной информацией о генезисе плана грядущей агрессии против СССР, которая свидетельствовала, что:

1. Замысел организации вооруженного нападения на Советский Союз прочно вошел в орбиту высшей политики Запада, все действия которого со второй половины 20-х гг. XX в. крутились вокруг этой оси.

2. Вооруженное нападение планируется осуществить консолидированными под эгидой Великобритании силами ряда европейских государств. Сколачиваемая банда агрессоров должна насчитывать в общей численности не менее **150—160** дивизий (при наличии минимального резерва у коалиции агрессоров, по меньшей мере, в количестве **11—12** дивизий и использовании в качестве дополнительного «пушечного мяса» сил белой эмиграции) при ударной роли Германии и ее рейхсвера.

3. Вооруженное нападение планируется осуществить:

— с запада — по двум направлениям (в терминах наиболее вероятного агрессора):

а) **Северо-Балтийском**, то есть через Прибалтику на Ленинград (т.е. Санкт-Петербург) и далее с поворотом на Москву;

б) **Юго-Восточном**, то есть через Украину (с ее оккупацией и отторжением) в общем направлении на Кавказ и Закавказье;

— **с образованием сплошного фронта** от Балтийского до Черного моря; этому откровенно способствовал конкретный состав коалиции изъявлявших намерение напасть на СССР государств, в первую очередь присутствие в ней и в те времена злобно русофобствовавшей Польши, а также прибалтийских прихвостней Запада;

***Исторический комментарий.** Поляки, например, вообще никогда не скрывали своих агрессивных намерений в отношении СССР. Так, близкий к польскому «фюреру» Пилсудскому «теоретик», некий пан В. Студницкий, опубликовал в 1935 году книженцию под названием «**Политическая система Европы и Польши**». В ней далеко не ясновельможный пан откровенно излагал свою идею о том, что надо, ох как надо напасть на СССР консолидированными силами Польши, Германии, Японии и Финляндии, а также стран Прибалтики, дабы оторвать Украину, Крым, Карелию, Закавказье и Среднюю Азию (Студницкий называл ее Туркестаном). Японцам же отдать Дальний Восток вплоть до озера Байкал. Вот вам и «смирные», «невинные» ляхи — не приведи Господь!..*

— **с одновременным открытием сразу двух фронтов** — на Западе и на Востоке, что было вызвано тем, что еще в конце 20-х гг. с подачи Англии возник вопрос о привлечении Японии к реализации плана агрессии против СССР. Тем более что официальный Токио в те времена буквально изнывал от нетерпения ринуться в агрессию против СССР.

В связи с «планом Гофмана» нельзя не отметить одно обстоятельство. Ни руководство советской разведки (ОГПУ-НКВД), ни военной разведки, ни тем более руководство СССР не оставляли без пристального внимания развитие идеи «плана Гофмана» в контексте европейской политики, особенно в контексте германской политики, тем более после привода Гитлера к власти. На основе совокупности всей разведывательной и иной информации по каналам разведки и Коминтерна были предприняты массивные усилия для противодействия развитию политической ситуации в Европе, особенно в Германии, в соответствии с этим планом. Проще говоря, для противо-

действия грядущей агрессии Германии, в том числе и прежде всего против СССР, в связи с чем были предприняты фундаментальные усилия по превентивному разоблачению таких планов, в том числе и намеченных к приводу к власти нацистов.

Эту гигантскую по своим масштабам и значению задачу уже после привода Гитлера к власти решал разведчик-нелегал ОГПУ-НКВД Семен Николаевич Ростовский (впоследствии, увы, позорно «обессмертил» свое имя, став инициатором одной из наиболее грязных антисталинских акций в СССР), более известный под своим журналистским псевдонимом Эрнст Генри, под которым он проживал в Лондоне. В 1934 году он опубликовал на английском языке сразу же ставшую знаменитой книгу «Гитлер над Европой», которая уже в 1935 году была издана также и на русском, немецком и других языках. Он располагал уникальной информацией, и ко всему прочему он являлся также и ближайшим помощником руководителя мощнейшего пропагандистского аппарата Коминтерна прекрасно информированного Вилли Мюнценберга. В упомянутой книге Э. Генри дал практически на все 100 % подтвердившийся детальный аналитический прогноз развития внешней политики Германии на ближайшие годы. Оценивая значение этой книги, лондонская «Таймс» отмечала, что от этой книги «у демократов мурашки поползут»¹. А в 1936 г. Э. Генри выпустил новую книгу — «Гитлер против СССР» (на русском языке была издана уже в 1937 г.). В ней Э. Генри детально проанализировал агрессивные планы Гитлера в отношении Советского Союза, что впоследствии, увы, подтвердилось. Разоблачающая самые сокровенные замыслы главарей нацистского режима Третьего рейха массивная пропаганда Э. Генри в буквальном смысле слова взбесила их, что привело к тому, что он оказался включен в так называемый «черный список» лиц, подлежащих немедленному аресту гестапо при вторжении Германии в Англию.

К середине 30-х гг. угроза вооруженного нападения на СССР консолидированными силами ряда европейских государств получила окончательное подтверждение очередными данными разведки. В декабре 1935 г. на стол Сталина лег объемистый доклад ГРУ под названием «Коалиция против СССР»². Доклад был подготовлен на основе добытых

¹ Цит. по: *Henri Ernst. Hitler Over Europe?* London, 1939. P. 292.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 741. Л. 82. Первый экземпляр был направлен Сталину.

военной разведкой преимущественно агентурным путем различных разведывательных данных. В том числе и документальных данных, среди которых особое место занимал составленный по заказу Генерального штаба Франции меморандум (он был подготовлен одним из бывших белогвардейских офицеров, сотрудничавших со 2-м Бюро — военной разведкой — ГШ Франции). Насколько можно судить, при подготовке этого доклада использовались также и материалы разведки НКВД СССР.

В качестве участников этой коалиции в докладе упоминались **Германия, Польша, Финляндия и Япония**. Однако в это же время советские разведслужбы уже располагали данными о том, что под эту коалицию гитлеровская Германия пытается подтянуть также и **Румынию, и Венгрию, и все три Прибалтийских государства — Латвию, Эстонию и Литву**. Сразу же отметим, что это далеко не первое аналитически обобщенное сообщение военной разведки в адрес высшего военно-политического руководства СССР. Оценивая итоги прошедшего года на основании своих данных, Разведывательное управление РККА, как тогда называлось ГРУ, сообщало в Инстанцию о следующем: **«Именно в 1934 году происходило усиленное сколачивание нового антисоветского блока в составе Японии, Германии и Польши и отмечались настойчивые попытки привлечь к участию в этом блоке Англию, Швецию, Венгрию, а также всех ближайших соседей СССР на Западе и на Среднем Востоке. Эта новая расстановка сил, явившаяся результатом нашего роста и обострения противоречий в лагере империалистических держав, в значительной степени меняет условия стратегического развертывания наших вероятных противников. Как никогда становится актуальной проблема одновременной войны на Западе и на Дальнем Востоке. Крупнейшее значение имеет тот факт, что в составе антисоветского фронта на Западе, кроме Польши, выдвигается Германия, как наш активнейший и первоочередной противник»¹.**

А 4 марта 1935 г. резидент советской военной разведки в Польше сообщил о переговорах между поляками и гитлеровцами следующее: **«Конкретные цели состоят в следующем: предreshено вооруженное столкновение с СССР. Вероятным плацдармом его считается: на севе-**

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 741. Л. 82. Первый экземпляр был направлен Сталину.

ре — Карелия, побережье Кольского полуострова до р. Свири на юг; на северо-западе (район действия германской армии) — Нарва, Псков, Полоцк, Лепель; район действия польской армии — Лепель — Минск, Олевск — Залещики; Дальний Восток и Забайкалье — действия японской армии. **Результатом войны будет... то, что Финляндия приобретет Карелию и Кольский полуостров с границей на юге — р. Свирь и берега Онежского озера. Германия и Польша регулируют свои интересы в Прибалтике. Специальные интересы Германии предусматриваются особым договором о немецких интересах в северо-западном секторе СССР. В качестве гарантии договора германская армия оккупирует сроком на 25 лет территорию от берегов Финского залива до 55-й параллели шириной 200 км. Ленинград, переименованный в Петербург, делается “вольным городом” с немецкой администрацией и гарнизоном... Польша восстанавливает свои исторические границы на востоке и обеспечивает их сообразно своим интересам. Япония устанавливает на Дальнем Востоке границы и зоны влияния сообразно своим интересам...**

Таковы основы политики “развязанных рук на Востоке” в планах гитлеровской Германии. Немецкая цель — добиться любой ценой оккупации с тем, чтобы аннексировать край. Англия не заинтересована в этом районе и получает удовлетворение на севере — эксплуатируя совместно с Финляндией Беломорское побережье, совместно с Германией — Печорский район. Кроме того, ее интересы обеспечиваются преимуществами в Закавказье и исправлением границ в Туркестане...

Договор Германии с новыми союзниками — Японией и Польшей — еще не подписан. Подписание состоится не раньше марта, так как сначала необходимо установить ряд технических деталей, особенно торгово-промышленной эксплуатации в случае победы, что весьма осложняется новыми предложениями Японии, сделанными только что прибывшей торговой делегацией. Договор будет составлен как оборонительный, но сформулирован так, что его легко будет превратить в наступательный.

Эти планы вызывают несколько скептическое отношение к себе у военных кругов, среди которых традиция прежних отношений с СССР все еще довольно сильна. Но скептицизм все более уменьшается под

влиянием фактов, говорящих о сочувственном отношении к этой комбинации весьма влиятельных группировок в Европе (в Англии, теперь в Италии)»¹. И сколько таких сообщений было? Уйма! Архивы СВР и ГРУ буквально ломаются от таких документальных данных.

Но есть в процитированном выше сообщении резидента один малозаметный, однако же имеющий исключительное геополитическое значение нюанс. Если внимательно проанализировать это разведывательное сообщение, то станет очевидным, что вся эта свора (коалиция) европейских шакалов находилась на подряде у **PERFIDIOUS ALBION — Коварного Альбиона**. И все свои планы и цели соотносила с интересами Великобритании. Прежде всего, сама гитлеровская Германия. Однако еще более принципиальный анализ этого же сообщения выявит уникальнейший феномен. Да, действительно, Гитлер едва ли не круглосуточно изрыгал всевозможные проклятия и оскорбления в адрес Запада и западной плутократии. Тем не менее в середине 30-х гг. он по-прежнему четко следовал тому самому геополитическому курсу агрессии на восток, который еще в начале последнего десятилетия XIX века проложило руководство английского политического масонства. Впрочем, он всегда следовал этому курсу, до самого своего конца! Проще говоря, часть этих планов, особенно что касается севера и северо-запада России, была запрограммирована британским политическим масонством, исполнявшим волю правящей элиты Великобритании. Речь идет об уже упоминавшейся пресловутой карте Лабушера². Если бросить хотя бы беглый взгляд на эту не в меру провиденциальную карту, то увидим, что Финляндия не только была отделена от Российской империи, но и превращена в «республику». Но это были еще «цветочки». Генри Лабушер и стоявшие за ним силы оказались столь «щедры» по отношению к Финляндии, что уже в 1890 г. «одарили» ее множеством карельских и русских территорий, никогда ей не принадлежавших. Более того. **Южные границы этой «республики» были указаны Лабушером по южным же берегам рек Невы и Свири, а также по восточному берегу Онежского озера! Абсолютное совпадение с тем, что сообщил резидент! Кар-**

¹ Военно-исторический журнал. 1991. № 3.

² Автор неоднократно анализировал эту карту в своих предыдущих работах.

тографические «пророчества» Лабушера в отношении Финляндии во многом сбылись. Помимо того что Финляндия стала независимой республикой, ее границы в период с 1918 по 1940 г. едва ли не в точности совпали с тем, что было указано на карте Лабушера. Хотя до восточного берега Онежского озера ей дотянуться не удалось. Однако известен факт, что в процессе карельской авантюры 1921—1922 гг. Финляндия пыталась осуществить этот план. Не удалось ей также выйти и на южные берега Невы и Свири, хотя для этого предпринимались соответствующие попытки. Главное же, в чем прогноз Лабушера сбылся, заключалось в том, что громадная часть карельских и русских земель все-таки была захвачена, а финская граница стала проходить едва ли не в 30 км от Петербурга, переименованного в Петроград, а затем и в Ленинград. К тому же Ладожское озеро чуть ли не наполовину тоже отошло к Финляндии.

Историческая справка. Откровенно говоря, в возникновении острых проблем в советско-финляндских отношениях того времени виноваты прежде всего русские цари, особенно Александр I. За его недалёковидный и неуместный либерализм через 130 лет пришлось расплачиваться Советскому Союзу. Причина в следующем. В соответствии с Фридрихсгамским мирным договором от 5 (17) сентября 1809 г., которым завершилась непосредственно Англией спровоцированная в 1808 году (в ответ на присоединение по Тильзитскому миру 1807 г. к организованной Наполеоном континентальной блокаде Англии) последняя Русско-шведская война, вся территория Финляндии отошла к России. За век с лишним пребывания в составе Российской империи бывшая шведская провинция, население которой — финские племена — никогда не имело ни собственной государственности, ни административной, ни даже культурной автономии в составе шведского королевства, усилиями непонятно чем руководствовавшихся российских монархов превратилась практически в автономное государство, обладающее всеми необходимыми атрибутами. Прозванное Великим княжеством Финляндским, оно получило государственные органы власти, денежную единицу, свою армию, почту и таможенную, а с 1863 г. еще и государственный язык — финский. Но это еще победы, хотя и является ярчайшим доказательством того, что никакой русификации, о которой финские националисты так много и так подло

шумели, не имело места быть. Основная беда заключалась в том, что по решению Александра I от 11 (23) декабря 1811 г. в состав Великого княжества Финляндского была передана Выборгская губерния. В результате административная граница Финляндии оказалась вплотную придвинута к Санкт-Петербургу. К моменту провозглашения независимости 23 ноября (6 декабря) 1917 г. и ее признания советским правительством 18 (31) декабря 1917 г. финны уже привыкли к огромности своей территории, забыв или «забыв», что значительная часть территории Финляндии была подарена русским царем. С этого все и началось. Затем в обеих странах была Гражданская война, в которой обе стороны зарекомендовали себя, мягко выражаясь, далеко не самым лучшим образом. Но, воспользовавшись слабостью Советов, «горячие финские парни» успели отхватить большие куски русской территории. А поскольку за их спиной стояла Антанта, Советам осталось только утираться. Но долго это не могло продолжаться.

Политологический комментарий. Впоследствии пресловутый любитель «кузькиной матери» Н. Хрущев проделал такой же геополитический фокус с Крымом. Принципиальный расчет тот же самый. Пускай и в перспективе, но любым способом спровоцировать резкое обострение отношений не столько между двумя государствами, сколько между двумя славянскими народами, вплоть до вооруженного столкновения. Недавняя история показала, что дело едва не докатилось до этого. Слава богу, Крым теперь в России.

Говоря о картографических «пророчествах» Лабушера в отношении Финляндии, невозможно обойти молчанием еще одно обстоятельство. Так уж распорядилась география и история, что «оселком» геополитического равновесия в акватории Балтийского моря стали Аландские острова — самая что ни на есть классическая ключевая позиция во всей Балтике (это видно даже невооруженным глазом и даже специалисту — достаточно бросить всего лишь беглый взгляд на карту). Эти острова перешли под юрисдикцию Российской империи в соответствии с Фридрихсгамским договором 1809 г. Однако российский суверенитет над этими островами весь XIX в. откровенно раздражал Англию. За 35 лет до появления карты Лабушера Англия совместно с Францией уже покушалась на юрисдикцию России над этими островами. В частности, в ходе Восточной (Крымской) войны. Тогда, увы,

удалось в соответствии с Парижским мирным договором от 30 марта 1856 г. вынудить проигравшую Россию объявить эти острова демилитаризованной зоной. Так вот, обозначение якобы «независимой» по состоянию на Рождество 1890 г. Финляндии с вышеописанными «границами» автоматически означало и переход Аландских островов под юрисдикцию и суверенитет этой самой «независимой» Финляндии! Однако такое решение судьбы Аландских островов означало бы полную ликвидацию какого бы то ни было российского присутствия на Балтике вообще! **То есть все труды Петра I должны были быть полностью перечеркнуты, а «прорубленное» им «окно в Европу» — наглухо заколочено!** В общем-то, к 1918 г. все так и должно было произойти, если бы не выдающийся геополитический подвиг во славу России капитана 1-го ранга А.М. Щастного, спасшего, вопреки преступным приказам Ленина и Троцкого, весь Балтийский флот! А раз есть флот, значит, не только окно распахнуто — открыты ворота! Тем не менее с подачи заправлявшей в нем Англии Совет Лиги Наций 24 июня 1921 г. утвердил-таки передачу Аландских островов под юрисдикцию и суверенитет Финляндии. «Эвакуация» этих островов из состава бывшей Российской империи была осуществлена руками Германии как доставшийся Антанте бывший германский «трофей». Социал-демократические подонки Германии не зря реанимировали аннулированный советским правительством в одностороннем порядке Брест-Литовский договор от 3 марта 1918 г. 20 октября 1921 г. была подписана особая конвенция. Положениями этого документа была подтверждена преемственность в вопросе о демилитаризованном статусе этих островов согласно еще Парижскому мирному договору 1856 г.! Так через 65 лет аукнулось эхо негативных последствий Восточной (Крымской) войны. Естественно, что подстрекаемая и провоцируемая Западом Финляндия вовсе и не собиралась соблюдать это требование, а потому все-таки осуществляла там военное строительство. В конце концов, наряду с другими, не менее важными причинами, главная из которых кроется в особо тесных связях Финляндии Маннергейма с гитлеровской Германией, это привело к советско-финляндской войне 1939—1940 гг. по вине самой Финляндии. Но при этом следует четко помнить, что все инициативы Советского Союза по урегулированию

территориальных проблем Финляндия отвергала с порога отнюдь не потому, что Сталин, видите ли, давил на несчастных финнов. Уж если кто и давил на них, так это даже и не Гитлер, во всяком случае не он в первую очередь. Давление оказывалось из Лондона. Там прекрасно понимали, сколь лакомым плацдармом для нападения на СССР является Финляндия для Гитлера. Тем более что в Лондоне прекрасно знали о существовавшем все 1930-е годы плане вооруженного нападения на СССР консолидированными силами антисоветской коалиции при участии Финляндии. Потому и давили на финнов, обещая им всяческую поддержку, а также откровенно провоцировали Финляндию на вооруженное столкновение с СССР. И в конце концов спровоцировали.

Но чтобы правильно оценить не в меру «точное предвидение» Лабушера и стоявших за ним могущественных сил, необходимо обратить внимание на следующее. Демонстративный картографический «прогноз» территории вроде бы уже независимой Финляндии с границами по южным берегам Невы и Свири, а также по восточному берегу Ладожского озера в переводе с «картографического языка» сэра Генри и стоявших за ним сил означал:

1. Полную ликвидацию Петербурга как такового, в том числе и как столицы государства Российского тех времен, но прежде всего как выхода России в Балтийское море, а, следовательно, в Атлантику и далее в Мировой океан! По-другому расценить показ границ по южным берегам Невы и Свири невозможно — достаточно одного беглого взгляда на карту Петербурга и окрестностей, особенно тех лет, чтобы автоматически согласиться с таким выводом!

Сделать же из государства Российского и вообще из России «Русскую Пустыню» в те времена можно было, прежде всего ликвидировав ее столицу со всеми ее специфическими особенностями геополитического характера. Но эта задача не для Финляндии, и даже не для доминирующей в Скандинавии Швеции, особенно если учесть нейтралитет последней: это глобальная цель Великобритании еще со времен «прорубания» Петром I «окна в Европу»!

2. Полную ликвидацию находящегося севернее Петербурга Кронштадта как главной базы основного тогда в России Балтийского флота, а, соответственно, и его самого! Однако же и это тоже

не задача Финляндии, и даже не всех вместе взятых Скандинавских стран. **Это старинная задача Англии!** В одном из эмигрантских журналов в 1932 г. были опубликованы материалы радиоперехвата стран Антанты периода Первой мировой войны, свидетельствовавшие именно о таком замысле Англии.

3. Прямое указание на то, каким же образом финская граница с восточного берега Онежского озера должна проходить в меридиональном отношении. Если взглянуть на карту, то невозможно не заметить, что, определив Финляндии границу именно так, как он сделал, не в меру «прозорливый» Лабушер и К° однозначно «предначертали» как минимум всю вертикаль восточной границы Финляндии вдоль 36° по направлению на север. В свою очередь, это означало также, что отчуждению и переходу под юрисдикцию Финляндии подлежат целиком Ладожское и Онежское озера, практически вся территория Карелии. Более того — чуть ли не добрая половина наиболее удобной части акватории Белого моря, как минимум половина Кольского полуострова, включая и незамерзающий порт Мурманск, наконец, часть акватории Баренцева моря (в порядке территориальных вод новоявленной «республики»). А это уже в свою очередь практически свело бы на нет и северный выход России в Мировой океан — второй из двух основных в европейской части России, а исторически — первый! **Вот что в действительности означало установление границ Финляндии по Лабушеру! И вот зачем она и понадобилась в коалиции изъявлявших желание напасть на СССР государств!**

Впоследствии, в номере от 17 апреля 1919 г., английская «Таймс» полностью раскрыла все карты «прогноза» Лабушера, указав следующее: «Если мы посмотрим на карту, то увидим, что лучшим подходом к Петрограду является Балтийское море, и что кратчайший и самый легкий путь лежит через Финляндию. Финляндия является ключом к Петрограду, а Петроград — ключ к Москве». А еще через полгода — 24 октября 1919 г. — та же «Таймс» вдалбливала «непонятливым» финнам: «**Это (наступление Финляндии на Петроград) показало бы, что она разделяет идеалы союзников и готова ради них нести жертвы. Эти жертвы доставили бы ей в глазах всех то уважение, которого у нее еще нет. Благоприятный случай для нее настал. Весь мир следит за тем, как она воспользуется им, и соответственно весь мир будет судить о ее политических**

дарованиях и характере. Финляндия должна действовать, иначе она упустит благоприятный случай. Мы надеемся, что она будет действовать!»! Ну не шакалы ли?! В конце концов Финляндия «поняла», чего от нее хотят, и начала действовать... интервенцией и «карельской авантюрой» 1921—1922 гг., как, впрочем, иными вооруженными вылазками до и после этого. Но вот что особо любопытно. **Вектор всех вооруженных нападений Финляндии на Россию в те времена был тождественен тому, что было указано еще на карте Лабушера!**

И вектор последующих ее агрессивных планов также определялся курсом, заданным еще картой Лабушера. Потому что прошло всего-то полтора десятка лет после окончания Первой мировой войны и не удовлетворенная итогами первого всемирно-кровавого мордобоя проклятая Англия вновь стала провоцировать, теперь уже Гитлера и прочих негодяев, в том числе и руководство Финляндии, на очередное претворение в жизнь «прогноза» Лабушера. А эти негодяи с удовольствием плясали под дудку Англии. Правда, впоследствии Гитлер решил обойтись без Англии в реализации этих планов. Но даже в этом случае, как истинно коричневый мерзавец британского «розлива», подрядившийся ради Англии исполнить грязную работу на востоке, Адольф Гитлер по-прежнему следовал курсом, проложенным «прогнозом» Лабушера. Так, уговаривая «фюрера» Финляндии Маннергейма присоединиться к его «**Drang nah Osten**», фюрер оперировал геополитическими дефинициями, которые были абсолютно тождественны «картографическим аргументам» Лабушера. Коричневый шакал прекрасно знал, чью волю на самом деле он исполняет.

Комментарий. О сути этих уговоров написал в своих воспоминаниях бывший резидент советской внешней разведки в Финляндии Елисей Сеницын¹. Конечно, Е. Сеницын не упомянул о карте Лабушера. Однако то, что он описал, опираясь на разведывательные данные того периода времени, абсолютно идентично этой карте. Случайностью это быть не могло. В мире большой геополитики и политики не бывает случайностей. Гитлер действительно знал, что предлагал Финляндии, не говоря уже о том, что прекрасно знал он и о том, откуда истекает его аргументация.

¹ Сеницын Е. Резидент свидетельствует. М., 1996. С. 188.

В итоге, несмотря на то, что, не без содействия советской разведки, самого генерала М. Гофмана еще в 1927 г. вполне успешно отправили к праотцам, «план Гофмана» не только выжил. Пройдя «тернии глубокомыслия» агрессивного западного русофобства и анти-советизма, он окончательно прижился и к 1936 г. обрел уже вполне завершенные черты. По состоянию на начало 1936 г. графически он выглядел следующим образом:

План Гофмана 1936 г.

Проследивая генезис плана агрессии против СССР до указанного периода, нетрудно заметить, что в части, касающейся стратегии реа-

лизации агрессии (о других составных частях плана агрессии речь еще впереди), изначальный замысел в целом сохранился — по-прежнему фигурировали два главных направления ударов: **Северо-Балтийское и Юго-Восточное.**

Что давал удар на Северо-Балтийском направлении по «плану Гофмана»?

Прежде всего, в превентивном порядке отметим, что М. Гофман не был «прародителем» идеи удара на этом направлении. За тридцать лет до него в изданной в 1892 г. брошюре «*Videant consules...*» германский генерал Фридрих фон Бернарди изложил политическое обоснование необходимости завоевания русских прибалтийских губерний следующим образом: «**Нам необходимо более обширное побережье с большим населением для дальнейшего расширения военного и торгового флота. Мы нуждаемся в Балтийском море, оно должно стать германским морем, чтобы создать прочную основу для нашей торговли. Только в борьбе с Россией мы можем достигнуть поставленной цели. Все обстоятельства подталкивают нас к неизбежному конфликту... Грядущая историческая эпоха пройдет под знаком борьбы германского духа с панславизмом. Русские являются нашими национальными врагами... Антирусская позиция не является следствием сиюминутного политического положения. Напротив, сегодняшняя ситуация... подводит нас непосредственно к войне, которая станет необходимым выражением состояния, имеющего глубокие корни... Вся наша политика должна быть пронизана основной мыслью... бросить все силы народа на весы решения больших германских... задач в борьбе против России!**»¹.

Комментарий. Откровенно говоря, и сам Ф. фон Бернарди был «пророком», поющим с чужого голоса. Задолго до него эти идеи проповедовал известный германский экономист Вильгельм Георг Фридрих Рошер (1817—1894), профессор национальной экономики Лейпцигского университета. Во времена Бисмарка Рошер выступал с идеей о том, что все славянские земли, прежде всего русские, должны быть захваче-

¹ Цит. по: Война Германии против Советского Союза 1941—1945 гг. На русском языке. Берлин, 1992. С. 14.

ны Германией и колонизированы немцами. Еще один горе-«теоретик», М. Гартман, также во времена Бисмарка выступил с детальным проектом уничтожения и расчленения России на отдельные королевства под протекторатом Германии — Балтийское и Киевское при одновременном оттеснении России за Днепр и Волгу¹.

Обратите внимание на то, что всякий раз запредельно агрессивно настроенные по отношению к России тевтонские «мыслители» (в том числе и в погонах) вякали о политике, имеющей глубокие корни. Это было до появления нацистов на политической арене Германии, это имело место до привода Гитлера к власти, и это же имело место быть уже при Гитлере, в том числе и накануне нападения на СССР. Увы, но то же самое мы видим и сейчас — в Берлине хоть и баба командует, но ведь она похлеще Гитлера будет...

Во-первых, удар на Северо-Балтийском направлении позволял создать непосредственный плацдарм для нападения на СССР на базе прибалтийских лимитрофов. На тот период времени иные пути прорыва к советским границам были связаны с огромными трудностями. От длительности маршрута до необходимости прохождения по чужой территории с враждебным (германофобским) населением стран, формально являвшихся союзниками Германии (например, Польша), и неразвитым железнодорожным сообщением (та же Польша, особенно ее южная часть).

Во-вторых, удар на этом направлении уже только действиями на суше позволял превратить Балтийское море в «Германское море» или, по меньшей мере, во внутреннее море «Германского союза», с идеей которого нацисты уже тогда носились. Удар, сопровождаемый к тому же эвентуальными (то есть упреждающими) дипломатическими и торгово-экономическими мерами в отношении Балтийских государств и Скандинавских стран. Вообще, экономическая составляющая удара на этом направлении играла огромную роль для бедной природными ресурсами, особенно стратегическим сырьем, Германии. Уже в годы Второй мировой войны это проявилось в максимальной степени в поставках шведской железной руды и машиностроительной продукции, финского никеля, леса и т.п.

¹ *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 2-х томах. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1950. С. 200—201. За указанный труд в 1949 г. П.И. Лященко была присуждена Сталинская премия первой степени.

***Историческая справка.** Следует отметить одно важное обстоятельство. Хорошо известно, что советские войска были введены в сентябре 1939 г. на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. Менее известно, что они не дошли до определенной советско-германским договором о ненападении от 23 августа 1939 г. линии разграничения сфер влияния на территории бывшей Польши. А причина заключалась в том, что если наши войска дошли бы до этой линии, то получился бы не возврат ранее отторгнутых Польшей в ходе польской агрессии 1920 г. русских территорий, а оккупация сузубо польских территорий. Понимая чрезвычайные последствия этого обстоятельства, Сталин приостановил движение советских войск.*

***Дополнительный комментарий.** К слову сказать, Сталин издавна понимал это обстоятельство. Еще в период отражения польской агрессии в 1920 г. он был единственным членом Политбюро, который выступил резко против вторжения советских войск на собственно польскую территорию, предложив ограничиться вышвыриванием агрессора с советской территории. Об этом он прямо указал в своей статье от 15 августа 1920 г. Увы, Ленин, Троцкий и их подручный Тухачевский были слишком, вплоть до умопомрачения увлечены господствовавшей в те времена в их умах так называемой полевой революцией. Итог же этого увлечения хорошо известен. Наступавшие на Варшаву советские войска под командованием Тухачевского были разбиты, огромное количество красноармейцев попало в польский плен, а Советская Россия вынуждена была пойти на подписание унижительного мира, одним из условий которого было отторжение территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в пользу Польши.*

Более того, 25 сентября 1939 г. Сталин вызвал к себе посла Германии фон Шуленбурга и предложил внести следующее изменение в предусмотренную ранее демаркационную линию — **согласно его предложению Литва должна была быть включена в советскую сферу интересов.** За что Германия, по предложению Сталина, могла бы быть компенсирована расположенной между Вислой и Бугом польской территорией, охватывавшей Люблинское и Варшавское воеводства¹. Что и было закреплено как на карте, так и в договоре

---

¹ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. Пер. с нем. М., 1996. С. 71. Мейер А., Хильгер Г. Россия и Германия. Союзники или враги? Пер. с англ. М., 2008. С. 368. Г. Хильгер — бывший советник германского посольства в СССР.

о границе. Проще говоря, Сталин ограничил движение советских войск до признаваемой Западом «линии Керзона», в то время как Германия расширила зону оккупации до этой же линии. В результате именно Германия становилась ответственной за то, что даже остатки Польши не были сохранены. **Однако суть дела была не только в этом. Переход в сферу интересов СССР Литвы, наряду с Латвией и Эстонией, позволял установить полный контроль над южным побережьем Балтийского моря в пределах Прибалтики, что одновременно лишало немецкий флот столь необходимого ему стратегического преимущества.**

В-третьих, что наиболее важно, именно на этом направлении легче всего было добраться до одного из наиважнейших жизненных центров Советского Союза — Ленинграда (ныне вновь Санкт-Петербург). Ведь в те времена от Ленинграда до границы (на юге) с Эстонией было **120 км**. А до границы (на севере) с Финляндией — всего **35 км**. Прилегающая же к Ленинграду западная граница — Финский залив — так и вовсе запредельно была уязвима, так как контроль над ним исторически принадлежит тому, кто господствует в Балтийском море (Сталин более чем обоснованно сравнивал положение с Финским заливом с узким горлышком бутылки, которое очень легко закупорить пробкой). Расстояние от нее до Ленинграда (Кронштадта) — **48 км**.

А добравшись до него, атаковать с северного направления главный жизненный центр СССР — его столицу Москву. Ведь захват Ленинграда открыл бы также и северный путь на Москву вдоль Октябрьской железной дороги длиной приблизительно **640 км**, причем не прерываемый ни большой рекой, ни каким-либо иным естественным препятствием.

И в завершение этой темы еще раз хотелось бы привлечь внимание читателей к цитировавшемуся выше сообщению агента ГРУ **Дипломат**. То обстоятельство, что обрисованная агентом активизация Великобритании в середине 20-х гг. на польском и прибалтийском плацдармах имела откровенную антироссийскую направленность, и так понятно. Однако если более тщательно вдуматься в эту информацию, то без труда можно заметить куда более важное, а именно то, что Англия занялась подготовкой к реализации в будущем

«плана Гофмана» на Северо-Балтийском направлении. Забегая вперед, следует отметить, что так оно продолжалось вплоть до 1 сентября 1939 г. И в 1939 г. Великобритания делала все, что она могла, а могла она многое, чтобы оставить прибалтийский коридор для продвижения Гитлера к советским границам под контролем нацистов.

Ну а что давал удар на юго-восточном направлении?

И здесь в эвентуальном порядке отметим, что в принципе ничего сверхнового и в этом не было. Это старинная мечта германских поклонников политики «**Drang nach Osten**» — таких как Ф. Лист, П. Легарт, Э. Мариц Арндт, Р. Мартини и других, о чем уже говорилось выше. Но в данном случае не грех и напомнить, что, к примеру, тот же П. Легарт еще в конце XIX в. писал: «Россия должна быть отброшена от Черного моря, а тем самым от южных славян. Мы должны получить на Востоке обширные территории для немецкой колонизации»¹. П. Легарт утверждал, что западное и северное побережья Черного моря должны достаться немцам. Если же Россия не согласится добровольно отдать Германии свои западные и южные провинции, то она вынудит... к их изъятию, то есть к войне»².

Комментарий. Легарт также не был «пионером» в этой области. Фактически за полвека до него известный германский экономист, основатель теории немецкой «национальной экономики» Ф. Лист проповедовал идею экспансии Германии на восток и завоевания юга России до Кавказа и Черного моря»³.

Во-первых, это удар в направлении Украины, Черного моря и далее Кавказа и Закавказья. Главная его цель — установление господства Германии на Черном море, захвата украинской зерновой зоны, угольного центра в Донбассе и нефтяного центра на Кавказе (Грозный и Майкоп) и в Закавказье (Баку). А далее планировался прорыв в самое «сердце» Британской колониальной империи — Индию.

¹ Цит. по: Кисловский Ю.Г. От политики «Drang nach Osten» к доктрине «открытых дверей». М., 2000. Он же. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 12.

² Там же.

³ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. В 2-х томах. Т. 2. Изд. 2-е. М., 1950. С. 200—201.

Комментарий. Собственно говоря, тут и сокрыты изначальные корни не прекращающегося поныне спора между историками о том, кто, когда и какое значение придавал Юго-Западному направлению в планах отражения гитлеровской агрессии. Как правило, вследствие того, что импульс к этому спору задали не только не жаловавшие геополитику как достойную внимания науку, но и вовсе не мыслившие геополитическими категориями маршалы и генералы военной поры, все толкуется сугубо в антисталинском духе. Мол, именно он ошибочно приказал считать это направление главным для вермахта. Более того. Именно он якобы повинен в резком усилении перед войной военной мощи Киевского Особого военного округа, так как прогнозировал главный удар вермахта на этом направлении и намеревался на этом же направлении организовать нападение на Германию. О том, кто в действительности повинен в том или ином, что привело к трагедии 22 июня, будет сказано далее. Сейчас хотелось бы обратить внимание читателей на то, в силу каких соображений Сталин усиливал войска на Юго-Западном направлении. Речь идет о следующем.

В отличие от наших военных Сталин еще в 1920 г. прекрасно понимал глубинные последствия удара Запада на Юго-Западном направлении. Если вояки видели всего лишь украинский аспект, да и то в силу того, что там служили, то Сталин смотрел значительно дальше, потому как прекрасно отдавал себе отчет в том, что захват Украины будет всего лишь прелюдией к главным действиям Запада. А главным он совершенно справедливо и с давних пор считал вот что: «Важное значение Кавказа для революции определяется не только тем, что он является источником сырья, топлива и продовольствия, но и положением его между Европой и Азией, в частности, между Россией и Турцией, и наличием важнейших экономических и стратегических дорог (Батум — Баку, Батум — Тавриз, Батум — Тавриз — Эрзерум). Все это учитывается Антантой, которая, владея ныне Константинополем, этим ключом Черного моря, хотела бы сохранить прямую дорогу на Восток через Закавказье. Кто утвердится в конце концов на Кавказе, кто будет пользоваться нефтью и наиважнейшими дорогами, ведущими в глубь Азии, революция или Антанта, — в этом весь вопрос»¹.

Любопытно, что даже такой яркий антисталинист, как американский историк У. Такер — автор известной книги «Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и Личность», — назвал процитиро-

¹ Сталин И.В. Собр. соч. Т. 4. С. 408.

ванное высказывание Сталина таким образом геополитического реализма, «от которого загорелись бы глаза у доктора Хаусхофера, немецкого теоретика геополитики»¹. Не менее характерно и то, что даже современные, начисто отрицающие Сталина и критикующие его политику власти России, тем не менее действуют в отношении Кавказа и Закавказья практически в неукоснительном соответствии с этим высказыванием Сталина. Геополитический дух Кремля, он же геополитический дух России никому не позволяет действовать иначе!

Вот почему Сталин и усиливал КОВО перед войной, понимая глубинное значение последствий прорыва гитлеровцев именно на этом направлении. Потому как абсолютно точно знал подлинный вектор грядущей агрессии Гитлера: Иран — Индия. Проще говоря, Сталин умышленно создавал особо укрепленный защитный вал именно на этом направлении. Но отнюдь не потому, что намеревался обезопасить подступы к «бриллианту» в короне британской империи — Индии. Он прекрасно знал, что, по мнению германского адмирала Редера, «британская нефть на Ближнем Востоке — более ценный приз, чем российская нефть на Каспии»². Сталину давно было понятно, что на источники нефти Кавказа и Закавказья тевтоны смотрят только как на транзитные источники, необходимые для осуществления броска в направлении Ирана—Индии.

А что касается нефти и ее роли в грядущей войне, он понимал это еще в середине 20-х гг.: «...Вопрос о нефти есть жизненный вопрос, ибо от того, у кого будет больше нефти, зависит, кто будет командовать в будущей войне, кто будет командовать мировой промышленностью и торговлей»³. Так что отнюдь не случайно, что:

а) практически сразу после Киевской катастрофы 1941 г., а она, как известно, состоялась в середине сентября, Сталин уже 2, а затем 9 октября и 11 ноября того же года отдал первые распоряжения о подготовке обороны на Кавказском и Сталинградском направлениях⁴.

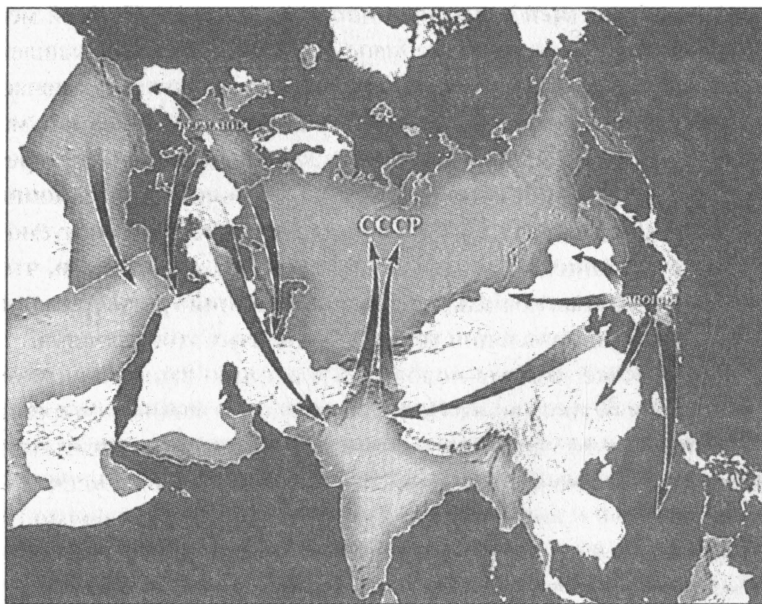
¹ Такер У. Сталин. Путь к власти. 1879—1929. История и Личность. Пер. с англ. М., 1990. С. 210.

² Лопатников С. Зеленая крона с черными корнями. <http://www.polit.ru>. Цит. по: Леонтьев М. Большая игра. М., 2008. С. 187.

³ Сталин И.В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. Собр. соч. М., 1952. Т. 7. С. 278.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 91. Л. 314; ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1554. Д. 10. Л. 352—353.

б) а буквально за пару с лишним недель до этого, непосредственно в сентябре 1941 г., когда разворачивалась Киевская катастрофа, на основании положений советско-иранского договора 1921 г. и по согласованию с Англией Сталин ввел советские войска (44-ю, 45-ю, 46-ю и 47-ю армии при поддержке Каспийской флотилии) в Северный Иран. Проще говоря, это очередное подтверждение того, что Сталин абсолютно точно знал подлинный вектор гитлеровской агрессии. Более того. Он знал, что и Иран, и Индия тоже не являются конечными целями Гитлера. Конечной целью было другое. Намерение реализовать еще один план расчленения СССР. Отираясь на грезившиеся фюреру индийский и афганский плацдармы, взрезать и южное подбрюшье СССР тоже.

Планировавшаяся нацистами схема совместного нападения Германии и Японии на Советский Союз в ходе Второй мировой войны. Схема взята из фотоальбома книги М. Леонтьева «Большая Игра». М., 2008

Так что санкционированное Сталиным усиление КОВО перед войной не имело ничего общего с теми идиотскими домыслами, которыми ныне наипигованы многие, с позволения сказать, «исследования». Другое дело, для чего в итоге дуэт Тимошенко—Жуков исполь-

зовал это усиление, умышленно извратив указания Сталина. Вот в чем главный вопрос, который еще предстоит проанализировать.

Во-вторых, захват Украины при главном операционном направлении на Киев и далее позволял создать ситуацию охвата Москвы германскими «клещами» — с севера и с юга, что достаточно четко обрисовано в плане.

В-третьих, захват Киева позволил бы создать сепаратистское правительство Украины — как фашистского, так и профашистского толка — с немедленным провозглашением независимости Украины и ее отделения от СССР. Кстати говоря, разведывательная информация на этот счет непрерывно поступала в Москву.

Самое интересное в «плане Гофмана» — не стремление «клещами» наступать на Москву, ибо в принципе это старинный военный метод, очень характерный именно для германского военного образа мышления.

Самое главное, которое, увы, почему-то не замечается, заключается в образовании сплошного фронта — от Балтийского до Черного моря. Потому что при нападении на СССР с запада целой коалиции агрессоров в упомянутом выше составе возникновение ситуации сплошного фронта при нападении на СССР было автоматически неминуемо. Ну а в рамках сплошного фронта самым главным являлось то, что он объективно создавал возможность использования третьего главного операционного направления удара — по центру этого фронта.

В ситуации же, когда в подобную коалицию входила активно и злобно русофобствовавшая Польша, третьим главным операционным направлением удара автоматически должно было стать только **варшавско-минско-московское!** Проще говоря, белорусское или, в терминах 1941 г., западное направление. И оно ведь прямо отражено на «плане Гофмана» образца 1936 года. Правда, пока еще не как главное и уж тем более не самое главное, как оно имело место в 1941 г. Но ведь, как говорится, лиха беда начало. Если совсем уж по-простому, то фактически с 1936 г. без особых затруднений можно было уяснить, что нападение на СССР с запада будет планироваться **по трем направлениям.** Иной логики стратегического планирования в тех конкретных географических условиях и быть не могло. Запомним этот **вывод как главный для будущей ситуации 1941 г.** Чуть позже мы вернемся к нему. А пока рассмотрим эволюцию «плана Гофмана» в преломлении военно-геополитических устремлений главного идеолога нацистской партии Альфреда Розенберга.

Идеи «плана Гофмана» нашли свое отражение не только в пресловутой «Майн кампф» А. Гитлера, но и в программном «труде» главного идеолога Третьего рейха Альфреда Розенберга — «Будущий путь немецкой внешней политики» (1927 г.). Полное родство обеих планов видно даже из приводимой ниже графической схемы «Плана Розенберга».

План Розенберга

Обо всем этом Сталин прекрасно знал, в том числе и по донесениям разведки. Выступая в январе 1934 г. с отчетным докладом на XVII съезде ВКП(б), Сталин говорил: «Дело в изменении по-

литики Германии. Дело в том, что еще перед приходом к власти нынешних германских политиков, особенно же после их прихода — в Германии началась борьба между двумя политическими линиями, между политикой старой, получившей отражение в известных договорах СССР с Германией, и политикой “новой”, напоминающей в основном политику бывшего германского кайзера, который оккупировал одно время Украину и предпринял поход против Ленинграда, превратив Прибалтийские страны в плацдарм для такого похода, причем “новая” политика явным образом берет верх над старой. Нельзя считать случайностью, что люди “новой” политики берут во всем перевес, а сторонники старой политики оказались в опале. Не случайно также известное выступление Гугенберга в Лондоне, так же как не случайны не менее известные декларации Розенберга, руководителя внешней политики правящей партии Германии»¹.

Красочно иронизируя по поводу «новой политики», Сталин попросту показывал, что прекрасно понимает непосредственную преемственность политики Гитлера от политики последнего германского кайзера. А то, что он не упомянул в этой связи «план Гофмана», — ничего удивительного. М. Гофман ведь и сам не был оригинален и в сущности всего лишь повторял кайзеровскую политику. Да и сошкой-то был невеликой этот самый М. Гофман, чтобы его упоминать, тем более после того, как его удачно отправили к праотцам.

Что же касается упомянутого им выступления Гугенберга, то речь идет о следующем. На проходившей летом 1933 г. в Лондоне международной экономической конференции глава германской делегации, министр экономики Германии А. Гугенберг, выступил с открытым призывом к войне против СССР: «**Необходимо предоставить в распоряжение народа без пространства новые территории, где эта энергичная раса могла бы учреждать колонии...** (здесь автором умышленно допущено многоточие — о том, что за этим скрывается, будет сказано ниже). **Война, революция и внутренняя разруха нашли исходную точку в России, в необъятных областях Востока. Этот разрушительный процесс все еще продолжается. Теперь настал момент его остановить**»². А. Гугенберг фактически продолжил

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 302—303.

² Цит. по: Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер. 1939—1941. М., 1991. С. 14.

эстафету яростно антисоветских выпадов провокационных призывов, которую начал еще упомянутый Сталиным глава внешнеполитического отдела НСДАП Альфред Розенберг. Посетив в мае 1933 г. Англию, этот, впоследствии повешенный по приговору Нюрнбергского трибунала, немецкий негодяй прибалтийского происхождения, но с тевтонскими замашками во время встречи с министром иностранных дел Дж. Саймоном и военным министром М. Хэлшем изложил так называемый **план «избавления Европы от большевистского призрака»**. У этих идиотов на Западе вечно руки чешутся бороться с какими-то невидимыми призраками! По этому плану предусматривалось присоединение к Германии Австрии (будущий аншлюс), Чехословакии, значительной части Польши, включая Данциг («польский коридор»), Познани, Западной Украины, а также Литвы, Латвии и Эстонии, как необходимых для дальнейшей экспансии нацистской Германии на восток плацдармов¹. Проще говоря, этот мерзавец испрашивал разрешения у Великобритании на вооруженную экспансию в восточном направлении по указанным азимутам. Но дело не только в этом. При внимательном рассмотрении его плана с использованием географической карты нетрудно заметить, что фактически он просил разрешение на реализацию **«плана Гофмана» в редакции «плана Розенберга»**. Иначе ведь до советских границ было не добраться. Карты этих двух планов выше были приведены. Так что сами можете в этом убедиться.

«Визиты» этих двух нацистских «гусей» на берега не столько Туманного, сколько Коварного Альбиона, внимательно отслеживала советская разведка. И уже 4 июля 1933 г. на стол Сталина легло совершенно секретное донесение разведки — **«Тайные предложения Гитлера Английскому правительству»**.

В том, что А. Розенберг и А. Гугенберг испрашивали соответствующего «одобряем-с» лично у Великобритании, ничего удивительного не было. Эти нацистские твари, как, впрочем, до них еще М. Гофман, а также сам фюрер, основную ставку в реализации своих беспрецедентно агрессивных планов откровенно делали на Англию. Причем не скрывая, что суть этой ставки — испокон веку господствующая в сознании правящей элиты Коварного Альбиона злобная русофобия,

¹ Цит. по: *Розанов Г.Л.* Сталин — Гитлер. 1939—1941. М., 1991. С. 15.

имеющая давние геополитические корни. Едва ли не во всех исследованиях о Второй мировой войне, Великой Отечественной войне или германском нацизме встречается следующая цитата из «библии нацизма» — гитлеровского «Майн кампф»: **«Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени (до Первой мировой войны XX в. — А.М.). Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на юг и запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь...»**¹ Однако весь смысл этой кровавой мерзости не столько в процитированном, сколько в том, что обычно все исследователи почему-то не цитируют, а именно в подлинном начале этого пассажа. Перед этими словами Гитлер разглагольствовал о союзе с Англией и преимуществах этого союза, вследствие чего подлинное начало этой цитаты в действительности выглядит так: **«Этим альянсом мы, национал-социалисты...»**² Принципиальная разница, как говорится, налицо. Но именно это и означало, что Гитлер всего лишь подрядчик, а заказчик — **PERFIDIOUS ALBION (Коварный Альбион)**. Проще говоря, Гитлер еще в «Майн кампф» просигнализировал **PERFIDIOUS ALBION**, что он готов исполнить подлый заказ Коварного Альбиона — устроить войну на полное уничтожение России (СССР)! Ну а подсуетившийся в развитие «мыслей обожаемого фюрера» его ближайший прихвостень-«теоретик», весьма плотно связанный и с английской разведкой А. Розенберг, так и вовсе разоткровенничался. Со страниц своей книги **«Будущий путь германской внешней политики»** (1927) Розенберг заявил, что, являясь **«прирожденным врагом единой России»**, Англия всегда заинтересована **«в создании на континенте государства, которое**

¹ *Hitler A. Mein Kampf. München, 1940. S. 296—297.*

² *Ibidem.*

будет в состоянии задушить Москву»¹. И, мол, именно поэтому «Германия предлагает Англии — в случае, если последняя обеспечит Германии прикрытие тыла на Западе и свободу рук на Востоке, — уничтожение антиколониализма и большевизма в Центральной Европе»². Впрочем, мог бы и не стараться — Гитлер и без Розенберга прямо обозначил эти идеи в «Майн кампф»³.

К 1936 г. окончательное теоретическое оформление получили и взгляды германского генералитета на стратегию достижения таких целей. Образно говоря, герры генералы «положили глаз» на стратегию так называемой молниеносной войны в варианте мобильной маневренной, позже (в конце 1939 г.) названной мировой прессой блицкригом. Они горячо обсуждали ее еще до привода Гитлера к власти.

Если быть абсолютно точным, то на самом деле термин «**Blitzkrieg**» впервые появился еще в 1935 г. на страницах немецкого военного журнала «**Deutsche Wehr**» в статье, автор которой рассматривал перспективы выигрыша войны государствами, не обладающими достаточной сырьевой базой. Однако тогда термин не вошел даже в военно-научный оборот самой Германии. Через три года, в 1938 г. термин появился во второй раз — на страницах немецкого военного журнала «**Militär-Wochenblatt**». И опять термин не получил путевки в жизнь... И только с **29 сентября 1939 г.** с нелегкой руки американского журнала «**Тайм**» этот термин был введен в мировой пропагандистский оборот и с тех пор широко применяется.

В наиболее полном виде идея «молниеносной войны» в варианте мобильной маневренной была сформулирована в книге известного еще со времен Первой мировой войны прошлого столетия германского генерала Э. Людендорфа — «**Тотальная война**»⁴. Именно на ее страницах детально описывалась столь прочно овладевшая умами нацистской верхушки и генералитета идея блицкрига. Однако и, увы, не только идея блицкрига была представлена на страницах этой книги. Людендорф разработал параметры именно такой войны, которая должна была вестись ради полного уничтожения одного народа другим. И хотя впоследствии

¹ *Rosenberg A.* Der Zukunftsweg einer deutschen Außenpolitik. München, 1927. S. 69, 80, 84.

² *Ibidem.*

³ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1. S. 145—146; Bd. 2. S. 253, 306.

⁴ *Ludendorff E.* Der Totale Krieg. München, 1935.

разгромленные германские генералы указывали в своих мемуарах, что-де германский Генеральный штаб внимательно изучил эту книгу и якобы бесповоротно забраковал ее¹, это полнейшая чушь. Или, проще говоря, откровенная ложь. Потому что германский Генеральный штаб отказался использовать предложенные Людендорфом методы тотальной войны всего лишь на западноевропейском театре военных действий. Да и то не навсегда. Потому как это не только мгновенно привело бы Германию к полному краху, но и навсегда исключило бы ее из семьи западноевропейских народов. Западноевропейский внутренний междусобойчик в те времена был таков, что даже в случае вооруженного столкновения подобные методы ведения войны были недопустимы. Европа же, однако, не приведи Господь... А вот на востоке в отношении славян можно, к вящему удовольствию возомнивших себя арийцами негодяев. Что они и продемонстрировали в Польше, но особенно на территории СССР!

Конечно, «творческие потуги» германского генералитета и военных теоретиков этим далеко не исчерпываются. Герры генералы написали изрядное количество статей, монографий и книг. Разработали немало тем и вопросов. Обо всем этом было известно Москве. Хотя бы потому, что тщательное наблюдение за «полетом творческой мысли» генералитета страны наиболее вероятного противника является одной из приоритетных задач не только военной разведки, но и аналитических подразделений Генштаба любого государства, тем более крупного.

Комментарий. *Результаты такого тщательного наблюдения за «полетом творческой мысли» генералитета страны наиболее вероятного противника можно увидеть, например, в тексте неизвестной статьи М.Н. Тухачевского, посвященной военным планам Гитлера и Германии, опубликованной в конце марта 1935 г. При подготовке статьи Тухачевский опирался как раз на подобные данные военной разведки и аналитических подразделений ГШ РККА. Так, в разделе «Германские взгляды на ведение современной войны» упомянутой статьи Тухачевский указывает (естественно, без ссылок на разведку и ГШ): «...Фон Сект первым в германской военной литературе поставил вопрос о том, что “целью современной*

¹ Гёрлиц Вальтер. Германский генеральный штаб. История и структура. 1657—1945. Пер. с англ. М., 2005. С. 291.

стратегии будет добиться решения при помощи подвижных, высококачественных, способных к ведению операций сил, — без того или до того, как массы придут в движение”. В связи с этим Сект требует иметь в мирное время вполне готовые к бою дивизии с тем, чтобы, по мобилизации, в них не вливалось никаких пополнений, т.е. чтобы в мирное время они сражались по штатам военного времени. Наряду с этим, Сект считает необходимым введение в Германии всеобщей воинской повинности для развертывания мощной обороноспособности страны. Людендорф, который, как известно, ныне привлекается к работе в германском генштабе, считая необходимой всеобщую воинскую повинность и максимальное использование для войны людских ресурсов Германии, точно так же считает необходимым иметь армию вторжения дезорганизации обороны противника на его территории и нанесения внезапных, молниеносных ударов. Людендорф недоволен темпами первого периода войны в 1914 году “Мобилизация и сосредоточение войск затягивались до 16-го дня мобилизации. Только спустя четыре недели после объявления мобилизации, разыгралось сражение под Танненбергом”. Поэтому, говорит Людендорф: “В ведении войны крупных военных держав против слабо вооруженных государств, быстрая мобилизация, как и быстрое наступательное продвижение войск, будет играть исключительную роль. Крупные военные державы, кроме авиации, для срыва мобилизации противника применяют быстроподвижные войска, состоящие из моторизованной пехоты и кавалерийских дивизий, усиленных бронетанковыми соединениями и вспомогательными войсками, перевозимыми на автомобилях. Все это указывает на то, что при подготовке к войне следует руководствоваться другими масштабами во времени и пространстве, чем которым учила нас военная история до сих пор”. Подполковник Неринг в только что вышедшей... книге говорит: “При мобилизации подвижные и моторизованные войска совместно с авиацией имеют задачей прикрыть собственные границы и обеспечить наступление собственной армии, а также короткими ударами нарушить мобилизацию и концентрацию противника”. Те же мысли высказывает и генерал Меци в книге “Современная военная наука”, изданной в 1934 году под редакцией известного германского военного писателя Кохенгаузена. Генерал Меци утверждает, что стратегическая цель сильно вооруженного государства заключается в перенесении военных действий на территорию противника, чтобы с самого начала войны

расстроить его военную организацию. Для этой цели должны быть, прежде всего, применены воздушные, затем быстроподвижные, т.е. в первую очередь моторизованные силы. Вслед за этими подвижными силами должны следовать крупные войсковые массы для создания прочной базы для операций. ...Маршал Петен в статье, помещенной в журнале "Revue des deux Mondes" от 1 марта с. г., характеризует германскую военную доктрину теми же чертами. Он говорит, что "появление нового вооружения может придать борьбе совершенно иной оборот. В настоящее время можно представить себе войну, внезапно начинающуюся приемами, способными уничтожить первый эшелон военных сил противника, дезорганизуящими его мобилизацию и разрушающими жизненные центры его мощи". "Орудия такой войны уже существуют", — добавляет маршал Петен и указывает, что этот метод пользуется в Германии особой популярностью...»¹ Еще более естественно, что советские разведывательные службы, в частности военная разведка, внимательно следили за претворением таких взглядов на практике.

Из записки № 240499 сс от 15 февраля 1935 г. начальника Разведуправления РККА на имя наркома обороны К.Е. Ворошилова о характере германских вооружений (по мнению полковника Кайзера, являющегося комендантом берлинского караульного полка и военным комендантом г. Берлина): «Сообщение источника, близкого национал-социалистическим кругам. По сведениям, численность конницы по отношению к пехоте будет доведена в рейхсвере до пропорции 1 : 3. Учитывая это соотношение конницы к пехоте, полковник Кайзер делает вывод, что германские вооружения явно направлены против России. При этом делается предположение, что в ближайшее время будет достигнуто соглашение с Польшей по вопросу о коридоре. Далее Германское правительство проявляет активность по вопросу о Мемеле. Осведомленные лица национал-социалистической партии выражают мнение, что вторжение рейхсвера в пределы Литвы будет началом войны с Россией, потому что Россия связана с Литвой договорами и, вероятно, выступит в пользу Литвы. Осуществление этой комбинации в высшей степени вероятно, поскольку в настоя-

¹ Цит. по: Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. Л. 161—169. Машинопись. Подлинник, автограф.

щий момент переговоры с Польшей якобы направлены к тому, чтобы гарантировать Польше выход к Балтийскому морю через Литву. В то же время, в переговорах с Польшей Германия якобы объявила готовность поддержать второе требование Польши, а именно: обеспечение доступа к Черному морю. Вообще Германия изъявила готовность поддерживать политику Польши в деле восстановления великой Польши, поскольку это не затрагивает германских областей»¹.

Из записки № 240752 сс от 15 марта 1935 г. начальника Разведуправления РККА на имя наркома обороны СССР К.Е. Ворошилова о подготовке фашистской Германии к войне: «**Краткое содержание записки о подготовке фашистской Германии к войне.** В начале 1933 г. командование рейхсвера предоставило Гитлеру план развертывания вооруженных сил Германии, рассчитанный на 4 года. Фактически довооружение идет гораздо быстрее. Подготовка к войне выражается в следующем. Организация высшего военного управления перестроена применительно к требованиям военного времени. Количество пехотных дивизий к 1.04.35 г. должно быть доведено до 42 (из них 21 дивизия второочередных), т.е. увеличение в 6 раз. Количество кав. полков увеличивается в 2,5 раза (42 вместо прежн. 18 к.п.). Артиллерия увеличивается в 6,5 раз (ок. 560 батарей вместо 84), причем вновь создается тяжелая и береговая артиллерия (ок. 20 д-нов).

Вновь создаются мотомех. войска. К 1.04.35 г. предположено было закончить формирование 7—9 танковых батальонов, 1 мотокорпуса в составе 1 мех. бригады, 2 противотанковых бригад, 1 полка ПТО, 1 мотобригады, 1 мотодивизии. Увеличиваются кадры комсостава путем призыва из запаса 8000 офицеров, путем сокращения срока обучения в офицерских школах (1,5 года вместо 2) и большого увеличения количества школ (существует 110 школ) по подготовке младшего и среднего комсостава. В мае 1934 г. впервые призвано 36 000 студентов на 6 месяцев в летние лагеря для подготовки их в офицеры запаса. Такими же темпами ведется подготовка обученного запаса военнообязанных через разные военизированные

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. Зс. Д. 774. Л. 172. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Разведывательное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Подлинник, автограф.

организации и рейхсвер. Подсчёты показывают, что наличие подготовленных кадров позволяет германскому командованию развернуть весной 1935 г. до 40 пех. дивизий в 1-м эшелоне мобилизуемой армии, через 2—3 месяца войны довести количество дивизий до 60. В случае реализации мероприятий по подготовке резервов, намеченных в 1935 г., командование рейхсвера к весне 1936 г. сможет выставить в первом эшелоне мобилизуемой армии 60 пехотных дивизий, а в течение 1 года войны не менее 100 пех. дивизий. В рейхсвере в настоящее время ведется лихорадочная работа как в области перевооружения армии новыми образцами оружия, так и в особенности в области разработок и конструирования новых образцов оружия и современных технических средств борьбы. Между прочим, к данному времени рейхсвер располагает не менее 1000 танков (разных образцов).

Военно-экономическая подготовка ведется по линии: 1. расширения и укрепления сырьевой военно-производственной базы; 2. развертывания сети кадровой военной промышленности и подготовки промышленности к войне; 3. организационного построения аппарата для мобилизации народного хозяйства и промышленности. В частности к настоящему времени созданы запасы важнейших видов сырья в количестве 6—8-месячной потребности 1-го года войны. Построен цинковый завод мощностью в 60 тыс. тонн в год. Накоплен запас жидкого горючего в размере ок. 1 млн. тонн. Развертывание военной промышленности и интенсивная работа ее дали возможность довести к настоящему времени запасы материальной части вооружения до пределов, достаточных для развертывания 40 дивизий.

Воздушный флот. Почти за 1,5 года фашисты создали воздушный флот в 600 боевых самолетов, из коих 60% бомбардировщиков. Приняты энергичные меры к быстрой подготовке личного состава авиации, через многочисленные военные школы и спортивную авиацию. В данный период готовится ок. 2000 лиц летного состава. Школа техников выпустила в 1934 г. ок. 2500 чел. тех. состава. Создано воздушное министерство в 1933 г. С 1934 г. создана “воздушная дивизия”, объединяющая бомбардировочную и истребительную авиацию. Организована инспекция резервов ВВС, задача которой — подготовить ок. 20000 резервистов ВВС. Производственная мощь авиапромыш-

ленности доведена до 500 самолетов в месяц. В настоящее время в стране имеется ок. 2800 самолетов.

Общий итог: Германская армия за период с фашистского переворота имеет по всем линиям громадный рост. Имеются значительные успехи по перевооружению армии новейшими техническими средствами борьбы. Несмотря на лихорадочную подготовку материальных ресурсов к войне, Германия, вследствие тяжелого экономического положения и относительной краткости сроков (1,5—2 года), не смогла еще довести экономическую подготовку до уровня полного использования ее потенциальных возможностей. Для того, чтобы стать на уровень готовности других стран (Франция, Англия, Польша), ей необходимо еще минимум 1 год. Само германское командование считает, что для борьбы одновременно на два фронта — против Франции и СССР, и даже для войны с одним СССР, германская армия в 1935 г. еще не готова.

Однако, по имеющимся у нас серьезным агентурным данным, Бломберг, Фриче, Рейхенау и Геринг допускают возможность участия Германии в войне уже в 1935 г. при условии одновременного нападения на СССР Японии и выступления Польши и Финляндии на стороне Германии»¹.

Глава 3

РАЗВЕДКА И ИСТОКИ ПЛАНА «ВАРИАНТ БАРБАРОССА»: ПЛАН «ВОСТОЧНОЙ КАМПАНИИ»

§ 1. *Разведка и кристаллизация замысла таранно-штурмового пролома советской обороны по трем направлениям при внезапном нападении в рамках стратегии блицкрига*

В конце 1936 г., когда «план Гофмана» обрел, казалось бы, окончательные черты, в том числе и за счет гибридизации с «планом Розенберга», произошло событие, которое радикальным образом изменило стратегическую ситуацию на годы вперед. Дело в том, что в конце 1936 г. в Германии были проведены уже упоминавшиеся выше стратегические командно-штабные игры на картах, на кото-

¹ РГВА. Ф. 33987. Оп. Зс. Д. 774. Л. 234. Машинопись на бланке: «НКО СССР. Разведывательное управление Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Подлинник, автограф.

рых впервые «обкатывался» прототип будущего плана «**Вариант Барбаросса**». Тогда он назывался скромно и непритязательно — «**План Восточной кампании**». За этими играми внимательно наблюдали обе основные советские разведки. ИНО НКВД, в частности, уже в начале 1937 г. сообщил высшему советскому руководству об этих играх и предшествовавшем им в ноябре 1936 г. совещании высшего политического и военного руководства Германии¹, а также об итоговых выводах по результатам игр и совещания. Самым важным в этой информации был итоговый вывод: «**Совещание пришло к выводу, что никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше**»². Не говоря уже о том, что разведка сообщила и о небывалом для того времени успехе пока еще в картографической агрессии — **в ходе этих игр Минск был взят на пятый день с начала агрессии!**

Одновременно разведкой было добыто и так называемое завещание Секта, внезапно скончавшегося в декабре 1936 г., практически сразу же после проведения упомянутых выше игр. В завещании говорилось: «**Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР**»³.

Совокупность этих данных автоматически означала, что, **во-первых**, если раньше главари нацистского режима были готовы выступить на восток в составе коалиции ряда государств, то теперь они были намерены самостоятельно решить вопрос о создании плацдарма для самостоятельного нападения на СССР. Ведь речь-то шла о базах именно в Восточной Польше. То есть о входивших тогда в состав Польши территориях Западной Украины и Западной Белоруссии. Проще говоря, сие означало, что во главу угла плана будущей агрессии

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 6.

² Там же.

³ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 147. Абсолютно идентичный текст содержится и на с. 194—195 его же книги «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы». М., 1997.

Германии уже была поставлена задача не столько отторжения важных экономических регионов СССР, что, как говорится, и так само собой разумелось Гитлером и германскими генералами, сколько прямого физического уничтожения СССР и его стенового хребта — России. Потому как поставленная задача о необходимости решения вопроса о базах на территории Восточной Польши означала, что уже непосредственно Гитлером и германскими генералами стал предусматриваться прямой удар на Белорусском направлении. А ведь это самая короткая дорога на Москву, которой издавна пользовались все агрессоры, что нападали на Русь с Запада с целью именно физического уничтожения Руси. И это не говоря уже о других составляющих плана агрессии.

И вот тут надо обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Упомянувшийся выше генерал Сект, как это явствует хотя бы из его завещания, был далеко не ангелом-хранителем нормальных советско-германских отношений. Он вообще никогда не был таким. Это был очень умный и потому очень опасный принципиальный враг России. В свое время он создал специальный комитет в рейхсвере по изучению опыта Первой мировой войны, в ходе работы которого предложил одну радикальную идею. Будучи твердо убежденным, что германские военные классики Клаузевиц, Шлиффен и Мольтке сотворили из идеи окружения противника некоего идола, заставляя всех поклоняться ему, Сект выдвинул двуединую концепцию, суть которой состояла в следующем. Решающим обстоятельством в грядущих войнах Германии против своих противников должны стать как скорость наступления, так и стремительный прорыв одним мощным ударом центра обороны потенциального противника. Правда, Сект предложил это вместо традиционных обходов противника с флангов. Увы, но идея Секта не пропала. Германские генералы запомнили ее. И еще раз, увы, Гитлер тоже. И, во-первых, когда дело дошло до попытки пока еще картографической обкатки гибрида «плана Гофмана» образца 1936 г. и «плана Розенберга» в виде так называемой «Восточной кампании», об этой идее вспомнили, что называется, к месту. Дело в том, что наиболее уязвимым звеном в указанных планах — Гофмана и Розенберга — оставался центр будущего сплошного фронта при нападении на СССР. То есть

старая, но с большим гонором европейская проститутка-забияка по имени Польша. Это отлично видно на приведенных картах-схемах этих планов. В Берлине исходили из того, что бес ее знает, что может вытворить не в меру амбициозная Польша, способная лизать афедроны сразу двух крупнейших игроков в Европе — Великобритании и Германии. Ведь тылы и фланги наступающих по двум направлениям германских войск в таком случае могли остаться незащищенными. Хуже того. Своей незащищенностью они могли начать искушать Варшаву нанести соответствующий удар в тыл (в том числе и нападении на Францию) и по флангам наступающих германских войск.

Справка. «Логика» политики Гитлера в отношении Польши была проста. Он сам ее сформулировал следующим образом: «Поначалу я хотел установить с Польшей приемлемые отношения, чтобы, прежде всего, повести борьбу против Запада. Однако этот привлекательный для меня план оказался неосуществимым, так как изменились существенно обстоятельства. Мне стало ясно, что при столкновении с Западом Польша нападет на нас»¹.

Учитывая, что политика Варшавы в те времена в немалой степени определялась Лондоном, то, с точки зрения уже замышлявшего агрессию против СССР Берлина, такие опасения были оправданны. Однако эта вполне могущая возникнуть ситуация не менее реально смогла бы занять еще более угрожающее значение в случае мощного ответного удара советских войск. В Берлине прекрасно понимали, что верховное командование быстро усиливавшейся Красной Армии всенепременно — такова логика стратегического планирования всех генеральных штабов — нанесет ответный удар в виде контрнаступления по самому слабому звену, дабы затем выйти в тыл и во фланги наступающих германских войск. Проще говоря, ответный советский удар придется по центру, то есть по Польше, тем более что у СССР были давние серьезные счёты с Польшей.

Увы, но это понимали также и на Западе, особенно в Англии и Франции. И это их понимание четко отразилось в их же действиях по подставе Польши под разгром со стороны Германии, которые Лондон и Париж осуществляли в последние восемь месяцев перед нападением Третьего рейха на Польшу.

¹ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal (IMT). Vol. XXVI. Doc. 798—PS.

Осознание совокупности этих обстоятельств спровоцировало серьезный перелом в сознании Гитлера и его генералов. Не отказываясь от сути идеи обхода с флангов и окружения противника, они взяли на вооружение те самые идеи Секта, о которых говорилось выше. То есть решающим обстоятельством в грядущих войнах Германии против своих противников, в том числе и против СССР, должны стать как максимально возможная скорость наступления, так и стремительный прорыв одним мощным ударом центра обороны потенциального противника. Чему должно способствовать одновременное нанесение ударов в других местах, но в рамках единого, сплошного фронта нападения, ибо такая стратегия автоматически лишает жертву агрессии возможности быстро сманеврировать силами и перебросить их на наиболее опасный участок.

Именно поэтому, и, **во-вторых**, в отличие от «плана Гофмана» и даже «плана Розенберга», пока еще картографическая стратегия «Восточной кампании» изначально предусматривала **три направления главного удара при сплошном фронте на пространстве от Балтийского до Черного моря**. Что в свою очередь означало прямое подтверждение завещания Секта. Ибо добиться грезившегося им успеха в течение менее двух месяцев в войне против такого даже чисто географически могучего противника, как СССР — об остальном уж и не говорю, — можно только при очень мощном ударе по центру сплошного фронта, который сопровождается одновременными фланговыми ударами типа а-ля Клаузевиц—Шлиффен—Мольтке. **Вот почему уже в плане «Восточной кампании» появилось сразу три главных направления удара по СССР**. Нанесение удара сразу по трем главным направлениям, центральное из которых является наиглавнейшим, давало, по мнению герров генералов, возможность не только стремительного взлома всей обороны СССР и не менее стремительного прорыва в глубь его территории. Это явилось прямым отражением монопольно господствовавших в сознании фюрера сугубо антисоветских, русофобских и вообще славянофобских соображений. Одновременно такая стратегия планирования агрессии создавала возможность стремительного окружения советских войск, вплоть до ситуаций «котлов» и перевернутого фронта. Чем впоследствии советские войска в буквальном смысле слова сверх всякой меры «объелись» в 1941 г.

Однако, поняв, какие стратегические выгоды дает такое планирование агрессии против СССР, Гитлер и его генералы буквально взвыли, придя к выводу, **«что никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше»**. Вот так на повестку дня окончательно и выдвинулся вопрос о ликвидации Польши, потому как только таким путем Гитлер и его генералы могли создать базы для операций в самой Восточной Польше, сиречь, по-нашему, в Западной Украине и особенно Западной Белоруссии.

Но и это еще не все, что касается картографической агрессии «Восточная кампания». Там было и то, что впервые раскрывало самое сокровенное и что впоследствии переключало и в план **«Вариант Барбаросса»**. Речь идет о доминирующей в этих планах ставке на уничтожение Русской цивилизации как таковой, причем вне какой-либо зависимости оттого, что в тот период времени Россия называлась СССР.

Ведь упомянутые в завещании Секта объекты первоочередного захвата Ленинград (Санкт-Петербург), Москва и Киев, а именно они-то и являлись главными направлениями удара в соответствии с планом «Восточной кампании», не являлись целями сугубо военно-стратегического характера. Их реальное значение выходило (и выходит!) далеко за рамки этого понятия. Ибо прежде всего они ярчайшие символы самых важных этапов в истории Русской цивилизации. В непосредственной близости от Ленинграда (Санкт-Петербурга) находится центр Ладужской цивилизации — праматери Русской цивилизации. Не говоря уже о том, что сам град Петра Великого являет собой особого рода символ России как имперского образования. Киев — исторический символ Киевской Руси и ее цивилизации. Образно говоря, Киев — мать городов русских. Москва — исторический символ Русского централизованного государства и соответствующей ему цивилизации. Не говоря уже об особом стратегическом ее значении как столицы государства. Одновременный их захват и тем более уничтожение означал бы конец Русской цивилизации как таковой. Что, в общем-то, и планировал Гитлер. Проще говоря, стала очевид-

ной ставка на уничтожение Русской цивилизации в грядущей войне. Кстати говоря, более чем характерно, что появление такой ставки в планах нацистов совпало с крутым поворотом политики Сталина в сторону возрождения сильного Русского государства, восстановления прерванной октябрём 1917 г. и последовавшей затем революционной вакханалией исторической преемственности Советского государства от прежней России.

В-третьих, отчетливо проявилась ставка на блицкриг (хотя сам термин, подчеркиваю, широко еще не употреблялся, использовался термин «молниеносная война»). Более того. Не менее очевидной стала и ставка на разгром Красной Армии в приграничных сражениях. Потому как только в таком случае можно было надеяться на то, что вермахт докатится до Киева, Ленинграда и Москвы.

Все три вывода в концентрированном виде проявились в следующем уникальном факте. Как указывалось выше, в процессе этих игр на картах германские генералы **«взяли» Минск на пятый день картографической агрессии!** И это в ситуации, когда между Германией и СССР еще существовал громадный территориальный буфер — в лице Польши. Причем герры генералы «взяли» Минск на пятый день даже без теоретического учета возможностей коалиционных сил! То есть без учета сил своих союзников! Всего лишь своим, мягко выражаясь, более чем худосочным в то время вермахтом?!

В итоге стало очевидным следующее. Вопрос о нападении Германии на Польшу был предрешен еще в конце 1936 г. Прежде всего, ради создания соответствующего плацдарма для последующего нападения на СССР. По «технологии» блицкрига, по трем главным направлениям, с наиглавнейшим ударом на Белорусском направлении. И тогда же «соответствующим образом» прорабатывался!

Если говорить принципиально, то эти игрища и тем более выводы из них явились прямым последствием документально точно установленного советской внешней разведкой факта о том, что в ходе тайной встречи министра иностранных дел Великобритании Дж. Саймона и Гитлера (в марте 1935 г.) последнему был гарантирован «зеленый свет» в его агрессивной экспансии на восток. И поскольку здесь наш разведывательно-исторический анализ незаметно соприкасается с

понятием «неминуемой неизбежности войны в самом ближайшем тогда грядущем будущем» (в смысле ускоренного нарастания угрозы вооруженного нападения), которое неразрывно связано с мифом о том, что-де советская разведка не имела достоверной информации о планах руководства Третьего рейха на осень 1939 г., в частности о том, что война в Европе начнется именно с вторжения вермахта в Польшу, и потому не могла своевременно информировать высшее советское руководство о том, что нападение на Польшу станет предвестником нападения нацистской Германии на СССР, отметим следующее.

Еще осенью 1935 г. стала известна принципиальная схема приближения угрозы «неминуемой неизбежности войны в самом ближайшем тогда грядущем будущем» (в смысле ускоренного нарастания угрозы вооруженного нападения) — нападение нацистской Германии на Польшу. Эти данные стали известны советской внешней разведке благодаря усилиям известной французской журналистки Женевьевы Табуи и влиятельного французского банкира Танери. Тогда же стала известна и очередность реализации планов Гитлера, в частности, на 1938 г. — захват Австрии, затем Чехословакии, что и означало бы выход вермахта на исходные для нападения на Польшу позиции¹.

К слову сказать, вовсе не случайно, что в состоявшейся 1 марта 1936 г. беседе с председателем американского газетного объединения «Скриппс — Говард Ньюспейперс» Роем Говардом, отвечая на вопросы последнего: «**Как в СССР представляют себе нападение со стороны Германии? С каких позиций, в каком направлении могут действовать германские войска?**», Сталин, как уже вкратце отмечалось выше, заявил следующее: «**История говорит, что когда какое-либо государство хочет воевать с другим государством, даже не соседним, то оно начинает искать границы, через которые оно могло бы добраться до границ государства, на которое оно хочет напасть. Обычно агрессивное государство находит такие границы. Оно их находит либо при помощи силы, как это имело место в 1914 г., когда Германия вторглась в Бельгию, чтобы ударить по Франции, либо оно берет такую границу “в кредит”, как это сделала Германия в отношении Латвии, скажем, в**

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 45, 81.

1918 г., пытаясь через нее прорваться к Ленинграду. Я не знаю, какие именно границы может приспособить для своих целей Германия, но думаю, что охотники дать ей границу “в кредит” могут найтись»¹.

Комментарий. Небезынтересно отметить следующее. Эта беседа состоялась 1 марта 1936 г., то есть за неделю до того, как с прямой санкции Великобритании, в том числе и британского короля Эдуарда VIII, Гитлер реокупировал Рейнскую область.

§ 2. Разведка и кристаллизация временных рамок будущей агрессии и позиций западных держав

Первые же данные о том, что именно к осени 1939 г. разразится война (против Польши), поступили еще в самом конце 1937 г. Дело в том, что со ссылкой непосредственно на австрийского канцлера, один из корреспондентов британской «Таймс» сообщил, что, по словам Гитлера и Геринга, война начнется «к осени 1939 года». «Таймс» положила эту информацию под сукно, даже не попытавшись ее опубликовать, но передала ее в Форин Офис, где она осела в досье под названием «Германская опасность», в которой концентрировались все наиболее ценные донесения и сообщения разведки, дипломатов, журналистов, бизнесменов и других лиц о Германии. Ну а самыми любознательными читателями материалов этой папки были агенты советской разведки в МИД Великобритании. Так что еще на дальних подступах к Мюнхенскому сговору Запада с Гитлером Москва располагала убедительной и достоверной информацией о наиболее вероятном векторе гитлеровской агрессии в самом ближайшем будущем.

В общем и целом подтверждался известный Москве еще с 20-х гг. вывод президента Франции Пуанкаре от 1922 г., в котором он четко и однозначно указал вектор будущей агрессии Германии: **«Не на Рейне начнется наступательный маневр Германии, направленный к разрушению мира, построенного в Версале... На востоке — вот где**

¹ Сталин И. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс — Говард Ньюспейперс» г-ном Роем Говардом. 1 марта 1936 г. Партиздат ЦК ВКП(б). М., 1937. С. 6—7.

развернется атака Германии»¹. А вывод Пуанкаре, к слову сказать, неоднократно подтверждался и данными разведки в 20-е—30-е гг. В качестве одного из подтверждений можно напомнить уже приводившееся выше сообщение агента советской военной разведки Дипломата.

Но вернемся, однако, к событиям 1936 г. **В том же 1936 г. впервые стало вырисовываться и вероятное время развязывания Гитлером войны в Европе.** Дело в том, что 20 августа 1936 г. Гитлер подписал меморандум «**Об экономической подготовке к войне**», в котором указал: **«Я ставлю следующие задачи:**

— **через четыре года мы должны иметь боеспособную армию,**
— **через четыре года экономика Германии должна быть готова к войне»².**

В результате несложного арифметического действия нетрудно было прийти к выводу, что с конца августа 1940 г. уже следовало ожидать войны. Кстати говоря, именно с этим обстоятельством связано содержание одной из январских 1937 г. телеграмм Р. Зорге в Центр. В ней он сообщил высказанное в приватной беседе с ним мнение своего «друга» — германского военного атташе О. Отта. Возвратившись из командировки в рейх, куда он ездил для участия в тех самых играх и совещаниях, о которых говорилось выше (а они-то проводились как логическое продолжение-развитие упомянутого выше меморандума), Отт рассказал Зорге, что Германия может рискнуть начать серьезную войну не раньше чем через четыре года³.

Учитывая, что в тот период времени на германском направлении у советской разведки уже была блестящая агентура, способная добывать подобную информацию, содержание этого меморандума не стало секретом для Москвы. В том числе, естественно, и того его пассажира, в котором Гитлер указал, что **«целью этого меморандума не является предсказание времени, когда нетерпимая ситуация в Европе**

¹ Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Documents relatifs aux négociations concernant les garanties des sécurités contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919 — 7 décembre 1923). Paris, 1924. P. 143.

² Цит. по: *Полторак А., Зайцев Е.* Русские господа и вашингтонские судьи. М., 1968. С. 66—67.

³ *Горбунов Е.А.* Схватка с черным драконом. М., 2002. С. 284.

перейдет в стадию открытой войны. Я хочу лишь выразить мое твердое убеждение, что этот кризис не преминет наступить»!¹ То есть в тот период времени Гитлер и сам толком не знал, когда же можно будет начать войну, хотя и поставил задачу через четыре года быть готовыми к ней. Однако, принимая во внимание, что экспансионистские планы Гитлера были направлены на восток, прежде всего против СССР, Москве не приходилось сомневаться, что при такой постановке задач, каковая имелась в тексте упомянутого меморандума, в первую очередь подразумевалась война против СССР. Чуть позже, в сентябре 1936 г., на очередном съезде нацистской партии, фюрер на всякий случай во всеуслышание ляпнул, что-де готов напасть на СССР в любой момент!

Усилия советской разведки в новом 1937 году принесли не только новые сведения об очередном наиболее вероятном времени развязывания Гитлером войны, но и точные знания о том, каким образом Запад намерен канализировать грядущую нацистскую агрессию персонально против СССР. Уже в самом начале этого года стало известно о том, что **Великобритания откровенно ожидает войны в Европе не позднее 1938 г.**²

«Провиденциальные способности» Лондона никогда не были способностями от Бога, но только от дьявола. Что и подтвердила советская нелегальная разведка в своем донесении от 29 января 1937 г. Дело в том, что в конце января 1937 г. по инициативе Лондона произошла конфиденциальная встреча президента США Ф. Рузвельта со специальным представителем британского премьер-министра С. Болдуина — лордом Рэнсименом, итоги которой впоследствии стало возможным квалифицировать как малоизвестный англо-американский предмюнхенский сговор. **Потому что в процессе их конфиденциальных переговоров была выработана конкретная «технология», по которой США и Великобритания были намерены безальтернативно исключить Советский Союз как предот-**

¹ Цит. по: *Полторак А., Зайцев Е.* Рурские господа и вашингтонские судьи. М., 1968. С. 66—67.

² Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 3, 1933—1941. С. 468.

вращающий «вступление Германии в войну» важнейший фактор не только европейского, но и мирового значения! Причем при одновременном обеспечении нацистской Германии возможности быстрого достижения необходимого уровня военной и военно-экономической готовности, а также стратегического плацдарма для немедленного развязывания войны на восточном азимуте!

От имени США Рузвельт заявил Рэнсиму: «Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территориальных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону»? В ответ Рэнсимен ретиво поддакнул, что-де «в основе каждого нападения фашистов или их вассалов на СССР будут лежать империалистические мотивы»?¹ Вот же «социалисты» хреновы! Ишь как озаботились «империалистическими мотивами» Третьего рейха!

Однако все дело в том, что по состоянию на конец января 1937 г. непосредственной, прямой угрозы для СССР со стороны гитлеровской Германии еще не было. Территориально Гитлер не только был еще весьма далек от советских границ и даже не знал, как к ним подобраться, но и слаб в военно-экономическом отношении. В то же время была очевидна серьезная общая угроза миру и безопасности в Европе в связи с воцарившимся в Германии нацистским режимом, наглевшим день ото дня. Естественно, что такого же характера угроза существовала и для СССР. Отсюда и вопрос — а что же тогда на самом-то деле обсуждали Рузвельт и Рэнсимен?!

Выяснилось, что под прикрытием внешне красивых рассуждений о «демократии» в тот момент обсуждалась краеугольная часть уже существовавшего у Великобритании преступного замысла по сговору с Гитлером! Советская разведка документально точно уста-

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 3, 1933—1941. С. 468.

новила следующее. Накануне встречи Рузвельта с Рэнсименом британский посол в США Линдсей через госсекретаря Хэлла официально проинформировал высшее американское руководство о том, что между Лондоном и Парижем достигнуто соглашение о «совместном общем плане действий (так в документе. — А. М.) Англии и Франции», первый пункт которого гласил: «1. Будет сделана новая попытка достигнуть соглашения с Берлином!»¹ Как оказалось впоследствии, речь шла о будущем (Мюнхенском) сговоре с Гитлером!

Потому что оказаться «под угрозой германских, чисто империалистических, то есть территориальных стремлений» в то время СССР мог только в одном-единственном случае — если Запад злонамеренно даст Гитлеру не только коридор для максимального приближения к границам СССР, но и конкретный плацдарм для нападения! Конкретно в тот период времени дать Гитлеру коридор для максимального приближения к границам СССР и плацдарм для нападения, было возможно только за счет Чехословакии! И вот что важно в этой связи.

Подставить СССР под «угрозу германских, чисто империалистических, то есть территориальных стремлений» по состоянию на тот период времени означало следующее. Что США и Великобритания намерены оказать свое максимальное содействие Гитлеру в реализации «плана Гомфана». В том числе и в редакции «плана Розенберга» на его юго-восточном направлении, которое для СССР означало юго-западное направление. Потому как прежде чем добраться до ближайших подступов к советским границам на этом направлении, необходимо было сокрушить Чехословакию (а до нее еще и Австрию). Даже британская пресса еще за три года до этого англо-американского сговора отмечала, что «не нужно иметь большое воображение, чтобы представить себе план германской кампании, которая, начавшись соединением с Австрией и Венгрией, сначала направится с Чехословакией, а затем прорвется на Украину, по направлению к Черному морю»². Прорваться же на Украину можно было, лишь расправившись с Польшей, сокрушить которую, в свою

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 3, 1933—1941. С. 470.

² Sunday Times, 3.VI. 1934.

очередь, могли позволить лишь плацдармы для нападения с территорий Чехословакии и Австрии, а также привлекательные для Берлина ресурсы этих стран.

Проще говоря, Рузвельт и Рэнсимен обсуждали вопрос о том, **как наиболее эффективно уже в то время подставить СССР под «угрозу германских, чисто империалистических, то есть территориальных, стремлений»**, дабы змеиное «предвидение» Лондоном войны не позднее 1938 г. свершилось! Как видим, Сталин был более чем прав, заявив 1 марта 1936 г. в интервью американскому корреспонденту, что охотники дать Германии границу «в кредит» могут найтись. И ведь нашлись же, сволочи...

А сразу же после этого англо-американского сговора последовал второй акт «англосаксонского геополитического балета» — состоялся еще менее известный англо-германский предмюнхенский сговор. В начале февраля 1937 г. в германском городе Баденвейлере состоялась строго конфиденциальная встреча тет-а-тет между министром рейхсэкономики и президентом рейхсбанка Ялмаром Шахтом и главой экономического департамента британского министерства иностранных дел Ф. Лейт-Россом¹. Результаты именно этой встречи и раскрыли полностью суть **«новой попытки достигнуть полного соглашения с Берлином»**. Потому что, если реконструировать (иного выхода нет, так как официально информация советской разведки об этой встрече пока еще не рассекречена, да и МИ-6 не торопится сделать это) ход и особенно итоги этой встречи, можно констатировать следующее:

1. От имени правительства Великобритании Лейт-Росс ясно дал понять (Гитлеру), что нет никакой необходимости требовать решения вопроса о колониальных и экономических уступках, чем в то время был занят фюрер. Если, конечно, он согласится с британским предложением о том, что в порядке компенсации Великобритания (при участии Франции) поможет Берлину выгодным для него образом урегулировать волновавшую его Судетскую проблему. Причем в случае согласия он заодно получит прямой доступ к развитой индустриальной базе ВПК Чехословакии, ее богатейшим арсеналам вооружений, мощной военно-инженерной инфраструктуре в непо-

¹ 1939 год. Уроки истории / Под ред. О.А. Ржешевского. М., 1990. С. 58.

средственной близости от границ СССР. Проще говоря, Гитлеру предлагалось снять все колониальные и экономические претензии, взамен чего через некоторое время он обязательно получит Чехословакию со всем ее демографическим, экономическим, военно-экономическим, военно-техническим и иным «приданым» в качестве плацдарма для нападения на СССР. Поскольку торг шел между опытнейшими специалистами в области экономики и финансов, то и главный лейтмотив торга был чисто финансово-экономический, чего, как правило, при анализе предыстории Мюнхенского сговора не учитывают.

2. Аналогичным образом фюреру дали понять, что западные демократии — Лондон и Париж — ожидают от него серьезного аванса в знак согласия с «солидным» предложением. А в качестве аванса западные демократии изъявили намерение зачесть ему немедленное прекращение даже зондажных контактов по урегулированию межгосударственных отношений как с СССР, так и с Чехословакией, которые имели место в то время.

Историческая справка. Речь идет о предпринимавшихся по поручению Сталина попытках торгового представителя СССР Д. Канделаки договориться с Берлином об урегулировании и нормализации резко осложнившихся после прихода Гитлера к власти межгосударственных отношений Советского Союза и Германии. Настойчивая активность советского представителя и определенная, сугубо прагматическая благосклонность к ней со стороны ряда видных представителей германских финансовых и деловых кругов сильно раздражала Лондон. Поскольку нормализация межгосударственных советско-германских отношений автоматически привела бы к очередной пролонгации Берлинского договора от 1926 г. о нейтралитете и ненападении между двумя странами. Между тем первый пролонгированный срок этого договора истекал в начале лета 1938 г. И Великобритания была крайне заинтересована в том, чтобы не допустить очередной пролонгации, так как это автоматически отодвинуло бы сроки планируемой ею войны между Германией и СССР.

Короче говоря, Лейт-Росс ясно дал понять, что если Гитлер воспримет все эти предложения, то Великобритания вполне реально может поспособствовать «мирному» получению Берлином столь прекрасного для нападения на СССР плацдарма с богатейшими арсеналами

вооружений и прекрасной военно-инженерной инфраструктурой! Естественно, что Гитлер «понял»...

А 16 ноября все того же 1937 г. сам Уинстон Черчилль лично подтвердил советскому полпреду в Лондоне И. Майскому, что **готовится предательство Чехословакии ради предоставления Гитлеру свободы рук на востоке**¹. Обращаю внимание на то, что Великобритания готовила это предательство Чехословакии ради предоставления Гитлеру свободы рук на востоке. И при этом имел в виду оказание Гитлеру содействия в реализации его экспансионистских намерений на юго-восточном направлении по «плану Гофмана»!

В СССР очень внимательно следили за этими отнюдь не цирковыми фокусами главных мировых шакалов. Не случайно, что уже 29 ноября 1937 г. в СССР было подписано **Постановление Комитета обороны М-8**. Этим постановлением назначенному тогда начальником Генштаба Б.М. Шапошникову было поручено составить новый вариант **«Соображений о стратегическом развертывании Вооруженных сил на случай войны на период 1938—1939 гг.»**. Решение было более чем своевременное, скорее даже заблаговременное.

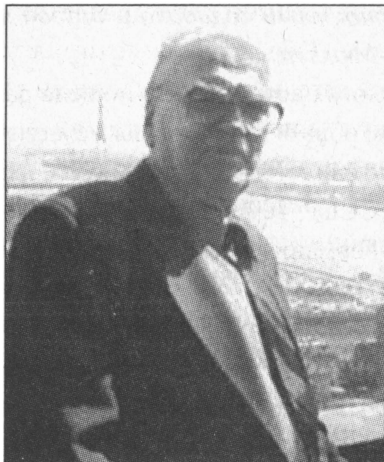
Комментарий. *Здесь следует иметь в виду, что «стратегическое развертывание является сердцем плана войны», в данном случае, плана отражения агрессии*².

Потому что уже в марте 1938 г. в Москву поступили сильно встревожившие ее данные. Мало того что при прямом попустительстве Запада уже произошел аншлюс Австрии, так еще и оказалось, что под контролем СС 15 марта 1938 г. в старинном замке Вартбург состоялась секретная конференция астрологов Третьего рейха, в ходе которой «звездочеты» выработали свои прогнозы в отношении предполагаемых военных действий Германии, в том числе и в отношении СССР. Именно от астрологов Третьего рейха впервые прозвучал 1941 г. как наиболее удобный срок для нападения на Советский Союз. Причем было указано даже конкретное время — не позднее второй половины мая 1941 г.!

¹ Научное наследие. Иван Михайлович Майский. Дневник дипломата. Кн. 1. М., 2006. С. 189. ДВП СССР. Т. XX, документ № 411. С. 608—609.

² Меликов В.А. Стратегическое развертывание. М., 1939. С. 7.

Справка. В среде германских астрологов присутствовало и недреманое око Сталина. Им был очень близкий к заместителю Гитлера по партии Рудольфу Гессу талантливый ученый-астролог, граф Сергей Алексеевич Вронский (1915—1998).

Сергей Алексеевич Вронский

С детства блестяще владевший астрологией, хиромантией, магией, обладавший отличными способностями к гипнозу и психотерапии и являвшийся прекрасным экстрасенсом-медиком граф был близко знаком с верхушкой Третьего рейха, поддерживал дружественные отношения с личным астрологом Гитлера Карлом Эрнстом Крафтом. Как это явствует из весьма скромных описаний его жизненного пути, граф был занят информационным освещением наиболее скрытой от посторонних глаз части нацистского режима — его связей с оккультными силами, в том числе и связей по оккультным каналам с наиболее могущественными закулисными силами Запада. Граф входил и в круг членов тайного общества «Врил», создателем и главой которого являлся легендарный германский геополитик Карл Хаусхофер и, судя по всему, имел какое-то отношение к проекту рейхсфюрера СС Гимmlера «Аненербе» («Наследие Предков»). Именно С.А. Вронский весной 1938 г. сообщил об особо секретном совещании астрологов, которое рекомендовало Гитлеру определить время нападения на СССР на 1941 г.

В практике советской разведки история графа не единственная. В составе, например, разведгруппы Харро Шульце-Бойзена была профессиональная ясновидящая Анна Краус, внесшая существенный вклад в добывание информации о планах немецкого командования. Такими же способностями обладала и другой член этой же группы — Ода Шотт-Мюллер.

Конечно, астрология астрологией, но ведь разведывательная информация и в целом общий ход развития международной обстановки действительно ясно свидетельствовали об ускоренном приближении войны к границам СССР. Тем более что еще в конце 1937 г. стало известно о том, что Германия все-таки развяжет войну на восточном азимуте к осени 1939 г.

Справка. Эта информация была добыта английскими журналистами в Вене (Австрия). Ее источником был австрийский канцлер. По заведенному тогда правилу всякая более или менее серьезная информация, относившаяся к Германии, от кого бы она ни исходила, направлялась в МИД Великобритании, где ее приобщали к материалам специально для этого заведенной папки «Германская опасность»¹. Как отмечалось выше, одними из самых внимательных читателей материалов этой папки были агенты советской внешней разведки в МИД Великобритании.

В конце августа 1938 г. стало известно о проведенном 19 августа в г. Ютерборге секретном совещании высших чинов германской армии и министерства иностранных дел Германии. Как установила советская военная разведка, во время совещания было вновь однозначно заявлено, что «основная цель фюрера — борьба с настоящими врагами — Советами...», а «захват Чехословакии является лишь преддверием на пути к зерновой житнице Европы... Германии нужны колонии, но не в Африке, а на востоке Европы, ей нужна зерновая житница — Украина»². Прорваться же к зерновой житнице Европы Украине можно было, еще раз обращая на это внимание, лишь сокрушив Польшу. А в конце сентября 1938 г. явью стал и сам Мюнхенский сговор Запада с Гитлером, после

¹ Рид Дуглас. Спор о Сионе. М., 1992. С. 311—312.

² Разведывательная сводка № 1 (по Западу). РУ РККА, М., 1939. С. 3—4, 11—13, 14.

которого даже дворники в Европе знали, что война на континенте вот-вот гряхнет.

Аннексия Третьим рейхом при активной помощи Запада Судетской области Чехословакии означала очередной шаг в их совместной реализации «плана Гофмана»/«плана Розенберга» на юго-восточном и частично восточном направлении. И не случайно, что сразу же после совершения этой не только позорной, но и прежде всего особо подлой по отношению к СССР сделки Запада с Гитлером на стол Сталина легло любопытное сообщение разведки. В нем говорилось, что, улетая из Мюнхена, свихнувшийся на зоологических русофобии и антисоветизме психически неадекватный негодяй и он же по совместительству премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен прямо у трапа самолета заявил Гитлеру: **«Для нападения на СССР у вас достаточно самолетов, тем более что уже нет опасности базирования советских самолетов на чехословацких аэродромах».**

А чуть позже по каналам разведки Сталин был проинформирован, что и Франция заняла такую же позицию. **Во-первых**, стало документально точно известно, что в ходе подготовки франко-германской декларации (фактически пакта о ненападении!) официальный Париж обещал Берлину **«не интересоваться восточными и юго-восточными делами»** при условии, что немцы будут строго придерживаться такой же линии и в отношении Средиземноморья¹. **Во-вторых**, также документально точно стало известно, что министр иностранных дел Франции заявил нацистским главарям: **«Оставьте нам нашу колониальную империю, и тогда Украина будет Вашей»**².

Ничего удивительного в том не было. Потому что обе державы — Великобритания и Франция — прикрылись фактически пактами о ненападении с Германией: Лондон — с 30 сентября 1938 г., Париж — с 6 декабря 1938 г. У них есть, а у Москвы — нет. Потому что даже пролонгированный срок действия договора о нейтралитете и ненападении 1926 г. истек еще в начале лета 1938 г. **Путь на восток для Гитлера был открыт...**

Небезынтересно в этой связи заметить следующее. Проект документа под названием **«Об основах стратегического развертывания**

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 3. С. 63.

² *Debû-Bridel J. L'Agonie de la Troisième République. 1929—1939. Paris, 1948. P. 511—312.*

РККА на период 1938—1939 гг.» был представлен на рассмотрение высшего советского военно-политического руководства уже 24 марта 1938 г., то есть едва только произошел аншлюс Австрии. А вот утвержден он был, естественно, после соответствующих доработок, **13 ноября 1938 г.**, то есть через полтора месяца после позорной Мюнхенской сделки Запада с Гитлером. В этом важнейшем документе военного планирования того времени — **«Об основах стратегического развертывания РККА на период 1938—1939 гг.»** — самым главным было то, что ответные действия советского военного командования предусматривались в двух вариантах: к северу от Полесья и к югу от него. Проще говоря, если агрессия предусматривалась на северобалтийском и юго-восточном направлениях, то ответные как оборонительные, так и контрнаступательные действия РККА планировались также на этих направлениях, только, естественно, по нашей терминологии — на северо-западном и юго-западном направлениях. В этом же документе были зафиксированы еще два принципиальных положения:

— **внезапность нападения противника должна быть нейтрализована (полной) боевой готовностью Красной Армии**¹;

— **боевые действия Красной Армии с началом войны должны носить характер сдерживающих боевых действий, главным образом в укрепленных районах «линии Сталина»**².

То обстоятельство, что упомянутый выше документ был утвержден 13 ноября 1938 г., не случайно. Дело в том, что советская разведка практически мгновенно зафиксировала крутой разворот алчно-хищного взгляда Гитлера в сторону захвата польского плацдарма, который произошел практически сразу после Мюнхенского сговора. Уже 11 октября 1938 г., то есть всего лишь через двенадцать дней после этого позорного сговора, советская военная разведка проинформировала руководство СССР и НКВД СССР о царящих в голове Гитлера планах в отношении Польши. В разведывательной информации говорилось о том, что **«Гитлер уверен, что ни Англия, ни Франция не вмешаются в германо-польский конфликт»**³. Кстати говоря,

¹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2851. Д. 239. Л. 1—20.

² Там же.

³ А.Г. Орлов — М.П. Фриновскому, 11 октября 1938 г. Спецсообщение «Проблема польско-германских отношений. РГА ВМФ. Ф. п.-1678. Оп. 1с. Д. 47. Л. 22.

впоследствии, уже во время Нюрнбергского процесса, выяснилось, что в промежутке с 21 октября по 24 ноября 1938 г. Гитлер издал директивы, согласно которым предписывалось:

- разгромить «оставшуюся часть Чехии» — Судетской области фюреру показалось мало;
- подготовить оккупацию Мемеля (Клайпеда, Литва);
- начать подготовку к внезапному захвату Данцига (Гданьск, Польша), что автоматически означало полномасштабную войну с Польшей¹.

Нет никаких сомнений, что советская разведка узнала и об этих директивах Гитлера, раз уж до этого добыла упомянутые выше сведения о планах Гитлера в отношении Польши. Жаль только, что подтвердить это документально несколько затруднительно, поскольку далеко не все разведывательные донесения ГРУ и СВР того периода рассекречены. Но косвенно все-таки можно, так как в агентурной информации, которая приводится ниже, содержались также и данные об интенсификации с осени 1938 г. разведывательной деятельности германской военной разведки по сбору необходимых для разработки плана нападения на Польшу сведений. Информация ГРУ от 7 мая 1939 г. свидетельствовала о том, что «германский удар на Польшу стоит в плане еще с 1938 года»². Источниками этой информации были ближайший сотрудник Риббентропа П. Клейст, военно-воздушный атташе при посольстве Германии в Польше полковник Герстенберг и германский посол в Польше фон Мольтке.

Со второй половины декабря 1938 г. пошли первые сигналы о том, что по убеждению Гитлера, «Польша будет нужна Германии еще примерно два года»³. Доложенная Сталину, Молотову, Ворошилову, Берия и Шапошникову (тогда начальник ГШ) информация об этом поступила от ценного агента ГРУ — АБЦ, он же Курт Велкиш.

Эта информация означала, что, во-первых, Польша сможет оставаться серьезным территориальным буфером между Германией и

¹ The Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal/ Nuremberg, 1947. Vol. XXXIV. Н. 477—478, 480—482.

² ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 350—360.

³ ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 38—46.

СССР в лучшем случае еще примерно два года, а, **во-вторых**, через эти же два года возникнет и непосредственная угроза вооруженного нападения Германии на СССР. А то, что из этого можно было сделать только такие выводы, подтвердил и сам фюрер, заявив лицу, от которого это стало известно агенту ГРУ, что **«нельзя предполагать, что план относительно Востока ограничится одной только Польшей»**¹. Да, собственно говоря, и без разведывательных донесений Сталину со времен прочтения «Майн кампф» еще в 1925 г. было хорошо понятно, что Польша будет всего лишь прелюдией.

Курт Велкиш

Многолетний глава ГРУ генерал армии П.И. Ивашутин в статье «Докладывала точно» прямо указал, что «тревожная информация о подготовке фашистской Германии к войне против СССР и о лицемерной политике правящих кругов других западных стран стала поступать в 1938-м и, особенно, с середины 1939 года. Ценность этой информации заключалась в том, что она добывалась в западных и восточных странах, что позволяло представить во всем объеме назревавшую для Советского Союза опасность...»².

В конце января 1939 г. Сталину была доложена информация о том, что, по убеждениям польской дипломатии, **через несколько лет Гер-**

¹ ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 38—46.

² *Ивашутин П.И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал, 1990, № 5. С. 56.

мания начнет войну против СССР и Польша, либо добровольно, либо по принуждению поддержит ее¹. В январе же 1939 г. Сталин был проинформирован о более подробных агентурных данных об итогах упоминавшегося ранее совещания в Ютеборге. В представленной ему разведывательной сводке говорилось, что наиболее характерными чертами прозвучавших на этом совещании выступлений являлись:

— **откровенное признание общеизвестного стремления германского фашизма на восток, прежде всего против СССР;**

— **стремление использовать малейшее затруднение и осложнение во внешнеполитическом положении Советского Союза для организации военного нападения**².

В самом начале 1939 г. в конфиденциальный контакт с советской внешней разведкой вступил в прошлом ближайший соратник Гитлера, но впоследствии не только отошедший от него и нацизма, но и ставший их яростно фанатичным противником Вальтер Стеннес, возглавлявший тогда разведку китайского лидера Чан Кайши. На встрече 14 марта 1939 г. В. Стеннес (псевдоним **Друг**) прямо заявил резиденту советской разведки, что он, В. Стеннес, **«считает своим долгом предупредить, что Германия усиленно готовится к войне против СССР»**³.

А к концу второй декады марта 1939 г. по каналам ГРУ стала известно о следующем: что высшее руководство Германия отказалось от планов использования Польши как плацдарма для совместного нападения на СССР и заняло жесткую позицию о необходимости **физической ликвидации Польского государства как особо необходимого пролога для нападения на СССР, прежде всего в плане создания там подконтрольного только Германии плацдарма для нападения на Советский Союз**⁴. Информация поступила от агентурной группы ГРУ в германской посольстве в Варшаве, которой руководил **Арбин**, он же Герхард Кегель — ценный агент ГРУ. Чуть позже, в середине второй декады апреля 1939 г., разведка НКВД сообщила руководству СССР, что 11 апреля 1939 г. Гитлер подписал план нападения на Польшу под названием **«Вайс»**⁵, а также основные положения этого плана.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 71.

² РУ РККА. Разведывательная сводка № 1 (по Западу). М., 1939. С. 3—4, 11—13, 14.

³ *Мотов В.* НКВД против Абвера. М., 2005. С. 273.

⁴ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 245—254.

⁵ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997. Т. 3. С. 290.

В начале мая Сталину была доложена информация от ценного агента ГРУ **Ариец (он же Рудольф фон Шелия)**, которая подтверждала данные о готовящемся на Польшу нападении со стороны Германии. Более того. В этой же информации раскрывались и дальнейшие планы Гитлера: **«Покончив с Польшей, Германия со всей яростью обрушится на западные демократии, сломит их гегемонию, указав одновременно и Италии более скромную роль. После того, как будет сломлено сопротивление западных демократий, последует крупная схватка Германии с Россией, которая окончательно разрешит германские потребности в жизненном пространстве и сырье»**.¹

С 17 по 19 июня 1939 г. по каналам советской внешней разведки стало известно, что Гитлер и Риббентроп нацелены всего лишь на временное урегулирование германо-советских отношений, **причем в расчете примерно на два года**, в течение которых фюрер намерен решить проблемы с Западной Европой². Информация также была доложена Сталину. 9 июля 1939 г. аналогичные сведения поступили также и по каналам ГРУ — от агента **«АБЦ»**³. Информация была доложена Сталину, Молотову, Ворошилову, Берия, Шапошникову.

Если подвести глобальный итог всему вышесказанному, которое, конечно, не исчерпывает весь ныне доступный арсенал разведывательной информации о надвигавшейся угрозе войны, то главный вывод будет очень и очень нелицеприятным. Прежде всего, для маршалов и генералов, а также всевозможных толкователей и комментаторов их «воспоминаний и размышлений», без устали плодивших сплетни и мифы о советской разведке.

Пусть и в ретроспективе, но маршалам и генералам, а также их присным должно быть очень стыдно, что они так врал! Советская разведка заблаговременно — как видите, фактически за два года, что вообще фантастика, — установила примерный срок нападения гитлеровской Германии на СССР! А в прогнозно-вероятностном варианте — так и вовсе за три-четыре года, если учитывать упо-

¹ ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 350—360.

² Документы внешней политики СССР. Т. XXII, кн. 2. С. 559 (в прим.) со ссылкой на архив бывш. КГБ СССР.

³ ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 418—431.

минавшиеся сообщения Р. Зорге и С. Вронского. Найдите еще одну разведку в мире, которая была бы способна на это!

Соответственно, пускай и в ретроспективе, но маршалам и генералам должно быть действительно очень и очень стыдно! В том числе и за то, что после войны они пытались убедить своих читателей и слушателей в том, что-де до самого последнего момента Москве было непонятно, состоится ли нападение, то есть будет ли война вообще! На их глазах Гитлер проявил беспрецедентную «принципиальность», и едва ли не день в день через два года начал свою агрессию против Советского Союза, а они нам лапшу на уши вешали?! Ну и ну!..

Такова вкратце суть той части отслеживавшегося советской разведкой генезиса стратегических планов Запада и нацистской Германии по организации вооруженного нападения на Советский Союз, которая относится к понятию «неминуемой неизбежности войны вообще». Москва знала об этом действительно давно.

И это по Жукову/Василевскому должно называться, что-де высшее военно-политическое руководство СССР не знало, будет ли вообще нападение?!

Раздел II

РАЗВЕДКА ДОЛОЖИЛА ПРАВИЛЬНО!

Знание — сила?!

ПРОСКРИПТУМ

Если подвести краткий итог сказанному в предыдущем разделе, то в сухом остатке это будет выглядеть следующим образом:

1. О том, что вообще война (с Западом, в том числе и в его коалиции с Японией) в будущем в принципе неизбежна, советское руководство, прежде всего Сталин, уверенно знало еще с 1925 г.

2. О том, что война именно с Германией (в том числе и в ее коалиции с другими государствами Европы, и под эгидой Англии) неизбежна, советское руководство, прежде всего Сталин, знало еще до прихода Западом Гитлера к власти в Германии.

3. О том, что Гитлер приведен Западом к власти именно для того, что напасть войной на СССР, советское руководство, прежде всего Сталин, знало до назначения коричневого шакала рейхсканцлером Германии.

4. О том, что угроза нападения гитлеровской Германии в коалиции с другими государствами Европы реальна и что для этого разрабатываются некие планы, советское руководство, прежде всего Сталин, уверенно знало еще в конце 1935 г., а первые разведывательные данные подобного рода поступили в Москву еще весной того же года. С этого же периода было понятно, что нападение будет спланировано сплошным фронтом от Северного до Черного морей.

5. О том, что Гитлер намерен осуществить военно-экономическую подготовку к войне и быть готовым к ней через четыре года,

то есть к 1941 г., советское руководство, прежде всего Сталин, знало еще с августа 1936 г.

6. *О том, что Гитлер и его командование разрабатывают уже конкретный проект плана нападения на СССР и даже обкатывают его на стратегических командно-штабных учениях на картах, советское руководство, прежде всего Сталин, знало уже с 10 февраля 1937 г.*

7. *О том, что именно Запад откровенно толкает Гитлера к вооруженной агрессии против СССР и ради этого откровенно ведет дело к сговору с фюрером, дабы предоставить ему плацдарм для нападения на Советский Союз (проще говоря, обеспечить Гитлеру хотя бы минимальное территориальное соприкосновение с СССР), советское руководство, прежде всего Сталин, четко понимало еще в начале марта 1936 г., а с начала 1937 г. уже четко, по разведывательным данным, отслеживало все предмюнхенские маневры Запада.*

8. *О том, что ради недопущения очередной пролонгации действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 1926 г. (известен как Берлинский договор 1926 г.) еще на пять лет, Запад (прежде всего Англия) пошел на Мюнхенский сговор с Гитлером ради того, чтобы он наконец-то напал на СССР, советское руководство, прежде всего Сталин, ясно понимало и четко знало по разведывательной информации как до Мюнхенского сговора, так и тем более после него. Это четко подтверждается следующим фактом. В связи с очередным «юбилеем» неслыханного позора Запада — 70-летием Мюнхенского сговора Англии и Франции с Гитлером — Служба Внешней Разведки Российской Федерации рассекретила большой массив разведывательной информации того времени, свыше 700 страниц различных донесений и сообщений агентуры и резидентур, перехваченных и расшифрованных телеграмм и т.п., как в домюнхенский, так и первый послеюнхенский периоды.*

9. *О том, что до нападения гитлеровской Германии на СССР осталось примерно два года, советское руководство, прежде всего Сталин, знало еще до подписания с Германией договора о ненапа-*

дению от 23 августа 1939 года — с 19—20 июня 1939 г. А в ноябре 1939 г. Сталин уже твердо знал, что нужно очень интенсивно готовиться к отпору грядущей германской агрессии, что, собственно говоря, он уже и так давно делал. Так что в главах этого раздела будет показано, что же конкретно знала Москва о грядущем нападении Германии и почему это подлежало сокрытию с помощью мифов?!

Глава 1

КОЛИЧЕСТВО КАК ОСНОВА КАЧЕСТВА

Общий информационный вклад советских разведывательных служб таков. Только по каналам ГРУ и только за период с 1 января по 21 июня 1941 г. в Центр поступило **267** донесений (по утверждению бывшего начальника ГРУ ГШ РФ генерал-полковника Ф. Ладыгина — **264**¹). В них детально была отражена подготовка Германии к нападению на СССР². Из них **129 (48,3 %; если от 264, то 48,86 %)**, то есть почти половина сообщений были доложены высшему политическому руководству СССР и командованию Красной Армии³. Это очень высокий показатель, тем более для того времени. Особое значение имели разведывательные сводки ГРУ, в которых приводились обстоятельные данные о дислокации германской армии, ее группировке, распределении ее сил по театрам военных действий и боевой подготовке. К примеру, в последней перед войной разведывательной сводке № 5 окончательно была раскрыта практически вся группировка вермахта по состоянию на 1 июня 1941 г., о чем свидетельствует приложенная к ней схема⁴. Правда, и в ней были некоторые неточности. Однако нельзя не принимать во внимание то обстоятельство, что неточности — увы, неизбежный спутник разведывательной информации, особенно если она не документальная. Да и в этом случае тоже могут быть неточности — контрразведка противника ведь не дремлет. Потому что противник яростно противо-

¹ Военно-промышленный курьер. 2011, № 33.

² Лота В.И. ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 71.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 101.

действует, в том числе и путем широкомасштабного распространения массированной дезинформации. И еще. Упомянутая сводка давала аналитический обзор по состоянию на 1 июня 1941 г., а до нападения еще был 21 день. Увы, но гитлеровское командование в эти три недели перебросило еще несколько десятков дивизий¹. Эти переброски также были зафиксированы советскими разведывательными службами. Но вот в последнюю перед войной сводку они уже никак не могли попасть. Почему-то это обычно выскальзывает из поля зрения любителей пускать критические стрелы в адрес разведки.

Кроме того, информационным отделом ГРУ было подготовлено и издано более двадцати справочников по вооруженным силам Германии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Японии. Составлено подробное описание возможных театров военных действий. Общий объем этих документов только в первом полугодии 1941 г. составил примерно **600** печатных листов. Печатный лист — это **40** тысяч знаков. Следовательно, **600** печатных листов — **24 МИЛЛИОНА ПЕЧАТНЫХ ЗНАКОВ!** Общий же тираж разведывательных сводок и справочников, которые рассылались в штабы различных частей и соединений Красной Армии, составил **600** тысяч экземпляров, что составило примерно **28 тонн**².

В свою очередь за тот же период внешняя разведка НКВД-НКГБ СССР только в адрес руководства и военного командования СССР направила более **120** детальных сообщений о военных приготовлениях Германии к нападению на СССР³. И как минимум столько же было направлено в адрес НКО, ГШ и ГРУ, в том числе и информация разведки погранвойск, контрразведки, а также Главного транспортного управления НКВД СССР.

---

¹ Начиная с 25 мая и до 20 июня включительно, проще говоря, на финишном этапе сосредоточения и развертывания группировки нападения, гитлеровское командование перебросило на восток, к границам СССР, 47 дивизий, в том числе 28 танковых и моторизованных (Начальный период войны. М., 1974. С. 189; Вторая мировая война. М., 1958. С. 140).

² *Лота В.И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 102.

³ *Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.* Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 13.

Особо хотелось бы отметить заслуги разведки пограничных войск, которая сыграла роль стратегической разведки в последние шесть месяцев перед войной, что есть вообще уникальнейший факт в мировой истории спецслужб. Интегральная по своему характеру, ибо в ее сводках сведения представлялись в масштабах всей западной границы СССР, максимально детализированная и проверенная на момент доклада информация подчинявшейся непосредственно Л.П. Берия разведки погранвойск, регулярно докладывалась Сталину, а также направлялась высшему военному командованию СССР. Необходимо также подчеркнуть, что в соответствии с существовавшими тогда правилами данные разведки погранвойск сразу же передавались также и в распоряжение армейского командования и военной разведки на местах.

Сводки эти сохранились в архивах, а многие из них уже давно рассекречены, преданы гласности и опубликованы даже в таких яростно антисталински предвзятых публикациях, как двухтомник «1941 год» пресловутого «Фонда демократии» приснопамятного, но уже покойного А.Н. Яковлева. Так что любой может убедиться. Особенно, если хотя бы просто перелистает книги «1941 год», «Секреты Гитлера на столе у Сталина» или многотомный труд «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Более того, во многих книгах последнего периода о кануне войны сводки разведки пограничных войск цитируются, в том числе и полностью.

Не менее важен и вопрос о распределении информации, проще говоря, об адресатах. Многолетний начальник ГРУ генерал П.И. Ивашутин отмечал, что «тексты почти всех документов и радиogramм, касающихся военных приготовлений Германии и сроков нападения, докладывались по следующему списку: Сталину (два экземпляра), Молотову, Берии, Ворошилову, наркому обороны и начальнику Генерального штаба»¹.

Хочу сразу же упредить, возможно, возникшее желание вкрявь да вкось истолковать использованное П.И. Ивашутиным слово «**ПОЧТИ**».

¹ *Ивашутин П.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал (далее ВИЖ), 1990, № 5. С. 56—59.

Информационные законы разведки таковы, что не вся, а нередко и далеко не вся добываемая разведывательная информация напрямую и тем более сразу докладывается руководству государства. Иногда это связано с тем, что полученная информация требует особой проверки, без чего ни один начальник разведки не рискнет докладывать ее руководству государства. Ведь нередки случаи фрагментарности информации, неточности или расплывчатости в освещении затрагиваемых вопросов. При разведывательном освещении вопросов войны и мира это, увы, не столько не редкость, сколько правило. Противоборствующая сторона тоже ведь не дремлет и тоже действует, точнее, противодействует, нередко очень даже эффективно. В подобных случаях информация такого рода используется в обобщающих разведывательных сводках, да и то только после соответствующей проверки и детализации, нередко неоднократной и по различным каналам. Так что слово «почти» в высказывании Ивашутина не следует понимать, что чуть ли не умышленно не докладывали, в том числе и тому же Жукову.

В то же время следует иметь в виду еще одно обстоятельство. В информационном потоке разведки нередки случаи, когда информация по тем или иным соображениям вызывает подозрения, а не дезинформация ли это. Как правило, это обусловлено либо подозрениями в отношении источников информации, либо самой обстановкой, в ситуации которой и была добыта та или иная разведывательная информация. Последнее, как правило, имеет место накануне особо крутых изменений, в частности, в международной обстановке, например накануне войны, так как агрессор максимально заинтересован в продвижении уже намеченной жертве своей агрессии дезинформации о своих подлинных намерениях. Нередки случаи, когда под эту же ситуацию подверстывают свои дезинформационные акции и разведки третьих стран, правительства которых нахально занимают позицию «третьих радующихся» по отношению к назревающему вооруженному конфликту, о чем еще предстоит детальный разговор. Что же касается иногда возникающих подозрений в отношении самих источников информации, то это бывает обусловлено, как правило, следующими обстоятельствами. Либо сами эти источники вызвали

у центрального аппарата разведки подозрения в свой адрес, как, например, наш легендарный Р. Зорге, о чем будет сказано отдельно. Либо в связи с тем, что разведка вынуждена пойти на превентивные подозрения, так как источник информации был известен тому или иному предателю, сбежавшему к противнику. Вследствие этого достаточно продолжительное время сохраняется угроза или расшифровки источника противником и соответственно игры под диктовку противника, или же использование противником этого источника «втемную» для продвижения своей дезинформации. И перед войной для советской разведки сложилась очень непростая ситуация. Прежде всего, из-за побегов на Запад в конце 30-х гг. XX в. нескольких в прошлом видных разведчиков, в том числе и нелегалов, включая также и резидентов, знавших сотни агентов, доверенных лиц и оперативных контактов, прежде всего на основных направлениях разведывательной деятельности.

Столь непростое положение дел вынуждало по меньшей мере с изрядной долей скепсиса и подозрительности относиться к информации ряда источников, которые ранее ничем себя не скомпрометировали. Увы, это жестокая, но необходимость, которая является специфической реальностью разведывательной деятельности, которую надо априори воспринимать и не пытаться ёрничать на эту тему. Тем более недопустимо выдвигать облыжные обвинения. Ибо во всех подобных случаях руководство разведки вынуждено с большой настороженностью относиться к информации таких источников и докладывает ее руководству страны только после тщательной проверки. Подчеркиваю, что это жестокая, но сурово диктующая свои правила специфика разведки.

Как видите, всего лишь за одним едва приметным словом «почти» в устах многолетнего главы ГРУ скрывается гигантский пласт неповторимой, нередко отчаянно не понимаемой и не воспринимаемой различными исследователями специфики разведывательной деятельности. Сам же предвоенный начальник ГРУ Ф.И. Голиков на одной из послевоенных встреч с сотрудниками военной разведки лет сорок пять назад прямо заявил, что **вся информация, которая докладывалась Сталину, в копиях направлялась Молотову, Во-**

рошилову, Тимошенко и Жукову¹. Об этом же свидетельствует и расчет рассылки, указанный на каждом таком документе². Все это означает, что Голиков ни при каких обстоятельствах не мог обойти своего непосредственного начальника и не доложить ему поступившую по разным каналам разведывательную информацию. Более того. Он этого и не делал. Он действительно докладывал всю поступавшую и более или менее проверенную информацию по инстанциям, в том числе, естественно, и Жукову.

Такое количество разнообразной разведывательной информации просто физически не могло не перерасти в достаточно высокое ее качество. И оно действительно переросло. Но именно поэтому-то в еще большей степени обязательному сокрытию, по мнению творцов перечисленных выше мифов, подлежало то обстоятельство, что вскрытие уже конкретного стратегического намерения, а затем и факта наличия утвержденного Гитлером плана его командования по нападению на СССР и далее его сути и ряда наиболее важных деталей этого плана и мер по его реализации было осуществлено советскими разведывательными службами также заблаговременно, своевременно и качественно. Так что же конкретно хотели скрыть?

ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОМУ СОКРЫТИЮ — МЕТОДОМ ЛЖИВОЙ МИФОЛОГИЗАЦИИ — ПОДЛЕЖАЛИ НЕОСПОРИМЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Глава 2

РАЗВЕДКА СВОЕВРЕМЕННО ВСКРЫЛА ФАКТ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ АГРЕССИВНЫХ УСТРЕМЛЕНИЙ ГИТЛЕРА ПРОТИВ СССР

Если, как говорится, на принцип, то самый первый сигнал со стороны разведки о том, что в условиях развязанной им Второй мировой войны в Европе Гитлер уже всерьез и конкретно стал подумывать о нападении на СССР, поступил еще в марте 1940 г. от незаслуженно

¹ Калинин В. Первый урок // Независимое военное обозрение (далее НВО), 2000. № 38.

² Колпакиди А., Прохоров Д. Империя ГРУ. Кн. 1. М., 1999. С. 273.

обойденного славой военного разведчика-нелегала **Кента** — **Анатолия Марковича Гуревича**. Но, как говорят технари, сигнал был слабый, недостаточно аргументированный.

Так что отсчет придется начать с **5 июня 1940 г.**, когда под грифом «**Совершенно секретно. Особой важности. Немедленно**» резидент ГРУ в Болгарии полковник И.Ф. Дергачев направил в Москву сообщение о том, что через несколько месяцев после капитуляции Франции Германия намерена напасть на Советский Союз в коалиции с Италией и Японией¹. Проще говоря, доложенная Сталину, Молотову и Тимошенко информация свидетельствовала о том, что Гитлер и далее намерен быть столь же «принципиальным» в деле реализации своих агрессивных планов, о которых было достаточно хорошо известно.

Однако, как показали последующие события, в этой информации была неточность, касавшаяся временных рамок агрессии. Хотя, если честно, как сказать. Дело в том, что такая мысль действительно посещала коричневые мозги фюрера (впоследствии это признал плененный советскими войсками генерал-фельдмаршал Паулюс, который принимал активное участие в разработке плана агрессии), но немецкие генералы его быстро осадили и он вынужден был быстро отбросить ее, так как за столь короткий период времени невозможно было ни подготовиться к нападению на СССР, ни тем более перебросить необходимые для этого войска к границам Советского Союза. Особенно если учесть, что на военные действия того времени сильнейшее воздействие оказывал сезонный фактор. А ведь с момента окончания западного похода вермахта (5 июня он еще не был завершен) на горизонте замаячила бы ежегодная перспектива осени, когда нападение, тем более в режиме блицкрига, стало бы трудно осуществимым.

Что же касается состава агрессоров, то здесь практически все было названо точно. И если у итальянского дуче Муссолини (как, впрочем, и других шакалов — прихвостней Гитлера) не хватило ума не ввязываться в войну с СССР, то тому, что Япония так и не рискнула напасть

---

¹ Приводится по: Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941. Составитель Гаврилов В.А. М., 2008. С. 434.

на СССР, хотя Гитлер очень сильно давил на Токио, Советский Союз был обязан как дальновидной дипломатии лично Сталина, сумевшего заключить такой договор о ненападении с Японией в противовес всем ее антисоветской направленности письменным договоренностям с Берлином, который обеспечил Токио возможность все-таки не пойти на поводу у Третьего рейха¹, так и советской внешней разведке, которая своевременным добыванием актуальной информации и искусно проведенной акцией стратегического влияния (операция «Снег»)², сочетавшейся с планомерными усилиями нелегальной резидентуры ГРУ во главе с Р. Зорге по отведению угрозы нападения Японии на СССР, гарантированно ее отвела, канализировав агрессивные устремления Страны восходящего солнца на юг, против англосаксов, прежде всего против американцев.

С указанного выше хронологического рубежа советские разведывательные службы уже в непрерывном, особо интенсивном режиме обеспечивали высшему политическому и военному руководству (включая и руководства ГШ) страны возможность быть в курсе буквально всего того, что крайне необходимо знать при подготовке к отпору агрессии. Уже **4 июля 1940 г.** аналогичная сообщению Дергачева информация прошла и по каналам разведки НКВД СССР. А **9 июля 1940 г.** из внешней разведки ГУГБ НКВД СССР за № 5/8175 в ГРУ поступила одна из самых первых информаций, которая так и называлась — **«О подготовке Германии к войне против СССР»!**³ Одно название этого сообщения более чем красноречиво.

¹ Это, конечно, не означает, что Япония вела себя прилично. Вовсе нет. Всю войну она пакостила СССР, устраивала провокации, в том числе и вооруженные, на границе, топила советские суда — всего 178 судов. И еще много чего натворил Токио, пока 8 августа 1945 г. не получил настоящее русское зубодробильное вразумление от советских войск, что привело к безоговорочной капитуляции милитаристской Японии.

² Операция «Снег» осуществлялась при малоизвестном, практически никак не признаваемом поныне содействии нелегальной резидентуры Р. Зорге, который через своего главного агента — авторитетного и влиятельного консультанта правительства Японии Ходзуми Одзаки — оказал массированное воздействие на правительство Страны восходящего солнца в целях недопущения разворота ее агрессии на север.

³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов (впредь Органы государственной безопасности СССР в ВОВ). Том 1. Накануне. Кн. 1 (ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.). М., 1995. С. 216.

И вот еще что. Официально Гитлер отдал приказ о разработке плана нападения на СССР **20 июля** (по другим данным, что не столь уж и принципиально, — **21 июля**), а советская разведка просигнализировала о конкретно намечающемся развороте его агрессивных устремлений на восток, против СССР, уже в начале июня, а первые сообщения о начавшейся подготовке Германии к войне против СССР пошли уже с 9 июля.

Комментарий. Явно именно информация Дергачева, а также факт молниеносного разгрома Франции (и других европейских государств) в сочетании с другими данными, которыми располагала Москва, привели высшее руководство СССР к мысли о необходимости форсирования возвращения превращенных в зависимые от Запада государства ранее незаконно отторгнутых прибалтийских территорий в состав пускай и называвшегося тогда СССР, но Российского государства. Главная в тот момент цель — лишить Гитлера удобного для нападения на СССР с северо-восточного направления плацдарма, о чем, точнее о попытках Англии дать Гитлеру возможность занять этот плацдарм, Сталин знал еще до подписания договора о ненападении. Аналогичные соображения имели место и в отношении возврата также незаконно отторгнутой Бессарабии. Естественно, что сработали и другие политические факторы. Но главный был тот, что указан выше.

Глава 3

РАЗВЕДКА СВОЕВРЕМЕННО УСТАНОВИЛА ФАКТ УТВЕРЖДЕНИЯ ГИТЛЕРОМ КОНКРЕТНОГО ПЛАНА АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

ПРОСКРИПТУМ

Официально считается, что советским разведывательным службам не представилось возможным установить точное название плана агрессии и тем более добыть соответствующее документальное подтверждение.

Констатируя этот факт, невозможно не вернуться к несправедливым упрекам в адрес советской разведки из-за отсутствия у нее

добытых документальных материалов о планируемой агрессии Германии.

Как известно, 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил пресловутую директиву № 21 «Вариант Барбаросса». Документ имел высшие степени секретности Третьего рейха. Действительно, ни одна из разведывательных служб СССР до 22 июня не смогла добыть хотя бы фотокопию подлинника этого документа. По крайней мере, по сию пору на этот счет ничего конкретно не известно. Официально известно только то, что сам документ был обнаружен только в 1945 г., при разборе захваченных трофейных документов военного командования гитлеровской Германии. Тогда же было установлено, что документ был отпечатан всего в девяти экземплярах, три из которых были переданы командующим группировками армий «Север», «Центр» и «Юг», а шесть хранились в сейфе Гитлера. На русском языке план «Барбаросса» впервые был опубликован только 28 ноября 1945 г. в газете «Правда». Означает ли это, что высшее политическое и военное руководство СССР ничего не ведало об этом плане? **Категорически нет, нет и еще раз нет!**

Выше уже указывалось, что как только начинается реализация самых секретных замыслов и планов, пускай и имеющих высшие степени секретности или же известных крайне узкому кругу лиц, то уже на уровне первых исполнителей этих намерений и планов начинается расползание информации о содержании таких суперсекретных планов, в результате чего оно становится доступным для агентуры разведки. Хрестоматийными примерами в этом плане являются поступившие практически одновременно сообщения ценного агента берлинской резидентуры ГРУ Альты (Ильзе Штёбе) и легендарного Рихарда Зорге.

29 декабря 1940 г. «легальный» резидент ГРУ в Берлине военный атташе СССР полковник Н.Д. Скорняков (Метеор) направил в Центр информацию следующего содержания: «“Альта” сообщила, что “Ариец” (агент ГРУ — Рудольф фон Шелия. — А.М.) от высокоинформированных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений»¹.

¹ Цит. по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. С. 466.

Да, сообщение не страдает литературным шиком и разведывательной детализацией, имеет ряд неточностей, которые стали понятны позже, но факт-то остается фактом — **расползание совершенно секретной информации особой важности о принятии плана агрессии против СССР достигло ушей агентов советской (военной) разведки!** Естественно, что такая информация была доложена как Сталину и Молотову, так и наркомуче обороны Тимошенко и начальнику ГШ Мерецкову. И одновременно в Берлин ушло требование «более внятного освещения вопроса, уточнения, кто эти высокоинформированные круги, кому конкретно отдан такой приказ»¹.

А днем ранее, **28 декабря 1940 г.**, от Р. Зорге поступило следующее сообщение: «**Каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает, что немцы имеют около 80 дивизий на восточной границе, включая Румынию, с целью воздействия на политику СССР. В случае, если СССР начнет развивать активность против интересов Германии, как это уже имело место в Прибалтике, немцы смогут оккупировать территорию по линии Харьков, Москва, Ленинград. Немцы не хотят этого, но прибегнут к этому средству, если будут принуждены на это поведением СССР. Немцы хорошо знают, что СССР не может рисковать этим, так как лидерам СССР, особенно после финской кампании, хорошо известно, что Красная Армия нуждается, по меньшей мере, иметь 20 лет для того, чтобы стать современной армией, подобно немецкой. Это мнение, по заявлению многих, разделяется генералом Кёстрингом в Москве и является мнением человека нового ВАТ Германии в Токио, который был в СССР неоднократно. Новый ВАТ в Токио заявил мне, что цифра 80 дивизий несколько, видимо, преувеличена**»².

Именно это сообщение Зорге явилось основой неуместного мифа о том, что-де он первым сообщил об утвержденном плане агрессии и что-де всего-то через 10 дней разведка уже знала о плане «Вариант Барбаросса». Однако, как видите, в процитированном документе нет

¹ Там же.

² Цит. по: Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы // Публ., вступ. ст. и ком. А.Г. Фесюна. СПб.—М., 2000. С. 111.

прямого упоминания о том, что Гитлер отдал приказ или подписал какую-то директиву насчет подготовки к войне с СССР, как то имело место в сообщении «Альты». То, что сообщил Р. Зорге, с одной стороны, правда, частично, — **ценная информация. Как-никак, но в нем упоминаются фактически наиболее вероятные направления главных ударов — Москва, Ленинград и Харьков** (тут надо понимать, что, скорее всего, речь должна идти об Украинском направлении в целом — видимо, Зорге помнил, что Харьков одно время был столицей Украины, но, быть может, именно в такой интерпретации он и услышал эту информацию — ведь абвер усиленно распространял дезинформацию).

Хотя и неточно, сообщается также и ориентировочное количество немецких дивизий, уже сосредоточенных на восточных границах Германии и Румынии. Все станет понятным чуть позже. Однако, с другой стороны, как выяснилось, в этом сообщении есть и дезинформация, точнее, тевтоны тут изрядно перехитрили самих себя, выдав в итоге правду под видом дезинформации. Дело в том, что якобы всего лишь только возможные агрессивные действия Германии представлены на перспективу как якобы вынужденная в будущем ответная мера на возможно «плохое поведение» Советского Союза. Мол, немцы не хотят этого, но при необходимости смогут пойти на такие шаги. Даже без специальной проверки такая информация — особенно если учесть тонкий намек самого Зорге, выраженный в словах **«каждый новый человек, прибывающий из Германии в Японию, рассказывает...»** — автоматически вызовет определенное недоверие, в первую очередь как возможная дезинформация. А оно так и было — абвер и до утверждения директивы № 21 уже вплотную занимался дезинформационным прикрытием будущего плана агрессии (об этом чуть ниже). **А вот перехитрили тевтоны самих себя тем, что четко показали, что грядущая в самом ближайшем будущем агрессия будет представлена как якобы превентивная мера защиты от якобы «плохого» поведения СССР.**

Кстати говоря, почти за полтора месяца до нападения Германии в ГРУ поступило сообщение от 10 мая 1941 г. от той же **Альты** — мужественной **Ильзе Штёбе** — в котором, в частности, она информи-

ровала, что «военное министерство (Германии. — *А.М.*) разослало директивные письма всем своим военным атташе о необходимости опровержения слухов о том, что Германия якобы готовит военные действия против России. Военное министерство требует от военных атташе выступать с разъяснениями, что Германия концентрирует свои войска на Востоке для того, чтобы встретить в готовности мероприятия с русской стороны и оказать давление на Россию»¹. Попросту говоря, по указанию Гитлера военные атташе Германии за рубежом должны были подготовить почву для взрывного перебрасывания всей ответственности за развязывание войны на СССР в момент ее начала. То есть информация Зорге от 28 декабря полностью подтвердилась. Короче говоря, так оно и произошло на самом деле 22 июня — именно этот тезис Гитлер и озвучил в тщетной попытке хоть как-то оправдать свою вероломную агрессию, а современные брехологи — поклонники фюрера до сих пор пережевывают эту гитлеровскую фальшивку.

В истории, точнее в исторических исследованиях, посвященных кануну войны, настораживает одно обстоятельство. Отсутствие каких-либо данных о непосредственной причастности внешней разведки НКВД СССР к установлению факта утверждения Гитлером конкретного плана агрессии против СССР. К глубокому сожалению, до сих пор нет ни одной официальной публикации о том, какую конкретно информацию на этот счет предоставили агенты советской внешней разведки в Германии — как вошедшая в историю «Красная капелла», так и другие. **Подчеркиваю, что речь идет только и именно же о факте установления того обстоятельства, что Гитлер утвердил план агрессии против СССР.**

Настораживает вот почему. Странно как-то получается, что всегда, во всех исследованиях указывают, что агентура ГРУ в лице гражданских лиц, работавших отнюдь не в военном ведомстве, а всего лишь в МИД, узнала об этом факте, а вот о вкладе агентуры советской внешней разведки, располагавшей куда большими возможностями в силу своего служебного положения в военной иерархии Третьего рейха, — странный молчок. Но это полный нонсенс. Ведь только у

¹ Цит. по: *Лота В.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 305.

двух основных и широко известных агентов из этой группы — Старшины и Корсиканца — были не менее, если не более, осведомленные источники информации.

Так, сам Старшина занимал пост начальника 5-го отделения разведывательного отдела ВВС Германии (люфтваффе). Уже только в силу такого своего положения та информация, которая достигла ушей Арийца, а через него и Альты, а затем и резидентуры ГРУ в Берлине, должна была быстрее дойти до Старшины, а затем и Корсиканца, через которого в то время резидентура внешней разведки НКВД СССР поддерживала связь со всей группой.

Более того. В число ближайших знакомых и, так сказать, подысточников Старшины и Корсиканца входили (указаны только те, кто обладал возможностями получать именно стратегическую информацию):

— барон Вольцоген-Нойхаус, высокопоставленный сотрудник технического отдела ОКВ (Верховного главнокомандования вермахта), оперативный псевдоним Грек;

— Хайнц Тициенс, промышленник, эмигрант, бывший царский офицер, обладавший большими связями в ОКВ, оперативный псевдоним Албанец;

— Эрвин Гретц, начальник 3-го отделения оперативного штаба ВВС Германии;

— Вольфганг Хавеманн, обер-лейтенант военно-морской разведки при Верховном командовании ВМС (кригсмарине) Германии;

— Герберт Голльнов, обер-лейтенант, референт при воздушно-десантных и парашютных войсках во 2-м отделе абвера, который занимался организацией саботажа и диверсий в тылу противника;

— Хорст Хейльман, ефрейтор, радист и переводчик разведывательно-переводческого отделения ОКХ — Верховного командования сухопутных сил Германии;

— офицер штаба главнокомандующего германскими войсками на Балканах генерал-фельдмаршала Вильгельма фон Листа, фамилия так и осталась неизвестной, оперативный псевдоним Швед.

Кроме того, на связи у резидентуры внешней разведки НКВД СССР был и еще один агент аналогичного уровня — офицер воен-

но-морской разведки Германии Карл Эйкоф, оперативный псевдоним Франкфуртер. Не забудем отметить также, что одновременно у резидентуры на связи были два важных источника в военных кругах Третьего рейха, которых советская разведка сумела перехватить у польской военной разведки.

Справка. При вхождении советских войск в Западную Украину во львовской тюрьме был обнаружен и перевезен в Москву полковник польской военной разведки Станислав Сосновский, который после провала (из-за предательства своего же сотрудника) в Германии был арестован, затем обменя на германских агентов, арестованных в Польше. «В знак благодарности» за проделанную в Германии работу С. Сосновский снова был упрятан за решетку... уже польскими властями.

В процессе высокопрофессиональной работы с ним выдающихся асов советской разведки (НКВД-НКГБ) В. Зарубина, П. Журавлева и З. Рыбкиной (Воскресенской) удалось «реанимировать» двух его важных источников информации в Германии, которые не пострадали из-за его провала. Они стали сотрудничать с советской разведкой уже в 1940 г. и продолжали это сотрудничество в первые два года войны. Рассказавший об этом факте со страниц своих известных мемуаров П.А. Судоплатов, правда, не указал статус этих агентов Сосновского в Третьем рейхе. Однако, учитывая, что С. Сосновский, как блестящий профессионал, вел агентурную разведку непосредственно в высших военных сферах Германии — его жертвой стал даже знаменитый Г. Гудериан, из личного сейфа которого он выкрал важные документы, — следует вполне уверенно утверждать, что эти источники были именно в военной сфере. И на достаточно высоком уровне, иначе не было бы смысла их реанимировать. Тем более что и сам Судоплатов прямо указал на то, что это были важные источники информации Сосновского, которые при его провале не пострадали. Эти агенты проработали на советскую разведку с 1940 по 1942 г. включительно¹. Рассказать более подробно о поступавшей от этих агентов информации нет никакой возможности — СВР пока ничего не рассекретила на этот счет. Понятно

¹ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1998. С. 168—171.

лишь одно — коли уж реанимировали этих двух важных источников информации, то советская разведка добывала информацию о подготовке нацистской Германии к нападению на СССР также и через этих агентов. И в первую очередь информацию о стратегическом замысле плана агрессии.

Как же могло получиться так, что при наличии таких связей и источников, реально имевших возможность получать — хотя бы в пассивном режиме (слушателя), — стратегическую информацию, в различных исследованиях и прочих публикациях, в том числе официальных, нет ни звука о том, что благодаря этим источникам был установлен факт принятия Гитлером конкретного плана агрессии против СССР?! Разве это не странно, по меньшей мере?! Ведь что получается, если взглянуть на поступавшую от указанных источников информацию. Взять хотя бы информацию от 26 сентября 1940 г., поступившую от Албанца и направленную резидентурой в Москву: «...**Офицер из Верховного командования вермахта (ОКВ) рассказал Тициенсу, что в начале следующего года Германия начнет войну против Советского Союза. Предварительным шагом станет военная оккупация Румынии, намеченная на ближайшее время. Целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской территории по линии Ленинград — Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство. На заседании «Комитета экономической войны», возглавляющий этот комитет контр-адмирал Гросс сделал намеки, что генеральные операции против Англии откладываются».**

Несмотря на некоторые неточности, которые стали понятны позже, все равно это стратегическая по своему характеру информация. Точно указано уже оформившееся твердое намерение Гитлера напасть на СССР ради отторжения колоссальной по площади суверенной территории СССР.

Еще не совсем точно, но вполне ясно показан уже в то время вынашивавшийся стратегический замысел командования вермахта — захватить советские территории до линии Ленинград — Черное море

(впоследствии он будет уточняться германским командованием в сторону расширения).

Точно показана очередность действий — сначала военная оккупация Румынии (как главного в то время источника нефти для Германии), потом нападение на СССР. Пожалуй, впервые на тот момент отмечено, что вторжение на Британские острова откладывается. Наконец, показаны и политические планы высшего руководства Третьего рейха — на отторгнутой от СССР территории создать вассальное государство, а на оставшейся части посадить вассальное правительство, что автоматически подразумевает государственный переворот при помощи немцев в целях свержения советской власти на оставшейся территории и формирование нового правительства из числа представителей «пятой колонны», которая, увы, у Германии имелась. Немногочисленная, но имелась. По крайней мере, кандидат на пост главы нового якобы советского правительства у абвера имелся.

Справка. В программе «Военная тайна с Игорем Прокопенко» от 28 мая 2012 г. был показан фрагмент интервью с известным германским историком Матиасом Улем, который без обиняков, на чистом русском языке заявил, что, по данным немецких архивов, у германского абвера был агент в советском Генеральном штабе — высокопоставленный генерал, в отношении которого на совещании у Гитлера перед решающим наступлением вермахта на Москву глава абвера адмирал Канарис заявил, что, во-первых, у него действительно имеется такой агент, а, во-вторых, и это еще более важно, что этот агент может возглавить временное правительство после захвата Москвы. Правда, Матиас Уль с сожалением признал, что ввиду недоступности ряда материалов (надо же, и в демократической Германии такие же проблемы с архивами, как и в России!) пока не удастся установить имя этого агента-генерала.

Если Албанец, он же Хайнц Тициенс — лицо гражданское, всего-то промышленник и эмигрант, — смог в пассивном режиме получить информацию стратегического характера, в которой, подчеркиваю, еще не совсем и не во всем точно, но уже зримо вырисовывался стратегический замысел бандитского нападения Третьего рейха на СССР, то как мимо ушей и глаз всех указанных выше источников, включая

и Тициенса, могла пройти информация о том, что Гитлер утвердил план агрессии против СССР?! Очевидно, СВР пора уже рассекретить необходимые материалы по данному вопросу и ввести их в научно-исторический оборот. Не все же ГРУ делало — в поте лица работала также и внешняя разведка НКВД-НКГБ СССР.

Конечно, сказанное выше вовсе не означает, что резидентура НКВД СССР ничего не зафиксировала в декабре 1940 г. Напротив, за **10 дней** до сообщения Зорге и 11 дней до сообщения Альты, то есть день в день с подписанием Гитлером директивы № 21 — 18 декабря 1940 г. — резидентура внешней разведки НКВД СССР в Берлине зафиксировала и сообщила в Москву о том, что в этот день Гитлер выступил перед пятью тысячами выпускников военных училищ рейха с пространной, но резко антисоветской речью. Он, в частности, крайне резко высказался против **«несправедливости, существующей на земле, когда 60 млн великороссов владеют 1/6 частью земного шара..., а около 90 млн немцев ютятся на клочке земли»** и призвал молодых офицеров к устранению этой **«несправедливости»**¹. И хотя в Германии эта речь Гитлера не была напечатана (правда, каким-то образом она была опубликована в «Нью-Йорк таймс» 19 декабря 1940 г.), резидентура, тем не менее, зафиксировала и сам факт, и суть речи фюрера, о чем и сообщила в Москву. Публично высказанные Гитлером пассажи в переводе на нормальный язык — без разницы, хоть немецкий, хоть русский, — означали, что **фюрер призвал молодых офицеров к войне против Советского Союза**. Главы государств, а Гитлер был не просто глава, а некое подобие рекламного слогана **«пять в одном флаконе»** — фюрер партии, нации, рейхсканцлер и президент, к тому же еще и Верховный главнокомандующий, — просто так подобные заявления не делают, тем более перед такой аудиторией.

Вывод Кремля мог быть и на самом деле был однозначен — началась реальная военно-политическая подготовка к нападению.

Тогда же, **18 декабря 1940 г.**, в Москву поступила телеграмма-молния полномочного представителя СССР в Великобритании **И.М. Майского в НКВД СССР следующего содержания:**

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 11.

«18 декабря 1940 г. Немедленно. Строго секретно.»

1. Из чешских источников сообщают как вполне достоверную информацию следующее: 29 ноября Кейтель выступал в Берлине на собрании высшего командного состава германской армии (начальники корпусов и дивизий, генштаба и прочие) и сделал ряд важных сообщений и разъяснений. Прежде всего, он коснулся визита т. Молотова в Берлин, с удовлетворением констатируя, что СССР продолжает сохранять нейтралитет и что таким образом Германии с Востока не угрожает опасность, но затем в чрезвычайно резких выражениях заявил, что по большим вопросам политики “с русскими очень трудно разговаривать”, что “русские слишком отстали и некультурны” и что в силу этого они в таких вопросах “ничего не понимают”. Кейтель дал при этом явно понять, что фюрер очень недоволен нежеланием “русских” вести разговоры о “новом порядке в Европе и вообще о разделе мира на сферы влияния”...

...4. Кейтель говорил также, что немцы подготавливают к весне 1941 года сокрушительный удар против Англии, ибо без разгрома последней не может быть ни победы, ни конца войны. После этого Германия сможет заняться другими проблемами, в частности, возможно дальше на Восток оттеснить СССР. Майский»¹.

Справка. Под «чешскими источниками» Майский подразумевал (а в Москве абсолютно точно это поняли) непосредственно президента Чехословакии в эмиграции Э. Бенеша, который к этому времени уже обосновался в Лондоне и установил дружески-деловые отношения с советским полпредством и лично с Майским. К тому же следует иметь в виду, что отношения Бенеша с советским представителем были настолько тесными, что однажды даже Черчилль выразил Бенешу свое недовольство по этому поводу. Черчилль как-то напрямую спросил Бенеша, пришел ли он к нему в качестве самостоятельного политического деятеля или как агент Сталина: «Что, Сталину удобнее разговаривать со мной не напрямую, а через Бенеша?»² После визита Молотова в Берлин, по итогам которо-

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2237. Л. 272—274.

² Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 76.

го Сталин сделал однозначный вывод о необходимости всемерного усиления подготовки к отпору грядущей агрессии Германии, подобное сообщение Майского вряд ли удивило Иосифа Виссарионовича. Между тем, через Бенеша был установлен не прямой, но очень важный канал связи с английскими и американскими правящими кругами. И Сталин очень активно пользовался этим каналом и информацией, получаемой по этому каналу. Ведь Бенеш еще с довоенных времен имел неплохие деловые отношения со Сталиным, который, невзирая на всевозможные выкрутасы Бенеша, все-таки поддерживал с ним конфиденциальные отношения и даже снабдил его очень солидной по тем временам суммой в долларах для жизни в эмиграции. Кроме того, будучи многоопытным, прошедшим через тернии всевозможных подлых интриг политиком и масоном высокой степени посвящения, Бенеш прекрасно понимал, что единственное государство, которое может остановить и разгромить нацизм — это Советский Союз. Не говоря уже о том, что он понимал также и то, что возрождение (им же преданной!) Чехословакии возможно только в результате разгрома гитлеровской Германии. Именно поэтому он и поддерживал тесные конфиденциальные связи с советским полпредом, а через него — со Сталиным. В упомянутом выше случае Э. Бенеш действовал в соответствии с секретным соглашением от 16 мая 1935 г. об обмене разведывательной информацией по Германии. Оно было подписано между чехословацкой и советской разведками в рамках советско-чехословацкого договора от 16 мая 1935 г. о взаимопомощи в отражении агрессии. До оккупации Чехословакии Третьим рейхом советско-чехословацкое сотрудничество по линии разведки успешно развивалось к полному удовлетворению обеих сторон. Естественно, что, поскольку никто не отменял и даже не дезавуировал упомянутое соглашение, обмен информацией продолжался и после того, как руководство Чехословакии оказалось в эмиграции в Лондоне. Что же до источников самого Э. Бенеша, то это прежде всего чехословацкая военная разведка и ее глава полковник (впоследствии генерал) Франтишек Моравец, который еще до оккупации гитлеровцами Праги был вывезен английской разведкой вместе со своими архивами и сотрудниками в Лондон. В абвере у Ф. Моравца имелся ценнейший, прекрасно

информированный о многих тайнах Третьего рейха агент — А-54, он же полковник абвера Пауль Тюммель. Советская разведка знала о Пауле Тюммеле, неоднократно получала от чехословацких коллег его информацию, которая всегда отличалась достоверностью, секретностью и актуальностью. П. Тюммель имел возможность выйти на связь с советской разведкой в Праге, чем и пользовался.

Учитывая генеральный лейтмотив содержания разведывательной информации о Германии за месяцы, предшествовавшие упомянутым сообщениям резидентур ГРУ от 28 и 29 декабря 1940 г., НКВД и Майского от 18 декабря 1940 г. — Гитлер стал активно готовиться к нападению на Советский Союз, — то в принципе информации ГРУ от 28 и 29 декабря 1940 г. отличались новизной лишь в одном. А именно в том, что фюрер отдал конкретный приказ о конкретной же подготовке к войне с СССР на основе какого-то конкретного плана нападения. Проще говоря, сие однозначно показывало, что стремительно возрастающая угроза нападения перешла в стадию конкретного военного планирования и конкретной подготовки к нападению. Данные же разведки НКВД СССР показывали, что началась также и военно-политическая подготовка к нападению.

Короче говоря, с этого момента перед разведкой встали крайне нелегкие по своему решению вопросы срочного вскрытия и установления сути стратегического замысла германского командования и мероприятий по подготовке нападения на Советский Союз.

Упомянутые выше информации Арийца и Альты едва ли стали для Сталина чем-то абсолютно неожиданным. Даже вместе с присланными 4 января 1941 г. уточнениями, в которых говорилось, что «Альта» запросила у «Арийца» подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. «Ариец» подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам... Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлени-

ем Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на Востоке»¹.

Для Сталина эти данные едва ли стали неожиданностью прежде всего потому, что уже с лета 1940 г. разведка доносила о реальной возможности в грядущем недалеком будущем нападения Германии на Советский Союз. Ведь признаки резкого нарастания угрозы нападения фиксировались уже с лета 1940 г. А вот что действительно стало откровенно очевидно, так это то, что Берлин стал всюду разыгрывать «английскую карту», увязывая ее с планом и особенно временем нападения на СССР. На это указывала полярная разница в сообщениях разведки НКВД СССР (по информации Албанца) и полпреда СССР в Англии И. Майского.

Глава 4

РАЗВЕДКА СВОЕВРЕМЕННО УСТАНОВИЛА ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ АГРЕССИИ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ СССР

ПРОСКРИПТУМ

Речь идет об установлении геополитических, политических, военных и экономических целей подготавливавшейся агрессии Германии против СССР.

Откровенно говоря, для установления этих целей как факта разведывательная информация вовсе и не нужна была. Потому что об этих целях сам коричневый шакал достаточно подробно написал в своей «Майн кампф». И Сталин прекрасно знал об этом. У него в личной библиотеке — ныне «благодаря «демократическим» варварам она полностью разграблена и уничтожена, — был перевод «Майн кампф» на русский язык, который был сделан еще в 20-х гг., когда эта поганая «библия нацизма» только вышла в свет.

Можно сказать даже более этого. Прямое упоминание об этих целях фигурировало даже в аналитическом документе разведки — ныне ставшим широко известным докладе ГРУ от 20 марта 1941 г.,

¹ Приводится по: 1941 год. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. Л.Е. Решин и др. М., 1998. С. 466.

в котором говорится: «Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и «красочно» изложенных в его книге «Моя борьба...»¹

Так что принципиально для установлении самого факта наличия подобных целей в плане нападения на СССР разведывательная информация действительно не требовалась. Но она была очень нужна именно для конкретизации этих целей. А вот тут-то разведка сработала великолепно. И если внимательно проанализировать все, что сообщали разведывательные службы СССР, то картина по этому вопросу вырисовывается следующая. Благодаря разведывательной информации цели грядущей агрессии были максимально конкретизированы:

1. Полномасштабное уничтожение СССР как государства, его государственного, общественно-политического и экономического строя.

Как заявил на собрании хозяйственников, назначенных для организации экономического грабежа определенных для оккупации советских территорий, ближайший подручный фюрера — **Альфред Розенберг** — «понятие Советский Союз должно быть стерто с географической карты»².

В упреждающем режиме должна была быть уничтожена Красная Армия как основной силовой компонент военной безопасности СССР.

2. Отторжение от СССР территории западнее линии Ленинград—Черное море (аналогичные данные были получены и военной разведкой — там указывалось, что гитлеровское командование планирует отторжение по линии Ленинград—Одесса) и далее продвижение вплоть до Кавказа и Урала. И одновременно лишение Советского Союза выхода в моря с его европейской территории.

Напоминаю, что впервые данные на этот счет по каналам советской внешней разведки поступили уже 26 сентября 1940 г., то есть еще до установления самого факта принятия Гитлером конкретного плана агрессии против СССР. Впоследствии все это подтвердилось.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12—21.

² АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 50—52.

Источником этих сведений был один из ключевых агентов «Красной капеллы» — Корсиканец, сосланный в свою очередь на Албанца.

3. Быстрый захват Москвы.

4. Формирование в Москве нового правительства¹.

5. Организация новым, вассально зависимым от Третьего рейха правительством гражданской войны против большевиков при материальной поддержке немцев². Одновременно были получены данные о надеждах высшего руководства Третьего рейха на переворот в СССР в общегосударственном масштабе.

6. Создание вассально зависимых от Третьего рейха «национальных правительств» на Украине, в Белоруссии и в Прибалтийских республиках для политического и экономического сотрудничества с Германией³.

7. Захват и эксплуатация в своих интересах источников сырья и продовольствия, главных промышленных центров СССР в его европейской части⁴, превращение населения оккупированных территорий в дармовую рабочую силу для экономики Третьего рейха, проще говоря, полное его порабощение.

8. Привлечение Финляндии к участию в нападении на СССР в порядке войны «мщения»⁵.

В заключение следует сказать, что высшему советскому руководству, прежде всего Сталину все это было понятно задолго до поступления конкретной разведывательной информации. Он давно и прекрасно знал, что Гитлер — это не просто война, а война на уничтожение. Знал еще до привода Западом этого шакала к кормилу власти в Веймарской Германии. Потому-то и требовал еще в 1931 году ускоренных темпов индустриализации, дабы СССР не оказался беззащитным перед лицом грядущей агрессии.

---

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 118.

² Там же.

³ Там же.

⁴ См.: Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. Сообщений разведки по этому вопросу было достаточно много.

⁵ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 118.

Глава 5

РАЗВЕДКА СВОЕВРЕМЕННО И ТОЧНО ВСКРЫЛА
СУТЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ЗАМЫСЛА ПЛАНА
«ВАРИАНТ БАРБАРОССА»

ПРОСКРИПТУМ

В 2001 году сотрудник пресс-бюро Службы внешней разведки РФ В.Н. Карпов на «круглом столе» в газете «Красная звезда» заявил: «Остались неизвестными... характер предстоящей войны, направление главных ударов... ТОЧНАЯ ДАТА—фальшивка, появившаяся в хрущевские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнется 22 июня». Увы, но это откровенная ложь.

Разведка не только своевременно и точно вскрыла суть стратегического замысла плана «Вариант Барбаросса», но и смогла добыть также ряд документальных данных об оперативных планах противника, в том числе и сведения о генезисе плана агрессии. Должен сразу указать, что добывание разведывательной информации о генезисе плана агрессии в мировом разведывательном сообществе испокон веку вообще считается особым проявлением высшего уровня профессионализма. И это несмотря на то, что самой советской разведке не удалось тогда добыть хотя бы фотокопию плана «Вариант Барбаросса» — по крайней мере на сегодня ничего на этот счет не известно.

§ 1. Вскрытие сути стратегического замысла плана
«Вариант Барбаросса»

ПРОСКРИПТУМ

Откровенно говоря, еще на рубеже 20—30-х гг. и позже окончательно выяснилось, «...что в связи с бурным развитием авиации и танковых войск война скорее всего начнется с внезапного нападения агрессора, т.е. без официального ее объявления, а ее начальный период, в отличие от первой мировой войны, будет характеризоваться ожесточенной борьбой на земле, в воздухе и на море за захват и удержание стратегической инициативы.

Причем еще в мирное время агрессор будет стремиться скрытно и в короткие сроки провести частичную мобилизацию, попытается сосредоточить в приграничных районах значительное количество войск (армии вторжения), ядром которых явятся танковые и моторизованные соединения. При поддержке авиации они до общей мобилизации приступят к проведению приграничных наступательных операций с целью разгромить приграничные войска, сорвать мобилизацию главных сил, их сосредоточение и стратегическое развертывание»¹.

Практически безальтернативно и очень быстро советской разведкой было установлено, что нападение произойдет на принципах стратегии молниеносной войны — блицкрига. В частности, было установлено, что будет нанесен внезапный (неожиданный) и молниеносный удар всеми заранее отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми для нападения силами. Подобная информация поступала практически на протяжении всего периода, начиная от момента установления факта принятия Гитлером конкретного плана агрессии против СССР вплоть до начала войны. И последние сводки советской военной разведки, прежде всего разведки штабов приграничных военных округов, четко подтвердили, в частности, то, что нападение произойдет уже отмобилизованными, сосредоточенными и развернутыми для нападения силами. Например, разведотдел штаба ПриОВО направил в ГРУ и ГШ разведывательные сводки с очень красноречивыми названиями: 18 июня 1941 г. — «Донесение о завершении сосредоточения и развертывания войск группы армий “Север”. Вскрыто до 90% 2 штабов армий, 6 корпусов, все дивизии и почти 90% авиации. Всего 210 военных объектов»², 21 июня 1941 г. — «Разведанные Штаба ПриОВО о готовности войск группы армий “Север” к нападению на Советский Союз»³.

Однако в данном случае важно сделать следующую оговорку. Тот факт, что верховное командование Третьего рейха планирует нападение на основе стратегии блицкрига — молниеносной войны, — от-

¹ История военной стратегии России. М., 2000. С. 220—221.

² ЦА МО. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 90—93.

³ ЦА МО. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 131—132.

кровенно говоря, также не требовал каких-то особых подтверждения со стороны разведки, хотя они и были получены в достаточном для однозначного уяснения количестве и качестве. О том, что стратегия молниеносной войны всецело овладела умами Гитлера и его генералов, было известно давно. Дело в том, что ГРУ и аналитические подразделения Генштаба, что называется, испокон веку обязаны тщательно следить за полетом «творческой мысли» генералитета государств, относимых к категории «наиболее вероятный противник». Анализируются публикуемые статьи, книги, практические действия, когда есть возможность наблюдать — маневры и боевые операции, их стиль руководства боевыми или учебными операциями и т.д.

Среди ныне опубликованных материалов, в частности, военной разведки, есть немало документов такого рода. Изучение «творчества» германских генералов облегчалось тем, что германская концепция молниеносной войны (блицкрига) наиболее полно была изложена в трудах: *Ludendorf E. Kriegführung und Politik. Berlin, 1922;* *Ludendorf E. Der total Krieg. München, 1935;* *Bernhardi F. Von Kriege der Zukunft. Berlin, 1920;* *Ritter H. Der Krieg der Zukunft. Leipzig, 1931;* *Soldan G. Der Mensch und die Schlacht der Zukunft. Oldenburg, 1925;* *Buchfinck E. Der Krieg von Gestern und Morgen. Langensalza, 1930;* *Mentzsch H. Krieg als Saat. Breslau, 1934;* *Wetrell G. Der Bündnis-Krieg. Berlin, 1937;* *Cochenhausen F. Die Truppenführung. 9. Aufl. Berlin, 1934;* *Eimansberger L. Der Kampfswagenkrien. München, 1934;* *Guderian H. Achtung — Panzer. Stuttgart, 1937;* *Ergurth W. Die Überraschung im Kriege. Berlin, 1938;* *Der Vernichtungssieg. Berlin, 1939* и др.

Да и в целом к концу 1930-х гг. как идея, так и концепция молниеносной войны были настолько распространены в военных кругах многих стран мира, что уже применялись на практике (Японией в Китае, Италией в Абиссинии, то есть в Эфиопии). Так что нет ни малейших оснований для того, чтобы согласиться с постоянно навязываемым тезисом о том, что наше высшее военное командование не знало о стратегии молниеносной войны, которую с осени 1939 г. западные журналисты обозвали блицкригом. Обычно этот тезис вдалбливается в сознание читателей и слушателей утверждением, что-де высшее военное командование СССР якобы недооценивало существо начального периода современной на тот момент войны, условия ее развязывания и ведения в первые часы и дни. Несколько реже, но тем не менее вполне

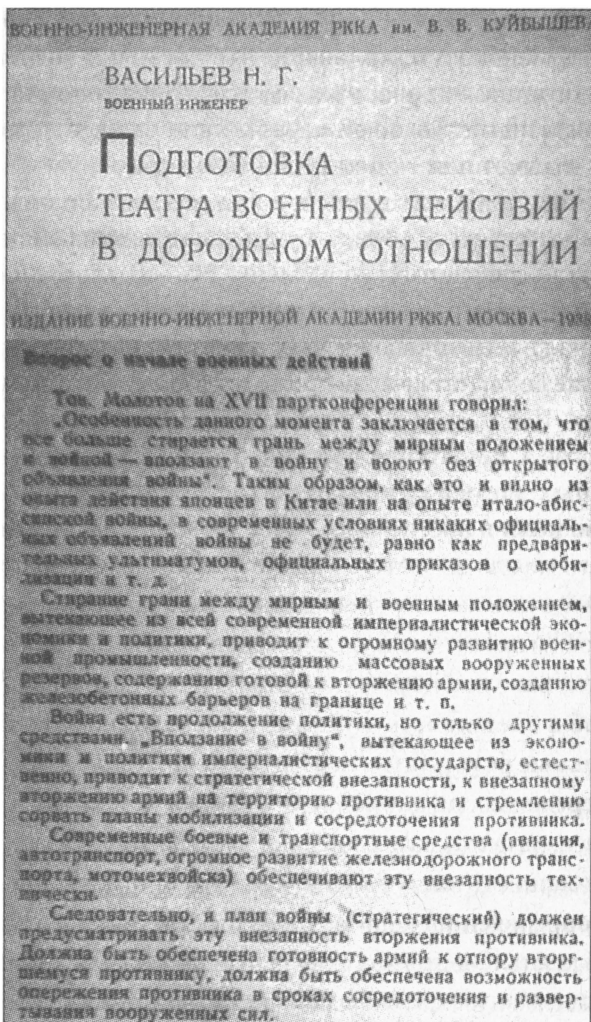
заметно и активное использование коварной сказки о том, что-де перед войной наше военное командование исходило из идеи «затяжной войны», в то время как Германия откровенно сделала ставку на стратегию блицкрига. Но это по меньшей мере не украшающее использующих эту подлую сказку более чем коварное лукавство.

Распространенность как идеи, так и концепции молниеносной войны, ставка на них наиболее агрессивных сил на мировой арене того времени были настолько очевидны, что это не осталось без внимания даже со стороны высшего политического руководства СССР. Взгляните на приводимый ниже документ. Из его содержания видно, что даже глава советского правительства В.М. Молотов еще в 1938 г. уверенно оперировал понятиями, охватывающими суть стратегии блицкрига, хотя сам этот термин появится только осенью 1939 г.

Начиная с 1 сентября 1939 года советское военное командование воочию наблюдало реализацию стратегии блицкрига командованием вермахта как во время германо-польской войны, так и во время западного его похода и в иных операциях вермахта. И не только наблюдало, но и достаточно скрупулезно проанализировало и знало, если и не во всех деталях, все основное, что касалось стратегии блицкрига.

Еще более глубоким понимание **суущества начального периода и особенностей современной на то время войны, проще говоря, стратегии блицкрига**, стало уже на рубеже 1940—1941 гг. Из опубликованной в № 3 за 1941 г. (с. 27—35) журнала «Военная мысль» статьи полковника **А.И. Старунина «Оперативная внезапность»**: «После первой мировой империалистической войны военные специалисты всех стран выдвинули теорию “армии вторжения”. По их мнению, “армия вторжения” и должна в начальный период захватить важные объекты и рубежи, разгромить части прикрытия и тем самым усилить действия ВВС. Состав “армии вторжения”, по их мнению, должен зависеть от стоящих перед ней задач. “Армия вторжения” должна, опираясь на линию пограничных укреплений, внезапно нанести глубокий удар и создать благоприятные условия для действий главных сил.

Опыт последних войн в Польше и Западной Европе опрокидывает эту теорию. При наступлении на Польшу германское командование не выбрасывает “армию вторжения”, а наносит удар всеми силами. Сосредоточив скрытно в течение длительного времени свои армии к польским границам, германское командова-

ние внезапно обрушивается с воздуха и на земле всеми армиями одновременно на неотмобилизованную и неподготовленную польскую армию. Таким образом, в данном случае не “армия вторжения”, а вся масса вооруженных сил обрушивается на территорию противника.

Авиация подавляет ВВС Польши на ее аэродромах, нарушает деятельность железных дорог, срывает мобилизацию и сосредоточение польских армий.

После того как первое сопротивление польских войск было сломлено, германское командование выбрасывает вперед сильные группы мотомеханизированных войск, которые окончательно парализуют всю польскую армию, разбивают ее на отдельные группы и этим создают для главных сил благоприятную обстановку.

Вторжение германских войск в Голландию, Бельгию и Люксембург было проведено также крупными массами войск. В первом эшелоне было сосредоточено не менее 50—60 дивизий. Основной удар наносился южнее Льежа. В ударную группу входило большинство танковых и моторизованных дивизий, которые, сломив сопротивление бельгийской армии, быстро продвигались в направлении Седан, Гиз, а затем последовательно заняли Лаон, Сан-Кантен, Камбре, Аррас. Скрытность сосредоточения и быстрота действий, два основных элемента внезапности, в обоих случаях сыграли решающую роль и обеспечили успех германским армиям.

Как долго можно сохранять в тайне от противника подготовку внезапного удара в начальный период войны? Рассматривая опыт прошлых войн, мы можем найти целый ряд примеров, показывающих, что время и пространство рано или поздно демаскируют все оперативные передвижения. Чтобы внезапность действий в оперативном масштабе дала положительные результаты, необходимо еще иметь и превосходство в силах и средствах на направлении главного удара.

Шлиффен, разрабатывая свой план наступления на Западе, предвидел, что внезапность наступления через Бельгию будет продолжаться только до определенного момента. Шлиффен учитывал, что для того, чтобы преодолеть территорию Северной Бельгии, овладеть ее крепостями и совершить охват левого фланга французов, потребуется несколько недель. Естественно, что при таких условиях не могло быть и речи о внезапности в полном смысле этого слова. Поэтому Шлиффен стремится к тому, чтобы в оперативном плане было обеспечено превосходство сил и средств на правом фланге и после того, как внезапность будет обнаружена; превосходство сил должно быть решительным. Сосредоточение германских сил на Западе против союзников в 1940 г. не было неожиданностью; внезапным оказалось решение в связи с создавшейся обстановкой нанести удар по Голландии и Бельгии.

Наличие громадного превосходства сил и особенно технических средств в сочетании с внезапностью позволило германскому командованию быстро занять территорию Голландии и Бельгии и выйти на их западные границы в тот момент, когда войска союзников не были готовы к отражению, а план, намеченный Вейганом, не мог быть выполнен по времени. Таким образом, внезапность в стратегической подготовке, особенно в начальный период войны, должна достигаться не только скрытностью сосредоточения, но и первоначальным распределением войск, чтобы противник до последнего момента не знал нашего намерения.

Для достижения решающего успеха в начальный период войны необходимо четкое распределение сил при сосредоточении, так как ошибка, допущенная в первоначальном развертывании, едва ли может быть исправлена в течение всей кампании. [3. Примеч. ред. журнала “Военная мысль”: При существующем развитии путей сообщения и транспорта возможны любые перегруппировки в ходе кампании, лишь бы эти перегруппировки надежно были прикрыты авиацией. Союзники в 1940 г. не могли собрать достаточных сил не потому, что им помешали — этих сил просто не было, так как Германия имела подавляющее общее превосходство в силах и средствах.]»

“Внезапность, — пишет Клаузевиц, — проявляется в том, что в одном из пунктов противопоставляют неприятелю значительно больше сил, нежели он ожидает”. [4. Прим. ред. журнала “Военная мысль”: Клаузевиц. О войне. Т. 2. Воениздат, 1937 г. С. 10.] То есть **“внезапность”** не в факте нападения как таковом, ибо скрыть подготовку нападения в таких масштабах в принципе невозможно. А в том, что противник введен в заблуждение о силе и направлениях ударов.

В способы использования танковых войск внесено немцами много нового: массовость, значительный отрыв (150—200 км) от остальных сил наступающих армий, действия по глубоким тылам, совместные действия танков и авиации как на фронте, так и в тылу противника, особенно с пикирующими бомбардировщиками, против артиллерии и танков. Пикирующие бомбардировщики в войне на Западе проявили себя как новый вид авиации, способный действовать более точно не только по неподвижным целям малых размеров, но и против танков противника. В использовании танков, особенно при массировании их,

внезапность является основным фактором успеха действий» (конец цитаты из статьи Старунина).

Столь же глубокое понимание особенностей современной на тот период времени войны демонстрировали не только полковники. Так, во время выступления на известном историкам декабрьском 1940 г. совещании высшего командного состава РККА, говоря о наступательных операциях вермахта в процессе разворачивавшейся Второй мировой войны, Г.К. Жуков подчеркнул на примере польской кампании вермахта, что «главную роль... играет авиация и мотобронетанковые соединения, которые своими глубокими и стремительными ударами терроризовали, по существу, всю... армию, управление и всю страну»¹. А далее он сделал такие выводы: «Что особо поучительного из действий на Западе?

1. Это смелое и решительное применение танковых дивизий и мехкорпусов в тесном взаимодействии с военно-воздушными силами на всю глубину оперативной обороны противника.

2. Решительные удары механизированных корпусов во встречном сражении и стремление их смело и самостоятельно прорываться в тыл оперативной группировки противника.

3. Массовое применение парашютных десантных частей и воздушных дивизий для захвата важнейших объектов в ближайшем и глубоком тылу противника, при этом часто применение этих войск в форме противника.

4. При прорыве УР немцы особое внимание уделяли тесному взаимодействию пехоты, артиллерии, танков, саперов и авиации. Прежде чем атаковать тот или иной УР, в тылу немцев шла усиленная подготовка к атаке на учебных полях и макетах. В общем, немцы в этом отношении целиком использовали опыт Суворова по подготовке штурма Измаила.

5. Высокие темпы проведения наступательных операций. Польша разгромлена в 18 дней (среднесуточное продвижение немцев равно 30 км), Голландия, Бельгия и Северная Франция, за 20 дней,

¹ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993. Т. 12. С. 129—151.

что равно [темпу наступления] 20 км в сутки. Разгром Франции. Разгром Франции — в 18 дней, что составляет [по темпу наступления] 16 км в сутки, при этом действие ММС доходило до 100—120 км.

6. Наступательной операции, как правило, предшествовала заблаговременная заброска мощной сети шпионской агентуры и диверсионных групп. Эта агентура, как правило, подсаживалась ближе к аэродромам, УРам, важнейшим складам, железнодорожным мостам и другим важнейшим объектам. Пользуясь данными этой агентуры, немцы действовали очень часто наверняка. Диверсионные группы в тылу терроризировали население, уничтожали связь, убивали важных лиц командного состава и захватывали важнейшие документы.

7. Это — умение немцев организовать непрерывность операций. Непрерывность операций во всех случаях обеспечивалась: предварительной тщательной подготовкой операции и наличием плана последующей операции, мощным автомобильным транспортом и широко развитой сетью железных дорог, обеспечивавших широкие перегруппировки войск и устройства тыла, наличием эшелонированных резервов.

Как вывод можно сказать, что современные условия характеризуются наличием мощных технических средств борьбы, позволяющих наступающему:

1. В тесном взаимодействии авиации, танковых частей, артиллерии и стрелковых войск уничтожить не только полевую оборону, но и, как это показано на деле, прорвать современную укрепленную полосу.

2. Прорвав тактическую оборону, введя мощную подвижную группу, нанести решительное поражение оперативным резервам и развить успех оперативный в стратегический.

3. Мощным и внезапным ударом разгромить авиацию противника на всю глубину оперативно-стратегического удара и завоевать господство в воздухе»¹.

---

¹ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 56. Л. 1—52. Доклад для Жукова готовил полковник И.Х. Баграмян, являвшийся в то время начальником оперативного отдела штаба Киевского Особого военного округа.

А вслед за ним и нарком обороны Тимошенко 31 декабря 1940 г. четко показал, что все они знают и понимают. Взгляните на то, что он тогда сказал: «Прежде всего, важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией — обеспечило, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления.

Наступательные операции во время войны 1914—1918 гг. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине. Немецкие танковые дивизии в 1939—1940 гг. упредили подтягивание этих резервов. И в том, что они первыми бросались вперед, сами создавали проходы в оборонительных полосах противника и сами развивали прорыв, есть свой определенный смысл. Не случайно немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914—1918 гг. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления — в высоком темпе и непрерывности наступления.

Как показывает опыт современных операций, база пехотной массы осталась такой же широкой и мощной, но роль пехоты при атаке изменилась. Из ударного средства она превратилась в основание бронированного ударного клина, который острием танковых дивизий врезывался в глубину территории противника. Самостоятельность действий скоростных подвижных групп, состоявших из различного типа соединений (танковых, механизированных, моторизованных, мотоциклетных), обуславливалась их организационной структурой.

Операции на Западе выявили, что глубокий удар, основанный на системе взаимодействия авиации, скоростных мотомеханизированных соединений и главной пехотной массы армии, име-

ет одно опасное звено, заключающееся в возможности разрыва между действиями авиации и скоростных соединений. Вопрос нашел свое эффективное разрешение в применении воздушных десантов, которые заполняют разрыв, образуемый между атакой авиации и подходом скоростных соединений.

Важно также отметить, что если раньше военные действия начинались обычно встречным наступлением, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными полосами укреплений. Так, например: германская армия не отважилась атаковать и прорвать линию Мажино. Не надеясь на успешный прорыв, она предпочла обойти французскую линию Мажино, не считаясь с нейтралитетом Голландии и Бельгии. Однако могут быть случаи, когда обход долговременных железобетонных укрепленных полос будет невозможен, и войну придется начинать с прорыва долговременно укрепленной полосы.

...Огромное значение в успехах германской армии в войне 1939—1940 гг. имела тщательная подготовка театров предстоящих военных действий и операций: развитие автомобильных и рельсовых путей; создание аэродромной сети как на своей территории, так и агентурное ее обеспечение на территории противника; массовое насаждение агентуры в полосе предстоящих операций (создание паники среди населения, быстрая информация о группировках войск или важных передвижениях); подготовка передовых баз материально-технического обеспечения; накопление восстановительных средств путей сообщения.

...Таковы вкратце первые извлечения из опыта последних войн. Главный вывод из них:

а) Высокий темп операции является решающим условием успеха операции.

б) Высокий темп операции обеспечивается массированным применением мотомеханизированных и авиационных соединений, используемых для нанесения первого удара и для непрерывного развития удара в глубину.

в) Решающий эффект авиации достигается не в рейдах в далеком тылу, а в соединенных действиях с войсками на поле боя, в районе дивизии, армии»¹.

Высшее военное командование СССР располагало также и достаточной для выработки адекватных мер отпора полнотой как аналитических сведений, так и разведывательных данных о состоянии и перспективах развития вермахта, о его стратегии и тактике, в том числе и отдельных родов германских войск. Так, уже в самом конце 1940 г., на прошедшем в период с 23 по 31 декабря совещании высшего руководящего состава РККА начальник ГРУ генерал-лейтенант Ф.И. Голиков выступил с обстоятельным докладом о качественном развитии вермахта и его стратегии и тактике, особенно танковых войск, артиллерии, в том числе и на механической тяге, противотанковой и зенитной артиллерии, ВВС. В этом же докладе Голиков показал и чрезвычайно важную тактическую особенность таранно-штурмового пролома любой обороны войсками вермахта — **способность и готовность командования сухопутных сил вермахта без оглядки идти на резкое сужение фронта прорыва пехотных дивизий до 2,5 км вопреки даже существовавшим в вермахте уставным правилам**².

Кроме того, за период с 1 января по 15 июня 1941 г. ГРУ представило высшему военному командованию РККА, а также руководству СССР пять обобщенных разведывательных сводок, в которых были приведены обстоятельные сведения о новых мобилизационных мероприятиях Германии. Сводки так и назывались **«Мобилизационные записки по Германии»**.

Кроме того, высшее военное командование СССР уже в 1940 г. располагало:

— прекрасным, скрупулезно осуществленным анализом стратегии и тактики современных на тот момент войн. Он был издан в виде книги **«Новые формы борьбы (опыт исследования современных войн)»**. Автором был один из наиболее талантливых советских военных теоретиков (и практиков, к слову сказать, тоже), боевой комдив

¹ Русский архив. Великая Отечественная. Накануне войны. М., 1993. Т. 12. С. 339—340.

² Там же.

Георгий Самойлович Иссерсон — профессор кафедры оперативного искусства Академии Генерального штаба¹;

— обстоятельным, детально анализирующим причины и обстоятельства молниеносного разгрома англо-французских войск в ходе западной кампании вермахта докладом ГРУ, который был составлен на основе **«Официального отчета французского Генерального штаба о франко-немецкой войне 1939—1940 гг.»**, переданного советскому военному командованию через военного атташе СССР во Франции²;

— полным текстом глубокого, прекрасно аргументированного анализа стратегии и тактики вермахта под названием **«Театр войны и условия ее проведения»**. Автором был ставший легендой в мировой истории разведывательных служб и Второй мировой войны **Рудольф Рёсслер**, он же **Люци** — главный источник ценнейшей разведывательной информации нелегальной резидентуры ГРУ **Дора** — **Шандора Радо**. Именно этот труд, который Р. Рёсслер в начале 1941 г. готовил к изданию, и явился основным поводом для знакомства с нелегальным резидентом советской военной разведки в Швейцарии. Рёсслеру необходимо было дополнить свой труд соответствующими картами, а Шандор Радо по прикрытию являл-

¹ Явно из-за этой его работы и особенно выводов, которые там содержатся, с Г.С. Иссерсоном обошлись, мягко выражаясь, более чем неласково. 7 июня 1941 г. он был арестован 3-м Управлением НКО СССР. За что арестовали — непонятно до сих пор. Однако, учитывая его генеральское звание (звание комдива тогда приравнялось к званию генерал-майора), пребывание в 1940—1941 гг. в распоряжении НКО и существовавший тогда порядок ареста высших офицеров, санкцию на его арест, судя по всему, выдали либо Тимошенко, либо Жуков. Скорее всего, Жуков, потому что Академия Генерального штаба, где работал Иссерсон, находилась в непосредственном ведении Георгия Константиновича. Таковы были правила в то время — без согласия вышестоящего командования ни один военнослужащий не мог быть арестован. 21 января 1942 г. Г.С. Иссерсон был осужден Военным трибуналом Приволжского военного округа на 10 лет ИТЛ и 5 лет поражения в правах. Реабилитирован Иссерсон 01.06.1955 г., освобожден из ссылки 14.07.1955 г. Странное дело, но Г.С. Иссерсон не фигурирует в списке 101 репрессированного генерала и адмирала, который Жуков представил Хрущеву сразу после убийства Берия. Генеральское звание Иссерсону так и не восстановили. Так чем же не угодил Георгий Самойлович Иссерсон Жукову?

² На нем и поныне красуется лаконичная резолюция Жукова: **«Мне это не нужно»**. Военно-исторический архив. 1998, № 3. С. 250—280.

ся владельцем картографической фирмы «Геопресс». Вот так этот труд попал в руки советской военной разведки и оказался в Москве¹.

Положа руку на сердце, ответьте хотя бы самим себе честно: могла ли разведка чем-нибудь еще, к тому же **очень уж** удивить или открыть что-то сверхновое таким знатокам стратегии блицкрига, которые столь детально ее знали, прекрасно понимали, да к тому же еще и обладали прекрасными аналитическими разработками?! Ведь столько знали и понимали прежде всего на основе именно аналитических данных, в том числе и разведки! И те данные разведки, которые получало высшее военное руководство СССР, всего лишь подтверждали это их знание и понимание. Увы, но в понимании Тимошенко и Жукова оказалось, что **ЗНАНИЕ — ЭТО НЕ СИЛА...**

Впрочем, по одному, касающемуся стратегии блицкрига вопросу разведка могла и на самом деле удивила высшее военное командование, которое полностью проигнорировало разведывательные данные по этому вопросу. Речь идет о разведывательных данных, подтверждавших реальность высочайшей эффективности именно **молниеносного удара вермахта**. В конце мая 1941 г. берлинская резидентура НКГБ СССР от своего агента, входившего в состав ставшей впоследствии знаменитой «**Красной капеллы**» — крупного железнодорожного чиновника Третьего рейха — **получила документальные данные о том, что гитлеровское командование запланировало на пятые сутки с начала военных действий против СССР захватить Минск! Агент передал своему куратору из резидентуры адресованное лично агенту письменное предписание военного командования вермахта на пятый день с момента начала военных действий против СССР возглавить Минский железнодорожный узел!**²

Справка. Несмотря на то, что этот агент анонимно, то есть без раскрытия имени, уже фигурировал в опубликованных мемуарах выдающейся советской разведчицы Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной, и даже несмотря на то, что формально его имя как

¹ Орнелли А.С. Позывной «FRX». В книге «Тайные операции и интриги спецслужб», сост. и пер. с польского языка В.С. Живодеров. М., 2006. С. 174. Московская судьба этой работы Рёсслера неизвестна.

² Воскресенская З.И. Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1996. С. 48—49.

участника «Красной капеллы» давно известно, никто так и не идентифицировал этого агента с его же именем и должностью в Третьем рейхе. Поэтому имя этого человека как агента советской внешней разведки называется впервые — **ЙОН ЗИГ**, руководитель службы движения берлинского железнодорожного узла.

Родившийся в 1903 г. Йон Зиг был сыном эмигрировавшего в США немца-механика. С 1910 г. жил в Германии, учился в народной школе и в учительской семинарии. В конце 1923 г. вновь переселился в США, но Америка отнюдь не оказалась для него «страной неограниченных возможностей». Для систематической, нормальной учебы, к которой он стремился, не хватало средств. Работал на заводах автомобильных королей Форда и Паккарда, а после тяжелого трудового дня у конвейера изучал в вечерних университетах философию, филологию и педагогику. Однако о завершении образования нечего было и думать. Будучи членом американских профсоюзов, Йон Зиг боролся за социальные права рабочих, за что неоднократно подвергался репрессиям. В 1928 г. Йон Зиг вернулся в Германию и в 1929 г. стал в Берлине членом КПП. Сначала он занимался журналистикой и под псевдонимом Зигфрид Небель публиковал в газетах «Берлинер тагеблатт» и «Фоссише цайтунг», а также в редактировавшемся д-ром Адамом Кукхофом журнале «Ди тат» репортажи о своей

жизни в Америке. С конца 1929 г. одаренный журналист стал сотрудником центрального органа КПГ газеты «Роте фане». После установления фашистской диктатуры Йон Зиг был арестован и с марта по июль 1933 г. находился в заключении, а затем включился в антифашистскую борьбу КПГ. Первоначально руководил в южной части Берлина обучением коммунистов и беспартийных антифашистов марксистско-ленинской теории, проявляя большую инициативу в развертывании антифашистской работы. Курьеры партийного руководства КПГ доставляли ему директивы по ведению подпольной борьбы и различные материалы. В процессе своей девятилетней нелегальной деятельности Йон Зиг вырос в руководящего партийного работника. В 1933 г. друзья помогли Йону Зигу устроиться на государственные железные дороги. Сначала он был рабочим: в пакгаузе на Штеттинском вокзале в Берлине, а позднее — начальником службы движения. Здесь Йон Зиг получил возможность вести важную политическую работу. Он использовал свои служебные поездки и право бесплатного проезда для установления связи с коммунистическими партийными организациями Франкфурта-на-Майне и Гамбурга. Принимал участие в развертывании Сопротивления на берлинских предприятиях и помог коммунисту Герберту Грассе и его кружку восстановить связи с группами антифашистски настроенных рабочих на берлинских военных заводах. Во время Второй мировой войны Йон Зиг вел систематическую антифашистскую борьбу на государственных железных дорогах, благодаря чему эшелоны с боеприпасами и войсками направлялись не по назначению или же простаивали на загруженных линиях. Бывший журналист Йон Зиг не порывал связей и с передовой интеллигенцией. Еще в 1936 г. писатель Адам Кукхоф ввел его в круг антифашистов, группировавшихся вокруг д-ра Арвида Харнака. После начала Второй мировой войны руководство нелегальной берлинской организации КПГ поручило Йону Зигу наряду с Вильгельмом Гуддорфом тесно сотрудничать с обер-лейтенантом Харро Шульце-Бойзенем и д-ром Арвидом Харнаком, чтобы объединить всех противников Гитлера независимо от их мировоззрения в Народный фронт с целью свержения нацистской диктатуры, прекращения войны и создания

миролюбивой, демократической Германии. Йон Зиг был одним из инициаторов издания нелегальной газеты организации «Внутренний фронт», для которой написал ряд статей. 11 октября 1942 г. Йон Зиг был арестован. После жестоких пыток в здании гестапо на Принц-Альбрехтштрассе в Берлине он покончил жизнь самоубийством.

Полученные от **Йона Зига документальные данные своевременно** были переданы в ГРУ и ГШ вместе с другими сведениями, также подтверждавшими, что супостаты давно, еще в 1936 г., четко планировали взятие Минска на пятые сутки с начала военных действий против СССР. К слову сказать, ГРУ и ГШ и сами располагали такой информацией, добытой еще в конце 1936 — начале 1937 г., причем как по собственным каналам, так и от внешней разведки НКВД СССР.

Никакой реакции, кроме скептического хмыканья, Зоя Ивановна тогда не услышала и не увидела со стороны начальника ГРУ и заместителя начальника ГШ генерала Голикова. Более того. Судя по всему, эта информация и не докладывалась Сталину. А уж о том, что никакой реакции она не вызвала в самом Генеральном штабе, и говорить-то не приходится. Потому что никаких принципиальных изменений в характере развертывания советских войск у границ не последовало — Жуков и Тимошенко по-прежнему развертывали их по схеме, прямоком ведущей к катастрофе (об этом будет сказано отдельно).

А ведь эти данные **Йона Зига не первые** — еще 8 апреля 1941 года НКГБ СССР, основываясь на сообщении НКВД СССР и информации от закордонных источников погранвойск НКВД Белоруссии информировало ГРУ и ГШ о том, что **«некоторым железнодорожным служащим-немцам на территории генерал-губернаторства (то есть на оккупированной немцами части Польши. — А.М.) выданы предписания о назначении их на работу на железной дороге в г. Белосток»**¹. В сочетании же со сведениями о том же самом, но от 1936—1937 гг. означали не только то обстоятельство, что супостаты четко и однозначно планировали именно

¹ Из спецсообщения НКВД СССР в НКГБ СССР о концентрации германских войск на границе с СССР от 8 апреля 1941 г. См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Накануне. Кн. 2. М., 1995. С. 77.

молниеносный удар по СССР и ни на йоту не сомневаются в своем грядущем успехе, но и то — тут мы слегка забегаем вперед, — что **сей молниеносный удар запланирован именно на направлении главного удара вермахта — на восточном направлении, для СССР западном или белорусском направлении!!!** И никакой реакции со стороны ГРУ и ГШ, кроме скептического хмыканья генерала Голикова, который был одновременно и заместителем начальника Генерального штаба!

§ 2. Своевременное добывание ряда документальных данных о плане агрессии, в том числе и о его генезисе

Означенный успех был достигнут в результате титанических усилий многих советских разведчиков и их верных помощников в лице агентуры, а также благодаря передаче некоторыми руководителями европейских государств в эмиграции, а также правительством США ценной разведывательной информации Москве.

2.1. В исторических исследованиях, а также в мемуарах военачальников о войне, особенно Г.К. Жукова, широчайшее распространение получила более чем коварно лукавая (если не сказать покрепче) точка зрения, что-де Москва не располагала хотя бы изложением основных положений директивы № 21 «Вариант Барбаросса», не говоря уже о его тексте. Причем с особым нажимом, в частности, на то обстоятельство, что им, мол, располагала американская разведка, но не поделилась с Москвой¹.

Американская разведка (хотя ни ЦРУ, ни даже предшественника — Управления стратегических служб — тогда еще не было) действительно располагала и устной, и документальной информацией, в том числе и копией одного из вариантов директивы **№ 21 «Вариант Барбаросса»**. Добывший эту информацию через свои связи в правительственных и военных кругах Германии коммерческий атташе посольства США в Берлине Сэм Эдисон Вудс первые данные на этот счет получил еще в августе 1940 г. Затем уточненную информацию в ноябре 1940 г. и в конце декабря 1940 г. точные данные. В январе 1941 г. С. Вудс направили ее в Вашингтон президенту Рузвельту. Согласно утверждению

¹ См., например: *Безыменский Л.А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2001. С. 443, а также последующие переиздания этой книги.

энциклопедически информированного о многих тайнах международной и советской политики, деятельности советских разведывательных служб, в прошлом видного советского партийного и государственного деятеля, Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в ФРГ, очень авторитетного историка, доктора исторических наук Валентина Михайловича Фалина, американцы располагали полной версией плана «Вариант Барбаросса» с 10 января 1941 г.¹ Ввиду особой важности этой информации Рузвельт потребовал особо тщательной проверки. В течение января—февраля 1941 г. американская разведка была занята именно этим. К этому времени Сэм Вуд через своего информатора получил и копию документа, и детали плана наступления вермахта по трем главным направлениям ударов вермахта, а также сообщил, что все приготовления должны быть осуществлены весной 1941 г.

Историческая справка. В англоязычной литературе называется имя информатора С. Вудса — Эрвина Респондека, псевдоним Ральф, доверенного финансового советника высшего руководства германского концерна «ИГ Фарбениндустри», бывшего депутата рейхстага от партии «Центр». Утверждается, что Эрвин Респондек был связан с представителями антигитлеровски настроенной части германского генералитета, от которых и узнал о принятом Гитлером плане нападения на СССР, а затем передал эту информацию С. Вудсу. Особых оснований сомневаться в том, что он передал С. Вудсу какую-то секретную информацию, нет. Он действительно был осведомлен о многом и прежде всего потому, что был именно доверенным финансовым советником высшего руководства «ИГ Фарбениндустри», которая более чем тесно сотрудничала с нацистским режимом и его главарями. Но здесь надо иметь в виду, что «ИГ Фарбениндустри» теснейшим образом сотрудничала с компанией Рокфеллеров «Стандарт ойл», которая в свою очередь плотно контролировала и корпорацию Дюпон, также теснейшие сотрудничавшую с «ИГ Фарбениндустри». Еще с конца 1930-х годов между корпорацией Дюпон и концерном «ИГ Фарбениндустри» был налажен канал регулярного обмена секретной информацией по всем интересовавшим обе компании вопросам.

¹ Об этом факте В.М. Фалин упомянул в своем интервью корреспонденту «Файл-РФ» 5 февраля 2014 г. См. сайт «Файл-РФ», а также ruska-pravda.com.

Как объяснил после войны Э. Респондек, «“И.Г. Фарбен”... снабжала “Дюпон” информацией, до мельчайших деталей, до и во время американо-германского конфликта вплоть до января—февраля 1945 года из секретных источников в Базеле». Судя по всему, именно Э. Респондек осуществлял этот обмен секретными сведениями или, по меньшей мере, был причастен к этому. Так что знать-то он знал многое.

ОДНАКО НЕТ ОСНОВАНИЙ СОМНЕВАТЬСЯ И В ТОМ, ЧТО ОН ПЕРЕДАЛ ЭТУ ИНФОРМАЦИЮ УСТНО И ОСОБЫХ ПОДРОБНОСТЕЙ ЗНАТЬ НЕ МОГ! Даже по тем куцым и фрагментарным сведениям, которыми располагают историки об этой истории, очевидно, что передача сведений происходила именно устно. Примерно так же как агент советской военной разведки Альта получала сведения от находившегося у нее на связи агента Арийца, а затем, получив соответствующие указания из Москвы, через него же собирала дополнительные данные и проверяла их.

НЕТ оснований сомневаться в том, что Э. Респондек передал эту информацию в устном изложении и особых подробностей знать не мог, тем более документальных, еще и потому, что в реальности информатор С. Вудса имел возможность получать сверхсекретные сведения на закрытых военных конференциях и совещаниях, где обсуждался план агрессии. А Э. Респондек не имел доступа на такие конференции и совещания. Значит, у С. Вудса был еще и другой информатор.

В связи с этим куда больше оснований для повышенного доверия имеет версия о том, что информатором Сэма Вудса был также и оберштурмбаннфюрер СС Рейнхард Шпитци. По происхождению австриец, выходец из семьи профессора — наставника последнего австрийского императора Карла. С 1931 г. член НСДАП. Участвовал в попытке нацистского переворота в Австрии в 1934 г., причастен к убийству ее канцлера Дольфуса. После провала переворота бежал в Германию, где вступил в СС и стал сотрудником Бюро Риббентропа — одного из ведущих подразделений центрального аппарата НСДАП, занимавшегося вопросами внешней политики. Когда Й. Риббентропа назначили послом Германии в Англии, Р. Шпитци стал его личным секретарем. В этом качестве Р. Шпитци являлся участником ряда крупнейших дипломатических акций Третьего рейха, в том числе

и Мюнхенского сговора Запада с Гитлером. Из-за неприязненного отношения к нему жены Риббентропа Шпитци вынужден был в 1938 г. покинуть своего патрона (во всяком случае он всегда объяснял это именно так). С того же времени являлся сотрудником военной разведки Третьего рейха и выполнял личные конфиденциальные поручения шефа абвера адмирала Канариса, оставаясь при этом сотрудником разведки СС. После ухода от Риббентропа по протекции бригадефюрера СС Веезенмайера Шпитци был устроен на работу в Бюро личного друга Риббентропа — Генри Манна. Г. Манн являлся представителем одного из крупнейших концернов США «Интернэшнл Телеграф энд Телефон» (ИТТ) в Берлине (одновременно Г. Манн представлял в Германии интересы ряда других крупных американских фирм). Р. Шпитци свободно владел английским, французским и итальянским языками. Учитывая весьма специфическую служебную биографию в Третьем рейхе и принимая во внимание патронаж высокопоставленных членов СС, Шпитци, несомненно, представлял серьезный интерес для разведки любого крупного государства, США в том числе. И едва ли действовавшие в те времена в основном под коммерческими прикрытиями американцы не обратили внимания на такой внезапно свалившийся им на голову ценный «подарок».

Почти категорическая уверенность в этом предстает еще более обоснованной, если учесть то обстоятельство, что концерн ИТТ отродясь отличался (и отличается!) ярко выраженной склонностью к разведывательной деятельности и всегда был связан с американскими спецслужбами. Прежде всего это было обусловлено реальной возможностью ИТТ контролировать телеграфную переписку и телефонные разговоры, в том числе международного характера. Да и основа для вербовки и даже «флаг» вербовки в этом случае были, что называется, едва ли не идеальными: американцы более всего склонны использовать материальную, особенно же финансовую, заинтересованность при вербовках агентуры, а в качестве «флага» вербовки — информационные потребности какой-либо крупной фирмы или банка. Все это, подчеркиваю, чуть ли не идеально вырисовывалось в случае с Р. Шпитци, когда по протекции бригадефюрера СС Веезенмайера он поступил на работу в Бюро Г. Манна. К тому же следует иметь в виду, что Р. Шпитци был австрийцем, а следовательно, не должен был испы-

тывать каких-либо способных мучить совесть «истинного арийца» терзаний насчет предательства интересов Германии, тем более что и по характеру-то он был весьма ушлый малый. Так что работать с ним Сэму Вудсу было весьма с руки, ибо сам он являлся коммерческим атташе. Однако, судя по всему, вербовку Р. Шпитци осуществлял явно не он — дело в том, что С. Вудс не знал своего информатора в лицо, что для вербовщика исключается по определению (не исключено, что к его вербовке приложила руку британская разведка, пока Шпитци находился в Англии, но это всего лишь авторская гипотеза).

Информатор С. Вудса никогда не вступал с ним в беседы, их встречи всегда носили заранее оговоренный по графику характер, являлись моментальными, то есть происходил мгновенный обмен свернутыми в мини-трубочку сообщениями. К тому же такие встречи происходили в темных помещениях (как правило, в кинозалах во время сеансов), что по совокупности признаков с головой выдает то обстоятельство, что информатор сам был весьма опытным разведчиком, особо заботившимся о своей личной безопасности. То есть все складывается именно к тому, чтобы идентифицировать информатора С. Вудса в первую очередь именно с Р. Шпитци. При его-то связях в верхнем эшелоне власти нацистской Германии, особенно в руководстве СС, и обусловленной этим личной информированности о делах в рейхе и политике его высшего руководства добыть ту информацию, которая оказалась в руках С. Вудса, не представляло особого труда. К тому же Р. Шпитци хорошо знал и ценил рейхсфюрер СС Г. Гиммлер.

Для сравнения: занимавшие куда более низкое положение в иерархии Третьего рейха агенты советской военной разведки Альта, Ариец, разведки НКГБ — Корсиканец, Старшина и другие практически одновременно добыли аналогичную информацию.

В пользу вывода о Шпитци как об информаторе Вудса говорит, хотя и косвенно, также следующий факт. Последняя информация Вудса о плане «Барбаросса» поступила в Вашингтон накануне 20 марта 1941 г., ибо 20-го она уже была передана советскому послу К. Уманскому. Далее идет обрыв связи, затем, в конце 1941 г., и США вступили в войну, что окончательно развело Вудса с его информатором. Дело в том, что весной 1941 г. Шпитци сломал ногу и

весьма долго, полгода, лечился. Чем не причина для внезапного прерывания связи?! Особенно если учесть, что связь-то у них была по большей части односторонней. Информатор сам вызывал С. Вудса на срочные встречи, а их срочность, судя по опубликованным, хотя и очень скудным данным, была обусловлена жесткой ориентацией информатора на особо важную, глобального характера информацию. А статус Р. Шпитци и его возможности оправдывали такую ориентацию¹.

Убедившись в достоверности добытой информации, Рузвельт распорядился ознакомить с материалами С. Вудса советского полпреда в Вашингтоне К. Уманского. Это было осуществлено 1 марта 1941 г. По указанию госсекретаря Корделла Хэлла его заместитель — Сэмнер Уэллес — передал эти материалы полпреду СССР в США К. Уманскому. Причем, и это очень важно отметить, с указанием источника². Одновременно и в тот же день 1 марта эта же информация была направлена американскому послу в Москве Лоуренсу Стейнхарду (иногда пишут Штейнгарт) для передачи тогдашнему главе советского правительства В.М. Молотову.

Естественно, что советский полпред, который одновременно являлся в тот период еще и главным резидентом советской внешней разведки в США, немедленно передал эту информацию в Москву, одновременно инициировав проверку этих сведений по разведывательным каналам советской внешней разведки в Америке.

***Историческая справка.** К глубокому сожалению, доступным оказался не весь текст телеграммы Уманского, а всего лишь некоторая, увы, не самая важная ее часть. Правда, из приводимого ниже текста видно, что Уманский получил информацию от аме-*

¹ О Р. Шпитци см.: *Безыменский Л.А.* Разгаданные загадки Третьего рейха. М., 1981.

² *Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (FRUS): FRUS. 1941. Vol. I. P. 714; Государственный секретарь Хэлл — послу в Москве Стейнгардту, Вашингтон, 4 марта 1941 г. // Там же. С. 723; Меморандум Уэллеса. Вашингтон, 20 марта 1941 г.; Cordell Hull. Memories. Vol. II. N.Y., 1948. P. 967—968; Hinsley F.H. et al. British Intelligence in the Second World War. London: HMSO, 1979. Vol. I. P. 56. Erickson J. The Road to Stalingrad. London. Weidemfeld & Nicolson, 1975. P. 89; Найтли Ф. Шпионы XX века. М., 1994. С. 210—211. Некрич А.М. 1941 год 22 июня. М., 1965. С. 121; Уткин А.И. II Мировая война. М., 2002. С. 165; Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 74—77.*

риканского правительства, но каково ее содержание в изложение самого Уманского, пока остается неизвестным. Тем не менее, в целях хотя бы минимального подтверждения самого упомянутого факта передачи информации, полагал бы целесообразным привести то, что удалось найти.

ИЗ ТЕЛЕГРАММЫ ПОЛПРЕДА СССР В США К.А. УМАНСКОГО НАРКОМУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР В.М. МОЛОТОВУ.
«1 марта 1941 г.: [...] Уэллес сделал мне следующее заявление, предупредив, что Штейнгардту поручено заявить то же Вам: по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении Американского правительства и в аутентичности которых у Американского правительства нет ни малейшего сомнения, германские военные планы заключаются в том, чтобы после достижения победы над Англией, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях. Американское правительство учитывает, что Советское правительство, возможно, отнесется к этой информации с недоверием и будет рассматривать ее как пропаганду, интригу или неправду. Однако Ам[ериканское] правительство подчеркивает, что располагает не подлежащими сомнению доказательствами правдивости этой информации, которую оно передает Советскому правительству лишь потому, что считает, что те страны, которые отстаивают свою целостность и независимость перед лицом германских планов неограниченной агрессии, имеют моральное право на получение подобной информации и дружественное предупреждение. Для того, чтобы уменьшить возможные сомнения Советского правительства, он, Уэллес, добавляет, что информация не исходит из английских источников. Ответил Уэллесу, что сообщу Молотову о факте передачи мне этой информации, которая действительно, насколько я лично могу судить, не укладывается в общеизвестную картину международного положения. Независимо от нынешнего характера советско-германских отношений и даже если теоретически допустить, что кто-либо в Германии лелеет подобные планы, мне лично кажется, что Германское правительство не может не понимать обреченности таких планов, ввиду высокой

оборонной мощи СССР, стратегические позиции и экономическая сила которого так значительно укрепились за последние годы, а в частности со времени начала нынешней войны. Я не имею права подвергать эту информацию той суровой оценке, которую он, Уэллес, оправдывал, но, естественно, приходят на память аналогичные утверждения и информации, циркулировавшие с тенденциозными целями до и после Мюнхена, что лишь привело к просчетам ряда правительств, внушавших себе мысль, что СССР может стать объектом безнаказанной агрессии. Но, конечно, я могу лишь поблагодарить за сообщение конфиденциальной информации Ам[ериканского] пра[вительства] и передам Молотову о мотивах, побудивших Американское правительство поделиться с нами этой информацией. Уэллес стал снова подчеркивать, что информация авторитетная и такого характера, что в ней невозможно сомневаться[...]»¹.

В связи с тем, что по указанию Москвы Уманский запросил новые данные по этому вопросу, 20 марта 1941 г. С. Уэллес не только еще раз подтвердил ранее переданную информацию, но и значительно расширил ее, так как к тому времени Сэм Вудс прислал в Вашингтон дополнительные сведения.

К слову сказать, аналогичную информацию американцы направили 29 марта 1941 г. и премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. А днем ранее, 28 марта 1941 г., криптографы Правительственной школы кодов и шифров в Блетчли (иногда ее называют просто служба радиоперехвата и дешифрования в Блетчли) наконец-то смогли получить первые надежные данные о подготовке нападения Германии, расколов военные и дипломатические шифры Третьего рейха. 29 марта глава МИ-6 Стюарт Мензис передал эти первые данные У. Черчиллю. То есть для Черчилля получилось хотя и случайное, но действительно знаменательное совпадение информации собственных спецслужб и данных американцев.

Особую пикантность этому факту придает то обстоятельство, что свидетелями этого совпадения стали не только премьер-министр Великобритании, но и Сталин, а вместе с ним также и Молотов, Берия,

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 245—246. Машинопись, заверенная копия.

Меркулов, Тимошенко и Жуков. Но только Сталин, Берия и нарком госбезопасности Меркулов знали всю подоплеку этого совпадения. Дело в том, что с января 1941 г. наконец был восстановлен контакт с Джоном Кернкроссом (оперативный псевдоним **Мольер**) — одним из членов великолепной «кембриджской пятерки» блестящих агентов советской внешней разведки. Дж. Кернкросс с июня 1940 г. работал личным секретарем лорда Хэнки, который в кабинете У. Черчилля **«вел работу по линии секретных служб и был председателем десятка комиссий, которые занимались вопросами обороны, безопасности, научных исследований и др. ...К Хэнки поступали материалы из кабинета министров, спецслужб, научно-исследовательских организаций и других важных учреждений. Все они аккумулировались у Кернкросса. От Кернкросса были получены переписка МИД с посольствами, еженедельные доклады английской разведки кабинету, протоколы заседаний военного кабинета, доклады начальника генштаба, материалы по экономической разведке и другие важные секретные документы. С января по май 1941 года от источника было получено большое количество материалов, которое свидетельствовало о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз»**¹.

Как первые надежные данные о подготовке нападения Германии на Советский Союз, так и последующие сведения аналогичного характера в обязательном порядке направлялись лорду Хэнки и аккумулировались у Кернкросса. Ну а далее они передавались агентом своему куратору из лондонской резидентуры НКГБ СССР. Объемы передаваемых Дж. Кернкроссом документов были исключительны — в среднем до 60 фотопленок направлялось в Центр каждой почтой. Не отставали и другие члены прославленной пятерки — легендарные Ким Филби, Энтони Блант, Гай Бёрджесс, Дональд Маклин. Их информация также имела колоссальное значение, хотя и не всегда в то время и не во всем сразу же встречала благожелательные отклик и оценки.

Так что едва ли у двух основных разведывательных служб СССР и тем более у Сталина могли остаться какие-либо сомнения в до-

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 182.

стоверности и объективности информации заокеанских буржуинов. Хотя на первых порах они возникли вполне естественным образом. Дело в том, что для Москвы не было секретом, что правящие круги США в целом позитивно настроены к идее нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, и соответственно при такой-то позиции чего ради буржуины так забеспокоились о Стране Советов. Но поскольку информация американцев и англичан совпадала и с информацией советских разведывательных служб, которой к тому моменту накопилось немало, то, естественно, она была взята в расчет и учтена должным образом.

Кроме того, достоверные данные о плане Гитлера по нападению на СССР, о главных направлениях наступления вермахта (на Ленинград, Москву и Киев), которое будет осуществлено силами примерно 155 дивизий, во второй половине апреля месяца 1941 г. передал в Москву и чехословацкий президент Э. Бенеш. Эта информация была получена в конце марта — начале апреля 1941 г. от ценнейшего агента чехословацкой военной разведки А-54 — Пауля Тьюмеля¹. Передача добытых им сведений в Москву была осуществлена в рамках секретного соглашения о сотрудничестве между разведками двух стран от 16 мая 1935 г.

Штрих-комментарий. Информация чехословацкой военной разведки всегда докладывалась и наркому обороны СССР С.К. Тимошенко, который по этому поводу вспоминал: «Донесения нашего военного атташе в Лондоне я получал всегда сразу же, как только они поступали. Были там и данные, которые передавала нам чехословацкая разведывательная служба. Без всякого преувеличения должен сказать, что некоторые из них казались невероятными и даже провокационными. Однако наша проверка этих сообщений и время показали, что в большинстве случаев речь шла о правдивой и удивительно точной информации»².

Проце говоря, едва только материалы из лондонской резидентуры ГРУ поступали в Москву, то информация чехословацкой военной раз-

¹ Moravec F. Master of Spies. Memoirs of General Frantisek Moravec. New York, 1977. P. 191—193; Benes E. The Memoirs of Dr. Edward Benes. Boston, MA, 1953. P. 150—151.

² Цит. по: Колпакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 154.

ведки наряду с другими данными сразу же направлялась Тимошенко и Жукову.

Учитывая, что одновременно эту же информацию П. Тюммеля Э. Бенеш и глава чехословацкой военной разведки генерал Ф. Моравец передали У. Черчиллю и в МИ-6 и продублировали ее еще раз 19 апреля 1941 г., то окружным путем, через упоминавшегося Дж. Кернкросса, у которого, ввиду его специфических служебных обязанностей, оседала вся подобная информация, она в порядке дублирования попала также и в Москву.

Так что Москва была в курсе сути директивы № 21 «Вариант Барбаросса» и явно других сопровождавших ее документов Третьего рейха, причем эта информация не залеживалась у Сталина или на Лубянке, а передавалась в ГРУ и ГШ.

Но это одна сторона истории об осведомленности Москвы о содержании директивы № 21 «Вариант Барбаросса». Есть и другая, менее известная, если вообще известная. Ведь не менее бесценная информация о планах немецкого командования поступала и от другого агента из числа великолепной «кембриджской пятерки» — Дональда Маклина. **«В первой половине 1941 года Маклин информировал Москву о подготовке Гитлера к нападению на СССР. Среди документов этого периода необходимо отметить полученную от источника сводку министерства экономической войны Англии, подготовленную для доклада военному кабинету, о неминуемом нападении немцев на СССР. В сводке приводились данные о военных приготовлениях Германии на востоке и ее оперативных планах по разгрому Красной Армии»¹.**

Более того. 24 марта 1941 г. британская разведка получила из Швеции сообщение о том, что немцы отложили вторжение на Британские острова и решили «молниеносно атаковать Россию и оккупировать ее вплоть до Урала». В сообщении детально излагался план операции против СССР на трех главных направлениях, назывались три конкретные ударные группировки германских войск под командованием фельдмаршалов фон Бока, фон Рундштедта и фон Листа. Эту информацию Лондон не передал

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 5. М., 2003. С. 78.

Москве¹. Однако эта информация прошла через руки Кернкросса и Маклина и потому попала в Москву. И то обстоятельство, что Лондон ни в каком виде не передал эту информацию Москве, и даже не пытался сделать этого, сыграло положительную роль.

Специальная справка. 1. Здесь следует иметь в виду, что советская разведка располагала уникальной возможностью для контроля и проверки этой информации — у нее был агент по фамилии Нюблад в шведской службе радиоразведки. В 1994 г. шведы сами предали гласности эту историю. Все, что шведы тогда читали в немецких радиограммах, а затем передавали в Лондон, читали также и в Москве, нередко даже раньше, чем руководство Швеции или Англии, и уж, как правило, одновременно с ними. Не говоря уже о том, что эти данные позволяли советской радиоразведке самостоятельно раскалывать немецкие коды и знать как о планах немцев, так и об их уровне осведомленности о советских войсках².

2. На протяжении 30-х гг., а затем еще и в 1940 г. советской разведке удалось неоднократно добывать английские дипломатические шифры, благодаря чему, особенно шифру, добытому в 1940 г., представилось возможным наладить чтение секретной переписки МИД Англии и британской разведки³, что, естественно, серьезно обогащало добываемую советскими разведывательными службами информацию.

То же самое произошло и с подлинной частью информации, сильно препарированная верхушка айсберга которой впоследствии стала известна как пресловутое предупреждение У. Черчилля. Дело в следующем. В начале апреля 1941 г. британское правительство получило донесения из Белграда, Вашингтона и Афин, что Гитлер сказал югославскому принцу-регенту о намерении **начать нападение Германии на СССР до 30 июня этого же года**. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль 3 апреля 1941 г. поручил британско-

¹ О факте прохождения такой информации см.: Документы внешней политики СССР. М., 1998. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. Сноска № 239.

² Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптография: страницы истории тайных операций. М., 2008. С. 233—234.

³ Павлов В.Г. Тайное физическое проникновение на иностранные объекты. Внедрение. Подставы. Перевербовка. М., 2010. С. 399.

му послу в Москве Р.С. Криппсу лично передать И.В. Сталину свое послание. В специальной памятке к беседе при передаче этого послания Форин Офис предложил Криппсу разъяснить Сталину, что Гитлера ничто не остановит, если только он не попадет в сложное положение на Балканах. 5 апреля Криппс ответил телеграфно, что для него личная передача письма Черчилля Сталину «немыслима». В ходе завязавшейся телеграфной переписки с Лондоном посол высказал сомнение в такой необходимости, поскольку 6 апреля был заключен советско-югославский пакт, а югославский посланник в Москве по предложению Криппса уже сообщил Сталину и Молотову о заявлении Гитлера принцу-регенту о предстоящем нападении на СССР (на что Сталин ответил: «Пусть попробует»). В итоге британский посол направил послание Черчилля в НКВД СССР при своем письме от 19 апреля, адресованном А.Я. Вышинскому, и тот уведомил его 23 апреля, что оно вручено Сталину¹. В указанном послании Черчилля говорилось: **«Я получил от заслуживающего доверия агента достоверную информацию о том, что немцы после того, как они решили, что Югославия находится в их сетях, то есть после 20 марта, начали переброску в южную часть Польши трех из находящихся в Румынии пяти бронетанковых дивизий. В тот момент, когда они узнали о сербской революции, это передвижение было отменено. Ваше Превосходительство легко оценит значение этих фактов»².**

Но и это еще не все, что касается успехов советской разведки. В сентябре 1939 г., когда советские войска были введены в Западную Украину, во львовской тюрьме был обнаружен крупный двойной агент германской военной разведки (абвера) и британской МИ-6, бывший офицер царской и белой армий, граф Александр Сергеевич Нелидов. Накануне нападения Германии на Польшу руководство абвера направило Нелидова с разведывательным заданием в Варшаву, где он и был арестован польской контрразведкой. А за три года до этого

¹ *Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. L., 1970. Vol. 1. P. 604—605.*

² Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1986. Т. I. С. 442—443.

Нелидов по заданию главы абвера адмирала В. Канариса принимал участие в упоминавшихся выше стратегических командно-штабных играх на картах 1936 г. и потому обладал ценной разведывательной информацией. С Нелидовым стали плотно работать, причем в оборот его взяли выдающиеся асы советской разведки — Василий Михайлович Зарубин, Зоя Ивановна Воскресенская и Павел Матвеевич Журавлев, но основную работу вела именно З.И. Воскресенская. Плотная работа с графом началась с середины 1940 г., а к концу весны 1941 г. обнаруживший «глубокое знание искусства управления войсками, отменную память на давние и недавние события, размещение армейских группировок, номера разного рода дивизий, калибры и число орудий граф А.С. Нелидов нанес все известные ему сведения на карты-схемы»¹.

В итоге получился картографический сценарий прототипа плана «Вариант Барбаросса»! Одновременно А.С. Нелидов поведал, что еще в 1936 г. верховное командование Германии запланировало взятие Минска на 5 сутки с начала военных действий против СССР и апробировало этот темп наступления во время тех стратегических командно-штабных игр, на которых он тогда присутствовал.

В первых числах июня 1941 г. З. Воскресенская передала начерченные Нелидовым карты-схемы заместителю начальника Генерального штаба, начальнику ГРУ генералу Ф.И. Голикову, а также информацию о запланированном еще в 1936 г. взятии Минска на 5 сутки с начала военных действий против СССР.

В то же время есть резон отметить, что, судя по всему, передача в ГРУ и Оперативное управление Генштаба полученной в результате допросов Нелидова информации началась значительно раньше, тем более что она точно «садилась» на информацию 1937 г., а на их совокупность отлично ложились сведения текущей разведывательной информации начала 1941 г. Резонно потому, что с Нелидовым работали самые лучшие асы советской разведки того времени, и не понимать, какие сведения сообщает Нелидов, они не могли. А коли понимали, то, следовательно, и вопрос о

¹ *Воскресенская З.И.* Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997. С. 48—49.

передаче получаемых во время допросов сведений в ГРУ и ГШ возник ранее указанного ею в мемуарах срока. Тем более что, повторюсь, они отлично ложились на информацию 1937 г., которая докладывалась Сталину.

Напоминаю, что никакой реакции, кроме скептического хмыканья, Зоя Ивановна не увидела со стороны заместителя начальника Генерального штаба, начальника ГРУ генерала Голикова. Более того. Судя по всему, эта информация не докладывалась и Сталину. А уж о том, что никакой реакции она не вызвала в самом Генеральном штабе, действительно и говорить-то не приходится. Потому что никаких принципиальных изменений в характере развертывания советских войск у границ не последовало — Жуков и Тимошенко по-прежнему развертывали их по схеме, прямиком ведущей к катастрофе...

Глава 6

УСТАНОВЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ОСНОВНЫХ УДАРОВ ВЕРМАХТА, В ТОМ ЧИСЛЕ И НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО УДАРА

ПРОСКРИПТУМ

*В 2001 году сотрудник пресс-бюро Службы внешней разведки РФ В.Н. Карпов на «круглом столе» в газете «Красная звезда» заявил: «Остались неизвестными ... характер предстоящей войны, **направление главных ударов**.....ТОЧНАЯ ДАТА-фальшивка, появившаяся в хрущёвские времена. Разведка не назвала точной даты, не сказали однозначно, что война начнётся 22 июня». Увы, но это откровенная ложь.*

Ввиду особой важности затрагиваемого вопроса сконцентрированный на последующих страницах материал специально выделен в отдельную главу.

...Как известно, в военном деле главным вопросом в оценке оперативно-стратегических замыслов противника являлось (и является) определение направлений его ударов, в том числе и направления глав-

ного удара. Вопреки всем мифам, байкам, сказкам и просто клевете и лжи, советская разведка и в этом вопросе проявила себя в высшей степени высокопрофессионально.

Откровенно говоря, о том, что нападение произойдет по трем направлениям было известно и понятно еще с начала 1937 г. Причем в данном случае имеются в виду не столько упоминавшиеся выше планы Гофмана и Розенберга, сколько данные разведки. Напомним эти сведения: «Еще в 1937 г. нашей разведкой под руководством заместителя начальника ИНО НКВД Шпигельгласа были добыты важные документальные сведения об оперативно-стратегических играх, проведенных командованием рейхсвера (позже вермахта). **Этим данным суждено было сыграть значительную роль в развитии событий и изменении действий нашего руководства перед германо-советской войной.** После оперативно-стратегических игр, проводившихся фон Сектом, а затем Бломбергом, появилось “завещание Секта”, в котором говорилось, что **“Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР”**¹.

О том же самом, но без особых подробностей, говорится и в других трудах о советской разведке:

— «Под непосредственным руководством “Дугласа” (оперативный псевдоним Шпигельгласа)². — А.М.) советская разведка до-

¹ Со страниц ставших мировым бестселлером мемуаров под названием «Разведка и Кремль» (второе издание под названием «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы») еще в конце прошлого века об этом поведал генерал Павел Анатольевич Судоплатов.

² Упомянутый в процитированном выше отрывке Шпигельглас Сергей Михайлович (29.04.1897—29.01.1940) — майор ГБ. Опытный разведчик-нелегал, псевдоним Дуглас. Работал в Монголии, Китае, Германии, Франции, Испании. Принимал участие во многих сложнейших операциях советской разведки за рубежом. Являлся заместителем начальника ИНО НКВД, затем врио начальника 7-го отдела УГБ НКВД, потом — 5-го отдела ГУГБ НКВД. Арестован 2 ноября 1938 г., расстрелян 29 января 1940 г. за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» по приговору ВК ВС СССР.

была секретные материалы германского Генерального штаба, известные как “завещание Секта” и представлявшие военную доктрину Германии в отношении СССР»¹.

— «В начале 1937 г. внешняя разведка информировала руководство страны об имевшем место в ноябре 1936 г. совещании высшего политического и военного руководства Германии, на котором обсуждались планы “восточного похода” германской армии. Совещание пришло к выводу, что “никакого точного решения относительно восточной кампании не будет найдено, пока не будет разрешен вопрос о создании базы для операций в самой Восточной Польше”². Конкретно Восточная Польша в то время — это Западная Белоруссия, которая в результате освободительного похода Красной Армии в сентябре 1939 г. вошла в состав СССР. То есть уже в то время было понятно, или по крайней мере должно было быть понятно, что вопрос о нападении Германии на Польшу был предрешен еще тогда, в ноябре 1936 г. Причем не только ради уничтожения «версальского убудюдка», как называл Польшу Гитлер, но и ради создания соответствующего плацдарма для последующего нападения на СССР и тогда же «соответствующим образом» прорабатывался (чуть ниже будет показан главный итог этой «проработки»).

Предрешен соображениями стратегического характера, в число которых входило и намерение не только в целом приобрести наиболее выгодный плацдарм для нападения на СССР, но именно же наиболее выгодный плацдарм для нанесения главного удара. Потому как именно с этого плацдарма в Восточной Польше начинается наиболее короткий путь в глубь России, напрямик ведущий к ее столице — Москве. Да и вообще, исторически сложилось так, что этот маршрут стал «традиционным» для любой западной сволочи, что с мечом шла на Русь.

Выше уже говорилось о результатах работы с А.С. Нелидовым, прежде всего о том, что в итоге был получен картографический сценарий прототипа плана «Вариант Барбаросса», а также о том, что еще в 1936 г. верховное командование Германии запланировало взятие Минска на **5 сутки** с начала военных действий против СССР и апро-

¹ Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. М., 2001. С. 104—105.

² Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 6.

бирovalo этот темп наступления во время тех стратегических командно-штабных игр, на которых он тогда присутствовал. Что означало, **во-первых**, что еще тогда, в 1936 г. был запланирован молниеносный удар именно по центру советского фронта обороны при нападении сплошным фронтом, а, **во-вторых**, что это и есть направление главного удара — **на восточном направлении, для СССР Западном или белорусском направлении!!!** Напоминаю, что все данные о тех играх 1936 года советская разведка сумела своевременно добыть и доложить и в ГШ, и Сталину еще 10 февраля 1937 г.

Проще говоря, рассматривая непосредственно последний предвоенный период, то есть от момента установления факта подписания Гитлером плана нападения на СССР и до 22 июня 1941 г., фактически придется вести речь о **повторном** установлении направлений основных ударов в связи с утверждением Гитлером конкретного плана агрессии, в том числе и направления главного удара.

В отечественной историографии кануна войны до невероятия развилась тенденция постоянно тыкать тем, что-де все время шла информация, свидетельствующая о том, что гитлеровское командование с самого начала планировало в качестве первоочередной цели захват Украины и соответственно планировало нанесение главного удара на юго-восточном (для СССР юго-западном) направлении. Мол, потому-то наши военные и сделали акцент на юго-западное направление. Тем самым как бы косвенно создается еще и защита в пользу Сталина, которого постоянно, со времен еще первого издания мемуаров Г.К. Жукова, обвиняют в неправильном определении направления главного удара вермахта. Хуже того. Что-де он якобы не то приказал, не то навязал нашим военным необходимость считать главным для вермахта юго-западное направление, хотя обвинители никак не могут взять в толк, что для гитлеровского командования это было именно юго-восточное направление, а не юго-западное. Да еще и попутно всерьез пытаются обвинить разведку, что-де она повинна в таком определении направления главного удара. Некоторые особо рьяные апологеты этой глупости насчитали даже 15 сообщений разведки, в которых Украина указывалась как главная цель нападения на СССР.

Да, таких сообщений десятка полтора (а может быть, и больше) наскрести можно, если, конечно, больше делать нечего. Потому как в части, касающейся упоминания Украины как якобы главной цели

нападения и потому направления главного удара, все эти сообщения построены на пересказе устных изложений третьих лиц, к тому же нередко по принципу «О.Б.С.» — «одна баба сказала...», фигурально выражаясь.

Но среди них никогда не было сведений о том, что супостаты собираются взять Киев на пятый день с момента начала боевых действий! И даже назначение своих железнодорожных чиновников на ж.-д. узлы Украинского направления супостаты стали осуществлять значительно позже аналогичных назначений на Белорусском направлении!

Так вот, обладают ли упомянутые 15 (или черт знает сколько их) сообщений о якобы приоритетности для командования вермахта юго-восточного, сиречь для СССР юго-западного или украинского направления, какими-либо признаками или основаниями для полного доверия, тем более по прошествии более чем 70 лет?! Безотносительно того, располагала ли советская разведка конкретными разведывательными данными о существовании и характере осуществляемых супостатами дезинформационных мероприятий по прикрытию подготовки к нападению, нельзя, просто недопустимо не понимать следующего.

Когда наиболее вероятный противник, тем более в условиях, когда угроза его нападения возрастает день ото дня, упорно, грубо говоря, где ни попадя, бубнит о чем-то конкретно, в данном случае об Украине как якобы о главной цели грядущего нападения, то есть если по существу-то, выдавая якобы направление своего главного удара, то это явно неспроста. Ведь в итоге противоборствующая разведка получает от совершенно разных, никоим образом не связанных между собой источников одну и ту же по смыслу (зачастую на грани едва ли не полного совпадения) информацию на эту тему, причем только в устном изложении с рассказов третьих лиц, да к тому же в слишком общей форме. В такой ситуации любой элементарно здравомыслящий государственный деятель (а уж тем более Генштаб) волей-неволей призадумается или, по меньшей мере, должен призадуматься над тем, а почему об этом столь упорно бубнят и нет ли тут подвоха. А подвох-то был, причем очень серьезный, и Сталин о нем знал. И наш Генштаб не мог не знать того же. Хотя бы потому, что каждый день там тоже читали газеты «Правда» и «Известия», не говоря уже о разведывательных сводках.

Дело в том, что, начиная со второй половины 30-х гг., на Западе все более упорно разыгрывалась «украинская карта», а с мюнхенского периода этим делом вплотную занялся и Третий рейх. Целенаправленной провокационной болтовни на эту тему в зарубежной прессе было хоть отбавляй. Не было секретом для Кремля, особенно для Сталина и то, что попытки оторвать Украину от России — старинная геополитическая забава Запада (Запад и сейчас пытается забавляться тем же самым), наиболее ярко проявившаяся еще в ходе Первой мировой войны, революций, Гражданской войны и трех волн иностранной интервенции, да и впоследствии тоже.

Вот что говорил сам Сталин по этому вопросу 10 марта 1939 г. в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б): «Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины. Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700 тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине. Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, т.е. Советскую Украину, к козявке, т.е. к так называемой Карпатской Украине. И если действительно имеются там такие сумасброды, можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших. Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к так называемой Карпатской Украине? Подумайте только. Пришла козявка к слону и говорит ему, подбоченясь: “Эх ты, братец ты мой, до чего мне тебя жалко... Живешь ты без помещиков, без капиталистов, без национального гнета, без фашистских заправил, — какая ж это жизнь... Гляжу я на тебя и не могу не заметить, — нет тебе спасения, кроме как присоединиться ко мне... Ну что ж, так и быть, разрешаю тебе присоединить свою небольшую территорию к моей необъятной территории...”

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании “похода на Советскую Украину”, сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их “разочаровали”, так как, вместо того чтобы двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше»¹. **Проще говоря, Сталин прекрасно понимал, что означает этот провокационный пропагандистский визг в западных, в том числе и германских, СМИ.**

Но в то же время, признавая действительно важное — не признавать этого он просто не мог — геополитическое, стратегическое, политическое и экономическое значение Украины, Сталин, тем не менее, никогда не считал, что именно на Украину и будет направлен главный удар вермахта. Еще раз обращаю внимание на то, что ему прекрасно было известно, что «украинская карта» злоумышленно разыгрывается и Западом в целом, и вдохновляемым им Гитлером.

В своей посмертной книге (а в таких трудах, как правило, не врут и не пытаются ввести читателей в заблуждение) **«Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год»** выдающийся советский разведчик П.А. Судоплатов прямо указал, что правительство СССР, то есть прежде всего Сталин, **сделало не только безошибочный вывод о неизбежности войны, но и о том, что «главным театром военных действий станет западное направление»².** Обратите внимание на то, что Судоплатов указал не западный театр военных действий, а именно же **западное направление, где развернутся главные действия противника.** Пройдя горнило той страшной войны и окончив военную академию, Судоплатов прекрасно разбирался в военном деле и отлично понимал значение тех или иных военных терминов.

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии. Стенографический отчет. М., 1939. С. 11—15.

² Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 156.

Но указав на этот факт, Судоплатов, тем не менее, почему-то подчеркнул, «что эти выводы были сделаны не на основе документальных данных о конкретных замыслах противника, а благодаря компетентной ориентировке в военно-экономической и внешнеполитической обстановке»¹. Трудно сказать, почему ныне покойный ас разведки пришел именно к такому выводу — ведь на самом-то деле имело место и то, и другое. Сталин действительно располагал исключительно обширной, в том числе и разведывательной, информацией, поступавшей к нему не только по каналам официальных советских разведслужб. Да и оценивал он всю информацию именно как политический деятель высшего уровня. И ему уже с середины 20-х гг. было известно и понятно, что неминуемо неизбежная война, которую Запад намерен обрушить на СССР, будет не простой войной. Он прекрасно понимал, что это будет война не за Украину, а война против СССР как красной цивилизации, война на полное уничтожение не столько даже СССР, что и так было понятно, но прежде всего в целях полного уничтожения именно России как главного геополитического конкурента Запада, как станового хребта Великой Державы, носившей тогда гордое название Союз Советских Социалистических Республик. И планируемый супостатами захват Украины всего лишь один из элементов этой войны на уничтожение — ведь на Западе давно сообразили, что если Украина с Россией, то Россия не просто держава — она СУПЕРВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА.

Уничтожение же государства вообще испокон веку планируется и достигается прежде всего захватом столицы государства, на которое планируется совершить нападение. Это абсолютная, еще с седых библейских времен не нуждающаяся в каких бы то ни было доказательствах аксиома.

Исходя из этой аксиомы и элементарно учитывая специфику географии европейской части СССР того времени, а также обладая самыми элементарными знаниями по истории России — хотя бы и понаслышке, — вовсе не требовалось какого-то особого ума или каких-то сверхсекретных разведывательных данных, чтобы уяснить, что главный удар грядущего нападения Германии будет направлен

¹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 156.

именно на Москву, а, следовательно, этот главный удар придется именно на западное, белорусское направление. Вот что по этому поводу писал в своих мемуарах Маршал Советского Союза М.В. Захаров: «...Испокон веков, еще с наполеоновского наступления на Россию, считалось, что главным направлением для действий противника против нас на западе будет смоленско-московское направление, севернее рек Припять и Сан. Так оно оценивалось и в записках Генерального штаба за подписью Б.М. Шапошникова»¹. Добавим, что именно с такой оценкой прогнозируемых наиболее вероятных действий гитлеровского командования и были утверждены Сталиным и Молотовым «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил СССР на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг.».

А когда впервые появились печатные утверждения Г.К. Жукова о том, что-де это именно Сталин виноват в том, что украинское направление посчитали направлением главного удара вермахта, то ближайший соратник Сталина, который знал практически всю кухню предвоенных приготовлений по отражению грядущей агрессии Германии, Вячеслав Михайлович Молотов, в многочисленных беседах под запись на диктофон с писателем Ф. Чуевым прямо заявил: «...То, что пишут о Сталине, — самая большая ложь за последнее время. Жуков упрекает Сталина, — говорит Молотов. — Я не думаю, чтобы Сталин считал так, как Жуков пишет, что главное направление будто бы на Украину. Я этого не думаю. И не думаю, чтобы ссылка на Сталина у Жукова была правильная. Я ведь не меньше Жукова знал о том, что Сталин говорит, а об этом я не помню. Я этого не помню. Я это не могу подтвердить. А факты говорят о том, что немцы шли, действительно, прежде всего на Москву. Они споткнулись около Смоленска и, хочешь не хочешь, пришлось поворачивать на Украину... Главное — Москва, а не Украина, но Сталин при этом, конечно, считался и с тем, чтобы не дать им возможности толкнуться к Донбассу и к Днепропетров-

¹ Захаров М.В. Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», куда вошли обе указанных книги мемуаров маршала. М., 2005. С. 421.

ску. ... Поэтому тем более на Жукова надо осторожно ссылаться... 14.01.1975, 04.10.1985»¹.

В то же время нет и быть не может спора по вопросу о том, что Украина действительно представляла собой лакомый кусок для нацистских супостатов. Тем не менее Украина изначально все-таки не являлась направлением главного удара. И вовсе не потому, что это выяснилось лишь после 22 июня 1941 г. Слово «*изначально*» использовано не случайно, а осознанно и специально. По ставшими ныне доступными документам дезинформационного прикрытия еще только начавшейся разработки будущего плана «Вариант Барбаросса» видно, что немцы с самого начала преследовали цель сформировать у советского командования ложное впечатление о том, что главный удар будет наноситься на юго-восточном (для СССР юго-западном) направлении, то есть на Украинском направлении. Об этом и свидетельствует содержание п. 2 указания штаба ОКВ абверу еще от 6 сентября 1940 г. о мероприятиях по дезинформационному прикрытию подготовки к нападению. Вот содержание текста этого указания:

«Указание штаба оперативного руководства ОКВ руководству абвера о мероприятиях по дезинформации советского военного командования

6 сентября 1940 г.

В ближайшие недели концентрация войск на востоке значительно увеличится. К концу октября необходимо добиться положения, указанного на прилагаемой карте. Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на восток. В то же время Россия должна понять, что в Генерал-Губернаторстве (оккупированная гитлеровцами часть Польши. — *А.М.*), в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать из этого вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства. Для работы собственной разведки, как и для возможных ответов на запросы русской разведки, следует руководствоваться следующими основными принципиальными положениями.

¹ Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 58.

1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений, происходящей в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т.п.

2. Создавать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы Генерал-Губернаторства (то есть оккупированной гитлеровцами части Польши. — *А.М.*), в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Преувеличивать состояние и уровень вооружения соединений, особенно танковых дивизий.

4. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, что после окончания западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усилилась за счет трофейной французской техники.

5. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития вновь завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В какой мере отдельные подлинные данные, например, о нумерации полков, численности гарнизонов и т.п. могут быть переданы абверу для использования их в контрразведывательных целях, решает Главное командование сухопутных войск.

За начальника штаба
Верховного главнокомандования Йодль»¹.

В связи с этим указанием абверу необходимо отметить, что пока, увы, нет оснований с абсолютной уверенностью утверждать, что советская военная и внешнеполитическая разведки, пускай и не сразу, но узнали об этом указании, однако есть все основания для того, чтобы прямо указать следующее. **Во-первых**, любая разведка, тем более в ожесточенном противоборстве с разведкой и контрразведкой

¹ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab). 1940—1945 (далее КТВ-ОКВ). München, 1982. Bd. 1. S. 973.

наиболее вероятного противника, априори исходит из возможности продвижения противником дезинформации. Особенно в угрожаемый период. Так что упорно, даже маниакально уперто продвигавшаяся супостатами информация о том, что-де они идут только на Украину, уже обязана была насторожить.

Во-вторых, в абвере у советских разведывательных служб была хорошо информированная агентура. По крайней мере, на основании открытых источников можно смело утверждать, что агентурными позициями в абвере располагали и ГРУ, и НКВД/НКГБ СССР. Это завербованный еще во второй половине 30-х гг. нелегальной резидентурой ГРУ в Варшаве капитан абвера **К**, числившийся под псевдонимом **18-й**¹. Это и подполковник абвера **Ганс Тило Шмидт**, числившийся в 1941 г. за разведкой НКВД/НКГБ СССР. С ним работали нелегалы во Франции, замыкавшиеся на выдающегося советского разведчика Л. Василевского (НКВД/НКГБ). Шмидт был ответственным работником шифровальной службы абвера. От него поступали важные материалы. Причем далеко не всегда связанные только с дешифрованием. Многое он узнавал от своего брата Рудольфа, который в 1936 г. был произведен в генералы и часто делился с Гансом секретной информацией о планах перевооружения Германии, планах агрессий, о новых разработках в области стратегии и тактики. Правда, Шмидт работал также и на французскую, и британскую разведки, однако это не мешало, поскольку об этом было известно, а наоборот, позволило расширить горизонт разведывательных знаний о деятельности, в частности, британской разведки. Так, работа со Шмидтом позволила установить, что англичане регулярно перехватывают и расшифровывают немецкие радиogramмы. Соответственно целенаправленно была сориентирована лондонская резидентура НКГБ².

Это и агент чехословацкой военной разведки **А-54** — полковник абвера **Пауль Тюммель**, который поддерживал связь также и с резидентурой советской разведки (НКВД-НКГБ) в Праге, где возглавлял

¹ Лота В. «Альга» против «Барбаросса». М., 2004. С. 169.

² Гольев Ю.И., Ларин Д.А., Тришин А.Е., Шанкин Г.П. Криптография: страницы истории тайных операций. М., 2008. С. 170—175. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1998. С. 222.

региональное отделение абвера. К слову сказать, именно этот филиал абвера принимал наиболее активное участие в распространении дезинформации в соответствии с упомянутым выше указанием, в том числе и по п. 2. И было бы удивительно, если бы он не информировал об этой дезинформационной акции своих кураторов из чехословацкой разведки или сотрудников советской разведки. Просто далеко не все пока еще рассекречено...

Информация чехословацкой военной разведки, которая передавалась также и через лондонскую резидентуру ГРУ, регулярно докладывалась высшему военному руководству, причем впоследствии Тимошенко, как уже указывалось выше, открыто признал, что это была удивительно точная и актуальная информация. Имелась и другая, не менее солидная агентура в военных сферах Третьего рейха, в том числе и в абвере, которая также могла сообщить о таком указании.

Не стоит забывать и о «нашем человеке в гестапо» — знаменитом агенте советской внешней разведки Брайтенбахе — Вили Лемане. Ведь характеру своей служебной деятельности он отвечал не только за контрразведывательное обеспечение ВПК Третьего рейха, но и в силу этого имел давние и тесные деловые контакты с абвером, а, следовательно, вполне возможно, что мог и узнать об этой дезинформационной акции. Хотя, подчеркиваю это вновь, увы, но далеко не все еще рассекречено...

В свете таких данных не имею права не обратить внимание читателей на то обстоятельство, что ни один из маршалов или генералов, что пытался обвинить Сталина едва ли не в приказном назначении юго-западного направления главным для вермахта, так и не посмел прямо сказать это и тем более письменно утверждать, что Сталин именно же приказал так считать или же навязал такое свое мнение. Ни в каких воспоминаниях ни один из читателей не найдет таких прямых утверждений. Уж на что Жуков нагло врал в своих мемуарах, но даже он не рискнул прямо перстом указать, что именно Сталин так и приказал считать. Что называется, «на хромой козе» он объехал грозившую серьезным обвинением в клевете на Сталина опасность прямого обвинения Иосифа Виссарионовича в таком приказе и поэтому поступил как заядлый хитрован недалекого ума. Сначала указал,

что «**наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — на Украину...**»¹, но так и не сказал, а кем же конкретно так считалось. Не говоря уже о том, что если на Украину, то наиболее опасным должно было считаться юго-восточное направление — ведь супостаты-то собрались в Дранг нах Остен, а не в Дранг нах Вест.

Затем, через пару абзацев, отметил, что-де «**И.В. Сталин был убежден, что гитлеровцы в войне с Советским Союзом будут стремиться в первую очередь овладеть Украиной...**»².

Когда, при каких обстоятельствах Сталин показал такое свое убеждение — ничего не понятно. Особенно если учесть, что у Сталина вообще не было привычки направо и налево, всем кому ни попадая рассказывать о своих убеждениях. Очевидно, понимая шаткость своих утверждений, Жуков далее продолжал экономическими выкладками общего характера — вторая цитата заканчивалась так: «... **Донецким бассейном, чтобы лишить нашу страну важнейших экономических районов и захватить украинский хлеб и донецкий уголь, а затем и кавказскую нефть**»³. Потом небольшой дифирамб в адрес Сталина, что-де он был для всех большим авторитетом. И в заключение — «...**в прогнозе направления главного удара противника И.В. Сталин допустил ошибку**»⁴. Бац, и хитрованное обвинение готово! Ну и где тут видно, что Сталин навязал свое мнение во-якам и где тут видна аргументация лично Сталина?!

Маршал А.М. Василевский поступил чуть хитрее — как-никак, но у него-то высшее образование было. Вот что он написал в своих мемуарах: «Вернемся, однако, к плану по отражению агрессии. **Как нам рассказал К.А. Мерецков**, при его рассмотрении И.В. Сталин, касаясь наиболее вероятного направления главного удара потенциального противника, **высказал свою точку зрения**. По его мнению, Германия постарается направить в случае войны основные усилия не в центре того фронта, который тогда возникнет по линии советско-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 4-е издание (отпечатано по 3-му изданию). М., 1974. Т. 1. С. 213. То же самое написано и в других изданиях его мемуаров.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

германской границы, а на Юго-Западе, с тем, чтобы прежде всего захватить у нас наиболее богатые промышленные, сырьевые и сельскохозяйственные районы. В соответствии с этим Генштабу было поручено переработать план, предусмотрев сосредоточение главной группировки наших войск на Юго-Западном направлении...»¹

Обратите внимание на то, что, **во-первых**, Василевский откровенно спихнул появление такого тезиса на К.А. Мерецкова (кстати говоря, Жуков тоже грешил таким же спихиванием), который, между прочим, категорически отбрыкивался от этого в своих мемуарах, свалив всю эту историю на весну 1941 г., то есть на период правления Жукова. **Во-вторых**, и Василевский тоже не осмелился категорически утверждать, что-де **Сталин именно же приказал считать главным для вермахта юго-западное направление либо откровенно навязал свое мнение войскам**. По его словам со ссылкой на Мерецкова, Сталин всего лишь высказал свою точку зрения. Согласитесь, что какая-никакая, но разница есть, к тому же принципиальная: Более того, основания для высказывания такой точки зрения у него были, и в порядке обмена мнениями при обсуждении наиважнейшего общегосударственного плана обороны сие было более чем естественно и уместно. Украина действительно являлась одним из объектов особых вожделений фюрера, не говоря уже о том, что в те времена там был сосредоточен один из основных аграрных и индустриальных комплексов СССР, в том числе и предприятия ВПК. И не беспокоиться за судьбу такого региона, как, впрочем, и всей страны, Сталин просто физически не мог. Но с другой стороны, Мерецков-то так никогда и нигде не рассказал и тем более не написал, что же конкретно сказал Сталин и в связи с чем (а это, как увидим чуть ниже, чрезвычайно важно). Вместо этого, подчеркиваю, он категорически отбрыкивался от участия в переработке плана.

Впрочем, бог с ними, с этими маршальскими интригами. Куда важнее еще раз подчеркнуть, что Сталин ясно отдавал себе отчет в том, что планировавшаяся Гитлером война против Советского Союза преследует прежде всего политическую цель — уничтожение СССР-России и большевизма. Прежде всего, как политического воплощения

¹ *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1974. С. 110.

геополитической сущности России после 1917 г. Соответственно, исходя из такой политической цели, украинское направление не могло являться приоритетным для выбора германским генеральным штабом и Гитлером в качестве направления главного удара. Да и вообще, если запланированная война преследует цель уничтожение государства противника, то достигается это, как было указано выше, прежде всего взятием столицы противника. Возьмите хоть войны прошлого, хоть войны настоящего времени и сами убедитесь в том, что во все времена так это было, есть и, очевидно, будет всегда. Да и заключительные залпы в нашей Великой Отечественной войне прозвучали в поверженной столице поганого Третьего рейха.

Но вернемся к словам Жукова. Прежде всего и главное — негоже было Маршалу Советского Союза исподволь утверждать, что высшие государственные деятели занимаются прогнозированием возможного направления главного удара противника. Испокон веку это абсолютная, никем не оспариваемая прерогатива Генерального штаба — «Мозга Армии». Правда, если он, конечно, мозг, а не его противоположность, тем более прямая противоположность...

А вот абсолютной прерогативой высших государственных мужей является никем не оспариваемое их право либо согласиться с тем или иным выводом-прогнозом Генерального штаба, если, конечно, он серьезно обоснован и подкреплен соответствующими, не вызывающими никаких сомнений разведывательными данными и иными убедительными соображениями и аргументами, или же не согласиться, если таковых нет или же они недостаточно убедительны. Неотъемлемой составной частью этого права высших государственных мужей является также и их право высказать или порекомендовать определенные корректировки к выводу-прогнозу Генерального штаба. Так что не надо было Жукову держать читателей своих мемуаров за полных идиотов. Но это, как говорится, одна сторона медали.

Вторая же сторона состоит в том, и здесь, увы, вынужден, правда, более развернуто, но повториться. В отличие от военного командования Сталин был прежде всего выдающимся политическим и государственным деятелем мирового масштаба. И его образ мышления и оценки были прежде всего политические, к тому же стратегиче-

ского характера. Соответственно он и оценивал угрозу неминуемо неизбежной войны с гитлеровской Германией не как угрозу только Украине или экономическим интересам СССР, хотя, безусловно, он и это естественным образом принимал в расчет — отсюда и те слова, которые Жуков задним числом попытался приписать Сталину (если, конечно, он их произносил в его присутствии), а Василевский сделал то же самое, но со ссылкой на Мерецкова, который в свою очередь всю отбрыкивался от этой сомнительной чести — а прежде всего сугубо с политической и геополитической точек зрения. Точнее, наоборот — с геополитической и только затем с политической точек зрения.

Но оценка именно с этих точек зрения означала, что неизбежно грядущая в ближайшем на тот момент будущем война будет войной цивилизаций. Проще говоря, война на полное уничтожение. А это, еще раз обращаю внимание на данное обстоятельство, достигается только уничтожением прежде всего государства. Государство же уничтожается в ходе войны прежде всего захватом его столицы, в направлении которой и наносится главный удар. Для СССР этот нехитрый геополитический вывод означал, что удар будет наноситься именно на западном (для немцев восточном) направлении. Проще говоря, на белорусском направлении, которое и символизирует собой наиболее короткую и прямую дорогу на Москву — столицу СССР-России. Удары же на других направлениях являются не столько вспомогательными, сколько преследующими цель не дать жертве агрессии возможности и шанса вовремя сманеврировать и сосредоточить все усилия для массированного отпора на наиболее важном для нее направлении.

Подавляющее большинство современных исследователей, в том числе и «исследователей», полагают возможным и даже вполне естественным для себя не принимать в расчет такие соображения — точно так же, как и мемуаристы в маршальских погонах. Проще говоря, не желают даже осознать тот факт, что Гитлер готовился к войне против СССР не за Украину и не по экономическим соображениям, хотя они, конечно же, присутствовали, можно даже сказать, в избыточном, но все-таки не доминирующем и уж тем более не в абсолютном количе-

стве. Он готовился к войне цивилизаций, то есть, если по-простому, к войне на абсолютное уничтожение России, как государства вне зависимости оттого, что она тогда называлась Союз Советских Социалистических Республик. Последнее обстоятельство лишь резко усиливало особую злобность и жестокость запланированных Гитлером мероприятий по уничтожению СССР и его населения. Но более всего Гитлер готовился к уничтожению России как единственной в мире уникальной геополитической данности — единственной в мире подлинно трансконтинентальной евразийской страны и державы, геополитический ареал существования которой есть непосредственный и веками непреодолимый камень преткновения для всех, кто мечтает о мировом господстве. Естественно, что в таких планах по уничтожению России (СССР) было место и намерению по захвату Украины (оно и сейчас есть).

Постоянные упреки в адрес Сталина насчет того, что-де именно он приказал считать юго-западное направление главным для вермахта или, по меньшей мере, силой своего авторитета якобы навязал свое такое мнение, чего (ни того, ни другого) не было и в помине, представляются абсолютно неправомерными, если не сказать покрепче. Потому что уже летом и осенью 1940 г. поступавшая разведывательная информация, особенно от НКВД СССР, откровенно свидетельствовала о значительно более высокой активности немецких войск на направлении ПриОВО и особенно ЗапОВО. Очень характерно, даже поразительно одно примечание, которое сделала редакция издательства «АСТ» в разделе «Приложение IV. Разведка и военное планирование» в книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», являющейся публикацией двух вариантов мемуаров Маршала Советского Союза М.В. Захарова. Опубликовав в упомянутом разделе ряд информационных сообщений за период лета и осени 1940 г., которые НКВД СССР направило в СНК СССР, ГРУ и ГШ, не являющиеся специалистами в области анализа разведывательной информации военного характера сотрудники редакции подметили и указали в примечании вот что: **«Следует отметить, что информация об активности германских войск касалась в основном полосы Прибалтийского и Западного**

особых военных округов»¹. Так что с чего же тогда Сталин должен был сделать вывод о приоритетности юго-западного направления?!

Ну а если посмотреть на весь массив разведывательной информации об угрозе нападения Германии, то станет очевидным, что с самых первых сигналов о том, что Гитлер намерен в самое ближайшее время напасть на СССР, фигурировали именно три направления — Ленинград (Санкт-Петербург), Москва, Киев. **Проще говоря, изначально же шла информация о том, что нападение произойдет сплошным фронтом по трем направлениям.**

Более того. Все три направления четко свидетельствовали о том, что неминуемо неизбежная война с гитлеровской Германией будет войной цивилизаций, войной на полное геополитическое и цивилизационное уничтожение СССР. Потому что каждое из этих направлений однозначно символизирует важнейшие этапы в цивилизационном развитии России.

Парадоксально, но факт, что столь очевидное почему-то постоянно игнорируется едва ли не всеми подряд. Как задали мемуаристы в маршальских погонах бредовый тон по этому вопросу, так все толпой и следуют за ними. Но они-то четко расписались в том, что даже тридцать лет спустя после войны так ничего и не поняли, в какой войне и под чьим руководством они одержали феерически блистательную Победу. Или же непонятно по каким конкретно, но явно же по конъюнктурным соображениям не пожелали письменно показать свое понимание по этому вопросу. Но стоит ли современным исследователям расписываться в том же?!

Что же до фактов, то извольте. Выше уже приводилась информация Корсиканца от 26 сентября 1940 г., в которой излагалась протосуть уже бродившего в сознании высшего руководства и военного командования Третьего рейха стратегического замысла — захватить советские территории по линии Ленинград — Черное море (конечный вариант по плану «Вариант Барбаросса» по линии Архангельск—Волга), создать вассальные государства на оккупированной территории, заняться экономическим грабежом оккупированных территорий, а на якобы

---

¹ *Захаров М.В.* Накануне великих испытаний. В книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», куда вошли обе указанных книги мемуаров маршала. М., 2005. С. 592.

сохранившейся советской территории сформировать вассально зависимое от Берлина новое якобы советское правительство.

Да, не отрицаю, что в этой информации не было резко и ясно очерченных формулировок, что наступать супостаты будут по трем направлениям, среди которых белорусское (западное для СССР, восточное для вермахта) будет главным. Однако ни тогда, ни тем более сейчас вовсе и не требовалось семи пядей во лбу, чтобы понять совершенно элементарные вещи. **Во-первых**, чтобы достичь намеченной линии, тем более в ее конечном варианте, тевтоны должны осуществить нападение только сплошным фронтом. **Во-вторых**, в ситуации сплошного фронта белорусское направление и его конечная точка Москва автоматически находятся аккурат в центре сплошного фронта. **В-третьих**, раз уж «целью войны является отторжение от Советского Союза его западноевропейской территории по линии Ленинград — Черное море и создание на этой территории государства, целиком и полностью зависящего от Германии. **Что касается остальной части Советского Союза, то там должно быть создано дружественное Германии правительство...**», то и одного класса церковно-приходской школы вполне достаточно было, а у Жукова, между прочим, за плечами было аж целых три класса церковно-приходской школы, чтобы уразуметь, что нападение планируется сплошным фронтом, иначе жертва агрессии сможет быстро сманеврировать силами, а сплошной фронт, тем более с ударом по центру, лишает жертву агрессии такой возможности. И что захвату подлежит столица СССР — Москва, иначе упомянутых целей войны просто не достичь. Более того, она просто никогда не смирится с тем, что у нее что-то отторгли силой.

Далее. В уже упоминавшейся выше телеграмме от 28 декабря 1940 г. Р. Зорге указывал, что грядущая агрессия Германии против СССР предусматривает оккупацию территории по линии Харьков, Москва, Ленинград¹. Да, не отрицаю, что и в этой информации были неточности, о которых также уже говорилось выше. Тем не менее это

¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы // Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесюна. СПб. — М., 2000. С. 111.

нисколько не умаляет стратегическое значение информации Зорге, ибо принципиально здесь все правильно указано:

— Ленинград (Санкт-Петербург) — цель удара на северо-восточном (для СССР на северо-западном) направлении;

— Москва — цель удара на восточном направлении (для СССР на западном);

— Киев — цель удара на юго-восточном (для СССР — на юго-западном) направлении. В конце концов, если идти с запада, то прежде чем добраться до Харькова, который в шифровке Зорге был указан как направление, сначала надо достичь Киева.

К концу февраля и берлинская агентура ГРУ смогла подтвердить, что удар действительно будет нанесен по трем направлениям: Ленинград (Санкт-Петербург), Москва и Киев — из сообщения Альты от 28 февраля 1941 года: «Сформированы три группы армий... Группа армий “Кенигсберг” должна наступать в направлении Петербург, группа армий “Варшава” — в направлении Москва, группа армий “Познань” — в направлении Киев»¹. Опираясь на эти и другие аналогичные данные, под руководством резидента ГРУ генерал-майора Тупикова берлинская резидентура ГРУ агентурно-аналитическим путем вскрыла принципиальную схему одновременного нанесения нескольких ударов и показала их на специальной схеме.

Опять-таки, не отрицая того факта, что эта схема также была неоднозначна, нельзя не указать и того, что придирайтесь к ней просто бессмысленно, не говоря уже о том, что и подло тоже. Потому что в тех тяжелейших условиях, в которых работала военная разведка в Германии, она, тем не менее, смогла в целом достаточно аргументированно показать направления трех ударов. При отсутствии возможности добыть подлинные документальные данные о стратегическом замысле противника, то, что смогла сделать резидентура ГРУ по данному вопросу достойно самого искреннего уважения. Хотя бы потому, что она не столь уж принципиально отличалась от того, что задумали супостаты.

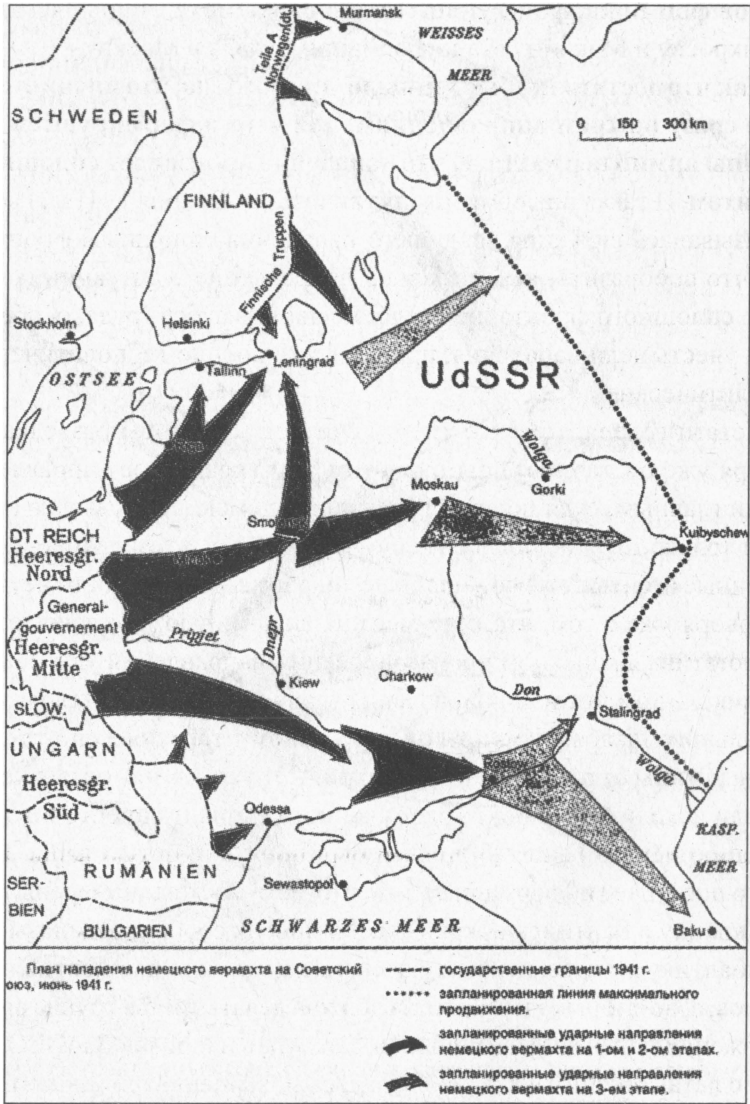
Идентичные данные поступали и из разведки НКВД СССР, а затем НКГБ СССР, а также от разведывательных отделов пригранич-

¹ Агентурное сообщение «Альты» о направлениях и дате германского наступления на СССР. ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 7229. Д. 4. Л. 30—31.

Наиболее уверенно прогнозировавшиеся направления главных ударов вермахта, по данным ГРУ ГШ (схема Тупикова)

ных военных округов и разведки пограничных войск. Напомню уже приводившуюся выше информацию. **24 марта 1941 г. британская разведка получила из Швеции сообщение о том, что немцы отложили вторжение на Британские острова и решили «молниеносно атаковать Россию и оккупировать ее вплоть до Урала».** В сообще-

Направление главных ударов вермахта по СССР согласно «Варианту Барбаросса»

нии детально излагался план операции против СССР на трех главных направлениях, назывались три конкретные ударные группировки германских войск под командованием фельдмар-

шалов фон Бока, фон Рундштедта и фон Листа. Лишь благодаря Кернкроссу и Маклину эта информация попала в Москву.

Так что достаточно быстро было установлено, что планируется удар сразу по трем направлениям, для чего и формируются три группы армий вермахта. И что нападение произойдет сплошным фронтом. И такая информация шла вплоть до 22 июня 1941 г. И везде показывалась ситуация грядущего нападения сплошным фронтом. Так что сообразить, какое главное направление в ситуации грядущего сплошного фронта, не представляло никакого труда, особенно если учесть цели нападения, прежде всего военно-геополитические и политические.

Кстати говоря, тем, кто уперто считает, что якобы разведка (не говоря уже о Сталине) повинна в том, что украинское направление сочли главным, судя по всему, просто невдомек, что разведка сообщает только то, что добыла. И ёрничать на тему о том, что-де и проверенные агенты тоже сообщали дезинформацию — просто неумно, не говоря уже о том, что и неуместно. Напоминаю, что абсолютная прерогатива в конечном прогнозировании направлений ударов противника, в том числе и направления главного удара, — только у Генерального штаба. И только он в конечном итоге должен отделять зерна истины от плевел дезинформации. Это его святая обязанность. И если исходить именно из этого, а иного варианта просто по определению нет, то Генштаб должен был понять простую вещь. Если часто поступает информация о том, что-де супостаты намерены идти на Украину и Балтийский край (так во многих сообщениях называли Прибалтику), то, во-первых, здесь уже показаны два направления ударов, а, во-вторых, что же тогда должна делать третья группа армий вторжения, которая формировалась аккуратно напротив ЗаОВО, где еще с лета—осени 1940 г. наблюдалась повышенная активность немецких войск (наряду с направлением на ПриОВО)? Ответ мог быть и действительно был только один — нападение произойдет только по трем направлениям, с ударом по центру при сплошном фронте.

Следует также отметить, что хотя документальные данные и картографические схемы о самом плане «Вариант Барбаросса» советские разведывательные службы, как это официально считается по сию

пору, не добыли, но аналогичные данные о прототипе, а также сделанный на основании текущих разведывательных данных картографический прогноз разведки схемы наиболее вероятных направлений ударов вермахта и т.п. сведения имелись — выше об этом уже говорилось. В сочетании же с текущей разведывательной информацией это давало достаточно полное представление о замысле противника.

«Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека», — в свое время говаривало и поныне всеми почитаемое военное светило всех времен и народов Карл Клаузевиц. А вот **«воевать сложно»,** — отмечал он далее. Однако не только воевать сложно, но и прежде всего **победоносно** воевать очень сложно. А уж насколько сложно было маршалам и генералам отбрехиваться и оправдываться за позорные, едва ли не с необратимыми катастрофическими последствиями провалы в дебюте войны, — и говорить-то не приходится.

Так вот, ежели и впрямь «военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека», то, например, разве столь уж трудно было нашему Генштабу предвоенного периода во главе хоть с Мерецковым, хоть с Жуковым уразуметь, что поскольку у Советского Союза на западной границе в полосе непосредственного территориального соприкосновения с Третьим рейхом три особых военных округа — **Прибалтийский, Западный и Киевский,** то, следовательно, и противник (вермахт) будет наносить удар сразу по трем стратегическим направлениям, а не искать якобы грезившегося тевтонам большого военного счастья только на украинском направлении. При планировании (тем более) стратегических наступательных операций противоборствующие стороны всегда, что называется, испокон веку, исходят из того, какими силами и на каких направлениях располагает противник. А ведь гитлеровскому командованию и без разведывательных данных априори было известно, что у СССР на западной границе, подчеркиваю, три особых военных округа. Там ведь, увы, не дураки же сидели. Да и пресловутый абвер не дремал — работал, к сожалению, весьма исправно. Да и не раз поступала информация о том, что при нападении на СССР будет использована схема нападения германской армии на Польшу, **то есть также сразу по трем направлениям**¹. Так

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737—740, 744—745.

разве требовало каких-то особых доказательств, в том числе и со стороны разведки (хотя она их и предоставила), то обстоятельство, что действующий на основе стратегии блицкрига противник нападет сплошным фронтом и обязательно будет стремиться к молниеносной нейтрализации и уничтожению сил сразу трех основных округов, против которых и развертывались три группировки войск вермахта, дабы не дать советскому командованию шанса и возможности для взаимодействующего маневрирования силами в целях успешного отпора агрессии?! **На трех направлениях сразу, а не на Украинском в первую очередь!** То есть вновь возвращаемся к необходимости констатации того непреложного факта, что и без разведки можно было однозначно уяснить, что нападение произойдет сплошным фронтом сразу на трех направлениях, а не на украинском в первую очередь.

Небезынтересно отметить следующее. В фондах Политического архива МИД ФРГ хранится ряд донесений германской агентуры, поступивших в мае—июне 1941 г. из Москвы в Берлин через германский разведцентр в Праге «Информационенштелле III», а также по другим каналам. Среди документов этого фонда есть не вызывающее никаких сомнений у специалистов сообщение, из которого видно, что, по данным германской разведки, **Генеральный штаб РККА, то есть лично Жуков, считал — подчеркиваю, по состоянию на май 1941 г. — возможным удар Германии по трем направлениям: из Восточной Пруссии на Ленинград, из района Варшавы — через Брест, Минск и Смоленск на Москву, а это и есть западное, белорусское направление, из района Люблина (южная Польша) и с территории Румынии — на Киев¹.** Как видите, еще тогда прекрасно понимал Жуков, что нападение произойдет сплошным фронтом сразу на трех направлениях.

¹ Вишлëв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 65—66 (автор указ. соч. приводит ссылку на Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn: Büro des Staatssekretär. Russland. Bd. 5 (R 29716), Bl. 049 (113453) — 053 (113475), 100 (113504), 103 (113507) — 1—5 (113509) 112 (113516), 125 (113529) — 126 (113530) 130 (113543); Dienststelle Ribbentrop Vertrauliche Berichte, 2/2 Teil (R 27097), Bl. 30853; Dienststelle Ribbentrop, UdSSR — RC, 7/1 (R 27168), Bl/ 26051, 26097—26098 и т.д.); PAA Bonn: Büro des Staatssekretär. Russland. BD5 (R 299716), Bl. 053 (113457), 105 (113509).

Между тем, неуклюже оправдываясь в постсталинский период за то, что всего лишь якобы «прозевал» главный удар гитлеровцев на западном (белорусском) направлении, Жуков не нашел ничего более умного, как обвинить в своем «промахе» ГРУ: **«Наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков, работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше».**

Однако в архивах и по сей день хранится одно из многих спецсообщений ГРУ о подготовке агрессии против СССР — спецсообщение от 7 июня 1941 г. **«О военных приготовлениях Румынии»**¹. Формально — из-за такого названия — оно вроде бы никакого отношения к группировке германских войск в Польше не имеет. Но утвержденный и заверенный личной подписью начальника ГРУ генерала Голикова вывод в этом спецсообщении буквально вгонит в столбняк от удивления его сутью: **«Учитывая соответствующим образом румынскую мобилизацию как средство дальнейшего усиления немецкого правого фланга в Европе (то есть на направлении КОВО и ОдВО, на котором роль «главной скрипки» по плану «Вариант Барбаросса» отводилась ГА «Юг». — А. М.), ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ необходимо уделить продолжающемуся усилению немецких войск в Польше!»**

Так и написал начальник ГРУ — **«ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ»!** Это означает, что, в сущности, военная разведка в конце концов точно разгадала значение правого фланга группировок войск вермахта, то есть, поскольку главная и самая опасная группировка вермахта, которой и следует уделить именно **«ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ»**, — в Польше, то на правом фланге вермахта, сиречь супротив КОВО, сосредоточивается всего лишь одна из его группировок, причем не с основными силами, потому как усиливалась румынскими войсками. Если совсем по-простому, то ГРУ показало, что на своем правом фланге, то есть против КОВО, германское командование выставляет не основные силы. Если и того проще, то хотя и в изрядно смахивавшей на эзопов стиль форме, но ГРУ показало в конце концов, что юго-западное направление не является главным!

¹ ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 120—121.

Ведь ГРУ никогда не заблуждалось насчет «ценности» Румынии и ее армии для Третьего рейха — вся ценность заключалась в поставках румынской нефти в Германию, а румынская армия рассматривалась германскими генералами и самим Гитлером всего лишь как «пушечное мясо», потому как румыны никогда не были серьезными войсками. Шакалить и мародерствовать, тем более под прикрытием мощного союзника, эти хреновы «баяре» мастера, но что-либо самостоятельно — извините, рылом не вышли (и никогда не выйдут). Это европейская босячня мародерско-воровского типа, в том числе и в военном смысле.

Отсюда ГРУ и сделало простой вывод — коли на этом направлении гитлеровские командование привлекает такую дрянь, как румынская армия, а ГРУ, отметим еще одно обстоятельство, хорошо было осведомлено, что командование вермахта придерживается не слишком-то высокого мнения о боеспособности румынских войск — как-никак, но в германском посольстве в Румынии ГРУ располагало двумя очень ценными агентами, и оценки боеспособности румынской армии ГРУ германскими военными атташе были хорошо известны — следовательно, юго-восточное направление не главное.

Но ведь это же было далеко не первое сообщение военной разведки по поводу усиления войск вермахта в Польше. Аналогичные по смыслу сообщения ГРУ направляло еще 4 апреля 1941 г.¹, 16 апреля 1941 г.², 26 апреля 1941 г., 5 мая 1941 г.³ 9 мая 1941 г.⁴ и в другие дни. И везде один и тот же лейтмотив: наиболее опасная группировка вермахта — в Польше, прежде всего на направлении ЗапОВО, то есть на белорусском, западном направлении, что подтверждалось чередой соответствующих данных разведки штабов округов и разведки пограничных войск (между ними существовал постоянный обмен информацией).

Искренне жаль, что начальник ГРУ почему-то (быть может, правильнее будет поставить слово *почему-то* в кавычки?) никак не

¹ ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 84—86.

² ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 89—91.

³ ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 3. Л. 97—102.

⁴ ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 103—113.

увязывал столь правильно оценивавшееся значение группировки вермахта в Польше с уже весной 1941 г. бросавшейся в глаза угрозой наиболее сильного удара вермахта именно его левым крылом. То есть силами группировок «Центр» и «Север»; ведь ГРУ же видело это — с 20 марта 1941 г. уже точно видело, что называется, широко открытыми двумя глазами, но, увы...

Еще раз вспомним слова К. Клаузевица о том, что **«военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека»**. Но коли это так, а за почти два века этот тезис никем еще не был опровергнут, потому как это истина практически в абсолюте, и потому оно так и есть, то много ли ума требовалось для того, чтобы понять элементарную истину: **гитлеровская Германия планировала напасть на СССР, чтобы уничтожить его дотла?!** Ведь чтобы это понять, вовсе не нужны были разведывательные донесения — достаточно было ежедневной прессы. Да и вообще, Гитлер же никогда не скрывал своих преступных намерений в отношении СССР — еще в 1925 г. четко и ясно написал в своей «Майн кампф», что Советский Союз надо уничтожить. Для того его и привели к власти в Германии. А уж поступавшие разведывательные сообщения могли лишь только укрепить и расширить общеполитические знания и понимания. Следовательно, раз речь шла об уничтожении СССР, а не знать этого Жуков и Тимошенко просто физически не могли, раз разведка сообщает, что супостаты планируют быстрый захват Москвы, раз сосредоточение основных сил вермахта сам же ГШ уверенно и постоянно прогнозирует на левом крыле германской группировки войск (**чуть ниже см. прямое документальное подтверждение этому**), то, следовательно, и главный удар при нападении будет наноситься в направлении Москвы, наиболее короткий путь к которой и символизирует собой прежде всего западное, оно же белорусское направление, в том числе и в частичном сочетании с северо-западным! Что здесь такого особо сложного для понимания даже при наличии всего лишь трех классов образования, коими обладал безграмотный в политическом отношении скорняк-«самородок» Жуков¹, имевший за плечами два

¹ *Чуев Ф.И.* Солдаты империи. М., 1997. С. 313. Таково мнение Главного маршала авиации А.Е. Голованова.

десятка лет всевозможных политзанятий, на которых ясно и доходчиво объясняли агрессивную сущность империализма, в том числе и германского нацизма?!

Еще более поразительно, что среди последних предвоенных разведывательных информации, хранящихся в упомянутом архиве МИД ФРГ, есть сообщения германской агентуры из Москвы о том, что **«наиболее вероятным и опасным направлением возможного удара Германии по СССР в Кремле считают северо-западное — из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Ленинград, что именно здесь, по мнению советского руководства, должны будут развернуться главные сражения германо-советской войны»**¹. Проще говоря, германская агентура зафиксировала, что высшее советское руководство уверенно прогнозирует не менее 50 % направления главного удара вермахта своим левым крылом, что и в самом деле планировалось гитлеровским командованием.

Простите за не совсем парламентское выражение, но черт бы побрал этот абвер — это же какую надо было иметь агентуру, чтобы сообщить и о том, что знает Жуков, и о том, что считают в Кремле, да еще кое о чем, от чего волосы дыбом встают?! Трижды увы, но серьезные основания для того, чтобы волосы встали дыбом, есть и чуть ниже о них будет сказано.

Но вернемся к принципиальной стороне вопроса об определении направлений ударов вермахта, в том числе и направления главного удара. **Во-первых**, как в реальности возник столь дорого обошедшийся СССР неуместный крен в сторону юго-западного направления и кто конкретно в этом повинен?

К серьезному огорчению очень многих, ни Сталин, ни разведывательные службы СССР того времени никакого отношения к возникновению этого, так дорого обошедшегося стране, крена не имеют.

¹ Вишлëв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 65—66 (автор указ. соч. приводит ссылку на Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes Bonn: Büro des Staatssekretär. Russland. Bd. 5 (R 29716), Bl. 049 (113453) — 053 (113475), 100 (113504), 103 (113507) — 1—5 (113509) 112 (113516), 125 (113529) — 126 (113530) 130 (113543); Dienststelle Ribbentrop Vertrauliche Berichte, 2/2 Teil (R 27097), Bl. 30853; Dienststelle Ribbentrop. UdSSR — RC, 7/1 (R 27168), Bl/26051, 26097—26098 и т.д.); PA AA Bonn: Büro des Staatssekretär. Russland. BD5 (R 299716), Bl. 053 (113457), 105 (113509).

Первым за гитлеровское командование, которое вовсе и не собиралось делать особый акцент на развертывание своих основных сил на юго-восточном направлении (для СССР юго-западное), стал делать — **не поверите** — лично нарком обороны СССР С.К. Тимошенко! При рассмотрении еще только первого варианта проекта «Соображений об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.», который в середине августа 1940 года представил мудрый ас советского Генерального штаба Маршал Советского Союза Борис Михайлович Шапошников, Тимошенко изволил выразить недовольство тем, что в документе главенствующее (по политическим соображениям) значение было придано группировке вермахта севернее Варшавы, а также в Восточной Пруссии, и стал настаивать на том, чтобы был разработан вариант, по которому основные силы вермахта развернулись бы южнее Варшавы¹, указав, что-де супостаты нанесут главный удар на юго-западном направлении и потому потребовал переделать проект этого документа².

Непонятно, что же послужило или могло послужить первоначальным импульсом для такого «пожелания» наркома, так как, **во-первых**, в проекте содержится прямая оговорка — **«документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает»**³, а, **во-вторых**, недовольство Тимошенко проявил еще в августе 1940 г., когда ни одна из разведывательных служб СССР еще не представляла никакой информации о каком бы то ни было конкретном плане намеченной агрессии Германии против СССР и уж тем более не представляли каких бы то ни было систематизированных данных о возможных направлениях ударов вермахта.

Свое недовольство Тимошенко проявил еще до того, как проект был представлен на рассмотрение Сталину и Молотову. И более

---

¹ 1941 — уроки и выводы. М., 1992. С. 53; Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 56—57.

² Там же.

³ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 288—290.

того — это недовольство он выразил именно в то время, когда из НКВД СССР шла информация, которая откровенно свидетельствовала «об активности германских войск и касалась в основном полосы Прибалтийского и Западного особых военных округов». Выше об этом уже говорилось.

Кстати говоря, 18 сентября 1940 г. Сталину и Молотову представили уже переделанный под требование Тимошенко второй вариант проекта, в котором, откровенно наплевав на сообщения разведки НКВД СССР, акцент в одном из вариантов развертывания своих главных сил был сделан уже на юго-западное направление ввиду того, что согласно этому же переделанному проекту прогнозировалось как одно из наиболее вероятных развертывание главных сил вермахта на юго-восточном направлении. И это при том, что формально было оставлено в тексте упоминание о том, что северо-восточное направление развертывания основных сил вермахта является наиболее предпочтительным для германского командования.

Проще говоря, инициатива в переносе акцента на юго-западное направление целиком и полностью исходила от наркома обороны Тимошенко вкупе с новым начальником Генштаба К. Мерецковым, а не от Сталина. Дело в том, что, пытаясь скрыть это, обычно утверждают, что при предварительном рассмотрении этого проекта 5 октября Сталин якобы приказал (или якобы силой своего авторитета навязал) сделать акцент на юго-западное направление. Именно в этом контрапункте потихоньку пытаются обдурить читателей с помощью маленькой хитрости — ведь, как правило, не говорят же о том, что Сталину и Молотову был представлен уже **второй** вариант проекта упомянутого документа, то есть после переделки документа, составленного под руководством мудрого аса Б.М. Шапошникова. А 14 октября был утвержден уже **третий** вариант проекта «Соображений...». Проще говоря, если не знать этой маленькой хитрости, то очень легко впасть в усиленно навязываемое всеми мемуарами и их толкователями заблуждение, что-де именно Сталин повинен в том, что юго-западное направление было определено как направление главного удара супостатов.

Полной объективности ради необходимо сразу же отметить, что как и в варианте Шапошникова, так и в новом варианте проекта, который был составлен и подписан уже при новом начальнике Генерального штаба генерале К.А. Мерецкове, а также в уже утвержденном Сталиным и Молотовым 14 октября 1940 г. окончательном варианте «Соображений. . .» были отражены два варианта возможного развертывания сил вермахта для нападения. Они хорошо известны историкам как «северный» — то есть севернее рек Припять и Сан и «южный» — то есть на юго-восточном (для СССР на юго-западном).

Но вот что поразительно, вплоть до состояния коматозного столбняка: и в «северном», и в «южном» вариантах этого основополагающего документа, на котором официально и базировалась вся система мер по отражению грядущей агрессии Германии, еще раз подчеркиваю, в обоих вариантах во всех трех вариациях одного и того же документа советский Генеральный штаб изначально уверенно прогнозировал на картах, что свои основные силы гитлеровское командование развернет на своем левом фланге, то есть севернее рек Припять и Сан, то есть на направлении ЗапОВО и ПриОВО. Вот схемы этих вариантов, которые составлены на основе секретных карт советского Генштаба 1940—1941 гг. специально для публикации в закрытом на момент издания труде «1941 год — уроки и выводы» (сначала он был издан под грифом «Для служебного пользования» в 1992 г.). Причем этот прогноз в своей принципиальной части постепенно подтверждался и разведывательными данными.

Разница между этими вариантами только в количестве наших сил, выставляемых по тому или иному варианту. Оно было несколько иным. Сначала прогнозное, но затем постепенно подтверждавшееся также и разведывательными данными реальное картографическое ожидание нашим Генштабом направлений ударов вермахта, в том числе и направления его главного удара, документально не менялось вплоть до 22 июня 1941 г.! Свой основной удар супостаты наметили наносить левым флангом, то есть силами ГА «Север» и «Центр», что Генштаб правильно спрогнозировал, а видевшие и фиксировавшие такое положение дел с сосредоточением германских войск разведывательные службы СССР подтверждали этот прогноз Генштаба.

И то, что указано на этих схемах, не менялось и в 1941 г. — не менялось тогда на секретных картах Генштаба вплоть до 22 июня.

СТАЛИН И РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

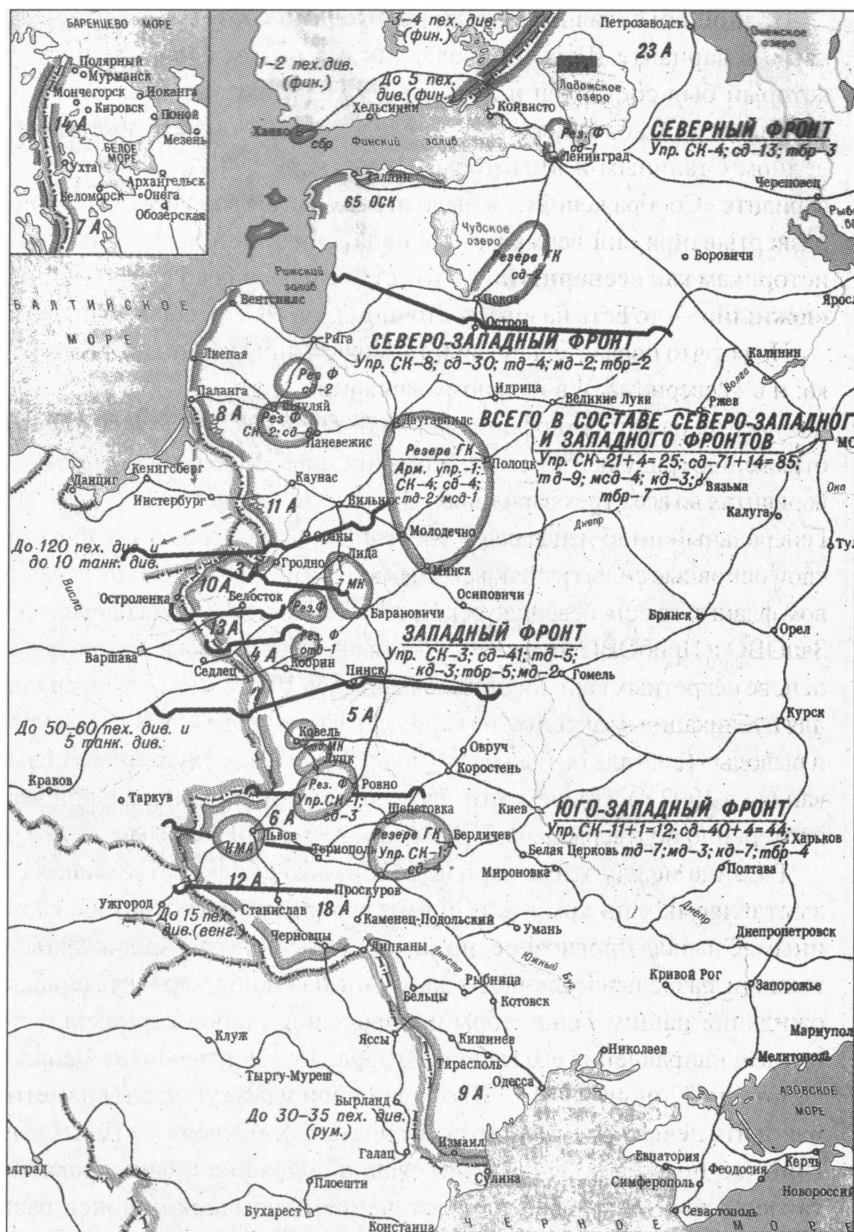

Схема стратегического развертывания («северный вариант»)

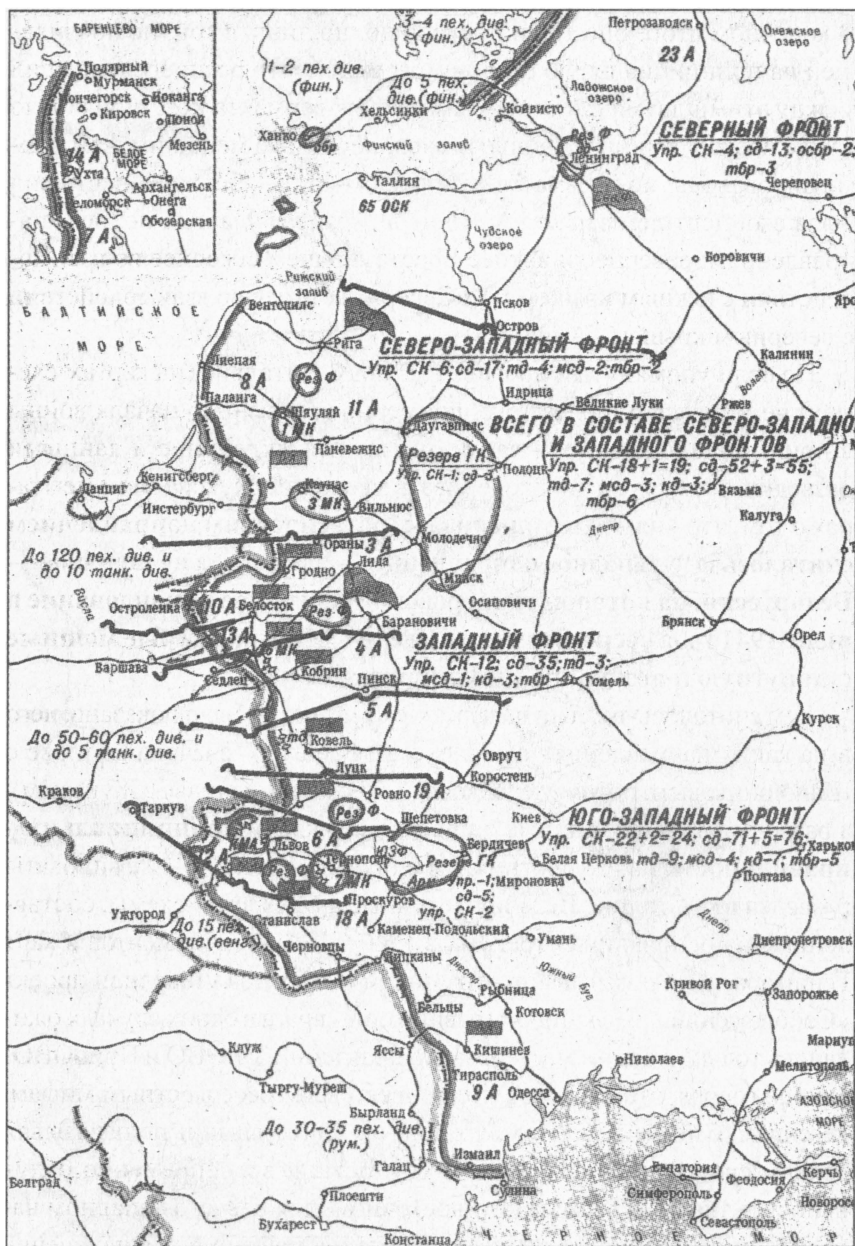

Схема стратегического развертывания («южный вариант»)

В конечном итоге оно так и произошло, но лишь с той, не повлиявшей на принципиальную сторону, разницей, что распределение сил между этими двумя группировками войск вермахта к 22 июня было также несколько иным, проще говоря, несколько меньшим, чем прогнозировалось, но весьма близко к прогнозу, — большая часть сил была сконцентрирована в ГА «Центр», которая ударила по двум направлениям: севернее и южнее Бреста, причем севернее во взаимодействии с южным крылом ГА «Север», а южнее во взаимодействии с северным крылом ГА «Юг».

Но если упомянутый прогноз ГШ документально (на картах-схемах) не менялся и, более того, примерно за месяц до начала войны в принципиальной своей части был подтвержден еще и данными разведки, то как же надо расценивать заявление Жукова в его мемуарах о том, что **«наиболее опасным стратегическим направлением считалось юго-западное направление — Украина, а не западное — Белоруссия, на котором гитлеровское верховное командование в июне 1941 года сосредоточило и ввело в действие самые мощные сухопутную и воздушную группировки»**¹.

Кем считалось-то, если на картах-схемах четко было показано, чего и на каких направлениях ожидает наш Генштаб (сначала во главе с Шапошниковым, потом Мерецковым и, наконец, во главе с Жуковым), а разведывательные данные лишь подтверждали **принципиальную правильность** такого прогноза? И в таком случае, в чем же виноваты разведка или Сталин? Ведь приведенные выше карты-схемы, составленные на основании секретных в 1940—1941 гг. документов и карт Генштаба, ясно показывают, что Сталин и Молотов утвердили проект «Соображений...», в котором главные силы врага в обоих случаях ожидалась только в одном месте — на направлении ЗапОВО и ПрибОВО! Проще говоря, это означает, что вопреки всем бессовестным мифам, легендам, байкам и сказкам, Сталин не приказывал и не навязывал воякам своего мнения о том, что супостаты всенепременно будут наносить главный удар на юго-восточном, для нас юго-западном направлении. А приоритет юго-западного направления для нанесения

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 4-е издание (отпечатано по 3-му изданию). М., 1974. Т. 1. С. 213. То же самое написано и в других изданиях его мемуаров.

ответного контрудара/контрнаступления ни Сталин, ни Молотов не оспаривали, ибо целесообразность такого решения была очевидна невооруженным глазом. Но ведь контрнаступление должно было быть осуществлено только после отражения и сдерживания первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию основных сил противника, под прикрытием чего должны были быть осуществлены полное отмотилизование и сосредоточение наших войск на направлении главного удара нашего контрнаступления, которое в свою очередь должно было начаться только после осуществления указанных мероприятий и только при наличии благоприятных для этого условий.

Комментарий. У Жукова вообще была очень уж не украшавшая человеческое достоинство и звание маршала манера — как что-то неправильное (по его мнению) и опасное для его имиджа, то эту неправильность он показывал либо в полностью обезличенном виде, либо откровенно спихивал ответственность на Сталина или еще кого-нибудь.

Разведка действительно подтверждала тот факт, что супостаты сосредотачивают свои основные силы против ПриОВО и ЗапОВО. Так, за № 660448сс от 26 апреля 1941 года — как обычно Сталину, Молотову, Ворошилову, Тимошенко, Берия, Жукову, Кузнецову (НКВМФ. — А.М.), Жданову — было направлено спецсообщение ГРУ (следует помнить, что в подобные сводки ГРУ входила и информация разведки пограничных войск НКВД СССР, и внешней разведки НКВД/НКГБ СССР), в котором говорилось:

«...В результате учета и сопоставления поступивших данных общее распределение вооруженных сил Германии по границам и фронтам на 25.4 представляется в следующем виде:

1. В приграничной зоне с СССР:

Общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию) — 95—100 дивизий (без кав. частей), из них:

а) на Восточно-Прусском направлении (против ПриОВО) 21—22 дивизии, из них: 17—18 пехотных дивизий, 3 моторизованных, одна танковая дивизия и семь кав. Полков.

б) На Варшавском направлении (против ЗапОВО) — 28 дивизий, из них: 23 пехотных, 1 моторизованная и 4 танковых дивизии. Кроме того, одна мотокавдивизия.

в) В Люблинско-Краковском районе (против КОВО) — 29—32 дивизии, из них: 22—25 пехотных, 3 моторизованных, 4 танковых дивизии и три кав. Полка...»¹

А вот спецсообщение того же ГРУ и тем же адресатам за № 660559 от 31 мая 1941 г. (как и прежде, цитируются только фрагменты, которые относятся к угрозе для СССР): «Группировка немецких войск на 1 июня 1941 г.

В течение второй половины мая месяца главное немецкое командование за счет сил, освободившихся на Балканах, произвело:

<...> 2. Увеличение сил против СССР.

3. Сосредоточение резервов главного командования.

Общее распределение вооруженных сил Германии состоит в следующем:

<...> против СССР — 120—122 дивизий;

— резерв — 44—48 дивизий.

Распределение по направлениям немецких сил против СССР следующее:

а) в Восточной Пруссии — 23—24 дивизии, в том числе 18—19 пехотных, 3 моторизованных, 2 танковых и 7 кавалерийских полков;

б) на Варшавском направлении против ЗапОВО — 30 дивизий, в том числе 24 пехотных, 4 танковых, одна моторизованная, одна кавалерийская и 8 кавалерийских полков;

в) в Люблинско-Краковском районе, против КОВО — 35—36 дивизий, в том числе 24—25 пехотных, 6 танковых, 5 моторизованных и 5 кавалерийских полков...

е) в Молдавии и Северном Добрудже (против ОдВО. — А.М.) — 17 дивизий, в том числе 10 пехотных, 4 моторизованных, одна горная и две танковые дивизии...»²

¹ ЦА МО РФ. Оп. 7237. Д. 2. Л. 92—96. Приводится по: *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 612—613, раздел 4, разведка и военное планирование.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. М., 1995. Т. 1. Кн. 2. С. 221.

Это данные, подчеркиваю, по состоянию на 31 мая 1941 г. — к 22 июня они, увы, изменятся в большую сторону, ибо супостаты значительную часть войск перебросят к границе в последние три недели, — их транспортная система позволяла сделать это, что, кстати говоря, также будет зафиксировано советской разведкой.

Справка. Начиная с 25 мая и до 20 июня супостаты перебросили к нашим границам 47 дивизий, в том числе 28 танковых и моторизованных¹. Увы, но советское командование за срок в 1,5 раза больший, чем имели гитлеровцы, то есть с 13 мая по 22 июня, не уложились с перевозкой 28 дивизий, что в 1,68 раза меньше объема гитлеровских перевозок по графику военного времени².

В этих двух сводках самым главным является то, что, **во-первых**, в очередной раз четко показано, что германские войска сосредотачиваются **именно на трех направлениях** — прежде всего против трех основных приграничных советских военных округов, а, **во-вторых**, что **основные силы сосредотачиваются именно на левом крыле германских войск, то есть против Прибалтийского и Западного округов, сиречь на северо-восточном (для СССР на северо-западном) и восточном (для СССР западном) направлениях**. В конце апреля против ПриОВО и ЗапОВО было сосредоточено **50 дивизий**, то в конце мая уже **54 дивизии**.

Да, кстати говоря, не менее поразительно, но факт, что на спецсообщении от 31 мая стоит странная резолюция Г.К. Жукова — **«Читал Жуков. 11.6.41.»**. Поразительно то, что свое ознакомление с этим документом он датировал **11 июня 1941 г!** А ведь это исключено по определению — Голиков сразу докладывал такие документы Тимошенко и Жукову! Не говоря уже о том, что Жуков сам же написал в своих мемуарах, что **«что информация, которая исходила от генерала Ф.И. Голикова, немедленно докладывалась нами И.В. Сталину»³**. А шастал он в кабинет Сталина с момента назначения начальником ГШ более чем регулярно — **27 раз только в статусе**

¹ Начальный период войны. М., 1974. С. 189; Вторая мировая война. М., 1958. С. 140.

² Там же.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 4-е издание (отпечатано по 3-му изданию). М., 1974. Т. 1. С. 220. То же самое написано и в других изданиях его мемуаров.

НГШ,¹ то есть раз в неделю! Каким же образом могло получиться, что еженедельно («немедленно») докладывая Сталину разведывательную информацию, которая исходила от генерала Голикова, он 11 дней кряду не читал такую важную сводку ГРУ?! Ох и врал же маршал, не приведи господь!..

И в порядке заключительного аккорда о том, что супостаты действительно концентрировали основные силы на своем левом фланге, приведем первую разведывательную сводку ГРУ с начала войны. Это очень любопытный документ «родом» из архива Генерального штаба, который выложил на своем сайте оголтелый антисоветчик и антисталинист, ярый поклонник параноидального бреда Резуна — Марк Солонин.

Итак — **Разведсводка № 1/660724 РУ ГШ Красной Армии на 20—00 22.6. 1941 г.**: «л. 1. 1. В итоге боевых действий за день 22.6.1941 получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20.6 данные о нижеследующей группировке противника, находящейся непосредственно на границе с СССР:

Северный фронт:

По данным на 21.6.1941 в финской армии призваны 24 возраста, т.е. до 1897 г.р., что позволяет отмобилизовать армию в 350—400 тыс. человек и сформировать до 18 пехотных дивизий (включая бригады и отдельные батальоны). Данных о развертывании финской армии на 21.6 не поступало...

л. 2. — На севере [Финляндии] основную группировку составляют части германской армии, которая на Рованиемском направлении имеет до 3—4-х дивизий, и, кроме того, в районе Киркенес еще до трех дивизий. В юго-восточных районах Финляндии продолжается строительство полевых заграждений. В районе полуострова Ханко проволочные заграждения подготовлены для электризации.

22.6 на демилитаризованные Аландские острова введены и продолжают вводиться финские части. Губернатор Аландов предложил советским представителям срочно эвакуироваться. По данным НКГБ, финский Генеральный штаб (очевидно, Ставка Главного командования) установлен в усадьбе Хакойнен на северо-западном берегу озера Керналанярви, что в 18 км юго-восточнее Хяменлинна.

¹ По данному вопросу см.: Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008.

л. 3 — Численность группировки противника в **Восточной Пруссии** составляет **29 дивизий** из них **5 моторизованных** и **4—5 танковых...**

л. 4 — **Общая численность группировки противника перед Западным фронтом в Варшавском районе 31 дивизия** из них 21 пехотная, 1 моторизованная, 4 танковые и 1 кавалерийская...

На направлении Владимир-Волынский, Рава-Русская в боях выявились 4 пехотные и 1 кавалерийская дивизии. Необходимо считаться с тем, что в результате подхода войск противника в течение 20 и 21 июня из-за р. Висла данная группировка имеет в своем составе 10 пехотных, 3 моторизованные и 1 танковую дивизии.

л. 5 — На направлении Ярослав, Львов группировка противника в составе 4 пехотных и 2 танковых дивизий. Из числа этих танковых дивизий боями выявлена пока только одна танковая дивизия. Не получили пока выявления группировки:

а) в районе Влодава, Люблин, Холм в составе 4 пехотных и 1 танковой дивизий

б) группировка в районе Кросно, Ясло, Санок в составе 3—4 пехотных дивизий

в) группировка в восточной Словакии в составе 5 дивизий. В составе ее кроме того выявлены (так в тексте. — *А.М.*) еще 2 пехотные дивизии.

Южный фронт

(Численность румынской армия оценивается составителями документа в **30 пехотных и 4 кавалерийских дивизий**, 4 горно-пехотных бригад, 2—3 моторизованных бригад, 2 танковых полков. Численность немецких войск, находящихся в Румынии, оценивается в 4 пехотные, 2 моторизованные и 1 танковую дивизии).

л. 6 — Полученными с фронта данными за 22.6 из состава этой группировки фиксируется пока 3—4 пехотных дивизии немцев. Не получили пока выявления группировки немецких войск в Карпатской Украине в составе 4 дивизий.

л. 7 — **Общая численность группировки противника определяется:**

а) на Северо-Западном фронте — **29 дивизий**, из них 4—5 танковых и 5 моторизованных

б) на Западном фронте, в Варшавском районе — 31 дивизия, из них 21 пехотная, 1 моторизованная, 4 танковых и 1 кавалерийская
в) на Юго-Западном фронте (до Словакии) — 48 дивизий, из них 5 моторизованных и 6 танковых. Кроме того, в Словакии и Прикарпатской Украине количество немецких войск составляет 13—15 дивизий. В Румынии 33—35 дивизий, из них 4 танковых, 11 моторизованных и 1 горно-пехотная.

л. 8 — Фронтовые резервы противника в районе Ченстохов, Бреслау (ныне Вроцлав. — А.М.), Моравская Острава до 7 дивизий. Резервы Главного командования на 20.6 состоят из 17—20 дивизий, расположенных в центральных районах Германии...

ВЫВОД: Противник за 22.6. ввел в бой значительные силы, а именно: 37—39 пехотных, 5 моторизованных, 8 танковых, а всего 50—52 дивизии. Однако, это составляет лишь примерно 30% сил противника, сосредоточенных к фронту...

Начальник Разведуправления ГШ Красной Армии генерал-лейтенант Голиков (подпись)»¹.

Для осуществленного в этой главе анализа особо важно начало этой сводки — «л. 1. В итоге боевых действий за день 22.6.1941 получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20.6 данные о нижеследующей группировке противника, находящейся непосредственно на границе с СССР...».

Как видите, разведка абсолютно не ошибалась в определении количества сосредотачиваемых супостатами сил на границе с СССР, в том числе и по направлениям: против ставшего Северо-Западным фронтом ПриБОВО — 29 дивизий, против ставшего Западным фронтом ЗаОВО — 31 дивизия², против ставшего Юго-Западным фронтом КОВО — 48 дивизий. Проще говоря, опять, но, увы, на этот раз слишком кровавое подтверждение того, что супостаты большую часть сил вторжения сосредоточили на своем левом фланге — 60 дивизий.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 1071. Д. 38. Приводится по Интернету, где утверждается, что этот документ из архива Генерального штаба.

² В отношении ЗаОВО указана несколько хитрая цифра — об этом подробно см. далее.

Короче говоря, с немалым трудом продираясь сквозь едва проходимые джунгли всевозможной и крайне запутанной дезинформации, советская разведка, тем не менее, с самого начала, то есть с лета-осени 1940 г., и вплоть до нападения, постоянно уверенно и достоверно показывала, что наибольшая концентрация сил германских войск происходит на их левом фланге, то есть на направлениях ПрибОВО и ЗапОВО. Увы, но все ее труды были проигнорированы высшим военным командованием — Тимошенко, Мерецковым, но особенно дуэтом Тимошенко—Жуков.

Кстати, помните лживый тезис Жукова о том, что-де «наша агентурная разведка, которой перед войной руководил Голиков (то есть ГРУ. — А.М.), работала плохо, и она не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше»?!

А с чего она должна быть виновата, если, основываясь на данных именно разведки, в том числе и той, которой руководил Голиков, он сам, тогда еще генерал армии, планировал прихлопнуть за раз аж 100 дивизий вермахта именно в Польше?!¹ Если планировал такое, значит, прекрасно понимал, какую угрозу они представляют, находясь именно в Польше, тем более что и ГРУ уже открыто писало в своих сводках, что надо обратить «ОСОБОЕ ВНИМАНИЕ» именно на эту группировку войск вермахта! Так нет же, разведка, видите ли, «не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше»! Ну и ну!..

Короче говоря, знаете, почему, по его, Жукова, абсолютно неадекватному историческим реалиям лживому мнению, разведка якобы «не сумела вскрыть истинных намерений гитлеровского Верховного командования в отношении войск, расположенных в Польше»? О, это еще та тайна маршалов, тщательно завернутая в загадочный секрет!

---

¹ В данном случае имеется в виду проект очередного плана якобы от 15 мая 1941 г., в отношении которого навертели уйму всяких глупейших мифов и легенд, не отдавая себе отчета в том, что это черновой документ с большим количеством помарок и исправлений, который никем из высшего военного командования подписан не был и никогда не покидал стен Генштаба, и уж тем более никогда не докладывался ни Сталину, ни Молотову.

Глава 7

И ЕЩЕ О ВАЖНЕЙШИХ УСПЕХАХ
СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ

Вопреки всем мифам, лжи и клевете на советскую разведку, особенно исходившим от маршала Г.К. Жукова — помните, к примеру, его высказывание на тему о том, что-де «с первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащенность... Позволю со всей откровенностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали»¹, — советская разведка обеспечила и советское правительство, и наркома обороны, и Генеральный штаб, в том числе и самого Жукова (а то у него манера странная — наркома обороны упоминает, а себя родимого в статусе начальника ГШ — нет, обезличивает), необходимой для принятия соответствующих решений актуальной разведывательной информацией. Большая часть сведений об этих успехах советской разведки уже была приведена выше. Так что здесь речь пойдет о других успехах.

Так, советским разведывательным службам удалось установить намерение гитлеровского командования использовать операции на окружение прежде всего по схеме Канн², специфическую тактику массированного таранно-штурмового пролома системы обороны государств, на которые нападала Германия, в целях быстрого раскалывания приграничной группировки Красной Армии танковыми и механизированными частями³.

Небезынтересно в этой связи отметить следующий факт. Один из проверенных агентов берлинской резидентуры НКГБ СССР, Экстерн, со ссылкой на свои связи в кругах белой эмиграции сообщил 24 февраля 1941 г. весьма интересную информацию. Оказалось, что

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М., 1990. С. 365.

² Цит. по: Лота В. «Альга» против «Барбароссы». М., 2004. С. 303.

³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л.737—740, 744 — 745.

вскоре после подписания 23 августа 1939 г. договора о ненападении между СССР и Германией германский генштаб заказал известному белоэмигранту генералу П. Краснову аналитический обзор на тему: **«Поход Наполеона на Москву в 1812 году. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции»**¹.

Тут вот что важно. Даже в наше время всеобщего неуважения к отечественной истории едва ли стоит напоминать читателям о том, как выдающиеся русские полководцы М.Б. Барклай-де-Толли, а затем и сменивший его М.И. Кутузов упорно заманивали Наполеона в глубь России, растворив и похоронив тем самым в гигантских пространствах России не только весь его завоевательный замысел, но и подавляющую часть его громадной по тем временам армии. Помните, у Пушкина есть такие строки:

Русь обняла кичливого врага,
И заревом московским озарились
Его полкам готовые снега...

Что произошло с армией Наполеона в 1812 г. в России, хорошо известно любому более или менее грамотному в военном деле военному в любой армии мира, тем более командному составу, особенно высшему. Соответственно любому мало-мальски сведущему в истории человеку, тем более сотрудникам военной разведки, а также Генштаба, а именно им и была передана эта информация Экстерна, не мог не броситься в глаза главный интересовавший тогда германский ГШ вопрос — **как предотвратить отступление (особенно организованное) русской армии в глубь своей территории, чтобы осуществить разгром ее основных сил именно в приграничных сражениях.** Ведь именно нарочитое отступление и уклонение от решающего сражения с армией Наполеона в приграничной зоне было главной стратегической уловкой плана отражения агрессии корсиканца, который был разработан выдающимся, но незаслуженно обделенным славой русским полководцем Михаилом Богдановичем Барклаем-де-Толли. Стратегия блицкрига лишь только в том случае

¹ Очерки Истории Российской внешней разведки. М., 1997. Т. 3. С. 286.

могла оказаться действительно высокоэффективной и результативной, если войска противника, по крайней мере его основные силы, будут уничтожены именно в приграничных сражениях.

Так вот, информация Экстерна при всей своей неказистости носила исключительно стратегический характер. **Во-первых**, она в очередной раз четко показывала, что Гитлер изначально лишь приотворно пошел на заключение с СССР договора о ненападении и что идея нападения на СССР прочно сидела у него в башке еще тогда, в августе 1939 г. Что прекрасно понимало и само руководство СССР, особенно Сталин. **Во-вторых**, это задание впоследствии справедливо повешенному в СССР по приговору суда П. Краснову свидетельствовало о том, что немецкий генштаб намерен проверить, насколько концепция начальной стадии войны с использованием армий вторжения, которая широко была распространена в 30-е гг., еще живуча в сознании советского генералитета новой генерации. Ведь только в том случае, если советские генералы по-прежнему исповедуют эту концепцию, было бы возможно добиться успеха при нападении на СССР на принципах стратегии блицкрига, так как упомянутая выше концепция требовала сосредоточения у границ соответствующих, едва ли не основных, сил для осуществления операций вторжения.

Справка. К слову сказать, герры, генералы действительно не случайно сделали такой заказ. Дело в том, что в 1935 и 1938 гг. по инициативе Сталина, а немцам это было хорошо известно, в СССР вышли две книги знаменитого российского и советского историка Е. Тарле — «Наполеон» (до сих пор считается шедевром мирового наполеоноведения) и «Нашествие Наполеона». Причем обе книги являлись как бы ответом Москвы-Кремля Гитлеру и в целом Западу на дальнейшую эскалацию агрессивности откровенно подстрекавшейся Западом нацистской Германии. Не понять это было весьма затруднительно. И германские дипломаты, и разведчики в Москве прекрасно поняли, что означают публикации этих книг — это была едва завуалированная угроза Гитлеру и в целом Западу: мол, Наполеон свернул себе шею, напав на Россию, ну так и Гитлера ожидает то же самое.

Увы, но судьба и тем более реакция нашего Генштаба и руководства военной разведки на информацию Экстерна неизвестны. Понятно лишь одно — не разочаровали герров генералов товарищи генералы...

Хотя могли, и даже очень сильно их разочаровать. Потому как герры генералы вплоть до нападения все-таки всерьез опасались, что советское командование применит принцип активной обороны, который и предполагал организованный отход войск с сохранением боевых порядков¹. Более того, непосредственно перед нападением гитлеровское командование, судя по разведывательным данным, по-прежнему все еще опасалось, что «...Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника, и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара»².

Не менее важно отметить и значение добытой информации о планировании германским командованием операций на окружение, особенно по схеме Канн³. Прежде всего следует указать, что упоминание в разведывательных донесениях о планах противника, его намерения использовать схему знаменитой битвы при Каннах (213 г. до н.э.) для военных, особенно для высшего командного состава, автоматически означает или, по крайней мере, должно априори означать нечто вроде магического предупреждения о том, что противником готовятся операции по организации огромных «котлов», в которых будут уничтожаться крупные группировки войск жертвы нападения. У СССР в 1941 г. было два таких места на границе, где вариант Канн просматривался даже невооруженным взглядом, — впоследствии печально известные Белостокский и Львовский выступы, куда, увы, загнали столько войск, что после нападения Германии эти выступы стали «братской могилой» для них. Увы, но никакой реакции ни со стороны руководства военной разведки, ни тем более руководства Генерального штаба и Наркомата обороны на эту информацию не последовало. По крайней мере в том, что на сегодня официально рассекречено и опубликовано, нет даже и тени намека на какую-либо реакцию в связи с получением такой информации. Печальная же

¹ См.: Cecil R. Hitler's Decision to Invade Russia 1941. London, 1975. P. 167; Erickson J. The Road to Stalingrad. London, 1975. P. 85; Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М., 1972. С. 206—207.

² Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы // Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесяна. СПб.-М., 2000. С. 121.

³ Лота В. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 303.

участь советских войск в этих выступлениях, особенно в Белостокском, хорошо известна, как, впрочем, и в других «котлах».

В деталях была установлена, например, ставшая органически неотъемлемым компонентом стратегии блицкрига специфическая тактика массированного таранно-штурмового пролома системы обороны государств, на которые нападала Германия, то есть тактика создания предельных и даже запредельных оперативных плотностей войск на решающе ключевых участках направлений главных ударов за счет резкого сужения ширины фронта прорыва пехотных дивизий вплоть до 2,5 км при особой роли авиации, танковых и механизированных соединений в авангарде наступления. К слову сказать, с конца декабря 1940 г. об этой тактике был откровенно оповещен весь генералитет страны, потому как об этом говорилось в докладе начальника ГРУ генерала Ф. Голикова на совещании высшего руководящего состава РККА, которое проходило в Москве 29—31 декабря 1940 г.

Справка. В изложении начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии генерала Ф. Гальдера эта тактика выглядела следующим образом:

— *внезапное вооруженное нападение, потрясающее своим массовым эффектом;*

— *захват атакованной стороны врасплох;*

— *развал государственного тыла страны, подвергшейся нападению, путем террора, саботажа, убийства руководителей правительства и пр.;*

— *решительное безостановочное наступление, невзирая на потери и отсутствие резервов¹.*

Наряду с добыванием информации по указанным выше вопросам советская разведка смогла установить также боевой состав войск, включая их численность, вооружения и материально-техническое обеспечение, места их дислокации на глубину до 400 км в глубь германской территории.

Основную роль в добывании такой информации играли разведка пограничных войск НКВД СССР и НКВД союзных республик, граничивших с Германией, а также разведка штабов ПриОВО, ЗаОВО и

¹ История военного искусства: Сборник материалов. М., 1952. Вып. 4. Т. 2. С. 227.

КОВО. Именно они добыли львиную часть этой информации. Причем во многих случаях вплоть до дислокации отдельных батальонов и даже рот, а также аэродромов, в том числе и подскока, различных баз и складов, о чем свидетельствуют ныне официально рассекреченные и опубликованные донесения военной разведки, а также разведки пограничных войск, обобщенные сводки ГРУ и разведки НКВД, а затем НКВД и НКГБ СССР. Любой интересующийся этими вопросами человек может самостоятельно ознакомиться с ними.

Поскольку эта тема чрезвычайно обширна, а количество рассекреченных и официально преданных гласности путем соответствующих публикаций разведывательных донесений по этим вопросам огромно и потому нет никакой возможности привести хотя бы минимальную часть из них на страницах книги, сразу перейдем к итоговым оценкам, которые были озвучены высокопоставленными военными специалистами.

Пожалуй, лучше заместителя начальника одного из управлений Генерального штаба СССР генерал-полковника Г.А. Михайлова все равно не сказать. В 1989 г. генерал честно заявил: **«Вопреки некоторым бытующим представлениям, в Центр регулярно поступала достоверная информация о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. С большой точностью были переданы боевой состав, численность, группировка войск противника, сообщено решение Гитлера о нападении на СССР, поступала информация о первоначальных сроках нападения и о последующих изменениях в них. Исследования трофейных документов показали, что данные советской разведки о противнике были очень близки к реальным. Иными словами, информация была. Другое дело — как она использовалась»**. К этому следует добавить, что в мае 1941 г. удалось узнать не только количество стянутых к нашим границам дивизий, но и места их дислокации — вплоть до расположения батальонов, штабов частей. Уточнялись даже огневые позиции отдельных артиллерийских и зенитных батарей¹.

К этой оценке можно добавить еще одну. Выступая 28 августа 2011 г. перед учеными и специалистами по истории в Институте ди-

¹ См.: «Аргументы и факты». 1989. № 4; «Красная звезда», 16 июня 2001 г.; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 139.

намического консерватизма, в прошлом видный советский партийный и государственный деятель, бывший ответственный работник ЦК КПСС, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ, авторитетный современный ученый-историк и политолог Валентин Михайлович Фалин заявил: «И.И. Ильичев, начальник стратегической военной разведки (он был моим шефом в Советской Контрольной комиссии и в Третьем европейском отделе МИД) говорил, что данные разведки о сосредоточении немецких войск вдоль линии фронта на момент нападения расходились с реальностью всего на две дивизии! Причем, эти две дивизии не были развернуты, они были только на подходе. Другими словами, наша разведка была достаточно осведомлена».

Озвученное В.М. Фалиным признание Ильичева стоит чрезвычайно дорогого. Конечно, при определенных обстоятельствах и две дивизии могут решить исход боя или сражения. Но это на поле конкретного боя или сражения. Однако когда речь идет о столь гигантских масштабах сосредоточения войск противника на протяжении 3375 км (линия первоначального вторжения), то расхождение в две дивизии, о которых к тому же знали, что они не развернуты и еще только на подходе, всего лишь едва заметная статистическая погрешность.

Как видите, эффективность советских разведывательных служб была очень высока, коли расхождение было всего в две дивизии.

Столь высокоэффективно советская разведка сработала, сначала вскрыв, а затем и осуществив в непрерывном режиме тщательное наблюдение за динамикой и характером процесса сосредоточения войск вермахта у советских границ, установив одновременно и дату начала финишного этапа сосредоточения германских войск у границ СССР.

Особую роль в этом играла разведка пограничных войск, которая в силу своей природы и функций осуществляет разведывательную деятельность в абсолютно непрерывном режиме. Достаточно взглянуть на опубликованную в огромном количестве информацию разведки погранвойск, чтобы раз и навсегда уразуметь это. Примерно аналогичную роль играла и разведка штабов основных приграничных военных округов, которая использовала также и данные разведки пограничных войск.

Однако первые данные о только еще запланированной массовой переброске войск вермахта к советским границам были получены из берлинской резидентуры внешней разведки НКВД СССР еще летом 1940 г. — 26 июня 1940 г. Согласно этим данным, еще тогда, в июне 1940 г., министерство путей сообщений Третьего рейха получило указание подготовить к концу 1940 г. план перевозки войск с запада на восток. И когда график был утвержден Гитлером, причем утвержден именно как неотъемлемая часть системы мероприятий по подготовке к агрессии в соответствии с директивой № 21 от 18.XII.1940 (план «Вариант Барбаросса»), то благодаря усилиям берлинской резидентуры НКВД СССР Москва была информирована, по меньшей мере, об основных положениях этого плана перевозок войск.

Эти сведения берлинской резидентуры внешней разведки НКВД СССР повлияли и на действия нашего ГШ и НКО — уже в начале 1941 г. литерный график воинских перевозок был разработан, а 21 февраля 1941 г. план воинских перевозок был передан в наркомат путей сообщений¹.

Так что любые басни маршалов, что-де они не предполагали такого или эдакого сосредоточения войск вермахта на тех или иных направлениях, не знали их количества, состава вооружений, не располагали данными для точного прогнозирования направления главного удара и т.д. и т.п., потому что у них не было необходимой информации от разведки, не стоят и выеденного яйца. Потому как уже только само содержание основных положений германского плана-графика позволяло получить едва ли не исчерпывающие ответы если не на все интересовавшие наше военное командование вопросы, то по меньшей мере на очень многие².

Потому что в таком плане генштабы всегда указывают куда, когда, сколько и каких войск надо перебросить, а также очередность перевозок. Соответственно явно не представляло труда определить, тем более в совокупности с иными разведывательными данными, и масштабы концентрации сил вермахта, а соответ-

¹ «Независимое военное обозрение». 2005, № 22.

² Вспомните хотя бы любые фильмы или книги о действиях советских разведчиков и партизан в тылу врага — в любом и любой из них фигурируют информаторы, работавшие на железных дорогах и сообщавшие очень важную для нашего командования информацию о перебросках германских войск.

ственно их ударную мощь и направления основных ударов, в том числе, что особенно было важно, — направление главного из них.

Источником этих важных сведений был уже упоминавшийся член «Красной капеллы», агент советской внешней разведки **ЙОН ЗИГ**. Во второй половине мая 1941 г. он же информировал берлинскую резидентуру уже НКГБ СССР о том, что с 22 мая по приказу Гитлера график воинских перевозок на восток переводится в режим максимального уплотнения. На языке военной разведки, да и для ГШ это означало, что начинается финишный этап сосредоточения войск для нападения. И вовсе не случайно, что уже 24 мая 1941 г. на заседании Политбюро, где присутствовали и высшие военные руководители, Сталин всех предупредил о том, что в ближайшее время СССР подвергнется нападению Германии, а 27 мая с его санкции был отдан приказ о срочном строительстве полевых фронтовых командных пунктов в приграничных округах. А далее последовали и другие санкции для приведения войск Первого стратегического эшелона в боевую готовность.

Кстати говоря, в это же самое время, точнее, 20 июня 1941 г. в беседе с югославским военным атташе в Москве, протокольная запись о чем, сделанная последним, сохранилась в архиве конфиденциальной информации Госдепартамента США, Г.К. Жуков, согласно этому документу, заявил атташе: **«Советы через некоторое время будут воевать с Германией и ожидают вступления в войну Соединенных Штатов, и что Советское правительство не доверяет Англии и подозревает, что миссия Гесса была направлена на то, чтобы повернуть войну против СССР»¹.**

Одновременно советской разведке удалось более или менее точно определить временные рамки завершения сосредоточения войск вермахта у советских границ и обустройства театра военных действий на востоке².

Более того. Советская разведка дважды смогла — ДВАЖДЫ! — установить факт начала выдвижения ударных группировок вторжения на исходные для нападения позиции. Кроме того, советской разведке удалось определить (поначалу) наиболее

¹ 74.0011/11348 US State Department Confidential File National Archives.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 74—97. Копия.

вероятный вариант позиции Берлина в разыгрывавшейся им «английской карте» (а заодно и Лондона в разыгрывавшейся им «немецкой карте»), а также установить сначала временные рамки, в пределах которых произойдет нападение, а затем свыше 47 раз относительно или же абсолютно точно установить дату и час начала нападения.

И вот как после этого верить тому же Жукову, утверждавшему, что-де «смогло ли руководство наркомата обороны своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня? В тех условиях, в которые было поставлено военное руководство, сделать это было затруднительно. Нам категорически запрещалось ведение воздушной разведки, а агентурные данные запаздывали» или, например, другому его утверждению о том, что-де «сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о движении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим».

Более подробно обо всех этих достижениях советской разведки будет сказано в другой главе.

Наряду с этим советская разведка по различным каналам смогла добыть также и актуальные данные о вооружениях гитлеровской Германии, об экономике рейха, особенно военной, о внешней политике Третьего рейха.

Советская разведка смогла обеспечить высшее руководство СССР и военное командование актуальной разведывательной информацией о позиции западных держав в связи с неизбежным нападением Германии, из которой специфическими методами разведывательного анализа вычленилась наиболее достоверная информация, которая быстро подтвердилась сразу после нападения Германии.

Наконец, были добыты даже данные о намеченной нацистскими варварами трагической судьбе советских военнопленных. Эти данные своевременно добыл и направил в Центр выдающийся советский военный разведчик Анатолий Маркович Гуревич, являвшийся нелегальным резидентом ГРУ в Бельгии, псевдоним Кент.

Раздел III

ПОЧЕМУ РАЗВЕДКУ И СТАЛИНА СДЕЛАЛИ КРАЙНИМИ?

Глава 1

**А МЫ ВСЕ РАВНО ПОЙДЕМ НА ЮГ!
А МЫ ВСЕ РАВНО ПОЙДЕМ НА ЮГ!**

ПРОСКРИПТУМ

В названии главы перифраз слов холуя тигра Шерхана, шакала Табаки: «А мы пойдём на север! А мы пойдём на север!» — из кингинговского «Маугли».

Центральным объектом анализа в этой главе является бессознательное утверждение маршала Г.К. Жукова о том, что-де «с первых послевоенных лет и по настоящее время кое-где в печати бытует версия о том, что накануне войны нам якобы был известен план “Барбаросса”, направление главных ударов, ширина фронта развертывания немецких войск, их количество и оснащённость... Позволю со всей откровенностью заявить, что это чистый вымысел. Никакими подобными данными, насколько мне известно, ни Советское правительство, ни нарком обороны, ни Генеральный штаб не располагали». Увы, но маршал отчаянно врал.

Все то, что он отрицал, они тогда знали. Потому что разведка вообще не ошибалась, например, в определении направления главного удара и даже смогла привести в том числе и документальные данные

по этому вопросу. Выше уже говорилось о разведывательной информации, полученной от члена «Красной капеллы» **ЙОНА ЗИГА**, а также **А.С. НЕЛИДОВА** и других источников. Так вот, еще раз обращаю внимание на то, что полученные от них и других источников данные означали, что именно на направлении главного удара, то есть на восточном направлении, для СССР западном или белорусском направлении верховное командование вермахта запланировало **супермолниеносный блицкриг, коли выдало агенту советской разведки письменное предписание на 5-й день с момента начала боевых действий возглавить Минский железнодорожный узел!** Примерно аналогичную информацию, то есть о том, что супостаты планировали захватить Минск также в наикратчайшие сроки — в этом случае указывалось, что в течение 8 дней, — добыла также и разведка штаба ЗапОВО¹. И никакой реакции. Даже добывшего эту информацию агента так оскорбили недоверием, что более он не выходил на связь. Кроме того, железнодорожным чиновникам в генерал-губернаторстве, то есть в оккупированной немцами части Польши, такие предписания на узловые ж.-д. станции Белостокского направления стали выдаваться и того ранее — еще в начале апреля.

Даже в сообщениях разведки о том, что Красную Армию ожидает неминуемый разгром в приграничных сражениях, которые, к слову сказать, практически никогда не докладывали Сталину, откровенно указывалось, что в первую очередь это произойдет именно на западном направлении. Так, сообщая о том, что **Красную Армию ожидает предательство в форме подставы под разгром, вследствие чего она будет разгромлена в приграничных армиях**, один из ценных агентов ГРУ, **АВС (Курт Велкиш)**, отмечал в своем донесении: **«Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок»**. Резидент ГРУ. **28.5.1941 г.**² Обратите внимание, что речь идет о **западной части СССР**. Резиденты ГРУ прекрасно понимали значения

¹ *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 года). Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008. С. 448—453. В указанном источнике документ приведен со ссылкой на ЦА ФСБ России и «Военно-исторический журнал», 1994, № 6. С. 21—26.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 864—874.

терминов, обозначающих азимуты. Так что указание на западную часть СССР — вовсе не случайно. Речь шла именно же о западном, белорусском направлении (для немцев — восточном). Эта фраза из сообщения ценного агента не вошла в разведывательную сводку для руководства СССР. Но в Генштабе ее читали. И также никакой реакции.

Как, впрочем, не было никакой реакции и на другую информацию, согласно которой командование вермахта было безмерно удовлетворено тем, что **«главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара»**¹. Проще говоря, супостаты были удовлетворены тем, что на направлении их главного удара левым крылом, прежде всего на восточном (для нас западном) направлении, в сочетании с одновременным ударом на северо-восточном (для нас северо-западном) направлении советское командование выставляет **не главные силы обороны**. А ведь наш Генштаб вплоть до 22 июня четко прогнозировал — приведенные выше карты однозначно свидетельствуют об этом, а разведка постепенно это подтверждала, что наибольшая концентрация войск вермахта происходит именно на левом крыле германской группировки войск, то есть на направлении ЗапОВО и ПриБОВО. И опять никакой серьезной реакции по линии ГШ, кроме уточняющего запроса в резидентуру. И это при том, что даже германская агентура сообщала из Москвы, что **«наиболее вероятным и опасным направлением возможного удара Германии по СССР в Кремле считают северо-западное — из Восточной Пруссии через Прибалтийские республики на Ленинград, что именно здесь, по мнению советского руководства, должны будут развернуться главные сражения германо-советской войны»**. И Жуков с Тимошенко не могли не знать о таком мнении Кремля. Ведь это мнение Кремля — а это и тогда, и сейчас подразумевает только первое лицо в государстве, то есть в то время это было мнением Сталина — являлось не чем иным, как минимум половиной точного прогноза сути стратегического замысла военного командования Тре-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 527—529. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия. Это сообщение Р. Зорге от 3 июля 1941 г. за запрос в ответ на его телеграмму от 1 июня.

тьего рейха, принципиально совпадавшего, между прочим, с тем, что прогнозировал сам Генштаб.

Наконец, никакой реакции не последовало и на неоднократные сообщения разведки о том, что **Красную Армию ожидает разгром в варианте Канн**. Не будем сейчас напирать на то, что одно только упоминание о варианте Канн для высшего командования любой армии мира означает или, по меньшей мере, должно означать нечто вроде магического пароля-предупреждения о том, что готовятся мощные удары под основания группировок противостоящих войск в целях создания гигантских «котлов» с последующим уничтожением и пленением оказавшихся внутри «котлов» войск.

Обратим внимание на то, что у советских войск накануне 22 июня было два таких места, где супостаты могли осуществить крупномасштабный, классический вариант Канн. Это Белостокский и Львовский выступы, внутрь которых шла безумная закачка войск. Так вот, если по всем представленным выше на основе конкретных фактов параметрам выходило, что супостаты именно своим левым крылом особо мощно долбанут по нашим войскам в ПриОВО и ЗапОВО, что как раз и означало, что это и есть направление главного удара, то неоспоримо первый кандидат в классическую «мясорубку» в варианте Канн — это войска, дислоцированные в Белостокском выступе (оно так и вышло сразу после нападения). А ведь даже «**в планах советского стратегического руководства, и в документах первой игры** (в январе 1941 г. — *А.М.*) отмечалась опасность ударов противника из районов Сувалки и Брест в направлении Барановичи» (далее — на Минск)¹. То есть еще до поступления от разведки сообщений о варианте Канн было совершенно ясное, стратегическое понимание того, чем грозит такой удар, — **ведь в только что приведенной цитате четко показан классический вариант Канн!** Достаточно одного беглого взгляда на карту, чтобы убедиться в этом. Можно даже сказать, что **суперклассический вариант**, не воспользоваться которым было просто невозможно, — ведь исходные позиции супостатов находились на **100—150 км** восточнее расположения основной массы войск, например той же 10-й армии ЗапОВО.

Справка. Начав свое наступление с таких более чем выгодных исходных позиций на Брестском и Гродненском (из района Сувалки

¹ РГВА. Ф. 37977. Оп. 5. Д. 569, брошюра 5. Л. 238.

как раз и получается аккурат на Гродно) направлениях, уже к концу 22 июня супостаты фактически окружили группировку советских войск в этом выступе.

Короче говоря, налицо были все обоснованные предпосылки, чтобы ожидать не просто главного удара левым крылом германской группировки войск, а именно же чрезвычайно опасного, исключительно мощного главного удара супостатов на направлении ПрибОВО и ЗапОВО.

Однако в реальности, практически абсолютно игнорируя все разведывательные и иные данные и соображения, Жуков совместно с Тимошенко «ожидали» нападения вермахта не по трем направлениям, сведения о чем уже буквально резали глаза, а по двум — на северо-западном (для гитлеровцев — северо-восточном) и на юго-западном (для гитлеровцев юго-восточном) направлениях. Причем последнее именно они, а не Сталин, считали направлением главного удара грядущего нападения Германии, а северо-западное расценивали как вспомогательное. Проще говоря, в своих крайне неуместных — это самое мягкое определение, хотя тут явно нужны более резкие термины из Уголовного кодекса того времени (как минимум из текста 58-й статьи УК), — ожиданиях они откровенно игнорировали совершенную очевидность нападения сплошным фронтом на трех направлениях при главенстве центрального, западного, белорусского направления в (частичном) сочетании с одновременным ударом по ПрибОВО.

Взгляните на приводимые ниже схемы их ожиданий и реального плана «Вариант Барбаросса». Слева — схема их ожиданий, справа —

подлинная схема нападения вермахта. Кстати говоря, схема ожиданий Жукова (вкуче с Тимошенко) взята из книги «Альтя против Барбароссы» упертого антисталиниста, летописца истории ГРУ Владимира Лота, в которой он искренне недоумевает, почему Жуков ожидал именно такое.

Вот и попробуйте теперь, владея приведенными выше разведывательными данными о трех направлениях, самим себе дать честный ответ, почему они ожидали удара только на двух направлениях? Да еще и в такой интерпретации, согласно которой на северо-западном супостаты нанесут не основной, а вспомогательный удар?!

А чтобы вам веселее было пытаться ответить на этот вопрос, сдобрите его следующим вопросительным антуражем: почему в не обремененном солидными знаниями (в том числе и военными) сознании скорняка с трехклассным образованием по фамилии Жуков (а также Тимошенко) вдруг всплыла такая поразительно преступная аналогия с тем, что написал Тухачевский в плане поражения, нагло игнорируя особое стратегическое значение белорусского направления?! Ведь этот, справедливо расстрелянный еще в 1937 г., но незаконно реабилитированный, а затем еще и нагло причисленный к лику «гениальных стратегов» деятель начисто отрицал какое бы то ни было значение белорусского направления для Гитлера, уперто утверждая, что-де оно потому не имеет значения, что Гитлер не намерен нападать на СССР ради его уничтожения, что-де это фантастика?!¹ И вот эта преступная фантастика «почему-то» всплыла в сознании Жукова и Тимошенко, и они ожидали именно того, как и планировал Тухачевский, разрабатывая план поражения СССР в войне с Германией — якобы главного удара на украинском направлении и вспомогательного на северо-западном.

Сталин же, вплоть до последних дней, особое внимание уделял именно западному направлению. Он и разговаривал незадолго до нападения Германии по телефону с командующим ЗапОВО генералом армии Д.Г. Павловым, интересуясь, как у него обстоят дела с подготовкой к отражению агрессии, отмечая попутно в разговоре с ним, что у него есть данные об активизации гитлеровцев на направлении этого округа, в ответ на что Павлов нагло

¹ Показания Тухачевского см.: «Военно-исторический журнал». 1991, № 8; *Сойма В. Запрещенный Сталин*. М., 2005. С. 161—165.

соврал, что-де супостаты ведут себя ниже травы, тише воды и не сосредотачиваются у границы в полосе его округа¹, и приказал в мае 1941 г. провести инспекцию боеготовности ВВС именно Западного округа, выявившую поразительно фантастический бардак в ВВС этого округа², и даже всего лишь за четыре дня до нападения, когда уже острейшим образом встал вопрос о приведении войск первого оперативного эшелона Первого стратегического эшелона в боевую готовность, то ради окончательного, безальтернативного, абсолютно объективного удостоверения в том, что гитлеровское командование действительно начало вывод войск на исходные для нападения позиции и потому пора приводить и наши войска на границе в боевую готовность, приказал провести воздушную разведку вдоль всей линии границы в полосе ответственности именно Западного особого военного округа!³

...Из воспоминаний Главного маршала авиации А.Е. Голованова: «Не успел он сказать, что звонит по поводу подчинения Голованова, который сейчас находится у него, как по его ответам я понял, что Сталин задает встречные вопросы.

— Нет, товарищ Сталин, это неправда! Я только что вернулся с оборонительных рубежей. Никакого сосредоточения немецких войск на границе нет, а моя разведка работает хорошо. Я еще раз проверю, но считаю это просто провокацией. Хорошо товарищ Сталин... А как насчет Голованова? Ясно.

Он положил трубку.

— Не в духе хозяин. Какая-то сволочь пытается ему доказать, что немцы сосредотачивают войска на нашей границе.

Я выжидательно молчал.

— Не хочет хозяин подчинить вас мне. Своих, говорит, дел у вас много. А зря.

На этом мы расстались. Кто из нас мог тогда подумать, что не пройдет и двух недель, как Гитлер обрушит свои главные силы

¹ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. Воспоминания Главного маршала авиации. 1941—1945. М., 2007. С. 56—57.

² Грибанов С. Заложники времени. М., 1992. С. 102—103.

³ Захаров Г.Н. Повесть об истребителях. М., 1977. С. 43. Автор этой книги, Герой Советского Союза, генерал-майор авиации Г.Н. Захаров, лично осуществил такую воздушную разведку.

как раз на тот участок, где во главе руководства войсками стоит Павлов? К этому времени и у нас в полку появились разведывательные данные, в которых прямо указывалось на сосредоточение немецких дивизий близ нашей границы.

...Как мог Павлов, имея в своих руках разведку и предупреждения из Москвы, находиться в приятном заблуждении, остается тайной. Может быть, детально проведенный анализ оставшихся документов прольет свет на этот вопрос...»¹ Так вот, пускай и в ретроспективе, но пролить свет на это отнюдь не самое «приятное заблуждение» Павлова возможно. Сволочь был он сам, командующий Западным округом генерал Д.Г. Павлов. Потому что заявлять менее чем за две недели до нападения, что никакого сосредоточения немецких войск на нашей границе нет, могла действительно только сволочь и предатель. Это сосредоточение уже давно было видно невооруженным глазом — для этого не нужна была даже разведка. Все было видно в обыкновенный бинокль и даже без него. Сволочь и предатель он еще и потому, что именно в те дни разведывательный отдел штаба Западного округа отправил в Москву в ГРУ и ГШ хотя и изрядно «причесанное», но тем не менее **«Спецсообщение о подготовке Германией войны против СССР» от 3 июня 1941 г.**² Этот документ, естественно, был доложен и ему, Павлову, тоже. Такие документы априори докладываются командующему округом. Простите за напоминание, но в военном деле понятие подготовки государства к войне означает в том числе и сосредоточение войск либо для агрессивных целей, либо для обороны от агрессии. И хотя бы даже с точки зрения элементарного смысла Павлов, с ведома которого и было направлено упомянутое спецсообщение, уже врал самым подлым, самым наглым образом. Особенно если вспомнить также и разведывательную сводку РО штаба ЗапОВО на 1.6.41, которая гласила: **«За последнее время немецкое командование непрерывно усиливает группировку войск в полосе против ЗапОВО,**

¹ Голованов А.Е. Дальняя бомбардировочная. Воспоминания Главного маршала авиации. 1941—1945. М., 2007. С. 56—57.

² ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 181—187. Текст документа не приводится.

особенно с 25 мая 1941 года, преимущественно артиллерийскими и авиационными частями»¹.

Следует также отметить, что практически во всех исторических исследованиях, не говоря уже о маршальских и генеральских воспоминаниях, подчеркиваю, едва ли не абсолютно во всех начисто отсутствует крайне необходимый, особо жесткий, принципиально жесткий акцент на два наиважнейших обстоятельства.

Во-первых, на то, что фигурирующие в мемуарах и исследованиях, а заодно и так и сяк «смачно» и не очень пережевываемые их авторами «северный» и «южный» варианты касаются не только и даже не столько определения наиболее вероятного направления главного удара супостатов, — в обоих вариантах ясно указывается, что для германского командования наиболее предпочтительнее сосредоточение их сил именно на левом фланге, то есть против ПриОВО и особенно ЗаОВО, чему яркое доказательство приведенные выше карты-схемы, — **сколько прежде всего определения наиболее выгодного для советских войск направления главного удара нашего ответного контрудара/контрнаступления в целях решительного разгрома противника уже на его территории!** Потому что в хорошо известных всем, кто интересуется особенно историей кануна Великой Отечественной войны, «**Соображениях об основах стратегического развертывания Вооруженных сил советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.**» от 18 сентября, утвержденных советским правительством 14 октября 1941 г., которые являлись единственным, подчеркиваю, единственным официально утвержденным высшим руководством государства документом, определявшим все основополагающие меры по отпору агрессору, идея контрудара/контрнаступления на юго-западном направлении, **обращаю на это особое внимание**, с самого начала рассматривалась **только как контрнаступление, но только после отражения и сдерживания первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должно было быть осуществлено отобилизование и сосредоточение основных сил.**

¹ Материалы ГРУ ГШ. Цит. по: *Кондрашов В.В.* Знать все о противнике. М., 2010. С. 72.

И только затем, и только при наличии благоприятных условий переход в контрнаступление.

Собственно говоря, потому Сталин и Молотов и утвердили проект «Соображений...», в котором главные силы врага в обоих случаях ожидалась только в одном месте — **на направлении ЗаОВО и ПриОВО!** То есть, вопреки всякой клевете и лжи маршалов, Сталин не приказывал и не навязывал воякам своего мнения о том, что супостаты всенепременно будут наносить главный удар на юго-восточном, для нас юго-западном направлении.

А утвержденный в проекте приоритет юго-западного направления для нанесения ответного контрудара/контрнаступления ни Сталин, ни Молотов и не оспаривали, ибо целесообразность такого решения была очевидна невооруженным глазом. Но ведь контрнаступление должно было быть осуществлено только после отражения и сдерживания первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию основных сил противника, под прикрытием чего должны были быть осуществлены полное отмотбилизация и сосредоточение наших войск на направлении главного удара нашего контрнаступления, которое, в свою очередь, должно было начаться только после осуществления указанных мероприятий и только при наличии благоприятных для этого условий.

Причем это рассматривалось действительно как наиболее предпочтительное действие именно в целях контрудара/контрнаступления именно же на этом направлении, потому как это действительно было выгодно и целесообразно по ряду стратегических соображений, указанных прямо в самом документе, причем с самого начала разработки проекта этого документа еще Шапошниковым (Тимошенко, Мерецков и Жуков только переписывали его аргументацию). Но тут надо иметь в виду, что согласно фигурирующему в нем раскладу, например по «южному» варианту, **контрнаступление могло быть начато не ранее чем через 30—35 дней с момента начала боевых действий (по «северному» — не ранее чем через 15—20—25 дней).** Ранее этого срока полное отмотбилизация и тем более сосредоточение необходимых для мощного контрнаступления в целях решительного

разгрома напавшего агрессора на его же территории было просто нереально ввиду сугубо прозаических причин.

Алгоритм таких действий абсолютно нормален и не только закономерен, но и естественен для планирования военных операций стратегического уровня. Так что придираться тут не к чему. Тем более нет никаких оснований для упреков в адрес Сталина и Молотова или разведки. Даже с позиции постоянно вызывающего у многих пишущих и говорящих о начале войны неистребимого желания ёрничать по поводу пресловутого тезиса «малой кровью, да на территории противника». Потому что контрнаступление по такому алгоритму хотя и действительно сродни, но именно же только обоснованно и всего лишь сродни, однако же вовсе не 100-процентный аналог царившей тогда идеи перенесения войны с самого ее начала на территорию противника.

Так вот, если не осуществить упомянутого выше столь необходимого, крайне жесткого акцента на указанное в первоочередном порядке обстоятельство, любой исследователь истории кануна войны и ее катастрофического дебюта автоматически, но практически, увы, не осознавая этого, незаметно для себя попадает в ловушку, умело расставленную маршалами, выход из которой ими же и предрешен, — при любых обстоятельствах выбора у исследователей нет, и они, полагая, что правы и проявляя при этом «души прекрасные порывы» да «пылая “праведным” гневом», начинают и так и сяк крыть Сталина, а заодно и якобы что-то недосмотревшую в Польше разведку. А уж про читателей и просто интересующихся этой историей простых граждан и говорить-то не приходится — они, увы, вынуждены следовать и внимать тому, что написали исследователи, ссылающиеся на маршалов.

Во-вторых, естественно, что не сделав упомянутого выше акцента, никто и не стремится далее показать четкого разделения постоянно пережевываемых «северного» и «южного» вариантов на две принципиальных части, касающихся каждого из этих вариантов. И что очень характерно, очевидную же необходимость такого разделения так запутали, так обволокли беспардонно неуместными, а зачастую и просто глупыми «размышлениями», так «забермудили» (выражение В. Высоцкого) суть этого дела, что лежащее прямо на поверхности,

реально же очевидное уже никто и не замечает (а, быть может, и не хотят замечать). А ведь тут нет и не было никаких ни секретов, ни чего-либо непостижимого в силу якобы невидимости.

Ведь первая из упомянутых принципиальных частей — это выбор главного направления сосредоточения основных сил советской группировки войск в целях отражения и сдерживания первого удара противника. Проще говоря, выбор главного направления сосредоточения своих основных сил в целях обороны.

Вторая же часть — это выбор направления сосредоточения своих основных сил и направления главного удара для нашего ответного контрудара/контрнаступления.

Соответственно, каждый из этих вариантов — «северный» и «южный» — должен быть четко разделен на эти две части. Если этого не сделать, так и будем до скончания века путаться в «двух тополях на Плющихе». Выбор же в рамках каждой из этих двух частей находится в прямой зависимости от того, какой вариант — «северный» или «южный» — рассматривается и также напрямую зависит, но уже от уверенного прогноза Генерального штаба о том, на каком направлении и какие силы противник выставляет.

Напоминаю, что наш ГШ уверенно прогнозировал, и это было аргументированно показано на картах того времени (ныне — на приводившихся выше картах-схемах), а разведка постепенно это подтверждала, что основные силы для нападения на СССР противник сосредотачивает на своем левом крыле, то есть на направлении наших ПриОВО и ЗапОВО, сиречь на северо-восточном (для нас северо-западном) и на восточном (для нас западном) направлениях. Короче говоря, наш Генштаб уверенно точно прогнозировал направление главного удара вермахта, а разведка это подтверждала.

Следовательно, и наши главные силы для обороны, или, если исходить из текста неоднократно упоминавшихся «Соображений...», наши основные силы для сдерживания и отражения первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника должны были быть сосредоточены в ПриОВО и особенно в ЗапОВО. Оно так и было предусмотрено, причем, что

очень характерно, даже для того случая, если, паче чаяния, супостаты надумают основные силы разворачивать на юго-восточном (для нас юго-западном) направлении. **Обращаю особое внимание на то, что ниже умышленно показана формулировка оборонительных задач из «южного» варианта согласно официально утвержденным «Соображениям...», где в трех местах одного и того же раздела говорилось об одном и том же.**

В этих самых упомянутых **трех местах пятого раздела** — в данном случае именно «южного» варианта — официально утвержденных «Соображений...» говорится о **необходимости активной обороной и активными действиями по сковыванию противника прочно прикрыть минское направление** (как центральное в рамках общего понятия «Белорусское направление». — *А.М.*), в том числе и в сочетании с аналогичным по конечному значению прикрытием ригопсковского направления. Это задача № 4 (*из числа главных задач*), это и задача № 2 для Северо-Западного фронта и **основная задача** для Западного фронта.

То есть даже в «южном варианте» задача прочного прикрытия со всех сторон именно минского направления (как *квинтэссенции белорусского или западного направления*) фигурировала как всеобщая генеральная и потому ее решение вменялось в обязанности сразу двух округов — Прибалтийского и Западного особых военных округов, которые в случае войны и должны были преобразоваться соответственно в Северо-Западный и Западный фронты. Подчеркиваю, что в данном случае специально, умышленно показана формулировка оборонительных задач из «южного» варианта согласно официально утвержденным «Соображениям...». В «северном» варианте то же самое, только более выпукло и резче очерчено.

Все это означает, что в реальности принципиальное разделение между этими двумя вариантами имело место быть в следующем виде — «северный вариант» для обороны, «южный» — для контрнаступления.

Комментарий. После официального рассекречивания, многократно упоминавшиеся выше «Соображения...» опубликовали не без столь характерной для нашей пропаганды (в том числе и в области исто-

рии) подлости. Дело в том, что при публикации одного документа в «Военно-историческом журнале» (№ 1, 1992) были опубликованы листы с 1-го по 14-й и 37-й из 37 листов этого документа. Причем пропуск текста тогда никак не был обозначен. Из-за этого возникла масса недоразумений, рассмотрение которых в данном случае выходит за рамки нашего расследования. Для нашего расследования интерес представляет вот что. Именно публикация листов № 1—14 привела к тому, что дополнительно к маршальско-генеральской брехне ненавязчиво было создано однозначное впечатление, что Сталин якобы не то приказал, не то навязал необходимость считать юго-западное направление главным для вермахта. В результате столь нехитрого приема — публикации листов 1—14, где изложен только один вариант — «к югу от Брест-Литовска» (в связи с чем он и назван в этом разделе основным, но именно же и только в этом разделе-варианте), всем фактически вдолбили впечатление, что вот оно, последствие указания Сталина о главенстве для вермахта юго-западного направления! Но если бы сразу был опубликован и второй вариант — «к северу от Брест-Литовска» (он был опубликован только в 1998 г. и на него уже не обратили особого внимания), то такое впечатление не могло бы возникнуть. Увы, но подлецы знали, как публиковать, чтобы все получилось в унисон маршальской брехне о якобы вине Сталина в определении направления главного удара вермахта.

Короче говоря, согласно якобы имевшему место указанию Сталина, на которое постоянно, но все же не осмеливаясь прямо обвинять Сталина в этом, ссылались в своих мемуарах маршалы, а на них впоследствии и исследователи, наш Генштаб должен был отработать также и «северный» вариант. Причем именно в порядке адекватной ответной оборонительной меры в связи с точно прогнозировавшимся им главным направлением сосредоточения основных сил немецкой группировки войск.

Проще говоря, раз супостаты концентрируют свои основные силы нападения на левом крыле, то есть против ЗаОВО и ПриОВО, то, следовательно, и советское командование должно было выставить на этом же направлении основные силы в целях

отражения и сдерживания первого удара так, как это было предписано утвержденным правительством документом.

Если уж совсем примитивно, то «северный» вариант развертывания главных сил советской группировки войск изначально должен был быть сугубо оборонительным и именно так и должны были быть развернуты наши войска в целях обороны. Почему «изначально» и почему «сугубо»? Да по очень простым причинам.

Во-первых, с самого начала разработки проекта «Соображений...» мудрый ас советского Генштаба Маршал Советского Союза Б.М. Шапошников прямо указал, что «основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, т.е. с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан...»¹.

А вот в целях нанесения контрудара и тем более контрнаступления было признано, что «развертывание главных сил Красной Армии (на Западе с группировкой главных сил) на севере наших западных границ для действий против Восточной Пруссии и на варшавском направлении, вызывает серьезные опасения, (в том) что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта, сделает неизбежным и (тем) ускорит вступление Балканских стран в войну против нас. Основные причины:

- а) сложные природные условия Восточной Пруссии, крайне затрудня(ют) ющие ведение наступательных операций;
- б) исключительная серьезная подготовленность этого театра для обороны и особенно в инженерном и дорожном отношениях;

¹ Записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной Армии в ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову об основах стратегического развертывания вооруженных сил СССР на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы б/н (не позже 19 августа 1940 г.). ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. Л. 1—37. Рукопись на бланке: «Народный комиссар обороны СССР». Имеется помета: «Написано в одном экземпляре. Исполнитель зам. нач. Опер. упр. генерал-майор Василевский». Подлинник, автограф Б.М. Шапошникова. Цит. по: Интернет — 1941 год, в 2 кн. М., 1998.

в) сильное сопротивление (*Германии*) с вводом значительных сил, которое во всех случаях, безусловно, будет оказано *Германией* в борьбе за Восточную Пруссию».¹

Несмотря на то что в данном случае умышленно (зачем автор так сделал, станет понятно чуть ниже) приведена формулировка из черного варианта очередного, якобы дорабатывавшегося проекта одного и того же документа, то есть «Соображений ...» якобы от 11 марта 1941 г., мотивы о нецелесообразности нанесения контрудара и тем более контрнаступления на фигурирующем в этой формулировке направлении обоснованны, потому как восходят еще к варианту, который был разработан под руководством Шапошникова. Именно под его руководством впервые были четко сформулированы соображения о нецелесообразности нанесения контрудара в направлении Восточной Пруссии. И эта мысль практически в полном объеме при всех переделках кочевала из одного проекта в другой.

Но раз определение направления главного удара противника, а также мотивы нецелесообразности нанесения контрудара/контрнаступления на этом же направлении со времен Шапошникова не менялись, напротив, письменно же признавались, то, следовательно, даже при возникновении ситуации двух вариантов развертывания наших главных сил — «северного» и «южного» — «северный» безальтернативно должен был быть сугубо оборонительным или же, по крайней мере, преимущественно оборонительным. И именно по «северному» варианту (к слову сказать, явно умышленно он так и не был толком разработан и даже менее всего дискутировался в больших кабинетах) должны были быть развернуты в целях обороны основные силы группировки РККА. Но в итоге получилось совершенно иное, едва не приведшее к необратимой катастрофе.

Во-вторых, как уже указывалось выше, еще при рассмотрении первого проекта «Соображений...», составленных мудрым асом Генштаба маршалом Б.М. Шапошниковым, новый (с лета 1940 г. нарком обороны), маршал С.К. Тимошенко неизвестно на каком ос-

---

¹ ЦА МО РФ. Ф 16. Оп. 2951. Д 241. Л. 1—44. Цит. по: 1941: документы и материалы к 70-летию начала Великой Отечественной войны. В 2 т. Сост.: Ю.А. Никифоров, к.и.н., и др. СПб., 2011. С. 294—295.

новании «изволили» пожелать — и это в августе 1940 г.?! — чтобы супостаты развернули свои основные силы супротив КОВО, то есть на юго-восточном, для СССР — юго-западном направлении. Для такого «пожелания» не было никаких серьезных оснований или предпосылок — ни по каналам разведки, ни по каким-либо иным каналам в августе 1940 г. еще не поступало какой-либо информации о доминировании юго-восточного направления в процессе сосредоточения германских войск. За все время — от момента установления факта того, что Гитлер утвердил план нападения на СССР, до факта нападения на Советский Союз 22 июня, — в отношении Украинского направления ни разу не поступила серьезная информация, обоснованная однозначными аргументами, которые могли бы быть серьезно и безоговорочно восприняты и военной разведкой (которая в тот период была головной разведслужбой, где концентрировалась вся информация о подготовке Германии к нападению на СССР), и в Генштабе. Такими данными могли быть преимущественно, если не вообще только сведения арифметического порядка, то есть сколько таких-то и таких-то дивизий противника сосредоточено на том или ином направлении. Причем учитывая, что Западный ТВД разделен Припятскими болотами, то такой учет должен был быть уже аналитически укрупненным — на левом крыле у супостатов столько-то дивизий, на правом крыле — столько-то.

Все, что поступало насчет того, что-де супостаты якобы намерены нанести главный удар на юго-восточном (для нас на юго-западном) направлении, являлось пересказами устной болтовни каких-то третьих или более лиц, причем настолько общего характера — типа «мы скоро пойдем на восток, чтобы забрать хлеб на Украине» или «мы идем, чтобы захватить Украину и Балтийский край» (под таким наименованием фигурировала в донесениях Прибалтика. — *А.М.*), — что можно только диву даваться, что даже сейчас многие исследователи придают им колоссальное значение. Вам это не напоминает строку из шуточной песенки из знаменитого мультфильма про Винни-Пуха — **«куда идем мы с Пятачком — большой-большой секрет»?** Супостатам очень уж хотелось, чтобы в Москве в порядке «очень большого секрета» узнали, что они якобы собираются отобрать хлеб Украины и свинофермы Прибалтийских республик. Оттого и болтали

на всех мировых и европейских перекрестках и вообще, где ни попадя, что-де пойдут на Украину, а заодно и в Прибалтику.

А ведь в реальности-то все было как раз наоборот. Практически сразу, еще летом и осенью 1940 г., начали поступать данные как раз о том, что прогноз Шапошникова начинает оправдываться. Не могу вновь не привести уже приводившееся выше поразительное примечание, которое сделала редакция Издательства «АСТ» в разделе «Приложение IV. Разведка и военное планирование» в книге «Генеральный штаб в предвоенные годы», являющейся публикацией мемуаров Маршала Советского Союза М.В. Захарова. Опубликовав в упомянутом разделе ряд информационных сообщений за период лета и осени 1940 г., которые НКВД СССР направило в СНК СССР, ГРУ и ГШ, не являющиеся специалистами в области анализа разведывательной информации военного характера сотрудники редакции подметили и указали в примечании вот что: **«Следует отметить, что информация об активности германских войск касалась в основном полосы Прибалтийского и Западного особых военных округов».**

Вы только вдумайтесь в суть этого примечания. Гражданские лица, которые, подчеркиваю, не имеют никакого отношения и тем более профессиональных навыков анализа разведывательной информации военного характера, легко заметили и сочли необходимым прямо указать **«...что информация об активности германских войск касалась в основном полосы Прибалтийского и Западного особых военных округов»**, а нарком обороны Тимошенко, который еще тогда, летом и осенью 1940 г., получал эти сообщения, изволил, видите ли, пожелать, чтобы супостаты активничали на юго-восточном направлении и там же сосредотачивались своими основными силами?! А затем и пришедший на смену Шапошникову Мерецков солидаризировался с ним, несмотря на то, что имел под рукой эти же сообщения НКВД СССР.

Откровенно говоря, уж очень не хочется усматривать какую бы то ни было, тем более специфическую взаимосвязь между такими «пожеланиями» Тимошенко и приводившимся выше указанием абвера насчет дезинформации по юго-восточному направлению. Быть может,

это и в самом деле всего лишь случайное совпадение по времени. Но вот не обратить внимания на это и тем более не придать этому совпадению значение тоже нельзя — в свое время Сталин говаривал, что если случайность повлекла за собой политические последствия, то к ней необходимо внимательно присмотреться. А ведь тут не просто политические последствия — тут едва ли не катастрофой обернувшиеся военно-стратегические последствия ужасающе негативного порядка.

В-третьих, сменивший Шапошникова на посту начальника Генерального штаба генерал К.А. Мерецков, судя по всему, не особенно заморачивался высшими стратегическими соображениями и тем более их правильностью и адекватностью реалиям того времени и соответственно, откровенно наплевав на разведывательные сводки, говорившие совершенно об обратном, так наруководил составлением нового, второго по счету проекта «Соображений...» в соответствии с пожеланиями Тимошенко, что Маршал Советского Союза М.В. Захаров даже десятилетия спустя не сдержался и написал в книге **«Накануне великих испытаний»** следующее: «... Испокон веков, еще с наполеоновского наступления на Россию, считалось, что **главным направлением для действий противника против нас на западе будет смоленско-московское направление, севернее рек Припять и Сан. Так оно оценивалось и в записках Генерального штаба РККА за подписью Б.М. Шапошникова. При этом предлагалось против основных сил врага выставить и наши главные силы.**

Справка-комментарий. В прижизненном издании книги «Генеральный штаб в предвоенные годы» М.В. Захаров эту же мысль излагал следующим образом: «Предложенный вариант плана обороны СССР, разработанный заместителем начальника Оперативного управления генерал-майором А.М. Василевским и одобренный Б.М. Шапошниковым, опираясь на тщательно обоснованный анализ складывающейся стратегической обстановки страны, вероятных группировок противника и ожидаемых его агрессивных действий, верно определял наиболее опасный театр войны и главное направление приложения основных усилий Советских Вооруженных Сил»¹.

¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 176.

Но с приходом на должность Наркома обороны тов. С.К. Тимошенко и начальника Генерального штаба тов. К.А. Мерецкова взгляды на стратегическое сосредоточение и развертывание резко меняются, хотя в оценке возможных действий противника расхождений не было.

Главная группировка советских войск создается южнее Припяти для выполнения следующей стратегической задачи: “Мощным ударом в направлении Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне”¹.

В плане стратегического развертывания указывалось: “Удар наших сил в направлении Краков, Бреслау, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительно политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши”. По этому варианту и была развернута Красная Армия к началу Великой Отечественной войны»².

Справка-комментарий. В прижизненном издании книги «Генеральный штаб в предвоенные годы» М.В.Захаров по этому вопросу отмечал следующее: «По сравнению с прежним в новом плане нет каких-либо заметных изменений в оценке противника и своих войск, в распределении наших сил и в постановке им боевых задач, а также избираемых способах борьбы. Но совсем иными стали взгляды на решение коренного вопроса обороны страны на Западном театре. В представленном плане Генеральный штаб предлагал главные силы Красной Армии в зависимости от обстановки развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное решение на развертывание, по мнению Генштаба, зависело от той военно-политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Поэтому

¹ Маршал Захаров тогда дал такую ссылку: Архив ГОУ ГШ, оп. 240—48 г., д. 528—V.

² Захаров М.В. Накануне великих испытаний в книге «Генеральный штаб в предвоенные годы». М., 2005. С. 421.

в условиях мирного времени считалось необходимым иметь разработанными оба варианта.

Существенно новым моментом в сентябрьском проекте плана являлось признание, что основным его вариантом следует считать развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой предполагаемых намерений противника, приведенной в плане»¹.

Проще говоря, Захаров достаточно ясно показал, что с приходом Тимошенко на пост наркома, а затем еще и Мерецкова (а, между прочим, за Кириллом Афанасьевичем Мерецковым числится и слишком уж залихватский план войны с Финляндией, приведший к огромным потерям) на пост начальника ГШ, было положено начало фатально ведущему к трагедии 22 июня процессу не столько даже переакцентирования собственных усилий по сосредоточению главных сил на ином, теперь уже юго-западном направлении, сколько к фактическому отказу от обороны как таковой и переходу к планированию отражения грядущей агрессии методом немедленного встречно-лобового контрнаступления по факту нападения. Чуть ниже и на основании тщательно сформулированных выводов высокопрофессиональных военных специалистов и историков мы сможем убедиться, что так оно и было.

Сделано это было очень хитро: убедили Сталина в целесообразности нанесения ответного контрудара с плацдарма КОВО, — а оспаривать целесообразность такого решения в принципе невозможно, потому как оно было обосновано серьезными аргументами еще Шапошниковым, которого Сталин очень уважал и с мнением которого очень считался, — и в результате добились разрешения на дополнительное усиление КОВО. Но...

Убедить-то убедили, но (умышленно) не раскрыли все карты до конца. Прежде всего то, что обрисованной ими во время обсуждения проекта необходимостью иметь в мирное время два варианта развертывания главных сил РККА они попросту морочили голову высшему советскому руководству, но более всего пытались замаскировать уже

¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 176.

твердо и окончательно созревшее решение подменить на свой, откровенно неадекватный реалиям сам замысел отражения агрессии, который в изложении Шапошникова имел стройную, исключительно обоснованную логику последовательности действий. Сначала отразить и сдержать активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника первый его удар, причем на совершенно однозначно прогнозирувавшемся направлении главного удара — против ПриОВО и особенно ЗапОВО, — под прикрытием чего должны были быть осуществлены полное от мобилизование и сосредоточение основных сил для контрнаступления. И только после этого, к тому же не ранее 30-го дня с начала указанных последними двух процессов, и только при наличии действительно благоприятной для этого ситуации, перейти в решительное контрнаступление с плацдарма КОВО в целях полного разгрома противника на его же территории.

Более того. Ни один из мемуаристов и тем более исследователей, никогда и ни при каких обстоятельствах не показывал, что согласие Сталина на разработку двух вариантов означало его согласие на разработку «северного» варианта как основного для целей обороны, а «южного» — для целей контрнаступления. Но они-то — отнюдь не святая троица в лице Тимошенко — Мерецкова — Жукова — вплоть до 22 июня активничали только над «южным» вариантом. Причем активничали, маниакально уперто настаивая на том, что-де, вероятнее всего, супостаты свои главные силы якобы развернут на юго-восточном направлении и потому, мол, следует и главные силы советской группировки войск сосредоточить на юго-западном направлении.

Между тем в составленном в соответствии с пожеланиями Тимошенко втором (сентябрьском) варианте проекта «Соображений...», по признанию самого же маршала Захарова, **«в оценке возможных действий противника расхождений не было»**. Действительно, так оно и есть. И в других вариантах тоже. И это отметили еще в 1992 г. военные историки — составители аналитического труда «1941 — уроки и выводы»: **«...по сравнению с прежним в новом плане нет каких-либо заметных изменений в оценке противника и своих войск, в распределении наших сил и в постановке им боевых задач, а также избираемых способах борьбы. Но совсем иными**

стали взгляды на решение коренного вопроса обороны страны на Западном театре. В представленном плане Генеральный штаб предлагал главные силы Красной Армии в зависимости от обстановки развертывать по двум вариантам: к югу или к северу от Брест-Литовска (Бреста). Окончательное решение на развертывание, по мнению Генштаба, зависело от той военно-политической обстановки, которая сложится непосредственно к началу войны. Поэтому в условиях мирного времени считалось необходимым иметь разработанными оба варианта (вот этим-то и запутали все дело! — *А.М.*).

Существенно новым моментом в сентябрьском проекте плана являлось признание, что основным его вариантом следует считать развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой предполагаемых намерений противника, приведенной в плане»¹.

Прежде всего, зачем нужна была постановка вопроса о необходимости иметь два варианта развертывания своих главных сил, да еще и увязывать последующий выбор одного из вариантов в зависимости от складывающейся военно-политической обстановки к началу войны, если уже на момент разработки первого варианта проекта «Соображений...» Генштаб совершенно однозначно прогнозировал, а разведка уже подтверждала (в том числе и впоследствии), что супостаты основные свои силы сосредотачивают на своем левом фланге, то есть супротив ЗапОВО и ПрибОВО?

Если бы письменно четко было указано, что один вариант, «северный», для обороны, а второй, «южный», для контрнаступления, тогда все было бы понятно и никаких вопросов не возникло бы. Потому что если полагаться на то, что предложили Тимошенко и Мерецков — иметь два варианта, но выбрать нужный только к началу войны в зависимости от военно-политической обстановки, — то, простите, времени-то на переброску войск и маневрирование силами уже просто не будет! А Сталин в такие игры не играл. Он любил максимальную

¹ 1941 — уроки и выводы. М., 1992. С. 177—178.

точность и ясность в любых документах и делах, но особо предпочитал заранее тщательно подготовиться.

Скорее всего, осмелюсь высказать (всего лишь) предположение, во время обсуждения у Сталина произошло следующее. На словах, устно вояки заявили, что надо иметь два варианта именно в только что указанных целях и пообещали их разработать. То есть «северный» — для обороны, «южный» — для контрнаступления. Потому Сталин и дал им согласие на отработку двух вариантов. И если честно, то оба варианта действительно отработывались. **Но как?! Вот в чем вопрос.**

Вновь обратимся к приведенным выше картам-схемам, сразу же вспомнив, что они были составлены военными специалистами-историками на основании секретных документов и карт Генштаба 1941 г. специально для публикации в 1992 г. в книге «1941 — уроки и выводы» под грифом «Для служебного пользования». Припомнить это сейчас очень важно.

Коллега по перу и очень дотошный исследователь, а в прошлом профессиональный военный Олег Юрьевич Козинкин в своей очередной и также посвященной анализу наиболее темных сторон кануна войны книге под названием **«Почему не расстреляли Жукова?»** обратил пристальное внимание на одно очень важное обстоятельство. На то, как в уже приведенных выше картах-схемах показаны разграничительные линии между армиями. Оговорив для начала, что вообще-то на военных картах разграничительные линии между армиями должны быть двойными, но поскольку это не военные карты, а всего лишь составленные на их основе карты-схемы (которые составляли, напоминая, военные специалисты-историки; на схемах эти линии выделены), он указал, что по «северному» варианту, согласно которому основные силы противника ожидалось на направлении нашего правого фланга, то есть против ПриОВО и ЗапОВО, разграничительные линии между армиями этих округов уходят в глубь советской территории. Проще говоря, армии этих округов действительно должны были занять именно оборону. Правда, при этом на этих же картах-схемах показан также и более чем нецелесообразный, что было отмечено прямо в «Соображениях...», вариант последующего перехода войск этих округов в контрнаступление против

основных сил противника в направлении Восточной Пруссии и Северной Польши.

А вот по «южному» варианту крутозвездные пошли совершенно другим путем, который и привел к жуткой трагедии 22 июня. При условии, что даже в этом варианте основные силы противника ожидалось все там же, против нашего правого крыла, то есть на направлении ПриОВО и ЗапОВО, разграничительные линии армий КОВО сразу уходят на территорию противника. А уже это в свою очередь, если вспомнить, что написал Захаров, цитируя официальный документ, — «Мощным ударом в направлении Бреслау в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне», — в переводе на более понятный язык означает, что вопреки всем договоренностям, вопреки самой элементарной логике времени от мобилизации и сосредоточения своих основных сил на юго-западном направлении, по «южному» варианту было откровенно запланировано немедленное встречно-лобовое контрнаступление по факту нападения. Причем своими основными силами против не основных сил противника.

И тут начинается едва ли не самое интересное в мемуарах Захарова. Явно отчетливо осознавая, что означает упомянутый им «мощный удар...», Матвей Васильевич с ходу оговаривается, что «...признание, что основным... вариантом следует считать развертывание главных сил Красной Армии к югу от Брест-Литовска. Это утверждение вступало в явное противоречие с оценкой предполагаемых намерений противника, приведенной в плане». И далее констатирует при этом, что именно по такому варианту и была развернута группировка советских войск — «по этому варианту и была развернута Красная Армия к началу Великой Отечественной войны».

Маршал Захаров был очень грамотным, высокообразованным военным и прекрасно понимал, какие обоснованные выводы из всего этого можно сделать. Потому-то далее четко и ясно показал, что в силу совершенно тривиальных в стратегическом смысле причин супостаты не могли разворачивать свои основные силы на юго-восточном

направлении: «...Вариант приложения основных усилий Германии против СССР на Южном стратегическом направлении одно время был вполне допустим. Как стало известно позднее, при разработке фашистского плана нападения на Советский Союз немецкое верховное командование рассматривало подобное предложение, представленное в оперативной разработке генерала фон Зоденштерна 7 декабря 1940 года¹. План Зоденштерна не нашел поддержки у немецкого верховного командования главным образом потому, что Южный театр военных действий, ограниченный Карпатами и Припятскими болотами, имел малую оперативную емкость. Состояние коммуникаций в Венгрии и Румынии не позволяло осуществить своевременное сосредоточение достаточно мощной ударной группировки и внезапное вторжение в пределы СССР, а также обеспечить ее всем необходимым. Пугали Гитлера и ненадежный балканский тыл, а также необходимость преодолевать в ходе наступления многочисленные реки, протекавшие в этом районе с северо-запада на юго-восток. Приведенные мотивы заставили немецко-фашистское руководство придерживаться северного варианта при нападении на СССР, который по всем предъявляемым требованиям имел существенный перевес по отношению к южному»².

Но как тогда он смог бы объяснить, что группировка советских войск была развернута по схеме, приведшей к кровавой трагедии? Захаров вышел из положения оригинально — тем, что сознательно подначил не то Генштаб в целом, не то лично Тимошенко, Мерецкова и Жукова, отметив далее, что **«было бы наивным утверждать, что указанные негативные стороны Юго-Западного театра военных действий оставались неизвестными нашему Генеральному штабу. Скорее всего, их отнесли в то время к числу второстепенных и при оценке обстановки в расчет не приняли»**³.

¹ Захаров ссылался на книгу германского генерала А. Филиппи «Припятская проблема». (М., 1959. С. 40—44).

² Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 181—182.

³ Там же. С. 182.

Но, судя по всему, Захаров осознавал слабость такого аргумента и, увы, в интересах маршальской корпоративной солидарности, далее всерьез согрешил супротив истины. Ибо далее он указал: «Убеждение в “правильности” принятых стратегических решений дополнительно подтверждалось информацией, полученной по каналам Наркомата государственной безопасности СССР в начале апреля 1941 года. В сообщении указывалось, что “выступление Германии против Советского Союза решено окончательно и последует в скором времени. Оперативный план наступления предусматривает... молниеносный удар на Украину и дальнейшее продвижение на восток”»¹.

Сославшись на некую информацию НКГБ СССР, М.В. Захаров имел в виду информационную «СПРАВКУ 1 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР» от 2 апреля 1941 года, которая была составлена на основании сообщения № 106 резидента НКГБ СССР в Берлине Захара (А.Б. Кобулова) и направлена в ГРУ и ГШ. В ней действительно есть такой пассаж со ссылкой на агента Старшину: «По его (Старшины. — А.М.) словам, оперативный план армии состоит в молниеносном внезапном ударе на Украину и продвижении дальше на восток. Из Восточной Пруссии одновременно наносится удар на север. Немецкие войска, продвигающиеся в северном направлении, должны соединиться с армией, идущей с юга, этим они отрезают советские войска, находящиеся между этими линиями, замыкая их фланги. Центры остаются без внимания по примеру польской и французской кампаний. Созданы две армейские группы, которые намечены для выступления против Советского Союза»².

При всем искреннем уважении к маршалу, написавшему одну из самых честных и объективных книг воспоминаний о том, как действовал накануне войны «мозг армии» — Генеральный штаб, — согласиться с этим нет никакой возможности. Потому что здесь он сильно слукавил. И то — как минимум. Более того. Зря он сослался на эту информацию.

¹ Там же.

² ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 236—241. Заверенная копия.

Ведь какой бы ни был Генштаб, то есть вне какой-либо зависимости от того, на самом ли деле он мозг армии или же его прямая противоположность, но там никогда и ни при каких обстоятельствах не поверят в одно сообщение разведки, тем более не прошедшего сито собственной разведки (напоминаю, что перед войной ГРУ было головной разведывательной организацией, куда стекалась вся информация о подготовке Германии к нападению на СССР) и уже тем более не будут делать стратегические выводы на основании всего лишь одного сообщения разведки, особенно столь общего характера.

Высшая алгебра стратегии начинается с самой элементарной арифметики, то есть сколько и каких дивизий противника сосредоточено на таком-то и таком-то направлениях. А если направления имеют еще и объективный, как правило природного происхождения, разграничитель — в данном случае Припятские болота, — то учет переходит в другую плоскость, в плоскость учета сил противника на том или ином крыле (фланге). Именно из таких данных делаются стратегические выводы. А не из одиночного разведывательного сообщения чрезвычайно общего порядка.

Скорее всего, по старинной и «традиционной» маршальской манере Захаров решил тут в очередной раз «приложить» разведку, тем более НКГБ (как будто ГРУ не представляло подобной же ереси?! — к Лубянке вообще и к Берии с Меркуловым и братьям Кобуловым в частности у маршалов было, мягко выражаясь, очень предвзятое отношение...

А зря Захаров сослался на эту информацию потому, что приведенный выше фрагмент из нее — дезинформация. Причем дезинформация, которая была очевидна уже тогда, в апреле 1941 г. Допустим, что Первое управление НКГБ СССР не смогло определить, что это дезинформация, — в конце концов это и не его функция анализировать достоверность военной информации, тем более что все данные по тематике приготовлений Германии к нападению на СССР концентрировались в ГРУ и им же оценивались. Но ведь в ГРУ и ГШ уже давно знали, что супостаты формируют **три** группы армий для нападения и, следовательно, **уже только сам факт упоминания сформированных якобы только двух групп и ударов с двух на-**

правлений — с северо-восточного (в роли вспомогательного) и юго-восточного (в статусе основного) — уже должен был привести к выводу о том, что это дезинформация. Ведь само ГРУ уже давно располагало достоверной информацией о том, что супостаты действительно сформировали три группы армий для вторжения. Этот вывод тем более должен был состояться как категоричный, если учесть, что в своих обобщенных сводках о распределении войск Германии по направлениям ГРУ уже давно показывало и три группировки вермахта, и то, что наибольшая концентрация сил супостатов происходит на направлениях ПриОВО и ЗапОВО. Показывало также и в сводках за апрель 1941 г. Еще одна причина, по которой должен был состояться категоричный вывод о том, что эти сведения — дезинформация, состоит в том, что там упомянута польская кампания как пример. Так вот, именно в польской кампании супостаты били по полякам сразу на трех направлениях. Неужели все это могло проскочить мимо глаз и внимания ГРУ и ГШ того времени?

К слову сказать, М.В. Захаров с таким же «успехом» мог бы сослаться и на другую справку Первого управления НКГБ СССР, от 12 июня 1941 г. с изложением сведений Старшины, который утверждал, что-де «...германское командование будет стремиться путем обхода с севера из Восточной Пруссии и с юга из Румынии создать клещи, которые постепенно будут смыкаться в целях окружения Красной Армии, расположенной на границе Генерал-Губернаторства»¹.

Прежде чем набычиться против приведшего такие данные автора книги и солидаризироваться с М.В. Захаровым, попытайтесь хотя бы только для самих себя вдуматься в то, **что же сообщил агент и как на это должен был отреагировать истинный «мозг армии» — Генеральный штаб.** А сообщил агент — кстати говоря, уже не первый раз, — **что главный удар немцы нанесут в Прибалтике и в Молдавии для того, чтобы окружить советские войска в Украине и Белоруссии.** Вот и попытайтесь теперь хотя бы самим себе объяснить, что тут можно комментировать? Ведь налицо была очевидная глупейшая

¹ ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 430—431. Машинопись, заверенная копия. Цит. по: 1941 год. Т. 2, документ № 539.

дезинформация. Да, нацисты были негодяями и преступниками, коих свет не видывал, но не идиотами в прямом медицинском смысле, чтобы сосредоточить против СССР три группировки армий вторжения, но начать свое нападение на Советский Союз на линии протяженностью более трех тысяч километров только с крайних флангов этой линии, а потом заставить войска каждого фланга топтать по полторы тысячи километров с лишним, дабы окружить группировку советских войск, к примеру, в той же Белоруссии! Ведь они же прекрасно знали, что у СССР три основных приграничных особых военных округа — ПриОВО, ЗаОВО и КОВО. И что же, по-вашему или по мнению того же Захарова, нацисты полагали, что тот же ЗаОВО в соответствии с планом советского командования будет просто так смиренно сидеть и смотреть, как его окружают?! Более того. Зачем тогда они вообще создали третью группу армий — ГА «Центр», как раз супротив ЗаОВО, о чем наш Генеральный штаб знал еще с февраля 1941 г.?! Неужели «мозг армии» — Генеральный штаб — не мог задать себе столь простые, до остервенения элементарно простые вопросы?!

Короче говоря, если во все это вдуматься, то всерьез к такой и вообще подобной информации мог отнестись не «мозг армии», сиречь Генеральный штаб, а только «органическая ненависть к штабной работе», коей во всей ее «красе» отчаянно страдал ни черта не смысливший в политике начальник ГШ Г.К. Жуков¹. Да и то в силу очень специфической причины, о которой скажем чуть ниже.

Так что вовсе не удивительно, что во имя маршальской «корпоративной солидарности» маршал Захаров сильно согрешил, в том числе и потому, что прекрасно знал (ведь сам он был чрезвычайно многоопытным, матерым генштабистом), что не из-за одного сообщения разведки, тем более которое он упомянул, было принято такое решение (кстати говоря, в своих мемуарах он ясно и однозначно показал одну из главнейших причин формирования некоего особого приоритета юго-западного направления в сознании Тимошенко—

---

¹ «Военно-исторический журнал». 1990. № 5. С. 22. О том, что Жуков органически ненавидит штабную работу, его командир, К.К. Рокоссовский, написал еще в 1930 г. в аттестации на Жукова.

Жукова — об этом см. ниже). Не говоря уже о том, что, согласно уже приводившимся апрельской и майской сводкам того же ГРУ, четко и ясно было показано, что в процессе сосредоточения германских войск, как и прежде, в том числе как и летом-осенью 1940 г., отчетливо проглядывалось явное доминирование левого фланга супостатов — там шло наибольшее сосредоточение войск. Между прочим, и до этого в сводках было, очевидно, то же самое.

Не знаю, по каким конкретно причинам, но письменно заявив, что-де «убеждение в “правильности” принятых стратегических решений дополнительно подтверждалось информацией, полученной по каналам Наркомата государственной безопасности СССР в начале апреля 1941 года» и приведя принципиально негодную ссылку на дезинформацию (а почему дезинформация — было показано выше), маршал Захаров, по сути дела, прикрывал одно крайне неприглядное обстоятельство. Его суть в следующем.

Уже после войны и ему, и другим маршалам и генералам стало известно содержание дневников некоторых главных штабистов Третьего рейха, в частности Франца Гальдера — начальника Генерального штаба сухопутных сил Германии, а также генерала пехоты Зоденштерна. А в них, между прочим, очень даже нелицеприятные для Генерального штаба РККА и наркомата обороны, а также лично для Жукова, Тимошенко и Мерецкова факты. Ибо по этим дневниковым записям видно, что главные штабные супостаты Третьего рейха фактически всего за два месяца — февраль и март 1941 г. — вполне однозначно уяснили себе не только характер радикальных перемен в сути дислокации группировки советских войск в приграничных округах (особенно в КОВО), но и характер радикальных изменений в замысле советского командования, а также суть того, что означает этот «неожиданный подарок» нового главы ГШ РККА. Судите сами.

Февраль 1941 г., начальник штаба группы армий «А» (она же первоначально ГА «Краков»), она же в момент нападения на СССР — ГА «Юг»), генерал пехоты фон Зоденштерн: «...если вообще можно говорить о сосредоточении главных сил русских при их тепереш-

ней группировке, то оно находится в Киевском особом военном округе»¹.

Жуков всего один месяц на посту главы Генштаба...

Март 1941 г., начальник Генерального штаба сухопутных сил Германии, генерал-полковник Ф. Гальдер: **«Бросается в глаза скопление войск на Украине... Анализ группировки русских войск [(если отказаться от убеждения, что русские хотят мира и сами не нападут) — в круглых скобках примечание самого Гальдера, и обратите внимание, что в мирных намерениях советской стороны они все убеждены и для допущения иных мыслей им приходилось на время отказываться от этой убежденности. — А.М.] заставляет признать, что их группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление, которое было бы для нас нежелательно»**².

Жуков всего-то два месяца на посту главы Генштаба, и уже, что называется, «приплыли»!

Штабные супостаты Третьего рейха, выходит, фактически точно вычислили и истинное предназначение концентрируемой в КОВО группировки наших войск, и, что хуже всего, направление главного удара в случае немедленного встречно-лобового контрнаступления или, по выражению Гальдера, **«группировка вполне позволяет быстро перейти в наступление»**. Кстати, прошу обратить внимание на эти слова Гальдера, ибо если группировка войск в КОВО была бы действительно сугубо ударно-наступательной, то он так и написал бы — Гальдер был очень опытным генштабистом и хорошо понимал значение и суть разведанных. Да и абвер, к слову сказать, отнюдь не из профанов состоял — как и любая солидная военная разведка, абвер, как правило, весьма быстро и точно устанавливал истинный характер группировок войск противника. По крайней мере, до нападения ему это удавалось. И поскольку Гальдер, опираясь на данные разведки, написал — **«вполне позволяет быстро перейти в наступление»**, — то выходит, что он откровенно допускал, что перед этой группировкой поставлена задача немедленного ответного удара, то

¹ Филитти А. Припятская проблема. М., 1959. С. 155.

² «Военно-исторический журнал». 1959. № 2. С. 82.

есть в формате немедленного встречно-лобового контрнаступления по факту нападения!

Короче говоря, приведя в подтверждение тезиса об **«убеждении в “правильности” принятых стратегических решений...»** именно информацию НКГБ СССР от 2 апреля 1941 г., Захаров фактически прикрывал тот факт, что подобное и четко зафиксированное супостатами сосредоточение основных сил западной группировки РККА в КОВО началось до февраля 1941 г., но при Жукове резко активизировалось. Почему такой вывод? Дело в том, что для того, чтобы большие штабные начальники, тем более такого уровня, как Зоденштерн и тем более Гальдер, зафиксировали в своих дневниках то, что они зафиксировали, они должны были достаточно долго получать от разведки информацию в динамике. Ибо только в этом случае, при накоплении определенной по количеству массы информации, у них могло появиться основание для таких выводов. И поскольку такие выводы впервые появились уже в феврале, а в марте приобрели уже едва ли не категоричный вид, то это означает, что процесс сосредоточения главных сил в КОВО начался задолго до февраля. Ведь просто так перебросить огромные массы войск, тем более с вооружениями, да еще и в зимнее время, да при том, что на территории Западной Украины железнодорожная сеть в то время отличалась малой пропускной способностью, — невозможно. Значит, этот процесс начался задолго до февраля. А вот уже при Жукове этот процесс был резко активизирован. Так как в марте выводы Гальдера были действительно практически на грани категоричных.

А сама суть нелицеприятности и даже неприглядности такого факта состоит в том, что, вопреки указанию Сталина разработать два варианта сосредоточения основных сил, высшие вояки, воспользовавшись тем, что «Соображения...» утверждены, а обещания розданы, попросту стали нагонять войска в КОВО по своему, не согласованному с высшим советским руководством плану, что и было зафиксировано супостатами. **Нагонять войска туда, где сами же не прогнозировали главный удар.** И это при том, что еще с лета-осени 1940 г. ГРУ однозначно фиксировало доминирование сосредоточения германских войск на направлении ПрибОВО и ЗапОВО, в том числе

и на основании регулярно представлявшихся данных разведки пограничных войск НКВД СССР.

Именно отсюда родом и сообщения разведки о большой удовлетворенности гитлеровского командования тем, что главные силы приграничной группировки Красной Армии сосредотачиваются на направлении запланированного ими главного удара левым крылом, то есть не в ПриОВО и не в ЗаОВО, а против их правого крыла, то есть на плацдарме КОВО.

Но это еще не все. Практически одновременно главный штабной супостат Третьего рейха, судя по всему, вычислил и один из основных по вредоносности элементов немедленного по факту нападения встречно-лобового контрнаступления. В своем дневнике Гальдер отметил, что **«русские полны решимости удерживать свои границы»**¹. Обратите внимание, что не просто полны решимости дать отпор, о чем Москва и так открыто заявляла, а именно же удерживать границы. Естественно, что плохо не то, что Гальдер зафиксировал это. В конце концов, в мире нет ни одного государства, которое не было бы преисполнено такой решимости, ибо это принципиальнейший вопрос его суверенитета.

Плохо то, что к весне 1941 г. Гальдер фактически точно вычислил отказ советского командования от использования принципа «активной обороны» и переход на «жесткую оборону» (по Тимошенко—Жукову — «упорная оборона») на линии госграницы и в прилегающей к ней приграничной полосе.

Комментарий. *Небезынтересно заметить, что из записи в дневнике от 24 июня 1941 г. четко видно, что начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Франц Гальдер расценил «наличие многочисленных запасов» — обратите особое внимание на то, что даже в приграничной полосе, то есть там, куда их выдвинули с санкции Жукова, — как факт того, что «русские с самого начала планировали ведение упорной обороны пограничной зоны и для этого создали здесь базы снабжения»*². Эта запись

¹ «Военно-исторический журнал». 1959. Т. 2. С. 82.

² Гальдер Ф. Военный дневник. М., 2005. С. 33.

в дневнике Гальдера означает непосредственное подтверждение со стороны противника, что у нас действительно произошла негласная и незаконная подмена и принципа обороны и, самое главное, сути официального плана отражения агрессии. Ибо запись Гальдера — суть свидетельства того, что вместо активной обороны, запланированной еще мудрым Б.М. Шапошниковым, у нас появилась упорная оборона на линии госграницы! Само собой разумеется, что Гальдер не знал и не мог даже предполагать, какой смысл он должен вкладывать в свои слова «с самого начала». Он всего лишь зафиксировал сей факт наличия мобскладов вблизи от погранзоны, каким он и был описан в донесениях командующих передовыми группировками вторжения, а те в свою очередь увидели то, что увидели. Но мы-то знаем, что и как произошло.

Но в том-то и дело, что одновременно это явилось для супостатов и одним из серьезных доказательств того, что **советское командование само намерено использовать один из главнейших компонентов стратегии блицкрига — постулаты доктрины воздушной войны Дуэ** (еще в 30-е годы раскритикованной советскими военными теоретиками за непригодность для условий СССР; кстати, и сам Дуэ также четко показывал, что это стратегия не для повсеместного употребления), что достаточно явно вытекало из **фиксировавшегося абвером характера дислокации авиации советских армий прикрытия**. Ведь в те времена только этой доктриной предусматривались жесткие оборонительные действия сухопутных войск на линии границы, пока собственная авиация громит противника. Именно в таком виде суть этой доктрины переключалась и в советскую теорию глубокой операции, причем именно в «редакции» Тухачевского, но не подлинного ее автора — Триандафилова.

Справка. Вот выдержка из совместно с Уборевичем подготовленной докладной на имя Ворошилова: «Опыт показывает... Та сторона, которая не будет готова к разгрому авиационных баз противника, к дезорганизации систематическими воздушными нападениями его железнодорожного транспорта, к нарушению его мобилизации и сосредоточения многочисленными авиадесантами,

к уничтожению его складов горючего и боеприпасов, к разгрому неприятельских гарнизонов и эшелонов быстрыми действиями мехсоединений... сам рискует подвергнуться поражению»¹. Не знаю, на чей опыт ссылался этот «стратег», — ведь в то время еще не было никаких войн, боевые действия противоборствующих сторон в которых могли бы убедительно свидетельствовать об этом, — но вся суть его концепции состояла в том, что пока авиация занимается подобными делами, сухопутные войска держат жесткую оборону на линии границы «узкой лентой» статического фронта, то есть при низкой оперативной плотности войск и вооружений, к тому же при неглубоко эшелонированной обороне. Потому что венцом его концепции была теория о необходимости заранее на флангах сосредоточить армии вторжения для срыва мобилизации противника. Но ведь именно такое сосредоточение основных сил прикрытия и вело к возникновению статического фронта «узкой лентой».

После войны Гальдер от души приложил наш Генштаб, констатируя, что «русское командование потерпело сокрушительное поражение со своей ставкой на “жесткую оборону”»².

Проще говоря, главный штабной супостат Третьего рейха отчетливо увидел ставку нашего высшего военного командования на статический фронт «узкой лентой» при неглубоко эшелонированной обороне, что и имело место быть 22 июня 1941 года! Кстати говоря, отсюда и последующая полная уверенность гитлеровского командования в успехе молниеносного разгрома приграничной группировки РККА, отсюда же и сообщения нашей разведки о том, что оборона на границе очень слаба, потому как не эшелонирована глубоко. Между прочим, подобные сообщения, как правило, Сталину не докладывались под предлогом сомнительности представивших их источников.

¹ Тухачевский — Уборевич — Ворошилову. 10 февраля 1934 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 400. Л. 125. Тухачевский об авиационной доктрине, 6 марта 1935 г. // РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 632. Л. 31—44.

² Приводится по: Орлов А. Сталин: в преддверии войны. М., 2003. С. 407.

Однако информация об этом не единожды поступала в ГРУ и ГШ. И хотя такая информация поступала не только от закордонных источников военной разведки, но и от агентуры советской внешней разведки, в данном случае специально — дабы показать истинное значение поступавших от него сведений, — приводится информация Р. Зорге как подтверждающая изложенные выше тезисы.

2 мая 1941 г. Зорге сообщил, что, по мнению германских генералов, «система обороны (СССР. — А.М.) на германо-советской границе чрезвычайно слаба»¹.

6 мая 1941 г. Зорге вновь сообщил, что «немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба»². Пометы на документе: «НО-9. Дать в 5 адресов (без вычеркнутого). Голиков. 6.05.41 г. НО-9. Включить в выписки. Голиков. Разослано согласно резолюции. 7.05.41 г. Заверенная копия».

А вычеркнуто было как раз то, что и процитировано выше. Причем аналогичная судьба была и у приведенной информации от 2 мая. Сталину такую информацию не докладывали.

19 мая 1941 г. Зорге информировал о том, что «стратегическая схема нападения на Советский Союз будет взята из опыта войны против Польши»³. Информация фактически проигнорирована самим ГРУ. Парадоксально, но факт, что в это же время всерьез нависли тучи над головой упоминавшегося выше Г.С. Иссерсона. Больно уж символичное совпадение...

1 июня 1941 г. Зорге сообщил, что **наиболее сильный удар вермахт нанесет левым крылом.** Увы, но и в этом случае начальник ГРУ ничтоже сумняшеся принял решение не докладывать об этом Сталину под предлогом, что-де информация сомнительная и от сомнительного источника! Вот текст этой телеграммы Р. Зорге:

¹ ЦА МО РФ, Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 683—684.

² ЦА МО РФ, Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 340—341.

³ Там же.

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Токио, 1 июня 1941 г.

Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолль привез с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займет пост военного атташе. **Отт заявил, что он не мог получить информацию по этому поводу непосредственно из Берлина, а имеет только информацию Шолля.** В беседе с Шоллем я установил, что немцев в вопросе о выступлении против Красной Армии привлекает факт большой тактической ошибки, которую, по заявлению Шолля, сделал СССР.

Согласно немецкой точке зрения, тот факт, что оборонительная линия СССР расположена в основном против немецких линий **без больших ответвлений**, составляет **величайшую ошибку**. Он поможет разбить Красную Армию в первом большом сражении. **Шолль заявил, что наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.**

№ 1366 137. Рамзай. Перевел Добровинский».

Резолюция НУ: «НО—3. Напишите Рамзаю следующий запрос: “Прошу сообщить: 1) Более понятно сущность большой тактической ошибки, о которой Вы сообщаете, и 2) Ваше собственное мнение о правдивости Шолля насчет левого фланга”. Голиков. НО—3. В перечень сомнительных и дезинформационных сообщений Рамзая. Голиков»¹.

Во-первых, что сомнительного там могло быть, когда пять месяцев кряду шла информация о том, что из **трех** группировок вторжения — **две именно на левом крыле?!** Ведь в тот же день, 1 июня, выходила и сводка ГРУ, в которой четко и во всевозможных подробностях было прописано о каждой из группировок вермахта, и уже слепому должно было быть видно, что на левом крыле у супостатов (серьезный) перевес сил, о чем уже говорилось выше, и что свидетельствовало:

¹ Цит. по: *Гаврилов В., Горбунов Е.* Операция Рамзай. М., 2004. С. 364. Все подчеркивания в тексте телеграммы сделаны рукой начальника ГРУ Ф. Голикова. Выделение жирным цветом — *А. М.*

а) о направлении главного удара; б) что Зорге прав, сообщив о наиболее сильном ударе левым крылом! Ведь сам ГШ так и прогнозировал с самого начала. И прогноз свой не менял.

Во-вторых, не отрицая того факта, что Зорге, увы, весьма коряво написал (но, быть может, не менее коряво и перевели на русский язык?), однако в этой информации в общем-то достаточно прозрачный намек на то, что советская оборона недостаточно глубоко эшелонирована. Почему же информация была проигнорирована?

20 июня 1941 г. Р. Зорге информировал о том, что «**стратегические оборонительные позиции до сих пор еще более небоеспособны, чем это было в обороне Польши**»¹. Сталину опять не докладывали.

Наконец, 3 июля 1941 г. от Зорге поступила телеграмма с уточнениями, которые потребовало руководство ГРУ:

«НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

ТОКИО. 3 июля 1941 г.

Теперь уже поздно Вам отвечать на вопрос в отношении удара левым флангом и некоторых тактических ошибок. Подполковник Шолль сказал тогда что **первый и главный удар будет нанесен немцами по Красной Армии их левым флангом. Немцы полностью уверены, что главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии дающей полную возможность для сильного удара. Немцы очень опасались, что Красная Армия в порядке осведомления главного удара отступит на некоторое расстояние, чтобы изучить силы противника и предпримет кое-что в стороне от направления главного удара.** Главная цель немцев — это уничтожение Красной Армии, охватом ее как это было с польской армией. Германский военный атташе сказал мне, что японский Генштаб наполнен деятельностью с учетом наступления немцев на большого противника и неизбежностью поражения Красной Армии... РАМЗАЙ».

¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесюна. СПб.-М., 2000. С. 121.

Резолюция НУ: «НО-4... 3) Доложите, сколько времени он не дал ответа на наше требование о левом фланге и саму телеграмму. Голиков...»¹

Комментарий. Что касается подозрений в адрес Зорге, то, хотя это предмет отдельного, особо тщательного рассмотрения, здесь необходимо указать, что данное обстоятельство вовсе не мешало тому же Голикову докладывать Сталину информацию Зорге по другим вопросам, в том числе и без указания, что источник якобы сомнительный. Ведь по все вопросам мировой политики, особенно политики Японии, Германии, США и Англии на Дальнем Востоке, информация Зорге докладывалась Сталину практически без купюр и без указания на то, что-де он сомнительный источник. Исходя из практики разведывательной деятельности не могу не отметить, что доклад информации конкретного разведчика первому лицу государства — это не рядовое событие. Это признак высокого доверия и самой разведки, и особенно адресата, которому докладывается информация, к разведчику. Не говоря уже о том, что подобное не так уж и часто бывает в жизни конкретного разведчика. Иные, весь срок службы отслужив в разведке, ни разу не имели чести доложиться руководству страны, тем более первому лицу государства.

Есть пара весьма любопытных свидетельств в отношении Р. Зорге, точнее, об отношении Сталина к Зорге. Ветеран советской военной разведки, генерал-майор в отставке М. Иванов, который молодым офицером пришел в 1940 г. в центральный аппарат РУ и работал в его Восточном отделе, в своих воспоминаниях указал, что в одну из ночей (это было в 1940 г.) по указанию личного секретаря И.В. Сталина Поскребышева личное дело Зорге было доставлено Иосифу Виссарионовичу для просмотра². Это свидетельство означает, **во-первых**, что Сталин прекрасно знал, кто стоит за псевдонимом Рамзай. **Во-вторых**, очевидно же, что Сталин хотел лично удостовериться в справедливости и объективности тех оценок, которыми ГРУ наделяло Зорге как сомнительного источника.

¹ Дело Рихарда Зорге: Неизвестные документы / Публ., вступ. ст. и комм. А.Г. Фесяна. СПб.-М., 2000. С. 121.

² «Азия и Африка сегодня». 2000, № 2. С. 48.

В-третьих, это означает также и то, что он не доверял этим оценкам. **В-четвертых**, учитывая то, что информацию Зорге ГРУ и впредь докладывало Сталину, особенно по вопросам международной политики Японии, Германии, США и Англии, то это означает, что именно Сталин так приказал. Короче говоря, сумасбродным оценкам Зорге как сомнительного источника он действительно не поверил. **В-пятых**, судя по всему, Сталин затребовал дело Зорге именно тогда, когда разрабатывалась операция «Снег», о которой говорилось выше.

Не менее любопытно и иное свидетельство того же генерал-майора М. Иванова: «У Сталина тогда (после 22 июня 1941 г. — А.М.), по всей видимости, мнение о Зорге переменилось. Уже после начала войны, по словам Голикова, он дважды спрашивал его: “А что пишет ваш немец из Токио?” В свою очередь бывший начальник политотдела РУ ГШ РККА, бригадный комиссар И.И. Ильичев (один из руководителей ГРУ. — А.М.) позже в конфиденциальной беседе со мной говорил: “И.В. Сталин как-то в присутствии маршала А.В. Василевского сказал, что в Японии военная разведка имеет разведчика, цена которого равна корпусу и даже армии”»¹.

Тут надо бы чуть-чуть подправить генерала М. Иванова. Дело в том, что он выставил Сталина как человека, который подвержен резким изменениям в своих оценках кого-либо или чего-либо. Но это никак не соответствует действительности, потому что Сталин не был ветреной девицей, которая меняет свои убеждения день ото дня. Он был и человеком, и государственным деятелем с очень твердыми, действительно стальными, принципиальными убеждениями, которые от случая к случаю не складываются — они формируются достаточно долго, но уж если сформировались, то ничто не могло разрушить их. Так что если Сталин и впрямь такое сказал, то, как говорится, не только честь и хвала ему за то, что он отдал высшую дань справедливости разведчику, но такое убеждение у него сформировалось явно до 22 июня. Ведь Сталин благодаря информации именно Зорге за несколько месяцев до нападения Германии практически полностью отвел Японию от искушения напасть на СССР в коалиции с Германией. Как же он мог не верить и не доверять такому

¹ «Азия и Африка сегодня». 2000, № 4. С. 27, 29.

разведчику? А то, что он произнес эти слова после 22 июня, не более чем повод высказать свою положительную оценку — ведь информация Зорге в немалой степени способствовала, наряду с информацией внешней разведки, тому, что стала возможной переброска войск и вооружений из Сибири и с Дальнего Востока к Москве. Генерал Иванов, судя по всему, просто подыграл политической конъюнктуре постсоветской России...

Но вернемся к информации Зорге со ссылкой на Шолля. Сейчас мы не будем анализировать, почему он сразу не сообщил то, что сообщил уже 3 июля по запросу руководства ГРУ. Вполне возможно, что что-то помешало ему сразу это сделать. Да и радиоконтрразведывательный режим в Японии в то время был резко усилен, и его радист не мог подолгу «висеть» в эфире. Куда важнее иные обстоятельства, изложенные в тех двух телеграммах.

Во-первых, подозрения на то, что Шолль привез с собой масштабную дезинформацию, едва ли будут всерьез оправданы. В крайнем случае всего лишь на очень мизерную долю, потому как даже послу не сообщили конкретную дату нападения Германии на СССР. На этот счет послу была сообщена информация достаточно общего характера, хотя и не без некоторой дезинформирующей конкретизации даты. А в остальном-то все точно. Но даже не это важно.

Важно и, во-вторых, вот что. Явно специально Зорге указал, что Шолль выехал из Берлина **6 мая**. Следовательно, последний шанс, когда он мог что-то узнать от своих коллег в Берлине, мог иметь место только пятого мая. Но и то вряд ли, ибо накануне отъезда наверняка, по заведенной во всем мире традиции, явно «проставлялся» своим друзьям за отъезд. Значит, самое позднее 4 мая. Так вот, если Шолль не позднее 4 мая узнал то, что рассказал послу, а тот Зорге, то выходит, что он, Шолль, услышал краткое резюме аналитической оценки абвера и германского Генерального штаба о советских оборонительных мероприятиях. Но для того, что бы сформировалась такая аналитическая оценка абвера и германского ГШ о советских оборонительных мероприятиях, и тем более чтобы эта оценка вышла за пределы тех кабинетов, в которых она сформировалась, нужно время, и немалое. Более того. Необходимо было заранее располагать

обширной и детальной информацией, чтобы затем ее проанализировать и сделать те самые аналитические выводы, которые Шолль и услышал в Берлине. На что тоже нужно время. Следовательно, самое позднее, когда в соответствующих кабинетах абвера и германского ГШ началось формирование таких аналитических выводов, это середина — максимум начало третьей декады апреля 1941 года. А вот это, в свою очередь, и означает, что не позднее чем к середине апреля 1941 г. супостаты уже едва ли не с абсолютной точностью разобрались с тем, что натворили Жуков и Тимошенко, негласно и незаконно реализуя свой «безграмотный сценарий вступления в войну»! Потому-то и радовались, так как только в этом случае могли добиться грезившегося им успеха. **Вот так-то! Еще бы после этого Зорге не попасть в разряд сомнительных источников!..**

А теперь еще раз вернемся к выводам Гальдера. Именно после приведенных выше выводов Гальдера, а также опираясь на данные абвера, А. Гитлер с полным на то основанием констатировал на совещании 30 марта 1941 г. явный отказ советского командования от использования «активной обороны», которое только и предполагало возможность организованного отхода (в терминах Гитлера от 9 января 1941 г. — «фронтальное оттеснение» советских войск, от чего он еще тогда предупреждал своих генералов¹), чего в тот момент он больше всего и боялся. Вот что тогда заявил Гитлер своим генералам, располагая данными своей разведки: **«Вопрос о русском отходе: маловероятен, т.к. русские связаны с Прибалтикой и Украиной. Если русский задумает отступить, он должен сделать это весьма заблаговременно, иначе не сможет отойти, сохраняя боевые порядки»²**. Хуже того, Гитлер тогда особо категорично потребовал от своих генералов самых решительных прорывов самыми максимальными силами при самой максимальной их концентрации на решающе ключевых, по мнению германского командования, участках! Вот его слова: **«...Бескрайние просторы территории (России. — А.М.)**

¹ *Дашичев В.И.* Стратегия Гитлера. Путь к катастрофе. 1933—1945. Исторические очерки, документы, материалы. В 4-х томах. Том. 3. М., 2005. С. 95.

² Из военного дневника генерал-полковника Франца Гальдера. Публ. Г.-А. Якобсена в его книге «1939—1945. Вторая мировая война»: Пер. с нем. М., 1995. С. 142.

делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. **Массированное использование авиации и танков на основных направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район; в начале войны она сможет установить свое господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому ее использование должно проводиться в теснейшей связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации»¹.**

И уж тем более вовсе не случайно, что тогда же, в марте 1941 г. от Альты поступило сообщение, в котором она информировала, что **«...некоторые (имелись в виду военные. — А.М.) высказывают удовлетворение этой концентрацией (советских войск на границе, преимущественно в Белостокском и Львовском выступлениях. — А.М.), так как считают, что русская армия не в состоянии будет отступить и поэтому... удастся осуществить против нее Канны»²**

Потому что супостаты ясно уразумели, что при такой дислокации советских войск, тем более при всех тех, указанных выше «особенностях» ее «специфических странностей», удар через вполне очевидные бреши в «узкой ленте» статического фронта (*при низкой и тем более очень низкой оперативной плотности войск они образуются сами по себе*) будет столь чудовищно мощным, что хватит и тех сил, что были выделены для нападения, хотя прекрасно знали о многократном превосходстве РККА в количестве боевой техники! Хуже того. Ведь они уже в марте сообразили, что вполне реализуем вариант Канн!

То обстоятельство, что за столь короткий срок главным штабным супостатам и даже самому Гитлеру удалось прийти к таким стратегическим выводам, в конечном итоге означает, что уже во времена Тимошенко—Мерецкова началось не только протаскивание идеи немедленного — по факту нападения — встречно-лобового контрнаступления своими основными силами против неосновных сил противника, но и фактическая подготовка к таким незаконным действиям,

¹ «Военно-исторический журнал». 1959, № 2. С. 81.

² Лота В. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 303.

а при Жукове это процесс был настолько резко активизирован, что уже в марте с германской стороны последовали такие выводы.

Вот тот самый пункт, в котором они откровенно обманули Сталина и Молотова, получив в результате согласие на значительное усиление КОВО. Потому что предложив два варианта — один для обороны, другой для контрнаступления, они в итоге фактически сознательно запутали все, но и сами тоже запутались, естественно. Двойные стандарты еще никого до добра не доводили. И вовсе не случайно ближайший соратник Сталина Молотов охарактеризовал мемуары Жукова следующим образом: **«Жуков снимает с себя ответственность за начало войны, но это наивно. И не только снимает, он путается»**¹. Да, так оно и есть — они и в самом-то деле сами запутались, но зато вплотную занялись и до последнего дня занимались только подготовкой к реализации своей более чем неуместной затеей с немедленным — по факту нападения — встречно-лобовым контрнаступлением с плацдарма КОВО, куда упрямо закачивали гигантские силы, прекрасно зная, что против этого округа сосредотачивались отнюдь не главные силы супостатов. Итог хорошо известен...

Но вот в чем курьезная незадача-то — **«... замысел, основанный на идее нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны, требовал точного учета сил и планов противника»**².

Конечно, абсолютно всей полнотой данных о планах противника наш ГШ не располагал — по крайней мере на сегодня эта точка зрения является официальной и пока не оспариваемой. Да и, честно говоря, невозможно знать все абсолютно, не говоря уже о том, что чем шире круг знаний, тем больше очевидно незнание. Однако же все-таки располагали немалым и, как представляется, вполне достаточным для адекватного реагирования количеством необходимых данных, о чем говорилось в предыдущих главах. И эти данные, даже при не очень значительных усилиях мыслительного аппарата, позволяли сообразить, что **замысел, основанный на идее нанесения мощного контрудара, а не отражения агрессии путем ведения обороны,**

¹ Чувев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1991. С. 50.

² 1941 год — уроки и выводы. М., 1992. Цит. по: <http://militera.lib.ru/h/1941/index.html>

действительно всерьез чреват чрезвычайно негативными последствиями, не говоря уже о том, что откровенно противоречил официальному плану отражения агрессии. А уж о «странной специфике» дислокации сосредотачиваемых и развертываемых войск и говорить-то не приходится.

Ну скажите на милость, много ли ума надо, чтобы понять, что если доминирование в количестве сосредотачиваемых войск противника приходится на его левое крыло, то, следовательно, это и есть направление главного удара?! Тем более, что и сами прогнозировали точно так же. И прогноз не менялся!

Более того, много ли ума требуется для того, чтобы осознать, что коли направление главного удара противника приходится на правый фланг советских войск, то в случае прорыва там нашей обороны прорвавшиеся войска противника, повернув при необходимости на юг, могут так дать поддых рванувшей в немедленное по факту нападения встречно-лобовое контрнаступление с Юго-Западного плацдарма группировке советских войск, что катастрофа будет неминуема. Ведь этот удар поддых запросто просчитывался — ударить могли как войска противника, действовавшие на направлении главного удара, развернувшись на юг, так и войска группы армий «Юг», повернув на север. А ведь о существовании и силах этой группы армий в нашем ГШ не только прекрасно знали, но и умышленно выпячивали и преувеличивали ее значение, в том числе и при помощи информации военной разведки, которую Сталину докладывал лично Жуков. Ведь командование немецкой группировки ГА «Юг» не сидело бы сложа руки, наблюдая, как красные понеслись в самоубийственное немедленное встречно-лобовое контрнаступление. Оно всеми силами и средствами ускорило бы это самоубийство. Проще говоря, запросто могли бы устроить очередные Канны для любителей бездумно нестись за бугор наказывать супостатов. Кстати говоря, нечто подобное и случилось уже после нападения, когда Гитлер приказал в августе 1941 г. повернуть часть войск ГА «Центр» на юг в целях окружения и окончательного разгрома нашего Юго-Западного фронта. В результате произошла одна из самых кровавых катастроф в дебюте войны — катастрофа Киевского «котла». А до того это самое «мощным уда-

ром...», который и попытался 23 июня реализовать Жуков, накрылось таким медным тазом, что советские войска на Юго-Западном фронте чуть ли не в мгновение ока потеряли едва ли не подавляющую часть своих танковых сил.

Любопытно в этой связи вот еще что. Вновь обратимся к мемуарам М.В. Захарова: «Характер оперативно-стратегических взглядов работников... *(почему здесь поставлено отточие, поясню ниже)* достаточно рельефно выражает **представленная в Генштаб в декабре 1940 г. «Записка по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год»** за подписью **начальника штаба Киевского военного округа генерал-лейтенанта М.А. Пуркаева**. В разделе “Военно-политическая обстановка и оценка противника” указывалось, что “ввод немецких войск в Румынию и Финляндию, сосредоточение к границам СССР более 100 дивизий и направление политических и стратегических усилий на Балканы (группа генерала Бласковца и группа генерала Рейхенау), наличие германо-итало-японского союза и появление итальянских (видимо, имелось в виду немецких. — *М. Захаров*) дивизий в Румынии следует рассматривать не только как мероприятия, направленные против Англии, но и как мероприятия, которые могут обратиться своим острием против СССР.. Такое положение на Балканах создает для Германии благоприятные условия: а) использование взаимодействия с европейским союзником — Италией; б) использование военно-экономических ресурсов Балканских государств (в первую очередь нефти) и их вооруженных сил (в первую очередь Венгрии и Румынии); в) использование плацдарма для вторжения на богатую сельским хозяйством и промышленностью территорию УССР”. Отсюда делается вывод, что основные усилия Германии будут нацелены против Юго-Западного фронта, а значит, “здесь следует ожидать главный удар объединенных сил противника”. Возможность наступления немцев из Восточной Пруссии и района Брест-Литовска не отвергалась, но считалась маловероятной, поскольку Германия будет держать значительные силы против Юго-Западного фронта, чтобы не допустить его наступления на юге с целью разорвать связи гитлеровцев с Балканскими государствами.

Таким образом, оценивая сложившуюся к тому времени группировку германской армии и не приняв во внимание имевшиеся сведения о ее временном характере, Военный совет Киевского военного округа (на военное время округ становился Юго-Западным фронтом) приходил к заключению, что «на ближайший отрезок времени группировка против СССР будет создаваться из существующей, характерной наличием крупных сил на Балканах и на юге Германии». Считалось, что против Юго-Западного фронта фашистский блок выставит 135—160 пехотных дивизий, 14 танковых соединений, 14—16 тыс. самолетов и 15 тыс. орудий»¹.

Несмотря на то, что упомянутая записка была подписана Пуркаевым, в действительности автором этой идеи являлся лично командующий КОВО генерал Г.К. Жуков. Именно он-то и пытался подsunуть наверх идею о том, что главный удар супостаты будут наносить на юго-восточном (для СССР — юго-западном) направлении и потому, мол, необходимо предельное усиление КОВО. Хотя в то время никаких оснований для таких выводов не было не только у штаба КОВО, но и даже у ГРУ. Просто потому, что не поступала такая информация. Поступала лишь информация о доминирующей активности супостатов на направлениях ПриОВО и ЗаОВО.

Комментарий. Почему здесь поставлено отточие?

Дело в том, что к марту 1941 г. в высшем эшелоне руководства наркомата обороны уже окончательно оформилась так называемая «киевская мафия». Проще говоря, клан генералов — выходцев из Киевского Особого военного округа. Вообще-то, она стала складываться еще с середины 1940 г., когда наркомат обороны возглавил С.К. Тимошенко. «...А эти люди, вполне естественно, привыкли работать в интересах своего региона и знали его особенности лучше, чем другие оперативные направления. После назначения наркомом обороны бывшего командующего КОВО С.К. Тимошенко он тут же пригласил бывшего начальника штаба этого округа Н.Ф. Ватутина на должность начальника Оперативного управления Генерального штаба, начальника мобилизационного отдела штаба КОВО генерал-майора Н.Л. Никитина на должность начальника Мобилизационного управления Генерального штаба. Бывший ко-

¹ Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 180—181.

мандир механизированной бригады и начальник автобронетанковых войск КОВО И.Я. Федоренко становится начальником Автобронетанкового управления РККА. Бывший командующий 6-й армией КОВО Ф.И. Голиков становится начальником Главного разведывательного управления (на тот период правильно Разведывательного управления. — А.М.) и заместителем начальника Генерального штаба. Бывший член Военного совета КОВО корпусной комиссар С.К. Кожевников назначается на должность военного комиссара Генерального штаба. Эти люди пользуются особым расположением наркома...»¹ А каждый из выдвигенцев Тимошенко, естественно, потащил за собой своих людей. И тоже непосредственно из КОВО или из числа выходцев из КОВО. Кстати говоря, именно члены «киевской мафии» были в первую очередь представлены на переаттестацию для присвоения введенных тогда генеральских званий.

Именно «киевская мафия» в конце концов и выдавила из Генерального штаба двух его начальников. Сначала Б.М. Шапошникова, а затем и К.А. Мерецкова, которые в одиночку, естественно, не могли противостоять целому клану, каждый из представителей которого спокойно обходил начальника ГШ и выходил прямо на наркома. Кстати говоря, обратите внимание, что Сталину, судя по всему, не очень-то понравилось, что Тимошенко стал тянуть едва ли не всех подряд из Киевского округа. И начальником ГШ вместо выдавленного Тимошенко Шапошникова поставил Мерецкова, не относившегося к «киевской мафии». Правда, и этот долго не засиделся на посту главы «мозга армии». Тоже «ушли» (явно не без желания самого Мерецкова — судя по всему, у него хватило ума понять, что затеянная Тимошенко игра со странным выбором направления главного удара супостатов добром не кончится. И Мерецков, подыграв Тимошенко, сделал все, чтобы его сняли с поста начальника ГШ. Правда, не помогло — в самом начале войны он был арестован, а вот как он оказался на свободе, да еще и получил под свое командование фронт, — вот загадка так загадка)...

«Проходит совсем немного времени, и на должность начальника Генерального штаба вместо К.А. Мерецкова назначается

¹ Рунов В.А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009. С. 99. Рунов опирается на мнение Маршала Советского Союза М.В. Захарова.

командующий КОВО генерал Г.К. Жуков. Он делает своим первым заместителем Н.Ф. Ватутина, а на освободившуюся должность начальника Оперативного управления Генерального штаба назначается заместитель начальника штаба КОВО генерал-майор Г.К. Маландин. На должность начальника укрепленных районов РККА приходит начальник укрепленных районов КОВО генерал-майор С.И. Ширяев. М.В. Захаров (Маршал Советского Союза. — А.М.) пишет: “Сотрудники, выдвинутые на ответственную работу в Генштаб из Киевского Особого военного округа, в силу своей прежней службы продолжали придавать более важное значение Юго-Западному направлению. При оценке общей военно-стратегической обстановки на Западном театре войны их внимание, на наш взгляд, невольно приковывалось к тому, что “прикипело к сердцу”, длительно владело сознанием и, естественно, заслоняло собой и отодвигало на второй план наиболее весомые факты и обстоятельства, без которых нельзя было воспроизвести верную картину надвигавшихся событий. Подобный метод подбора руководящих работников Генерального штаба нельзя признать удачным, — делает вывод М.В. Захаров, сам в недавнем прошлом также работник штаба КОВО. — Никакого повода или веских оснований к широкому обновлению его в условиях приближавшейся войны, да к тому же лицами, тяготевшими по опыту своей прежней деятельности к оценке обстановки с позиций интересов командования Юго-Западного направления, не было”»¹.

Отметим также еще одну, не менее уникальную сторону процесса формирования «киевской мафии». Когда военная контрразведка была передана в ведение наркомата обороны, то руководящие посты в 3-м Управлении НКО заняли... выходцы из Особого отдела Киевского округа! Ставший начальником 3-го Управления комиссар государственной безопасности 3-го ранга Анатолий Николаевич Михеев — до этого назначения служил в КОВО², его заместитель, Федор Яковлевич Тутушкин, также выходец из КОВО³.

¹ Рунов В.А. 1941. Первая кровь. Перелом истории. М., 2009. С. 99; Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 180.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 38.

³ Там же. С. 207.

Проще говоря, военная контрразведка оказалась в руках не просто абстрактного армейского генералитета, а в самом прямом смысле слова в руках чекистских генералов — членов «киевской мафии». Вот это была ситуация, когда, выражаясь современным языком, у генералов было не просто все схвачено, а железно все схвачено. Мало того, что военная контрразведка передана в подчинение наркомата обороны, так она еще и в руках тех генералов-чекистов, которые служили вместе с армейскими генералами в КОВО. Спайка подобного типа чрезвычайно опасна для государства. Ибо ей фактически нет противовеса. Впрочем, один противовес все-таки всегда существует, но к нему лучше не прибегать...

*А теперь о наиболее примечательном, в том числе и в словах маршала М.В.Захарова. **Во-первых**, процитированное выше четко и прямо указывает на одно из главнейших обстоятельств, откуда реально «ноги растут» у незаконно возникшего приоритета юго-западного направления, несносная антисталинская бодяга о чем фигурирует абсолютно во всех исследованиях о начале войны, чем и прикрывается до сих пор подмена приоритета белорусского направления, фигурировавшего в единственном официальном плане. Как в ракурсе определения наиболее вероятного направления главного удара вермахта, так и направления сосредоточения основных сил западной группировки РККА для обороны. Если по-простому, то все это, как говорится, и со своей стороны тоже свидетельствует о том, что никакого специального указания Сталина насчет особого приоритета юго-западного направления как наиболее предпочтительного для Гитлера и его генералов **не было**. Это крутозвездные выдумали уже после войны, после смерти Сталина и после проклятого XX съезда КПСС. А то что КОВО дополнительно укрепляли — так оно было правильно. Округ-то самый большой был на западных границах, а удельный вес Украины в советской экономике того времени, в том числе и в ВПК, был очень велик. Да и геополитическое значение Украины не меньше, чем Белоруссии. Так что не усиливать дополнительно оборону такого важнейшего с военно-экономической и военно-политической точек зрения региона было недопустимо. Не говоря уже о том, что и контрнаступление по официальному плану планировалось именно с плацдарма и силами КОВО.*

Проведший тщательный анализ предвоенных планов Жукова уважаемый коллега О.Ю. Козинкин отметил в этой связи, что **«похоже, Сталина к декабрю 40-го никак не могли убедить в необходимости нашего ответного флангового удара из КОВО по не основным силам врага...»**¹. Принципиально солидаризируясь с его мнением, все-таки чуточку подправлю коллегу. Необходимо было более рельефно показать, что и к декабрю 1940 года **вояки так и не смогли убедить Сталина** в том, что супостаты будут наносить главный удар на юго-восточном (для нас юго-западном) направлении и соответственно сосредотачивают там свои основные силы, а, следовательно, и советское командование якобы должно адекватно сосредоточить в КОВО свои основные силы. Вот в такой уточненной формулировке все становится на свои места. Потому как в таком случае становится понятно, на кой хрен Жуков вместе с Пуркаевым изобразили на бумаге эту чертовщину. Потому что к середине декабря, а именно не позже этого срока и поступила в Генштаб анализируемая записка КОВО (помните, Василевский утверждал, что было приказано до 15 декабря доработать план отражения агрессии), у Тимошенко и Мерецкова не было никаких данных, которые подтверждали бы обоснованность их откровенно неуместного желания видеть главные силы супостатов и направление их главного удара на юго-восточном (для нас юго-западном) направлении. И для того чтобы их полностью неадекватные, даже с точки зрения элементарной логики бредовые пожелания получили бы поддержку у Сталина, проще говоря, ради того, чтобы убедить Иосифа Виссарионовича в не имевшей места быть «правильности» их прогноза, они затребовали у Жукова эту записку. В итоге получилось, что не только нарком обороны Тимошенко и начальник ГШ Мерецков так думают, но еще и командующий КОВО Жуков и его начальник штаба Пуркаев. Если уж совсем примитивно, то весьма незамысловатым чиновничьим приемом создали ситуацию двойной якобы убедительной аргументации.

НО ВЕДЬ СОВЕРШЕННО НА ПУСТОМ МЕСТЕ!!! ХУЖЕ ТОГО. СЯ ЗАПИСКА ВКУПЕ С УТВЕРЖДЕНИЯМИ ТИМОШЕНКО И МЕРЕЦКОВА ЕСТЬ НЕ ЧТО ИНОЕ, КАК ОТКРО-

¹ Цит. по рукописи, любезно предоставленной О.Ю. Козинкиным.

ВЕННАЯ ПОПЫТКА ВВЕСТИ ВЫСШЕЕ РУКОВОДСТВО ГОСУДАРСТВА В ЗАБЛУЖДЕНИЕ!

Еще раз напоминаю, что уже с лета 1940 г. в перебросках войск вермахта к западным границам СССР отчетливо было видно доминирование на направлениях ПриОВО и ЗаОВО. Разведка пограничных войск НКВД СССР, а также разведка штабов трех основных приграничных особых военных округов подавали наверх интегральную информацию о том, как идет процесс сосредоточения германских войск и против каких округов заметна наибольшая активность. Кроме того, к середине декабря еще не был установлен даже сам факт утверждения Гитлером некоего плана агрессии, не говоря уже о том, что не было и никаких данных о предполагаемой сути замысла агрессии, в том числе и о трех направлениях ударов. С какого потолка возомнивший себя суперстратегом, но ни черта не смысливший в политике скорняк с тремя классами церковно-приходской школы взял такие данные, — не понять и сейчас! Ясно только одно. Благодаря этой записке Тимошенко смог выдвинуть кандидатуру Жукова на пост начальника ГШ, что, увы, и произошло уже в январе 1941 г.

Так вот, все это к следующему. Чуть позже оказалось, что даже не обладавший высоким интеллектом настоящего военного интеллектуала-полковника командующий ЗаОВО генерал Д.Г. Павлов еще в самом начале 1941 г. сообразил, что немедленное — по факту нападения — встречно-лобовое контрнаступление с плацдарма КОВО всерьез чревато крайне опасными негативными последствиями для ЗаОВО. Уважаемый коллега О. Козинкин разыскал на просторах Интернета очень интересный документ — явившуюся прямым ответом на записку Пуркаева (Жукова) записку Павлова, в которой говорилось: «1. Общая, военно-политическая обстановка и состав фронта приведены в начале записки...

Но не исключена возможность, что немцы, разгадав удар, наносимый Юго-Западным фронтом, или по собственному плану, будут сосредотачивать главные силы южнее линии БРЕСТ, ДЕМБЛИН и Западный фронт будет иметь вспомогательную группировку. Поэтому основная операция фронта, в зависимости от складывающейся обстановки, может иметь ДВА варианта:

Первый — в случае, если противник сосредоточит главные силы в Восточной Пруссии против Северо-Западного и Западного фронтов.

При этом варианте правое крыло и центр фронта, учитывая, что у противника будет более, чем двойное превосходство в силах, перейдет к обороне, а сгусток сил создается на левом крыле фронта для наступательных действий с Юго-Западным фронтом.

4-я Армия с частью сил 13-й Армии коротким, но сильным ударом в общем направлении Седлец, Радом будет содействовать Юго-Западному фронту в окружении и уничтожении Сандомир, Люблинской группировки противника. **Второй вариант.** В случае, если до 20 дня мобилизации будет установлено, что главный удар немцев предполагается не со стороны Восточной Пруссии, а против Юго-Западного фронта, то Западный фронт, при наличии двойного превосходства в силах, переходит в наступление всеми основными силами, исключая правофланговую [3-ю] Армию.

Если же превосходства не будет, а будет лишь относительное, наступательные задачи армий, кроме левофланговой, для которой задача остается той же, что и в первом варианте, будут решаться рядом последовательных частных ударов на участках, где у противника будут выявляться слабые места»¹.

Коллега Козинкин далее отмечает, что «при этом Павлов ... понимал, что если немцы не разгадав замысел Тимошенко—Мерецкова, главные силы выставят против ПриОВО-ЗапОВО, то перевес у немцев над Павловым (и ПриОВО. — А.М.) будет — двойной!»²

Но ведь супостаты, как уже было указано выше, разгадали, практически точно вычислив, что намерено делать советское командование. И потому активно наращивали свои главные силы akurat против ПриОВО и особенно ЗапОВО.

Едва ли в ГШ, куда были поданы обе записки, не обратили внимание на соображения Павлова. Но, обратив на них внимание, в сущности, нагло проигнорировали их. Потому что при этом у 4-й армии ЗапОВО под командованием Коробкова осталась, как то и было указано в «южном» варианте, обязанность еще и поспособствовать КОВО в случае его контрнаступления. Проще говоря, одной ногой и одной рукой эта армия должна была держать оборону, а другой ногой вместе с другой рукой еще и одновременно способствовать КОВО в

¹ <http://militera.borda.ru/?1-3-0-00001501-000-120-0-1372841279> . Приводится с любезного разрешения О.Ю. Козинкина.

² Там же.

его безумном немедленном — по факту нападения — встречно-лобовом контрнаступлении. Но в мире нет таких войск и армий, чтобы, стоя на одной ноге, одной же рукой держать жесткую оборону, а другой ногой вместе с другой рукой еще и немедленно нестись в парадоксально безответственное контрнаступление в помощь соседнему округу-фронту. В таком случае до катастрофы менее чем полшага. Проанализировав все это, коллега Козинкин сделал совершенно правильные два вывода:

1. Являющаяся ответом на записку из КОВО записка Павлова — анализ ответа последнего со стеклянной ясностью показывает, что в ГШ его специально ознакомили с запиской из КОВО и потребовали, чтобы он письменно дал свое видение последствий применения предлагавшегося командованием КОВО варианта, — в сущности, свидетельствует о том, что к январю 1941 г. «южный» вариант сугубо в контрнаступательной вариации по факту нападения уже был взят в высших руководящих кругах военного командования СССР, как говорится, за основу, не дожидаясь того, какое решение примет тот, кто и должен был выбрать, какой вариант отражения агрессии применять по мере готовности ОБОИХ, то есть Сталин! И все это при том, что от разведки еще не поступало никаких данных о том, где супостаты будут наносить свои удары. Единственное, что подтверждала разведка, так это то, что доминирование в сосредоточении войск вермахта происходит на направлениях ПриОВО и ЗапОВО. Ведь с лета же и осени 1940 года подтверждала! Как уже отмечалось выше, в наше время даже гражданские лица и то это заметили!..

2. Идея отражения грядущей агрессии Германии немедленным — по факту нападения — встречно-лобовым контрнаступлением с плацдарма КОВО (в котором, по мнению Тимошенко—Мерецкова—Жукова, необходимо сосредоточить главные силы советских войск) против неосновных сил противника к январю 41-го стала доминирующей в умах не просто генералов, а именно же в умах определенной части советских генералов, составлявших более чем специфический по своим взглядам клан в высшем военном командовании СССР, и считалась ими единственно основным сценарием начала войны в случае нападения Германии! Ну а с приходом Жукова на пост начальника ГШ замысел, основанный не на идее отражения агрессии

путем ведения обороны, а на идее немедленного — по факту нападения — встречно-лобового мощного контрнаступления стал настолько активно претворяться в жизнь без какого-либо точного учета сил и планов противника, проще говоря, при откровенном игнорировании разведывательной информации, элементарных правил военного искусства и даже самой элементарной логики, что кровавая трагедия 22 июня стала уже абсолютно неминуема и неизбежна.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, В УКАЗАННЫЙ ВЫШЕ ПЕРИОД ВРЕМЕНИ НАЧАЛСЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНО ИНИЦИИРОВАННЫЙ ТИМОШЕНКО, ПРОДОЛЖЕННЫЙ УЖЕ ДУЭТОМ ТИМОШЕНКО—МЕРЕЦКОВ, А С ПРИХОДОМ НА ПОСТ НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА Г.К. ЖУКОВА И С ОДОБРЕНИЯ ВСЕ ТОГО ЖЕ ТИМОШЕНКО РЕЗКО АКТИВИЗИРОВАЛСЯ И В КОНЦЕ КОНЦОВ ДЕ-ФАКТО ЗАВЕРШИЛСЯ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 1941 Г. НЕЗАКОННЫЙ И НЕГЛАСНЫЙ ПРОЦЕСС НЕЗАКОННОЙ ЖЕ И НЕГЛАСНОЙ ЖЕ ПОДМЕНЫ И СУТИ, И ПРИНЦИПОВ ОБОРОНЫ, ЗАЛОЖЕННЫХ В ЕДИНСТВЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЛАН ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ!

ДЕ-ФАКТО ПРОИЗОШЛА НЕ ТОЛЬКО ПОДМЕНА УКАЗАННОГО В НЕМ ПРИНЦИПА ОБОРОНЫ НА НЕАДЕКВАТНЫЙ ФОРМАЛЬНО СОХРАНЯВШЕМОУСЯ ДЕ-ЮРЕ ЗАМЫСЛУ. ХОТЯ ДЕ-ЮРЕ ЗАМЫСЕЛ ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ И ЛЕЖАВШИЙ В ЕГО ОСНОВЕ ПРИНЦИП ОБОРОНЫ, ИЗЛОЖЕННЫЕ В ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕННОМ И ЕДИНСТВЕННОМ ПЛАНЕ ОБОРОНЫ, СОХРАНЯЛИСЬ. ПОТОМУ ЧТО ДЕ-ЮРЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕННЫЙ ПЛАН НИКТО НЕ ОТМЕНЯЛ. БОЛЕЕ ТОГО. ОФИЦИАЛЬНО ЖЕ, ТО ЕСТЬ РЕШЕНИЕМ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР, ОФИЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В НЕГО НЕ ВНОСИЛОСЬ! А МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ЧЕРНОВЫЕ, НИКЕМ НЕ ПОДПИСАННЫЕ И НИКОМУ ИЗ ВЫСШЕГО СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО РУКОВОДСТВА НЕ ДОКЛАДЫВАВШИЕСЯ ВАРИАНТЫ ПРОЕКТОВ, КОТОРЫМИ ПОСТОЯННО ТЫЧУТ ВСЕ, КОМУ НЕ ЛЕНЬ, — НЕ В СЧЕТ.

ОНИ ХОРОШИ ЛИШЬ ДЛЯ ФИКСАЦИИ РЕЗКО ОТКЛОНИВШЕГОСЯ ОТ ЗАДАННОГО ОФИЦИАЛЬНЫМ ПЛАНОМ КУР-

СА НЕЗАКОННОГО ПОЛЕТА «СТРАТЕГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ» СНАЧАЛА ТИМОШЕНКО, ЗАТЕМ ТИМОШЕНКО—МЕРЕЦКОВА, НО БОЛЕЕ ВСЕГО ТИМОШЕНКО—ЖУКОВА.

В единственном официальном плане среди главных задач РККА на Западном ТВД на первом месте стоит: «1. АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ ПРОЧНО ПРИКРЫВАТЬ НАШИ ГРАНИЦЫ В ПЕРИОД СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ВОЙСК»¹. И далее по всему тексту этого документа главная задача именуется точно так же, в том числе и в сочетании с выражением «АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА»². Ничего другого там не было предусмотрено насчет принципа обороны.

Однако едва только Жуков возглавил ГШ и возник поразительно не способный адекватно реагировать на ситуацию тандем Тимошенко—Жуков во главе «киевской мафии» в высшем военном руководстве, то практически сразу же резко активизировался процесс непосредственной подмены принципа обороны. Настолько резко активизировался, что даже вновь назначенный на должность командующего Киевским Особым военным округом генерал Кирпонос прибыл в округ с уже прочно вбитой в его голову Тимошенко и Жуковым идеей немедленного — по факту нападения — встречно-лобового контрнаступления. Как уверял в своих мемуарах Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян, непосредственно на первом же совещании с работниками штаба округа Кирпонос прямо так и заявил: «Вероятнее всего, от нас потребуется создать мощную ударную группировку, которая поведет решительное контрнаступление на агрессора... Помните: если на нас нападут, мы должны немедленно организовать ответный удар»³.

Начальник штаба Пуркаев попытался было возразить (по крайней мере, Баграмян так изобразил дело): «Так-то оно так: мы, конечно, должны думать об ответном ударе. Но ведь к нему надо подготовиться. А если враг нападет неожиданно, сомнет жиденькую цепочку наших войск прикрытия и всеми силами двинется дальше? Тогда и оборону будет трудно создать, а не то что организовать контрнаступление»⁴.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. с. 197—244.

² Там же.

³ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 49—51.

⁴ Там же.

Про себя Баграмян отметил, что он «...был, естественно, одного мнения с начальником штаба: он высказал результаты наших общих раздумий. Мы исходили из того, что многомиллионная гитлеровская армия, по существу покорившая всю Западную Европу, обладает огромной ударной мощью. Сейчас у нее руки развязаны: “странная война” на Западе мало беспокоит немцев. Используя развитую сеть железных и шоссейных дорог, Гитлер может в короткие сроки сосредоточить крупные силы против наших границ и бросить их на нас. **В этих условиях нам, как мы рассуждали, следовало бы выделить в состав эшелона прикрытия границы столько войск, чтобы они смогли отразить первый вражеский удар. Под прикрытием этого мощного заслона нам легче будет подтянуть резервы и перейти в контрнаступление.** И потому он без колебаний ответил, что согласен с начальником штаба и поддерживает предложенный им план.

— **Неправильно вы мыслите,** — вздохнул командующий. — **Согласиться с вами не могу.** — Закрыв папку и протянул ее мне¹. Немного странно Баграмян описал это событие, особенно если учесть ту самую записку Пуркаева, что была направлена в ГШ в декабре 1940 года и которую он же, Баграмян, и составлял, как начальник Оперативного отдела штаба КОВО, ибо такие документы составляются именно в этом подразделении. Но как бы там ни было, **однако что написано пером, не вырубить и топором...**

ОДНОВРЕМЕННО ПРОИЗОШЛА И ПОЛНАЯ ПОДМЕНА РАНЕЕ АДЕКВАТНО ПОЛИТИЧЕСКИМ ЦЕЛЯМ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ЧЕТКО ОПРЕДЕЛЕННОГО НАИБОЛЕЕ ВЕРОЯТНОГО НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНОГО УДАРА ВЕРМАХТА, ПРИКРЫВАТЬ КОТОРЫЙ АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ И АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА ДОЛЖНЫ БЫЛИ СРАЗУ ДВА ОКРУГА — ЗАПАДНЫЙ И ПРИБАЛТИЙСКИЙ. ПРОЩЕ ГОВОРЯ, ВМЕСТО ЗАПАДНОГО (БЕЛОРУССКОГО) НАПРАВЛЕНИЯ ГЛАВНЫМ СТАЛО ЮГО-ЗАПАДНОЕ (УКРАИНСКОЕ). СООТВЕТСТВЕННО ПРОИЗОШЛА И ПОДМЕНА НАПРАВЛЕНИЯ СОСРЕДОТочЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ — НА ЮГО-ЗАПАДНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ.

---

¹ Там же.

Задачи приграничным округам (фронтам) к 22.06.1941 г.

Наименование документа	Прибалтийский Особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный Особый военный округ (Западный фронт)	Киевский Особый военный округ (Юго-Западный фронт)
Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.* (18 сентября 1940 г. № 103202/ов) ЦА МО. Ф.16. Оп. 2951. Д. 239. Лл.197-244. Это официальный и единственный документ по обороне СССР в тот период времени.	Прочно прикрывать минское, минско-псковское и риги-псковское направления, не допустить вторжения немцев на нашу территорию. По сосредоточению войск, ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн, совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии	Прочно прикрывая минское направление, по сосредоточению войск, одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн сковать немецкие силы в Восточной Пруссии. Способствовать Юго-Западному фронту, с переходом его в наступление, разбить Люблинскую группировку противника.	Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточению войск, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Петраков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер.
В соответствии с этим единственным официальным документом у войск приграничных округов основная задача была прочно прикрывать границы «активной обороной» и «активными действиями по сковыванию сил противника».			
Соображения по плану стратегического развертывания на случай войны с Германией и ее союзниками (якобы от 15.05.1941 г.) ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп.2951. Д. 237. Л. 1—15. Этим «Соображениям...» якобы от 15 мая 1941 г. предшествовали практически аналогичные	Упорной обороной прочно прикрыть рижское и виленское направления, не допустить вторжения противника из Восточной Пруссии.	Упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на	Окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблин. Ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлениях и овладеть районами Краков, Катовице, Кельце.

¹ Таблица составлена на базе материалов, опубликованных в «Независимом Военном Обозрении», № 22, 2000.

Наименование документа	Прибалтийский Особый военный округ (Северо-Западный фронт)	Западный Особый военный округ (Западный фронт)	Киевский Особый военный округ (Юго-Западный фронт)
«Соображения...» якобы от 11 марта 1941 г. (ВИЖ, 1992, №2, стр. 18—22). Ни один из этих двух документов никогда не докладывался Сталину и даже не покидал стен Генштаба! Более того. Эти документы не были подписаны ни Тимошенко, ни Жуковым. А документ якобы от 11 марта, как выяснилось только в июне 2010 г., оказался фальшивкой ¹ .	Обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника.	Седлец, Радом во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить Люблинско-Радомскую группировку противника	В дальнейшем наступать в северном или северо-западном направлении для разгрома сил северного крыла противника и овладения территориями бывшей Польши и Восточной Пруссии.

А В КОНЕЧНОМ ИТОГЕ ПРОИЗОШЛА И ПОЛНАЯ ПОДМЕНА САМОГО ЗАМЫСЛА ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ НА ИНОЙ.

ОФИЦИАЛЬНО ПРЕДУСМАТРИВАЛОСЬ ПРОЧНОЕ ПРИКРЫТИЕ ГРАНИЦ, СДЕРЖИВАНИЕ И ОТРАЖЕНИЕ ПЕРВОГО УДАРА ПРОТИВНИКА АКТИВНОЙ ОБОРОНОЙ И АКТИВНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ПО СКОВЫВАНИЮ ЕГО СИЛ В ПЕРИОД ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ, ПОСЛЕ ЧЕГО И ТОЛЬКО ПРИ НАЛИЧИИ БЛАГОПРИЯТНЫХ УСЛОВИЙ ПРЕДПОЛАГАЛСЯ ПЕРЕХОД В ШИРОКОМАСШТАБНОЕ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ.

ПОДМЕНА ЖЕ ПРИВЕЛА К ТОМУ, ЧТО ПОДГОТОВКА К ОТРАЖЕНИЮ АГРЕССИИ ПОКАТИЛАСЬ ПО ИНОМУ РУСЛУ. ОТ-

¹ Согласно документу якобы от 15 мая 1941 г. генеральная задача заключалась в том, чтобы «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». По оценкам экспертов, план был преисполнен не только поразительнейшей бессмысленностью, особенно идеей удара в никуда, но и беспрецедентной тупостью, так как в преамбуле этого плана прямо сказано, что враг-то уже отмобилизовался и развернул свои войска, тем более что и разведка сообщала то же самое! Что в таком случае можно было упредить?! Практически аналогичные задачи были и в документе якобы от 11 марта 1941 г. Однако как выяснилось только в 2010 г., он оказался фальшивкой.

РАЖЕНИЕ ГРЯДУЩЕЙ АГРЕССИИ СТАЛИ ПОДГОТАВЛИВАТЬ В ВИДЕ НЕМЕДЛЕННОГО ПО ФАКТУ НАПАДЕНИЯ ВСТРЕЧНО-ЛОБОВЫМ КОНТРНАСТУПЛЕНИЕМ ИЛИ, ГОВОРЯ ВОЕННЫМ ЯЗЫКОМ ТОГО ВРЕМЕНИ, НЕМЕДЛЕННЫМИ ВСТРЕЧНО-ЛОБОВЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ ВТОРЖЕНИЯ (ГЛУБОКИМИ НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ). В НАШЕ ВРЕМЯ ЭТО НАЗЫВАЮТ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ (ФРОНТОВЫМИ) НАСТУПАТЕЛЬНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ.

ИМЕННО ЭТО И ОЗНАЧАЕТ ТО САМОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО «ИДЕЯ НЕПРЕМЕННОГО ПЕРЕНЕСЕНИЯ ВОЙНЫ С САМОГО ЕЕ НАЧАЛА НА ТЕРРИТОРИЮ ПРОТИВНИКА... НАСТОЛЬКО УВЛЕКЛА НЕКОТОРЫХ РУКОВОДЯЩИХ ВОЕННЫХ РАБОТНИКОВ, ЧТО ВОЗМОЖНОСТЬ ВЕДЕНИЯ ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА СВОЕЙ ТЕРРИТОРИИ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ РАССМАТРИВАЛАСЬ»¹. ИМЕННО ЭТИМ И ДУРАЧАТ ВСЕХ!

Кто бы объяснил, желательно вразумительно, без неуместных попыток защитить честь маршальского мундира, на каком основании **«некоторые руководящие военные работники»** настолько увлеклись тем, что вообще не было предусмотрено официально действовавшим планом?! И кто разрешил такое, с позволения сказать, **«увлечение»**? Более того. Кто бы объяснил, желательно также вразумительно и без опостылевших попыток защитить честь маршальского мундира, почему понадобилась такая расплывчатая формулировка — **«некоторые руководящие военные работники»**?! Вооруженные силы сугубо жестко иерархическая структура, во главе которой в нашей стране тогда находились всего лишь два руководящих военных работника — нарком обороны и начальник Генерального штаба. То есть маршал С.К. Тимошенко и генерал армии Г.К. Жуков. Все остальные исполняли именно их указания. Зачем надо было столь неуклюже скрывать подлинных виновников столь дорого обошедшегося стране «увлечения». Если кто и увлекся **«идеей непрямого перенесения войны с самого её начала на территорию противника»**, так только они — Тимошенко (при участии Мерецкова) и Жуков. И нечего затуманивать персоналии, ответственные за это. А то получается секрет Полишинеля.

¹ Гареев М.А. М.В. Фрунзе — военный теоретик. М., 1985. С. 323.

ИМЕННО «УВЛЕЧЕННОСТЬ» ТАКОЙ ИДЕЕЙ, КОТОРАЯ РОДОМ ИЗ КОНЦЕПЦИИ ПОГРАНИЧНЫХ СРАЖЕНИЙ ТУХАЧЕВСКОГО И ЕГО ЖЕ ПЛАНА ПОРАЖЕНИЯ, И ПРИВЕЛА К ТОМУ, ЧТО ВОЙСКА ПРИКРЫТИЯ ДОЛЖНЫ БЫЛИ БЫТЬ ВЫСТАВЛЕНЫ СТАТИЧЕСКИМ ФРОНТОМ УЗКОЙ ЛЕНТОЙ С НИЗКОЙ ЛИНЕЙНОЙ ПЛОТНОСТЬЮ, НО С ЗАДАЧАМИ: А) ДЕРЖАТЬ «УПОРНУЮ ОБОРОНУ» НА ЛИНИИ ГРАНИЦЫ; Б) ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ОПЕРАЦИЯХ НА ГЛУБИНУ В КОНТРНАСТУПЛЕНИИ ПРИЧЕМ ОДНОЙ НОГОЙ СТОЯТЬ В ОБОРОНЕ, А ДРУГОЙ НЕМЕДЛЕННО НЕСТИСЬ ЗА БУГОР РЕШИТЕЛЬНО НАКАЗЫВАТЬ СУПОСТАТОВ. ЧЕМ ЭТО КОНЧИЛОСЬ — ПРЕКРАСНО ИЗВЕСТНО.

КОРОЧЕ ГОВОРЯ, ПОДМЕНА БЫЛА НЕ ТОЛЬКО ПОЛНОЙ, НО И ПРЕЖДЕ ВСЕГО НЕЗАКОННОЙ, НЕГЛАСНОЙ, НЕОФИЦИАЛЬНОЙ, НИ С КЕМ ИЗ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА СССР НЕ СОГЛАСОВАННОЙ!

И ЧТО ОСОБЕННО ХАРАКТЕРНО, ТАК ЭТО ТО, ЧТО НА БУМАГЕ НИКАКИХ СЛЕДОВ ПОДМЕНЫ НЕ БЫЛО ОСТАВЛЕНО. ДОСТИГНУТО ЭТО БЫЛО ОЧЕНЬ ХИТРО. ВСЕГО ЛИШЬ ПЕРЕСТАНОВКОЙ АКЦЕНТОВ. НО НЕ В ПИСЬМЕННОМ ВИДЕ. ТОМУ, ЧТО ДОЛЖНО БЫЛО СТАТЬ ТОЛЬКО СЛЕДСТВИЕМ ОТМОБИЛИЗОВАНИЯ И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СИЛ ПОД ПРИКРЫТИЕМ АКТИВНОЙ ОБОРОНЫ И АКТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СКОВЫВАНИЮ СИЛ ПРОТИВНИКА, ТО ЕСТЬ КОНТРНАСТУПЛЕНИЮ, НЕЗАКОННО БЫЛ ПРИДАН СТАТУС ГЛАВНОЙ ЦЕЛИ И ОДНОВРЕМЕННО ГЛАВНОГО МЕТОДА ОТРАЖЕНИЯ АГРЕССИИ. ПРИЧЕМ СДЕЛАНО ЭТО БЫЛО ПОД ПРЕДЛОГОМ РЕАЛИЗАЦИИ «ЮЖНОГО» ВАРИАНТА, НА КОТОРЫЙ СТАЛИН, СУДЯ ПО ВСЕМУ, И ДАЛ СОГЛАСИЕ, НО ТОЛЬКО В ЦЕЛЯХ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ ПОСЛЕ СДЕРЖИВАНИЯ И ОТРАЖЕНИЯ ПЕРВОГО УДАРА, ПОД ПРИКРЫТИЕМ ЧЕГО ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНО ОТМОБИЛИЗОВАНИЕ И СОСРЕДОТОЧЕНИЕ ОСНОВНЫХ СИЛ ДЛЯ КОНТРНАСТУПЛЕНИЯ.

ИМЕННО ТАКАЯ, ПИСЬМЕННО НИКАК НЕ ОТРАЖЕННАЯ ПЕРЕСТАНОВКА АКЦЕНТОВ В РАССТАНОВКЕ ЦЕЛЕЙ И МЕТОДОВ ПОЗВОЛИЛА ОТНОСИТЕЛЬНО СПОКОЙНО, НЕ ОПАСАЯСЬ ОБВИНЕНИЙ В ИЗМЕНЕ ИЛИ, ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ, ПОДЛОГЕ, СОТВОРИТЬ ТОТ САМЫЙ «БЕЗГРАМОТНЫЙ СЦЕНАРИЙ» (САМОЛИЧНОЕ ПРИЗНАНИЕ ТИМОШЕНКО ТОГО, ЧТО ОНИ НАПЛАНИРОВАЛИ, А ПОТОМ И НАТВОРИЛИ В ДЕБЮТЕ ВОЙНЫ¹), ЗА КОТОРЫЙ ПРИШЛОСЬ ПЛАТИТЬ ОГРОМНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ МИЛЛИОНОВ ЖИЗНЕЙ!

В РЕЗУЛЬТАТЕ НЕИЗБЕЖНО ВОЗНИКШЕЙ ДВОЙСТВЕННОСТИ ПРОВОДИВШИХСЯ МЕРОПРИЯТИЙ ВСЯ РЕАЛИЗАЦИЯ НЕЗАКОННО, НЕГЛАСНО И НЕОФИЦИАЛЬНО ИЗМЕНЕННОГО ПЛАНА К ТОМУ ЖЕ СТАЛА ОСУЩЕСТВЛЯТЬСЯ НА РЕДКОСТЬ КРАЙНЕ НЕАДЕКВАТНЫМИ РЕАЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ, МЕТОДАМИ И ПРИЕМАМИ! К ТОМУ ЖЕ БОЛЕЕ ЧЕМ ПУТАНО, ЧТО ФАКТИЧЕСКИ СБИВАЛО С ТОЛКУ КОМАНДОВАНИЕ НА МЕСТАХ, ЧАСТЬ КОТОРОГО И САМА БЫЛА РАДА ОКАЗАТЬСЯ СБИТОЙ С ТОЛКУ, ДАБЫ ИМЕТЬ НА БУДУЩЕЕ ОПРАВДАНИЕ СВОЕЙ ИЗМENE. ПРИМЕР БЫВШЕГО КОМАНДУЮЩЕГО ЗАПАДНЫМ ОКРУГОМ ПАВЛОВА И ДРУГИХ — ЯРЧАЙШЕЕ ТОМУ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО НИ ПРИЗНАВАТЬ САМ ФАКТ НЕЗАКОННОЙ ПОДМЕНЫ, НИ ТЕМ БОЛЕЕ ОТВЕЧАТЬ ЗА КРАЙНЕ НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ ПОДМЕНЫ, ИЗВЕСТНЫЕ КАК ТРАГЕДИЯ 22 ИЮНЯ, ОККУПАЦИЯ КОЛОССАЛЬНОЙ ПО СВОИМ РАЗМЕРАМ И РЕСУРСАМ ЧАСТИ ТЕРРИТОРИИ СССР И ГИБЕЛЬ МИЛЛИОНОВ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, НИ ЖУКОВ, НИ ТИМОШЕНКО, НИ ДРУГИЕ ВОЕНАЧАЛЬНИКИ, ПРИНИМАВШИЕ УЧАСТИЕ В ЭТОМ, КАТЕГОРИЧЕСКИ НЕ ХОТЕЛИ! ПОТОМУ САМЫМ БЕССОВЕСТНЫМ ОБРАЗОМ И ВАЛИЛИ ВСЕ НА СТАЛИНА. ОСОБЕННО ЖУКОВ. ТИМОШЕНКО ЖЕ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНО УВЕРНУЛСЯ ОТ МАССОВЫХ

¹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 109—110.

ПУБЛИЧНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ НА ЭТОТ СЧЕТ И ДАЖЕ ОТ НАПИСАНИЯ МЕМУАРОВ.

Жуков же, очевидно, чувствовал, по меньшей мере интуитивно, что рано или поздно, но к такому выводу можно будет прийти. А, быть может, ему попросту подсказали пускай и отдаленную, но вполне достижимую перспективу такого вывода. Особенно когда станет возможным хотя бы одним глазком взглянуть на архивные документы. И он заранее постарался увести в сторону от возможности такого вывода. Если его современные защитники в оправдание своего кумира эксплуатируют тезис об увлеченности той самой идеей переноса войны с самого ее начала на территорию противника, то сам маршал не мудрствовал лукаво и заявил следующее: **«Прежде всего, я думаю, справедливо будет сказать, что многие из тогдашних руководящих работников Наркомата обороны и Генштаба слишком канонизировали опыт Первой мировой войны. Большинство командного состава оперативно-стратегического звена, в т.ч. и руководство Генерального штаба теоретически понимало изменения, происшедшие в способах ведения Второй мировой войны. Однако на деле они готовились вести войну по старой схеме, ошибочно считая, что большая война начнется, как и прежде, с приграничных сражений, а затем уже только вступят в дело приграничные силы противника. Но война, вопреки ожиданиям, началась сразу с наступательных действий всех сухопутных и воздушных сил Германии...»**¹, сдобрив тезис о «канонизации опыта Первой мировой войны» махровым литературно-стратегическим ляпом: **«...практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде!»**²

Вот это да?! А как насчет **«особо поучительного из действий на Западе»**, о чем он говорил в своем блистательном — без дураков блистательном (правда, составленном тогда академически образованным полковником И.Х. Баграмяном) — докладе на декабрьском совещании?! Или в заключительной речи Тимошенко. Ведь знали же, что и как будет развиваться, да и разведка не раз и не два сообща-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М., 1990. С. 76.

² Цит. по: Червов Н.Ф. Провокации против России. М., 2003. С. 107.

ла о молниеносном ударе, и тем не менее **«канонизировали опыт Первой мировой войны»**, **«...практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде»?! Ну-ну!** Как же тогда понимать его же с Тимошенко выступления на декабрьском 1940 г. совещании высшего состава РККА, в которых оба они показали себя едва ли не блестящими знатоками именно **«особенностей ведения современной войны в ее начальном периоде»?**

Показать-то показали, чтобы, как говорится, выслужиться перед Сталиным, предстать перед ним эдакими мудрыми стратегами, а на самом-то деле занялись тем, в отношении чего в Уголовном кодексе того времени была предусмотрена прекрасная статья — 58-я. И теперь, уже в наше время, чтобы хоть как-то прикрыть их подпадающие под компетенцию этой статьи УК действия, выдумывают черт знает что.

К примеру, несмотря на то, что в единственном официальном плане обороны не было ошибки с определением направления главного удара вермахта — в обоих вариантах таковым названо минское (как квинтэссенция западного/белорусского направления, в том числе и в варианте минско-псковского), которое должны были прикрывать войска сразу двух округов — Западного и Прибалтийского¹, то уже Жуков сделал однозначную попытку подменить испокон веку используемый, исконно военный, генштабовский термин **«направление главного удара противника»** на **«решающие направления»**², превосходство на которых так сильно поразило его после «воспоминаний и размышлений». Не помогло. И тогда за дело взялись уже современные военные историки — видный современный военный историк генерал армии М.А. Гареев дописался до того, что определение направления главного удара противника так и вовсе **«не имело столь решающего значения, как изображается»**³.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 239. С. 197—244.

² Вполне возможно, что и этот термин имеет право на жизнь. Спорить не будем. Но в том-то все и дело, что в стратегии принято оперировать понятием «направление главного удара».

³ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 50.

Генерал армии М.А. Гареев же много лет кряду пытается вдолбить в сознание непонятливых сограждан следующее. Что «**направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — и в этом состояла одна из серьезных ошибок), а применительно совсем к другим способам действий...»**¹.

Но, **во-первых**, в единственном официальном плане отражения агрессии действительно нет упоминания о стратегической обороне. Потому как она сознательно не предусматривалась по хорошо понятным столь высокому профессионалу военного дела, как генерал армии Гареев, соображениям. Если коротко, то ее просто нереально организовать на линии границы протяженностью 4500 км и даже на линии первоначального вторжения супостатов — 3375 км — тоже. Генерал армии и вообще военные прекрасно это знают. Соответственно и, **во-вторых**, не может быть и такой «одной из серьезных ошибок» в единственном официальном плане.

Однако в нем есть неоднократно упомянутое однозначное предписание **об активной обороне и о сковывании сил противника активными действиями**. В тех конкретных географических условиях использование принципа активной обороны было наиболее верным решением. К тому же оно и исторически наиболее верное решение². Тем более что в момент утверждения плана вблизи новых границ СССР еще не было и мизерной части соответствующих фортификационных сооружений, опираясь на которые можно было организовать стратегическую оборону. Так что критиковать за это официальный план оснований нет.

Следовательно, сосредоточение войск, которое напрочь игнорировало необходимость защиты активной обороной подлежащего прочному прикрытию прямо указанного в официальном плане направления, означало подмену сути официального плана! Подмену в духе концепции и «Плана поражения» Тухачевского,

---

¹ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 50.

² Наши предки действовали подобным образом на протяжении веков.

в которой белорусское направление названо фантастическим для планов Гитлера!

Откровенно говоря, сам факт подмены не очень-то и скрывается, потому что его очень трудно скрыть. Хотя, естественно, никто из официальных военных историков, а также страждущих получить хоть какую-нибудь ученую степень на военной тематике и не употребляет слово «подмена». Посмотрите, как изящно генерал армии Гареев обходит необходимость использования слова «подмена», но при этом блистательно — без дураков блистательно — раскрывает суть произошедшей подмены. Прочитую полностью фрагмент из труда Гареева, часть которого была показана ранее: «**Направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась — и в этом состояла одна из серьезных ошибок), а применительно совсем к другим способам действий, когда западные военные округа после кратковременного отражения вторжения противника и завершения от мобилизации армии должны были переходить в наступление. Но для подобного способа действий, которые не состоялись, упомянутый выше вариант направления сосредоточения на Юго-Западном направлении был вполне обоснованным и более выгодным, чем на Западном направлении. Главный удар на юго-западе пролегал по более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника...**»¹

А до такого утверждения тот же генерал армии Гареев отмечал, что «совсем другие условия, а, следовательно, и соображения могли возникнуть, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, более выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой спо-

¹ *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 50.

соб стратегических действий тогда не предполагался»¹. И он же: «...Невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь на прикрытие развертывания войск»².

Как видите, хотя и не совсем прямо, но очень даже легко признан факт подмены направлений — с западного на юго-западное. Со всеми стратегическими атрибутами подмены. Нет, старина Клаузевиц не совсем был прав. Не так уж и просто военное дело, не говоря о том, что воевать победоносно еще сложнее. А вот оправдать на бумаге любой, в том числе и преступный, бред генералов — это действительно просто. Надо только обладать бойким пером и знанием двух-трех военных терминов. И дело, что называется, «в шляпе». Как в данном случае — не предполагался такой вариант действий, и все тут!

Ну а чтобы покончить со всеми разъяснениям и пояснениям, ознакомьтесь еще и с таким утверждением, являющимся фактически апофеозом в историографии Великой Отечественной войны — что-де если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это означало бы, что «приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом

---

¹ *Гареев М.А.* Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать. «Красная звезда». 1991. 27 июля.

² *Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 128.

отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»¹.

Более того. Генерал армии Гареев четко показал, откуда ноги растут у этой подмены: «В случае агрессии фашистской Германии на СССР стратегическим планом предусматривалось вначале силами армий прикрытия отразить нападение противника, обеспечить развертывание главных сил и затем переходить в решительное наступление» и далее поясняет, почему этого не произошло: «На военных играх 1941 г. действия в начале войны вообще не обрабатывались. Обстановка создана на 15-й день гипотетического конфликта, когда “Западные” (германская армия), развязав агрессию, продвинулись на глубину до 100—150 км, а наши войска, перейдя в контрнаступление, восстановили положение. Иначе говоря, “война” уже шла, и ни о каких упреждающих ударах не могло быть и речи. Решения на наступательные действия по ходу игры по условно созданной учебной обстановке принимались, таким образом, уже как бы в разгар развернувшихся “сражений”»². Все верно.

Последний министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д.Т. Язов и вовсе с маршальской прямоотой рубанул правду-матку о том, что «план отражения фашистской агрессии носил контрнаступательный характер»³, подчеркнув далее, что «в основе подготовки начальных операций лежала идея мощного ответного удара с последующим переходом в решительное наступление по всему фронту. Этому замыслу была подчинена и вся система стратегического развертывания Вооруженных сил. Ведение стратегической обороны и другие варианты действий практически не обрабатывались»⁴. И тем самым, но незаметно для себя маршал Язов еще раз подтвердил, что произошла полная подмена замысла

¹ Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 119—120.

² Гареев М.А. Правда и ложь о начале войны // Независимое военное обозрение, 23.06.2000.

³ «Военно-исторический журнал». 1991. № 5. С. 13.

⁴ Там же.

единственного официального плана отражения агрессии! Сам Тимошенко после войны тихо и незаметно, но на пару с Жуковым брякнул, что **«не было оборонительного варианта плана»**¹.

А опубликовавший четверть века назад в **«Военно-историческом журнале»** статью под названием **«Развертывание оперативного тыла в начальный период войны»** генерал-полковник Г.П. Пастуховский прямо указал, что **«...в случае агрессии приграничные военные округа (фронты) должны были готовиться к обеспечению глубоких наступательных операций. Варианты от мобилизации и развертывания оперативного тыла при переходе советских войск к стратегической обороне и тем более при отходе на значительную глубину не отрабатывались»**².

Но если бы только одни военные да историки писали такие признания. То обстоятельство, что, вопреки официальному плану, статус главного метода отражения нацистской агрессии незаконно был придан немедленному встречно-лобовому контрнаступлению по факту нападения, докатилось, увы, и до ушей наиболее авторитетных советских писателей. Так, известный и очень авторитетный писатель Иван Фотиевич Стаднюк в своем известном и весьма недурно экранизированном (правда, с рядом перегибов в отношении Сталина и Берия) романе **«Война»** еще в 70-х гг. прошлого столетия открыто написал следующее: **«...С началом войны, когда события стали складываться стремительно и в чудовищном несоответствии с тем, как они предполагались в плане прикрытия, когда все преимущества расположения наших армий, имевших задачу в случае агрессии навалиться на врага могучими контрударами, перестали быть преимуществами»**³. Любопытно, но факт, что художественное описание И.Ф. Стаднюком случившегося по смыслу, а частично даже и текстуально совпадает с генеральскими описаниями случившегося: **«Враг, неожиданным ударом начавший войну, диктовал нам свою волю, ломая наши планы»**⁴.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 344. Оп. 2459. Д. 11. Л. 31, 36.

² *Пастуховский Г.П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // *Военно-исторический журнал.* 1988, № 6. С. 18—25.

³ *Стаднюк И.Ф.* *Война.* М., 1976. С. 344.

⁴ *Попель Н.К.* В тяжкую пору. М., 2001. С. 18—19.

Почему врагу удалось сломать наши планы? С какой такой стати они должны были готовиться к проведению глубоких наступательных операций как методу отражения агрессии, если в единственном официальном плане это не было предусмотрено?! С какой такой стати наши армии имели задачу в случае агрессии сразу навалиться на врага могучими контрударами, если в единственном официальном плане это было предусмотрено только после сдерживания и отражения первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должны были быть осуществлены мобилизация и сосредоточение главных сил, и лишь затем, но только при наличии благоприятных условий переход в контрнаступление.

А с такой, что произошла незаконная, негласная и неофициальная подмена сути и даже принципа обороны единственного официального плана отражения агрессии в духе концепции Тухачевского и его же плана поражения СССР в войне с Германией. Даже определение направления главного удара супостатов было точно скопировано с плана поражения Тухачевского — украинское (юго-западное), а белорусское (западное) было проигнорировано.

Нужны еще доказательства, что имел место факт незаконной, негласной и неофициальной подмены?¹ Так вот, в том числе именно поэтому-то с санкции бессовестного и подлого Агитпропа ЦК КПСС и под неусыпным надзором цензуры ГЛАВПУРА СА маршалы и сделали крайними разведку и Сталина. На кого же еще ответственность валить-то?! Не самим же Тимошенко—Жукову и К° отвечать!..

НО РАЗВЕ ВИНОВАТА ВО ВСЕМ ЭТОМ РАЗВЕДКА?

P. S.

Но если бы вся эта история с подменой, особенно с незаконным изобретением юго-западного направления как якобы направления главного удара супостатов, на том и закончилась бы. Увы. И десятилетия спустя после войны Жуков по-прежнему упорно протаскивал свой на пару с Тимошенко замысел о том, что-де супостаты нанесут удары на двух

¹ Осмелюсь порекомендовать изданное автором фундаментальное двухтомное исследование «22 июня. Блицкриг предательства. От истоков до кануна» (1-й том) и «22 июня. Детальная анатомия предательства» (2-й том). Там подробно, во всех ставших доступными деталях показано все, что связано с подменой.

направлениях — главный удар на юго-восточном (для нас юго-западном) направлении, а вспомогательный — на северо-восточном (для нас северо-западном). Начал он эту кампанию сразу после проклятого XX съезда КПСС — 19 мая 1956 г. написал Хрущеву секретный донос на Сталина, в котором поливал Иосифа Виссарионовича отборной грязью, взваливая всю ответственность за трагедию 22 июня 1941 г. на усопшего вождя.

Однако вот что до парадоксальности поразительно, но факт. Через 15 лет после войны, когда подлый враг СССР и России Хрущев спровоцировал вакханалию оголтело злобного антисталинизма, моментально присоединившийся к этой грязной кампании Жуков в упомянутом доносе процитировал один документ, который свидетельствовал о том, что он по-прежнему считал себя (и Тимошенко в придачу, наверное) правым в той преступной «ошибке» с определением направления главного удара вермахта. И этот документ был не чем иным, как его докладной Молотову от 11 апреля 1941 г. за № 503727, в которой говорилось (орфография оригинала сохранена): «Докладываю о массовых нарушениях государственной границы германскими самолетами за период с 1 по 10.04.1941 г. Всего за этот период произведено 47 нарушений госграницы. Как видно из прилагаемой карты, нарушения в преобладающей своей массе ведутся:

а) на границе с Прибалтийским Особым Военным округом и особенно в районах ЛИБАВА, МЕМЕЛЬ И КОВНО (ныне соответственно Лиенай, Клайпеда и Каунас, Литва. — А.М.);

б) на Львовском направлении на участке госграницы СОКАЛЬ, ПЕРЕМЫШЛЬ.

Отдельные случаи нарушения госграницы произведены в направлении ГРОДНО, БЕЛОСТОК, КОВЕЛЬ И ЛУЦК, а также на госгранице с Румынией.

Полеты немецких самолетов производились на глубину до 200 км от госграницы как истребителями, так и бомбардировщиками. Это говорит о том, что немцы производят как визуальную разведку, так и фотографирование. Прошу доложить этот вопрос тов. Сталину и принять возможные мероприятия. Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Жуков»¹.

¹ АП РФ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 188. Л. 4—30, подлинник.

Мы не будем сейчас разбирать, почему Жуков полез тогда не в свои сани — ведь доклады о нарушениях границы прерогатива пограничников, которые находились в прямом подчинении наркома внутренних дел СССР Л.П. Берии. Лучшие взгляните повнимательней в текст этой докладной.

Ну как, вы согласны с тем, что Жуков еще в апреле 1941 г. пытался навязать правительству свою точку зрения, что-де супостаты намерены ударить только по двум направлениям, коли столь активную воздушную разведку ведут именно на северо-западном (для немцев северо-восточное) и особенно на юго-западном (для немцев юго-восточное) направлениях, а на западном, сермяжном белорусском (для немцев — восточное, центральное), — только отдельные случаи?

И вот именно этот документ он и привел в своем грязном пасквиле на Сталина. Спустя 15 лет после тех событий. Спустя те самые 15 лет, в течение которых через его руки прошли даже не сотни, а тысячи различных документов. И тем не менее он вспомнил именно об этом конкретном документе. А документ-то, между прочим, отчаянно свидетельствовал о том, что, в сущности еще в апреле 1941 г. Жуков «впаривал» главе советского правительства (в апреле 1941 г. главой был еще В.М. Молотов) свое уперто по Тухачевскому дезинформационное видение направлений главных ударов вермахта — на прибалтийском и украинском! А белорусское, как и у Тухачевского в «Плане поражения», мол, фантастика — там всего лишь единичные случаи нарушения госграницы (хороша фантастика, если на этом направлении нарушений и воздушной, и сухопутной границ было кратно больше, чем на других участках)!

И вот такую «дезу» он гнал главе советского правительства, да еще и просил доложить ее Сталину!¹ Вопреки всей уже тогда имевшейся разведывательной информации именно о трех направлениях ударов, о трех же соответствующих группировках вермахта. Вопреки даже тому же докладу ГРУ от 20 марта 1941 г.

¹ Кстати сказать, 10 апреля 1941 г. целых 2 часа 20 минут Жуков проторчал в кабинете Сталина, то есть мог бы и не тянуть до 11 апреля, чтобы письменно просить Молотова доложить его докладную Сталину. Ведь за один день принципиальных изменений в цифре 47 нарушений не произошло бы. А учитывая, что к докладной прилагалась карта, значит как минимум за день-два готовилась эта докладная. Но ведь дело в том, что он и 9 апреля проторчал в кабинете Сталина целых 1 час 35 минут, но тоже ничего об этом не сказал. Получается, что умышленно подставлял Молотова для доклада такой дезы.

Вопреки всем данным органов госбезопасности, в том числе и пограничников, об усилении подрывной и разведывательной деятельности германских спецслужб на всем протяжении германо-советской границы, но особенно на белорусском направлении, об усилении также и агентурной разведки гитлеровцев на этом же направлении, вопреки разведывательным сводкам того же ГРУ, которое четко показывало распределение войск вермахта по трем направлениям.

Но ладно бы все ограничилось этим секретным доносом-пасквилем. Так нет же, когда дело дошло до «воспоминаний и размышлений», у Жукова опять хватило ума вновь выпятить некое, но полностью неадекватное реалиям непосредственного кануна войны значение юго-западного направления. И даже донельзя лживую историю с перебежчиком ефрейтором Альфредом Лисковым и то использовал в этих целях (А. Лисков — это самый перебежчик, якобы о полученных от него данных о нападении на рассвете 22 июня Жуков и Тимошенко докладывали Сталину вечером 21 июня и потребовали от него санкции на издание директивы о приведении войск в боевую готовность; почему лживая — об этом см. в последней главе книги). Потому что, подняв на лживый щит и раздув историю с А. Лисковым, придав ей фактически стратегическое значение, Жуков, по сути дела, и десятилетия спустя после войны по-прежнему упорно протаскивал свой на пару с Тимошенко замысел о том, что-де супостаты главный удар нанесут на юго-восточном (для нас юго-западном) направлении. Ведь Лисков перешел границу в полосе компетенции КОВО. Более того. Границу он пересек на Львовском выступе. И потому принес такую стратегически важную весть — супостаты нападут 22 июня на рассвете. Потому и выпятил Жуков историю с этим ефрейтором. Забыв при этом показать, как столь обожаемый им Киевский Особый военный округ вдрызг обо...ся со своей противоздушной обороной еще за несколько часов до нападения. Дело в том, что поздно вечером 21 июня, беспрепятственно пролетев все расстояние от границы, на Киевском аэродроме приземлился немецкий бомбардировщик Ю-88, экипаж которого, сдавшись советским военным властям, также сообщил о том, что на рассвете 22 июня произойдет нападение. Об этом случае он Сталину не докладывал. Ну а когда война началась, так и вовсе замотали эту историю...

Глава 2

ШПИОНАЖ В ВЫСШЕМ КОМАНДНОМ
СОСТАВЕ РККА

ПРОСКРИПТУМ

Есть несколько причин стратегического характера, в силу которых маршалы пошли на неоправданный риск сокрытия достижений советской разведки накануне войны. Первая и главная среди них — это позорнейшее фиаско в определении направления главного удара вермахта, приведшее и к катастрофическому дебюту войны, и к появлению проклятых нацистских супостатов едва ли не у стен древнего Кремля, и слишком большим жертвам в той страшной войне, которые советский народ вынужден был положить на алтарь Величайшей Победы. Отвечать за все это ни маршалы, ни генералы той поры не были намерены. Но есть, увы, и другие причины, в силу которых они сделали разведку и Сталина крайними. Вот о них-то и пойдет речь в этой главе.

...В период работы над двухтомным фундаментальным исследованием «22 июня. Блицкриг предательства» автору встретилось одно очень любопытное свидетельство. В нем утверждалось, что 4 января 1941 г. Сталину было доложено сообщение резидента ГРУ в Белграде генерал-майора А.Г. Самохина (оперативный псевдоним — Софокл), в котором содержались выдержки из доклада югославского генштаба, констатировавшего международную ситуацию на тот момент. Но одна из выдержек гласила: **«...Россия имеет новый оперативный план... где центр тяжести будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе... Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...»**

Это свидетельство было почерпнуто на 201-й странице интересной книги «Без грифа “Секретно”. Тайны архивов и материалов спецслужб». Ее автор — доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений Белорусского университета Игорь Николаевич Кузнецов. Книга вышла в ростовском издательстве «Феникс» в 2007 г. К сожалению, И.Н. Кузнецов не указал точной ссылки на источник, из которого он взял этот факт.

Во время телефонной попытки автора настоящей книги все-таки уточнить источник столь важного факта, Кузнецов сослался на то, что это была давнишняя газетная публикация в одном из петербургских печатных СМИ, вырезку из которого он потерял.

Конечно, автор настоящей книги предпринял свои меры по проверке данного факта. Увы, пока они не увенчались успехом — среди официально рассекреченных и преданных гласности на данный момент, в том числе и путем публикаций, такое сообщение белградского резидента ГРУ найти до настоящего времени не представилось возможным.

Штрих-комментарий. Быть может, эта информация официально и не рассекречена или, что, наверное, будет более точно, рассекречена, но официально так и не опубликована, потому как ее содержание, мягко выражаясь, очень уж удручающее и наводит на очень грустные мысли.

Однако, учитывая, что остальное содержание книги И.Н. Кузнецова изложено с хорошим знанием многих специфических особенностей истории спецслужб и отличается достоверностью, автор рискнул принять упомянутый им факт во внимание. Проанализируем сообщение генерала Самохина.

Первое, что сразу бросается в глаза, это то, что в сообщении констатируется наличие у высшего военного командования Советского Союза нового плана ответных мер в связи с быстро возрасставшей и ни для кого в то время не составлявшей большого секрета угрозы нападения Германии на СССР. Следовательно, произошла утечка о самом факте наличия совершенно секретного документа особой важности, написанного в единственном экземпляре. Кроме того, утечка произошла явно после 14 октября 1940 г., поскольку в сообщении сказано, что «...Россия имеет новый оперативный план...». Проще говоря, речь идет об уже утвержденных советским руководством «Соображениях...» от 14 октября 1940 г.

Второе, что обращает на себя пристальное внимание, это указание на то, что «...центр тяжести (плана. — А.М.) будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе...». В переводе на более ясный язык военных, произошла утечка совершенно секретной информации особой важности о сути замысла высшего советского командования — ведь хотя и коряво изложено в сообщении, но речь шла о направлении сосредоточения главных сил Красной Армии и главного удара ответного контрнаступления.

Третье, что привлекает не менее пристальное внимание, это то, что второй вывод тем более обоснован и точен, если учесть, что в этом же сообщении едва ли не дословно — в сравнении с текстом неоднократно упоминавшихся «Соображений...» — пересказывается замысел и цели такого удара на указанном направлении — «... **Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...**». Проще говоря, это еще один однозначный аргумент в пользу крайне удручающего вывода о том, что из высшего звена высшего советского командования произошла масштабная утечка совершенно секретной информации особой важности, которую на момент утечки в полном объеме в СССР знал чрезвычайно узкий круг лиц.

Поразительно, но факт, что содержание этого сообщения белградского резидента ГРУ почти полностью, за исключением одного аспекта, совпадает с информацией легендарного советского разведчика Кима Филби. На рубеже 1940—1941 гг. он по нарастающей сообщал, что британские агенты распространяют различные провокационные слухи, направленные на максимальное обострение советско-германских отношений, в том числе и о том, что неизбежную войну между Германией и Советским Союзом **должен начать СССР превентивным ударом в направлении Южной Польши**¹.

Примерно подобная идея действительно находилась на орбите военного планирования высшего советского командования, но только **не превентивного, а всего лишь контрнаступления советских войск на этом направлении** и фигурировала в самом секретном документе того времени — в хорошо известных историкам «**Соображениях о стратегическом развертывании Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 гг.**» от 18 сентября, утвержденных советским правительством 14 октября 1941 г. Причем именно в таких целях, как это указано в информации белградского резидента.

Однако в этом единственном официально утвержденном документе идея удара на этом направлении, подчеркиваю, рассматривалась **только как контрнаступление после отражения и сдерживания первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должно было быть осу-**

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136.

щественно сосредоточение основных сил. И только затем, и только при наличии благоприятных условий переход в контрнаступление.

Тут следует иметь в виду, что каким-то образом (каким конкретно, см. ниже) получив такую информацию, англичане попросту слегка ее передернули. Это вообще старинная манера британской разведки слегка, почти незаметно передергивать важнейшую информацию в своих конкретных, за пределами корыстных целях, определяемых, естественно, правительством Великобритании. В тот период времени у правительства Великобритании не было более важной задачи, кроме как пугать и специально остро раздражающе нервировать немцев, дабы спровоцировать ускорение нападения Германии на СССР, без чего Англия тогда не выжила бы. И британская разведка исправно выполняла приказ У. Черчилля, который он отдал руководителю Управления специальных операций МИ-6 Хью Дальтону еще 22 июля 1940 г. об ускорении провоцирования схватки между СССР и Германией. Приказ звучал так: **«А теперь разожгите пожар в Европе»**¹. В то время его можно было разжечь только на восточном азимуте. Так что не стоит удивляться тому, что из уст агентов британской разведки возник тезис о якобы замышляющемся советским командованием превентивном ударе по Германии на направлении Южной Польши.

Но дальше-то еще интересней. **Во-первых**, в обоих случаях совершенно очевиден факт масштабной утечки совершенно секретной информации особой важности. О том, как могла утечь информация в югославский генштаб, речь пойдет ниже. Сначала об английском варианте утечки.

Если, к примеру, отталкиваться от информации К. Филби, то тут следует иметь в виду, что у британской разведки с начала 30-х гг. был очень хорошо информированный обо всех мобилизационных мероприятиях СССР агент в самом высшем звене кремлевского руководства. Как выяснилось, этот агент работал в секретариате члена Политбюро А.И. Микояна. Агент передавал своему куратору важную информацию мобилизационного характера. Его непосредственным куратором был майор британской разведки Гарольд Гибсон. До октября 1938 г. Г. Гибсон являлся региональным резидентом МИ-6 в Праге. Там он лично организовывал необходимые для официального Лондона условия для совершения Мюнхенской сделки. А перед этим активно участвовал в заваливании заговора Тухачевского в 1937 г.

¹ *Найтли Филлип*. Шпионы XX века. Пер. с англ. М., 1994. С. 118.

Впервые утечку мобилизационной информации в МИ-6 советская разведка обнаружила еще в 1936 г. с помощью блестящего агента из «кембриджской пятерки» — Дональда Маклина. Однако вследствие предательской деятельности наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды этой информации не был дан ход. Вторично советская разведка вышла на этого же агента, только в конце 1940 г., опять с помощью «кембриджской пятерки» — благодаря А. Бланту. На этот раз наконец удалось разоблачить агента, и в самом конце 1940 г. он был ликвидирован¹.

Конечно, в секретариат Микояна не передавался полный текст «Соображений...». Но вот когда началась реализация официального плана, то, естественно, в какой-то мере и в определенной части сотрудники его секретариата были ознакомлены с рядом положений этого документа (надо полагать, в форме выписок или уже конкретных заданий). Ведь Микоян был наркомом торговли — внешней и внутренней, и к тому же отвечал за госрезервы, а снабжение армии в порядке подготовки к отражению агрессии шло также и за счет госрезервов. Проще говоря, началось то самое расползание совершенно секретной информации, о котором говорилось ранее. Так что этот британский агент в секретариате Микояна мог узнать об этой информации именно в этот момент. А ведь по характеру и направлениям сосредоточения государственных резервов для нужд армии можно их как многое вычислить!

Что же касается самого факта упоминания в английской дезинформации именно **превентивного удара СССР** на упомянутом направлении, то он очень уж любопытен, особенно если учесть, что информация поступила из недр британской разведки. Прежде всего, тем, что эта идея была, **во-первых**, на **99,99 %** сродни идее перенесения войны с самого ее начала на территорию противника, которой в то время шибко увлекались «некоторые руководящие военные работники»², как это поныне нам пытаются вдолбить в сознание в порядке оправдания «просчетов» Генерального штаба (включая и Жукова) накануне войны.

¹ *Попов В.* Советник Королевы — суперагент Кремля. М., 1995. С. 86; *Царев О., Костелло Дж.* Роковые иллюзии. М., 1995. С. 224; Архив СВР. Дело Маклейна. Ф. 83791. Т. 1. С. 75—82.

² *Мельтюхов М.И.* Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу: 1939—1941 гг. Документы, факты, суждения. М., 2008. С. 301. Мельтюхов в свою очередь ссылается на работу известного военного историка генерала армии М.А. Гареева — «М.В. Фрунзе — военный теоретик». М., 1985. С. 323.

Во-вторых, эта же идея действительно упорно блуждала в сознании тех же «некоторых руководящих военных работников», в том числе и в виде идеи превентивного удара по Германии. Но тут важно вот что. Наш ГШ разработал проект такого плана лишь в мае 1941 г. Однако британская разведка стала распространять провокационные слухи на эту тему еще на рубеже 1940—1941 гг. — в начале 1941 г. (за этим обстоятельством кроется один важный нюанс, о котором будет сказано чуть позже). Хотя в официально утвержденных «Соображениях...» ничего подобного не было и не предусматривалось. Там был предусмотрен, еще раз напоминая об этом, **вариант контрнаступления после отражения и сдерживания первого удара активной обороной и активными действиями по сковыванию сил противника, под прикрытием чего должно было быть осуществлено сосредоточение основных сил. И только затем, и только при наличии благоприятных условий переход в контрнаступление. Действительно на упоминавшемся в двух разведывательных информациях направлении.**

Теперь о югославском варианте утечки. Сразу возникают два очень важных вопроса:

— **Какое могло быть дело югославскому генштабу, у которого в то время своих забот был полон рот, чтобы пытаться узнать такие по определению сверхсекретные данные о советском стратегическом планировании?**

— **Каким образом югославский генштаб мог узнать об этом? Проще говоря, на кого грешить по поводу утечки особо секретной информации?**

На одну часть второго вопроса можно ответить сразу. В Белград эта информация попала явно усилиями югославского военного атташе — тут сомнений никаких нет. А вот на вторую часть этого же вопроса ответить сложнее — то есть кого с нашей-то стороны подозревать? Проще говоря, кто конкретно допустил разглашение информации из документа, имевшего гриф «Совершенно секретно. Особой важности»? Не менее важно и то, в силу каких мотивов разгласил, хотя если честно, то особой роли это не играет, так как вне

зависимости от того, сознательно ли, во вредительских ли целях или же случайно, по недоразумению, подчеркиваю, в любом случае это тяжкое государственное преступление. Кстати, по любым законам. Мотивы и обстоятельства разглашения будут иметь значение только для определения меры наказания. Но это, как оно очевидно, за пределами нашей компетенции. Так что лучше сосредоточимся на анализе югославского варианта утечки.

Для начала примем во внимание два непреложных обстоятельства. Документ, о содержании которого произошла масштабная утечка, был составлен в единственном экземпляре, написан от руки, имел высшую степень секретности — «Совершенно секретно. Особой важности», среди высшего советского военного руководства того времени в полном объеме его знали только четверо — Тимошенко, Мерецков, Ватутин и Василевский.

Далее. Прежде чем о содержании доклада югославского генштаба узнал резидент советской военной разведки в Белграде, информация должна была сначала быть добыта в Москве, передана в Белград, обработана аналитиками югославского ГШ, только после этого она и могла появиться в обобщенном докладе генштаба Югославии. Сами понимаете, что на все это нужно время. Следовательно, наиболее вероятный период утечки этой информации в Белград — промежуток времени от 15 октября до декабря 1941 г. включительно. Но вот что до парадоксальности удивительно. Такое предположение еще в июне 1941 г. подтвердили... лично Адольф Гитлер и его верный холуй И. Риббентроп. В тексте утвержденной Гитлером «**Ноты Министерства иностранных дел Германии Советскому правительству от 21 июня 1941 года**» говорилось: «...**Правительство рейха овладело документами, свидетельствующими об интенсивных военных приготовлениях Советского Союза во всех областях. Эти документы подтверждаются и найденным недавно в Белграде отчетом югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 года, в котором, между прочим, дословно говорится: “По данным, полученным из советских кругов, полным ходом идет перевооружение ВВС, танковых войск и артиллерии с учетом**

опыта современной войны, которое в основном будет закончено к августу 1941 года...»...»¹

«По данным из советских кругов» югославский военный атташе узнал явно не только о том, что полным ходом идет перевооружение Красной Армии — просто у этих двух преступников хватило ума не все оглашать. Однако же, судя по всему, одновременно перед югославским военным атташе разгласили и суть нашего плана обороны. Иначе откуда бы взяться в его отчете, а затем и в докладе югославского генштаба столь точной информации насчет того, что **«...Россия имеет новый оперативный план... где центр тяжести будет лежать на советско-венгерско-словацкой границе... Верховное командование Красной Армии считает, что это приведет к отсечению немецких войск от баз и уничтожению их...».**

Короче говоря, выходит, что при помощи Гитлера и Риббентропа удалось установить более точный промежуток времени, когда произошла утечка информации. Сей позорный факт имел место в промежутке от 15 октября до максимум середины декабря 1940 г., ибо сам доклад этого атташе датирован 17 декабря 1940 г.

И вот тут-то начинается самое неприятное. Ведь осенью 1940 г. и вплоть до начала 1941 г. в силу целого ряда внешнеполитических обстоятельств, связанных с ситуацией на Балканах, **с посланником Королевства Югославии в СССР и особенно югославским военным атташе встречался начальник Генерального штаба РККА генерал армии К.А. Мерецков².** По поручению советского правительства он вел с ними секретные переговоры по интересовавшим Кремль вопросам. И не это ли обстоятельство явилось одним из решающих факторов, приведших к аресту Мерецкова сразу после начала войны и вручения советскому правительству ноты германского МИД?! Если это предположение верное, то тогда понятна одна из истинных причин его ареста — чрезмерная болтливость, как минимум на грани откровенного предательства и шпионажа. Потому как болтать о содержании совершенно секретного документа особой важности, в котором изложены основы оборонительных мероприятий СССР по отражению агрессии, — уже особо опасное государственное пре-

¹ «Военно-исторический журнал». 1991, № 7. С. 32.

² Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 133.

ступление в виде, по сути дела, умышленного разглашения особо важной государственной и военной тайны. Для генерала и начальника Генштаба — тем более¹.

Пару слов об обещанном важном нюансе. Обратите внимание на то, что совпадение между тем, что было написано в докладе югославского генштаба, и дезинформацией британской разведки не только по времени, но и по сути. Более того. Деза бриттов как бы вполне комфортно ложится на полученные югославским ГШ сведения. Значит, английская разведка узнала об этом новом плане скорее всего практически одновременно с югославским военным атташе. Сие предположение отнюдь не лишнее, особенно если учесть, что между британским и югославским посольствами в Москве существовали тесные связи, а посланник Королевства Югославии в СССР Гаврилович и вовсе более чем обоснованно подозревался советской контрразведкой в передаче получаемых сведений в английское посольство. В таком случае, получив от своего военного атташе информацию о новом плане СССР, Гаврилович немедленно передал ее бриттам или же военный атташе сам это сделал.

Идем дальше. Югославский государственный аппарат, особенно наиболее важные его звенья, в том числе и силовые ведомства, включая и ГШ, в то время едва ли не в буквальном смысле слова были нафаршированы разветвленными агентурными сетями германской военной разведки и британской разведки. В итоге эта информация пошла дальше. И в британскую разведку, ибо чуть позже фактически бумерангом она вернулась в Москву через К. Филби, хотя очень даже и не факт, что бритты только таким образом узнали о нашем плане, и в германскую разведку тоже. Сомневаться в последнем не приходится, особенно в свете изложенного выше.

Но дальше-то еще печальнее получается. Судите сами. Как известно, 18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил директиву № 21 — план

---

¹ К слову сказать, подобное неоднократно имело место и во время войны. Во время войны и Берия, и Абакумов, особенно когда последний стал главой СМЕРШ, не раз и не два докладывали Сталину и руководству Генштаба о причинах расконспирации наступательных операций советских войск, что приводило к огромным, ничем не оправданным потерям с нашей стороны. И главная причина заключалась прежде всего в чрезмерной болтливости самого командования на местах, а также в его далеко не профессиональных действиях по подготовке наступательных операций. См., например, «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки /Сост. А. Т. Жалобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003. С. 28—30.

«Вариант Барбаросса» с особым приоритетом главного удара именно севернее Бреста, который должны были наносить в тесном взаимодействии ГА «Центр» и ГА «Север». А на юго-восточном (для нас — юго-западном) направлении германским генштабом был запланирован всего лишь один из ударов при активном участии румынской армии, что означало игнорирование немцами этого направления как главного.

Еще печальнее получается потому, что при таком раскладе по времени, который был указан выше, трудно, очень трудно отделаться от впечатления, что генштабовские супостаты Третьего рейха и особенно сам преступник № 1 всех времен и народов состряпали и утвердили окончательный вариант плана «Вариант Барбаросса» не без учета полученной абвером из Белграда анализируемой информации. Увы, но сомневаться в этом едва ли возможно, особенно если учитывать прямую ссылку германского МИД на отчет югославского военного атташе.

Но отчет — это итоговый документ. Между тем правила разведки в своей универсальности таковы, что вся информация, которая ежедневно добывается, немедленно направляется в Центр. Соответственно, и югославский военный атташе действовал подобным же образом — после каждой встречи с представителями высшего советского командования направлял в Белград подробный отчет о встрече и содержании состоявшейся беседы. А то, что в ноте германского МИД было указано, что-де правительство рейха недавно нашло в Белграде отчет югославского военного атташе в Москве от 17 декабря 1940 г. — не более чем дипломатическое прикрытие ранее полученной по разведывательным каналам абвера важной информации.

Ну а когда Жуков возглавил Генштаб, то немцы окончательно впали в то самое убеждение, о котором и сообщила разведка. Проще говоря, речь идет о следующем. Супостаты заранее знали, что сосредоточение основных сил западной группировки РККА хотя бы и для контрнаступления будет **именно заранее** происходить на левом крыле (для них правом) советской группировки. То есть, принимая во внимание приведенный выше вывод о том, что протаскивание незаконной идеи началось задолго до февраля—марта 1941 г., то и впрямь выходит, что это началось еще во времена тандема Тимошенко—Мерецков, а при тандеме Тимошенко—Жуков протаскивание было резко активизировано.

Британская же разведка, в свою очередь распространяя дезинформацию, очень ловко обыграла одно обстоятельство. Попробуй определить, для контрнаступления или же для превентивного удара сосредотачиваются войска, ведь черты группировки, имеющей в том числе и наступательные задачи, налицо, а вот точное предназначение — неизвестно, но логика восприятия генштабами такой информации такова, что первым за основу принимается наихудший вариант — превентивный удар. Бритты отлично представляли себе, как нужно остро раздражающе дразнить и провоцировать ими же порожденных супостатов. Правда, объективности ради поневоле придётся отдать должное главному штабному супостату Третьего рейха Ф. Гальдеру — этот матерый штабной волк быстро понял, что на этом направлении возможно именно контрнаступление советских войск, а не превентивный удар. Причем быстрое по отношению к факту и времени нападения контрнаступление.

Соответственно произошло и окончательное убеждение в том, что главный удар вермахта надо готовить именно на своем левом (для нас правом) фланге, но с акцентом удара непосредственно по центру советской обороны. Проще говоря, они полностью зрячими составили свой окончательный вариант плана агрессии. Самого же внезапного наступления и тем более внезапного превентивного удара со стороны СССР супостаты, включая и самого главного, фюрера, не опасались до самого начала агрессии и все время ныли и скулили, что-де СССР не дает им никакого повода для нападения.

Вплотную к этим данным и их аналитическому освещению примыкает следующая разведывательная информация. По сообщению резидента ГРУ в Румынии от 5 мая 1941 г., гитлеровское командование одновременно было нацелено на недопущение какого-либо наступления Красной Армии на Румынию, в том числе и недопущение бомбовых ударов по Румынии¹, которая в то время являлась основным источником нефти и нефтепродуктов для Третьего рейха. Весь трагизм этой информации заключался в том, что действительно такие планы у советского командования были и должны были быть реализованы в порядке контрнаступления при наличии благоприятных условий. Но только после отражения и сдерживания первого

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737—740, 744—745.

удара активной обороной и активными действиями по сковыванию, под прикрытием чего должно было быть осуществлено отмобилизование и сосредоточение основных сил.

Проще говоря, трагизм этой информации в том, что и она, увы, суть очередного свидетельства утечки важнейшей стратегической информации о планах высшего советского командования. Причем утечки именно из высшего эшелона нашего командования.

Конечно, можно расценить упомянутую информацию и как свидетельство правильного стратегического предвидения самих германских штабных супостатов и не склоняться к варианту об утечке информации.

Однако же эта информация поступила 5 мая 1941 г., а подобные намерения высказывались еще в самом первом варианте проекта «Соображений...» и впоследствии тоже. Конечно, и тут можно сказать, что после того не значит вследствие того.

Но как тогда расценивать прозвучавшие в сообщении того же Старшины едва ли не на грани текстуального совпадения с советским документом предложения о бомбардировке советской авиацией румынских нефтяных промыслов, о необходимости прорваться через Венгрию с тем, чтобы отрезать Германию от Балкан?¹ Ведь это сообщение агента внешней разведки, как отмечается в «Очерках Истории Российской Внешней Разведки», переполошило Центр, и он направил сообщенные агентом данные в ГРУ².

Увы, но это уже не шутки. Совершенно по разным каналам, от совершенно разных источников поступает одна и та же информация, свидетельствующая в первую очередь об утечке, причем одна из информаций и вовсе вызвала переполох в Центре. В сочетании же с информацией югославского генштаба, а также дезинформацией британской разведки и вовсе получается практически однозначная и, увы, более чем удручающая картина — из высшего звена либо из ближайшего окружении высшего звена высшего советского командования происходила серьезная утечка важнейшей стратегической информации!

¹ ЦА СВР РФ. Д. 23078. Т. 1. Л. 430—431. Машинопись, заверенная копия. Приводится по: «1941 год». Т. 2, Документ № 539. Цитируемый документ представляет собой справку Первого Управления НКГБ СССР № 209 от 11 июня 1941 года.

² Очерки Истории Российской Внешней Разведки. М., 1997, Т. 3. С. 427.

Комментарий. Любопытно в связи с приведенными выше фактами и их аналитическим освещением следующее свидетельство. 19 августа 1941 г., то есть в самый разгар трагедии, уже месяц как бывший начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г.К. Жуков представил И.В. Сталину доклад о своем видении перспектив развития событий на Юго-Западном фронте, в котором содержался также и чистейшей воды донос с далеко идущими целями и последствиями. **«Я считаю, — писал Жуков, — что противник очень хорошо знает всю систему нашей обороны, всю оперативно-стратегическую группировку наших сил и знает наши ближайшие возможности. Видимо, у нас среди очень крупных работников, близко соприкасающихся с общей обстановкой, противник имеет своих людей»¹.** Ну, и как вам это снизошедшее на Жукова в самый разгар трагедии и после драконовского, но абсолютно обоснованного приказа № 270 от 16 августа 1941 г. «озарение»?!

Так ведь это не единичные случаи утечки совершенно секретной информации, в том числе и особой важности. Например, в середине мая 1941 г. Сталин санкционировал выдвигание некоторых армий из внутренних округов в приграничные. И едва только началась эта переброска войск, а она, и об этом следует сказать особо, происходила в условиях максимальной секретности, так практически сразу МИД нацистской Германии предъявил руководству СССР ноту протеста с требованием объяснить, почему 16-я армия из Забайкальского округа перебрасывается по железной дороге на запад?!² И что особенно любопытно — были точно названы номер армии и направление передислокации.

Автору не удалось заполучить шанс ознакомиться с этой германской нотой протеста. Однако, зная практику таких нот, имею все основания утверждать, что там были представлены неоспоримые доказательства начавшейся переброски именно этой армии и именно

¹ ЦА МО РФ. Ф. 219. Оп. 178510. Д. 29. Л. 1—6.

² Это свидетельство Ивана Владимировича Ковалева (28.06.1903—29.05.1991), который встретил войну в должности заместителя народного комиссара Госконтроля СССР по железнодорожному транспорту. Впоследствии начальник Управления, а затем и Центрального Управления военных сообщений Красной Армии, с декабря 1944 г. — нарком путей сообщения СССР.

на запад. Почему неоспоримые? Да потому, что в противном случае СССР мог, во-первых, послать протестующую сторону куда подальше, а, во-вторых, запросто обвинить ту же Германию во вмешательстве в свои внутренние дела. Суверенное государство на то и есть суверенное государство, что обладает всеми правами для переброски, никого не спрашивая и никого не извещая об этом, своих войск туда, куда необходимо руководству этого государства и его военному командованию. Тем более что между Германией и СССР не было никаких письменных договоренностей, особенно в виде соответствующих договоров или соглашений, о необходимости предупреждения о передвижении войск. Естественно, что Сталин, который не хуже, если не лучше, гитлеровской дипломатии умел маневрировать, запросто отбил эту дешевую атаку ведомства Риббентропа. По его приказу советские дипломаты в прямом смысле отбрехали тем, что-де 16-я армия направляется якобы к советско-иранской границе на случай, если англичане попробуют нанести удар по южным районам СССР из Индии через Иран. В Берлине же, само собой разумеется, этой брехологии не поверили. Да и не собирались они верить. Им важно было любыми средствами помешать своевременному прибытию дополнительных советских войск из внутренних округов к границе. Что и случилось. Ведь Сталин вынужден был отдать распоряжение наркому обороны маршалу Тимошенко временно завернуть эшелоны 16-й армии на юг. По-другому уже было нельзя. Передислокация армии была вскрыта будущим противником на начальной стадии. И 16-я армия так и болталась на железной дороге вплоть до 22 июня включительно. Хуже того. Даже после начала войны сложилась ситуация, в которой эшелоны с частями 16-й армии застряли на железной дороге так, что лично Сталин вынужден был 26 июня 1941 г. вмешаться в этот вопрос. Потому что не было даже точно известно, где конкретно они находятся. И даже Сталин не знал, где эта армия. Потому что, отдавая приказ срочно найти эшелоны этой армии и быстро продвинуть их к фронту, Сталин на карте обрисовал слишком большой район предполагаемого пребывания эшелонов с частями этой армии — к северу от Киева и на Брянск, Смоленск и Оршу.

А вот иной пример. В статье доктора исторических наук, профессора, академика РАЕН, руководителя Центра военной истории России

Института российской истории РАН Г.А. Куманева «**Война и эвакуация в СССР. 1941—1942 годы**» указывается, что 21 апреля 1941 г. была создана специальная Комиссия по эвакуации из г. Москвы населения в военное время. Ее возглавил председатель Моссовета В.П. Пронин. 3 июня эта комиссия представила И.В. Сталину свой план и проект постановления Совнаркома СССР «О частичной эвакуации населения г. Москвы в военное время». Предусматривалось, в частности, с началом войны вывезти в тыловые районы 1 млн 40 тыс. москвичей. 5 июня на докладной записке председателя комиссии Сталин наложил следующую резолюцию: «Т-шу Пронину. Ваше предложение о “частичной” эвакуации населения Москвы в “военное время” считаю несвоевременным. Комиссию по эвакуации прошу ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить. Когда нужно будет и если нужно будет подготовить эвакуацию — ЦК и СНК уведомят Вас»¹.

В данном случае надо правильно понять Сталина в вопросе о том, почему он не разрешил доводить эти предложения до сведения конкретных исполнителей. В том был громадный политический, скорее даже стратегический смысл. Потому что в таком случае неизбежно поползут всевозможные слухи, которые будут очень сильно нервировать население, фактически провоцируя его на панику задолго до войны. Уж что-что, но язык за зубами у нас держать не умеют. Даже в условиях жесткого сталинского режима и то болтали столь много и на такие ненужные темы, что не только оказывались за решеткой за бессмысленную и опасную болтовню, но и обеспечивали иностранные разведки вполне серьезной информацией. А оно надо было Сталину, чтобы о его планах по мобилизации государства и эвакуации во время войны заранее знали бы в том же Берлине?! Собственно говоря, именно поэтому-то он и отписал председателю Моссовета В.П. Пронину такую резолюцию. Иначе было нельзя. Если бы об этом стало известно хотя бы в Москве именно в тот момент, то есть в начале июня, то началась бы паника буквально по всей стране. Последствия трудно представить — даже зная, что происходило после 4 часов утра 22 июня 1941 г.

Увы, но, несмотря на то, что обсуждение вопроса происходило в весьма узком кругу высшего руководства, невзирая на такую

¹ «Новая и новейшая история». 2006, № 6. С. 223.

резолюцию Сталина, об этом проекте стало известно германской разведке, и в Берлин ушла информация о разработке Кремлем планов эвакуации населения, промышленности и правительственных учреждений! К сожалению, это стало известно только в наше время. В настоящее время это донесение германской разведки хранится в одном из фондов Политического архива МИД ФРГ¹.

И еще один пример. Политбюро ЦК ВКП(б) еще только собиралось обсудить вопрос о возможности и целесообразности формирования в составе РККА отдельной дивизии из числа польских военнопленных — заседание ПБ по этому вопросу было назначено на 4 июня 1941 г., — а германская военная разведка, «не дожидаясь решения Политбюро», уже настойчиво ставила своей агентуре задачу выяснить, «призываются ли в Красную Армию офицеры б. (то есть бывшей. — А.М.) польской армии; если да, то каково их отношение к этому мероприятию и их моральный облик»?!. Именно так говорилось в подпункте «г» «Спецсообщения Разведотдела ЗапОВО в ГРУ ГШ о подготовке Германией войны против СССР»². И вот ведь что особенно интересно. Хотя это спецсообщение и датировано 3 июня 1941 г., но ведь данные-то были получены от захваченной на советской территории агентуры абвера. А те в свою очередь получали задание 24 мая 1941 г., когда тоже состоялось знаменательное заседание Политбюро, на котором Сталин известил всех присутствовавших о том, что в самое ближайшее время СССР подвергнется внезапному нападению со стороны Германии. И вопрос о возможности и целесообразности формирования отдельной дивизии из числа польских военнопленных на столь высоком уровне впервые предварительно обсуждался именно тогда. Сам же вопрос прорабатывался в наркомате обороны, Генштабе при содействии НКВД и НКГБ СССР.

Нельзя забывать также и того, что советские разведывательные службы сообщали и крайне нелюбимую, прежде всего для армейского генералитета, информацию:

1. Разведка сообщала также и о том, что Красную Армию ожидает предательство в форме подставы под разгром, вследствие чего

¹ Вишлѐв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 65. Вишлѐв в свою очередь ссылается на внимательно изученные им материалы Политического архива МИД ФРГ, приводя в большом количестве соответствующие ссылки.

² ЦА МО РФ. Ф. 113А. Оп. 1448. Д. 6. Л. 186—225.

она будет разгромлена в приграничных армиях! Вот выдержка из одного из таких сообщений: «Русская армия поставит себя под удар немецкого наступления в западной части СССР и будет там разбита в кратчайший срок». Резидент ГРУ. 28.5.1941 г.¹ Что и произошло — приграничное сражение было вдребезги проиграно Красной Армией.

2. Разведка сообщала, что **Красная Армия будет разбита в четыре недели**². Приграничное сражение было проиграно и того ранее, ибо спустя четыре недели с начала агрессии окаянные супостаты были уже на сотни километров в глубине советской территории.

3. Разведка сообщала, что **Красная Армия будет окружена и расколота быстро бронемеханизированными частями по испытанной немецкой тактике, и будет иметь судьбу польской армии**³. Что и произошло.

4. Разведка сообщала также и о том, что **Красную Армию ожидает серьезное поражение, в связи с чем командование вермахта было безмерно удовлетворено тем, что «главные силы Красной Армии будут сконцентрированы в противоположном направлении от линии, дающей полную возможность для сильного удара»?**⁴ А ведь это и в самом деле имело место быть. Выше об этом уже говорилось.

5. Разведка сообщала и о том, что **Красную Армию ожидает разгром в варианте Канн**⁵.

6. Разведка сообщала (в том числе и документально) и о том, что **Минск будет взят на пятый день с начала агрессии!**⁶

7. Разведка сообщала также и о том, что **накануне нападения нацистские главарь почему-то были уверены в том, что Красная Армия сможет сопротивляться не более 7 дней**⁷. Что, собственно говоря, и произошло — приграничные сражения были вдребезги

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 864—874.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 737—740, 744—745.

³ Там же.

⁴ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 527—529. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия. Это сообщение Р. Зорге от 3 июля 1941 г. на запрос в ответ на его телеграмму от 1 июня.

⁵ Цит. по: *Лота В.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 303.

⁶ *Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н.* Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 12.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 279—280. Копия.

проиграны аккуратно к 30 июня 1941 г., причем по всей линии вторжения супостатов. Это, конечно, не означает, что вся Красная Армия была разгромлена. Разгрому подверглась приграничная группировка РККА. Прежде всего, на северо-западном и западном направлениях. То есть войска Прибалтийского и особенно Западного округов, превратившихся с раннего утра 22 июня во фронты.

8. Разведка информировала и о том, что **нацистские супостаты пребывают в абсолютной уверенности, что вермахт сможет осуществить быстрый захват Москвы**¹. Подобные высказывания понижали многие сообщения разведки. В одних указывалось, что супостаты надеются через семь дней захватить Москву, в других — через четыре недели, а в некоторых указывался срок в 2—3 месяца².

9. Разведка информировала и о том, что **нацистские супостаты надеются на то, что в СССР произойдут массовые внутренние беспорядки, прежде всего в Прибалтике, Западной Украине и Западной Белоруссии**³. Хуже того. Разведка сообщала, что захват, в частности, Украины немецкой армией «... обеспечен изнутри хорошо работающей на территории СССР пятой колонной»⁴.

10. Разведка сообщала и о том, что **нацистские супостаты надеются на то, что удастся быстро сформировать новое правительство, которое спровоцирует гражданскую войну в СССР**⁵.

11. Разведка информировала о том, что **нацистские супостаты пребывают в уверенности, что в СССР произойдет бунт (переворот) в общегосударственном масштабе**. Кстати говоря, уже в самом конце войны были получены абсолютно идентичные данные, согласно которым во время состоявшегося в первый день войны Гер-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 279—280. Копия.

² См., например: ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 606—609. Кроме того: *Гладков Т.* Король нелегалов. М., 2000. С. 222, 224. *Очерки Истории Российской Внешней Разведки.* Т. 3. М., 1997. С. 427. ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. *Секреты Гитлера на столе у Сталина.* М., 1995. С. 117, 118.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. *Секреты Гитлера на столе у Сталина.* М., 1995. С. 117, 118.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 56. Л. 1164—1167. *Секреты Гитлера на столе у Сталина.* М., 1995. С. 71.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 57. Л. 1373—1377. *Секреты Гитлера на столе у Сталина.* М., 1995. С. 118.

мании с СССР приема у Гитлера Геббельс заявил, что в России будет революция, и это облегчит победу над СССР. Эта поразительная информация была получена во время первого же допроса 29 апреля 1945 г. выдающейся актрисы мирового значения и советской разведчицы-нелегала **Ольги Чеховой**, который осуществлял сотрудник СМЕРШ полковник Шкурин¹. Столь же нелишне будет указать и то, что аналогичная информация поступала в Москву еще за пять лет до трагедии 22 июня! Об этих фактах уже говорилось выше. Так на чем же основывалась их уверенность в этом случае?!

Уж не совокупностью ли всех приведенных выше данных, а также иных, пока еще неизвестных нам сведений были обусловлены слова Сталина, сказанные им уже после Победы. Ведь если взглянуть на текст направленной стенографической записи тоста Сталина за русский народ во время приема 24 мая 1945 г. в Кремле в честь командующих войсками Красной Армии, то любой будет шокирован: «У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—42 гг., когда наша армия отступала, покидала родные нам села и города Украины, Белоруссии, Молдавии, Ленинградской области, Карело-Финской республики, покидала, потому что не было другого выхода. **Какой-нибудь другой народ мог сказать: ну вас к черту, вы не оправдали наших надежд, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Германией и обеспечит нам покой. Это могло случиться, имейте в виду**»².

Ну и как вы думаете, могли ли забыть маршалы и генералы такой упрек? Ведь даже после столь феерически блистательнейшей Победы и в эйфории всеобщего ликования Сталин ясно и недвусмысленно заявил им, что не собирается забывать, что такое действительно могло случиться. И ведь не где-нибудь напомнил-то, а прямо на приеме для командующих войсками! Проще говоря, именно маршалам и генералам он ясно показал, что у него еще тогда, в 1941 г., была очень тревожная информация на этот счет. И что он будет до конца разбираться с тем, как произошла кровавая трагедия 22 июня и кто и в чем конкретно виноват! Естественно, что ни маршалы, ни генералы не забыли этого

¹ *Дамаскин И.А.* Богини разведки и шпионажа. М., 2006. С. 139.

² РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 511. Л. 112—113. Цит. по: *Невежин В.А.* Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007. С. 265.

укора и, едва только Сталина не стало, стали всю поливать его грязью. И больше всех один из главарей «киевской мафии» — Г.К. Жуков. Естественно, что крепко досталось и другим, в том числе и разведке.

Как видите, и накануне войны, и после нее советские разведывательные службы еще много чего такого сообщили, от чего волосы дыбом встанут. Особенно если их информации аналитически сравнить с трофейными документами и данными о действиях советского командования накануне и в первые мгновения войны, причем в комплексе с данными советской военной контрразведки. В этом случае и вовсе можно прийти в непередаваемый и неопишуемый ужас, но не в этом все дело-то. Суть дела в том, что такие данные разведки в свете кровавой трагедии 22 июня вынуждают совсем по-иному смотреть на предвоенную деятельность пускай и незначительной в количественном отношении, но ведь очень влиятельной группы генералов. Проще говоря, на деятельность клана «киевской мафии».

Наконец, столь же нелишне будет вспомнить и о том, что же хранится в фондах Политического архива министерства иностранных дел ФРГ. А там хранятся предвоенные агентурные данные германского разведцентра в Праге «Информационштелле III». Напомнить для сравнения с данными нашей разведки и тем, как она воспринималась в высшем военном руководстве СССР накануне 22 июня? Так вот, в **одном** из таких агентурных донесений из Москвы — кстати говоря, все упоминаемые здесь немецкие агентурные данные относятся к маю 1941 г., — утверждалось, что часть командиров Красной Армии питает надежды на то, что война с Германией приведет к падению сталинского режима¹. В другом сообщалось, что ни авиация, ни танковые части Красной Армии не сыграют никакой роли при нападении Германии на СССР². Что, между прочим, и случилось. В третьем говорилось, что Тимошенко исподволь обвиняется в том, что он, как украинец, замышляет измену — сдачу немцам Украинны. Несмотря на то, что формально тут неточность — Тимошенко хотя и имел украинскую фамилию, но вообще-то родом из Бессарабии, из села Фурманка — само по себе это донесение очень уж красноречиво³. В четвертом донесении толкуется о некоем «чисто русском патриоти-

¹ Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 64—65. С прямой ссылкой на ряд документов из фонда Политического архива МИД ФРГ.

² Там же.

³ Там же.

ческом империалистическом (скорее имперском. — *А.М.*) движении, которое может смести правительство Сталина»¹. И так далее.

В заключение этой главы, очевидно, небезынтересно будет отметить следующее:

1. По данным давно вхожего в высшие политические круги России и многих постсоветских государств очень осведомленного о многих тайнах прошлого и настоящего известного тележурналиста А.В. Караулова, ссылавшегося к тому же на высказывание одного из авторитетнейших политических деятелей современной России, **один из заместителей наркома обороны Тимошенко был предателем — «...с конца тридцатых годов работал на Гитлера»².**

Судя по всему, благодаря усилиям этого «крота»-предателя наши планы по отражению агрессии стали известны противнику, а гигантское количество различного оружия, боеприпасов и других материально-технических ценностей группировки РККА попало в руки гитлеровцев прямо в первые же часы и дни войны. И это не говоря уже о том, какое влияние мог и ведь явно же оказал этот предатель на систему военного планирования в последние девять-десять месяцев перед войной. Заместителями наркома обороны были в основном генералы — к сожалению, А.В. Караулов не назвал фамилию этого генерала. Впрочем, ее не назвал и тот политический деятель, на которого сослался Андрей Викторович, также не назвав его имени.

2. В программе «**Военная тайна с Игорем Прокопенко**» от **28 мая 2012 г.** был показан фрагмент интервью с известным германским историком **Матиасом Улем**, который без обиняков, на чистом русском языке заявил, что, по данным немецких архивов, у германского абвера был агент в советском Генеральном штабе — высокопоставленный генерал, в отношении которого на совещании у Гитлера перед решающим наступлением вермахта на Москву глава абвера адмирал Канарис заявил, что, **во-первых**, у него действительно имеется такой агент, а, **во-вторых**, и это еще более важно, **что этот агент может возглавить временное правительство после захвата Москвы.** Правда, Матиас Уль с сожалением признал, что ввиду недоступности ряда материалов (надо же, и в демократической Германии такие же проблемы с архивами, как и в России!), пока не удастся установить

¹ Там же.

² *Караулов А.В.* Русский ад. М., 1997. С. 731.

имя этого агента-генерала. Надо ли дополнительно объяснять, что наличие такого высокопоставленного «крота» в Генштабе уже есть рафинированный пример отпетого предательства и измены? Надо ли пояснять, что такую агентуру вербуют не столько для того, чтобы посадить в кресло вассального главы правительства, сколько для того, чтобы он передавал стратегическую информацию?! И надо ли, наконец, пояснять, что для того, чтобы создать временное правительство и тем более возглавить его, надо предварительно куда-то деть предыдущее правительство вместе с его главой? Проще говоря, стоит ли пояснять, что это свидетельство наличия заговора, преследовавшего цель свержения центральной власти в СССР? А что уж говорить о том, какое влияние мог оказать и явно оказал этот предатель на военное планирование в последние месяцев девять-десять перед войной?

3. В далеком 1956 г. в Англии была издана книга сбежавшего в 1947 г. на Запад предателя из числа военных, бывшего полковника Советской Армии некоего **Г. Токаева** — «Товарищ X».

В этой книге содержалось признание факта, что даже накануне войны в СССР действительно существовала подпольная организация, имевшая связи с заговором Тухачевского, но в целом, за отдельными исключениями, не пострадавшая в 1937—1938 гг. С 1934 г. ее возглавлял некий высокопоставленный военный, являвшийся членом ЦК партии. Токаев так и не раскрыл его. И даже не выдал никаких концов, чтобы, уцепившись за них, можно было хотя бы предположительно вычислить этого самого «товарища X» (хотя какой он товарищ, даже в кавычках — сволочь предательская, да и только).

Комментарий. Судя по всему, Токаев вовсе не случайно сбежал именно в 1947 г. Как он сам же и указал в своей книге, после войны над членами этой организации нависла серьезная угроза — начались аресты членов организации. Именно в то время еще в 1946 г. ставший министром госбезопасности СССР бывший глава легендарного СМЕРШ В.С. Абакумов, судя по всему, вплотную подошел к разоблачению этой организации — в то время активно шло следствие в отношении целого ряда генералов, в том числе и репатрированных из плена, которых уже при Хрущеве оптом реабилитировали летом 1953 г. Впоследствии они все вошли в список 101 генерала и адмирала, немедленной реабилитации которых потребовал Жуков и К^о в качестве платы за оказанное Хрущеву содействие в осуществлении государственного переворота в

конце июня 1953 г. и незаконном убийстве Л.П. Берии. Увы, но Абакумова безжалостно подкосили специальными, остро целенаправленными интригами, а потом и вовсе уничтожили после убийства Сталина. Причем делалось это под руководством Хрущева. Надо ли и в этом случае отдельно пояснять, что осуществляющиеся этой организацией под руководством отпетого негодяя некоего «Х» вредительство, саботаж, измена Родине в виде шпионажа в пользу Третьего рейха накануне и в начале войны не были простой самодеятельностью, а элементами заговорщического плана, направленного на обеспечение поражения советских войск в войне с гитлеровской Германией?

На основании всего изложенного в этой главе без особого труда можно уяснить, что у маршалов и генералов было предостаточно мотивов, чтобы за все свои... а также ошибки, которые были хуже, чем преступления, сделать крайними и разведку, и тем более Сталина?¹ Они и сделали это, пользуясь тем, что вообще разведка что в СССР, что теперь в России априори не может огрызаться на действия государственного руководства, а военная — тем более не может, так как находится в прямом подчинении и министра обороны, и начальника Генерального штаба, над которыми еще и Верховный Главнокомандующий в лице президента. Короче говоря, нет у разведки возможности что-то, тем более своевременно и очень подробно, ответить — тут же заткнут, не говоря уже о незыблемом режиме секретности разведки. А уж про Сталина и вовсе речи нет — что он может сказать из могилы-то?!

Глава 3

ПОДЛЫЕ ИНТРИГИ ВОКРУГ ДОКЛАДА ГРУ ОТ 20 МАРТА 1941 ГОДА

ПРОСКРИПТУМ

Всем историкам и просто интересующимся историей кануна Великой Отечественной войны хорошо известен теперь уже ставший знаменитым доклад ГРУ от 20 марта 1941 г. С нелегкой руки Жукова

---

¹ Еще раз напоминаю, что к подобным делам никакого отношения не имели только два маршала — Великий Маршал Великой Победы, честнейший и благороднейший К.К. Рокоссовский и верный рыцарь Сталина — Главный маршал авиации, создатель советской авиации дальнего действия А.Е. Голованов.

и К° именно этот документ сделали объектом особо злобных нападок на разведку. Более всех на эту тему «перестарался» ныне покойный военный историк В. Анфилов. Более сорока лет кряду во всевозможных вариациях он старательно распространял гнусную ложь в различных книгах и иных публикациях, запутав буквально всех и вся. Правда, ни на йоту не отдавая себе отчета в том, что лжет хуже, чем Геббельс. Но колченогий нацистский супостат хоть понимал, о чем он лжет и для чего он лжет. Чего нельзя сказать о покойном профессоре. Ибо он попросту не понимал, что пишет более сорока лет кряду. А если по-простому, то более сорока лет кряду он всем и вся демонстрировал, какой он был двоечник в школьные годы, ибо не зная того, что проходят еще по школьной программе, — профессору не к лицу. Но если все понимал и тем не менее по конъюнктурным соображениям лгал сорок лет кряду — тем хуже. Но поскольку его уже нет в живых, то пусть Господь Бог будет ему судьей — теперь это его прерогатива. Нам же остается только глубоко сожалеть, что на протяжении сорока лет и более, ибо это продолжается и поныне, доверчивое общественное мнение внимало и, увы, еще внимает этой профессорской лжи. Однако, как говаривал Наполеон, всему есть предел. Настал черед жестко положить предел и этой лжи. **Потому что она затрагивает честь всей советской разведки, а не только ГРУ, ибо в этом докладе фигурировали и данные советской внешней разведки.**

Прежде всего полностью приведем содержание самого доклада, тем более что в нем отражены и сведения внешней разведки НКВД-НКГБ СССР: «Доклад

Начальника Разведуправления Генерального штаба Красной Армии в Народный Комиссариат обороны СССР, в Совет Народных Комиссаров и ЦК ВКП(б) “Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР”

20 марта 1941 г.

бн

20 марта 1941 г.

Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит из англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление

ухудшить отношения между СССР и Германией. Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и “красочно” изложенных в его книге “Моя борьба”, краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 — март 1941 г. заслуживают в некоторой своей части серьезного внимания. За последнее время английские, американские и другие источники говорят о готовящемся якобы нападении Германии на Советский Союз. Из всех высказываний, полученных нами в разное время, заслуживают внимания следующие:

1. Геринг якобы согласен заключить мир с Англией и выступить против СССР.

2. Японский ВАТ передает, что якобы Гитлер заявил, что после быстрой победы на западе он начинает наступление против СССР.

3. В Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь за СССР.

4. Турецкая газета “Сон поста” сообщает, что германский командующий войсками в Австрии, обращаясь к войсковым частям, заявил, что главным врагом Германии являются русские и что на германских солдат может быть возложена задача еще большего расширения границ Германии.

5. Американский посол в Румынии в своей телеграмме в Вашингтон сообщает, что Джигуржу имел беседу с Герингом, в которой последний сказал, что если Германия не будет иметь успеха в войне с Англией, то она вынуждена будет перейти к осуществлению своих старых планов по захвату Украины и Кавказа.

6. Германский ВАТ высказал, что после окончания войны с Англией немцы помогут Финляндии получить обратно потерянные территории.

7. Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить вопрос на востоке.

8. В беседе с югославским ВАТ в Москве, последний говорил, что Финляндия — это зона интересов СССР. Недавно советник германского посольства в Москве Пильгер (так в тексте, правильно — Хильгер. — А. М.) прямо сказал, что финны храбро дрались зимой, и они их русским не отдадут. За последнее время немцы подстрекают финнов против русских. Финны уже поговаривают о том, что “граница с СССР еще не окончательная, посмотрим, что будет после заключения мира в Европе”.

9. Югославский ВАТ считает, что среди немцев имеются два течения: первое — СССР в настоящее время слаб в военном и внутреннем отношениях и настаивают на том, чтобы использовать удобный момент и вместе с Японией покончить с СССР и освободиться от пропаганды и дамоклова меча, висящего все время над Германией; второе — СССР не слаб, русские солдаты сильны в обороне, что доказано историей. Рисковать нельзя. Лучше поддерживать с СССР хорошие отношения.

10. Английские и французские журналисты утверждают, что в Германии происходит какая-то расстановка сил. В Стокгольме велись переговоры между Германией и Англией, представителем от Англии был Ллойд Джордж, но эти переговоры ни к чему не привели. Греческий журналист сообщил, что в Мадриде в июле 1940 г. имели место переговоры между Германией и Англией и что Германия недовольна СССР, так как последний предъявляет какие-то новые требования.

11. Данные Германией и Италией гарантии о границе Румынии направлены исключительно против СССР. Эти гарантии дополнены военным соглашением между Германией и Румынией. Этими гарантиями проникновению СССР на Балканы будет положен конец.

12. Министр иностранных дел Румынии Студза старался убедить Гитлера внести предложение Рузвельту о мире между Германией и СССР. Гитлер хочет мира, так как его терпение к СССР почти истощилось и что СССР полностью будет готов к войне только в 1942 году. Он же сказал, что неофициально мирные переговоры ведутся в Стокгольме, Мадриде и Ирландии.

13. Среди немецких офицеров ходят слухи о том, что в феврале 1941 г. в своем выступлении в “Спортпаласе” на выпуске офицеров Гитлер сказал, что у Германии имеются три возможности использования своей армии в 228 дивизий: для штурма Англии; наступления в Африку через Италию и против СССР.

14. Столкновение между Германией и СССР следует ожидать в мае 1941 г. Источником подчеркивается, что это мнение высказывается как в военных кругах, так и в кругах министерства иностранных дел. Никто не реагирует одобрительно на эти планы. Считают, что распространение войны на СССР только приблизит конец национал-социалистического режима. Это мнение высказывает и племянник Браухича, который занимает пост в министерстве иностранных дел.

15. Шведский ВАТ в подтверждение сведений о подготовке наступления против СССР весной 1941 г. подчеркнул, что сведения получены от военного лица и основаны на сугубо секретном приказе Гитлера, который известен ограниченному кругу ответственных лиц. Руководитель восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия достигнуто не было ни в вопросе о Финляндии, ни о Болгарии (обратите на это внимание, а то обычно визиту Молотова в Германию приписывают попытку сговора с нацистами, чего не было и в помине, ибо в реальности имел место зондаж с нашей стороны позиции германского руководства по ряду важных вопросов. — *А.М.*). Подготовка наступления против СССР началась значительно ранее визита Молотова, но одно время была приостановлена, так как немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на востоке.

16. Для борьбы с Англией достаточно тех сил, которые сосредоточены на канале (имеется в виду пролив Ла-Манш. — *А.М.*), а остальные силы свободны для борьбы против СССР. Выступление необходимо для того, чтобы создать ясность на востоке и ликвидировать постоянную опасность того, что СССР может выступить на стороне Англии, а также захватом Украины обеспечить Европу продуктами питания.

Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1 по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 г. (приложение № 1):

“...основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р(ека) Березина и далее вдоль Днепра на Киев”;

2. Вариант № 2 по данным КОВО (Киевского Особого военного округа. — *А.М.*) от декабря 1940 г. (приложение № 2): “...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того,

Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и (войск) из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у нее территорию. Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке фронта наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории. На востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна”.

3. Вариант № 3 по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 г. (приложение № 3): “...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт (так в тексте, правильно — Рундштедт. — А.М.) — в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киев. Начало наступления на СССР ориентировочно 20 мая”.

Кроме этих документов, по данным других источников, известно, что план наступления против СССР будет заключаться в следующем:

а) после победы над Англией Германия, наступая против СССР, предполагает наносить удар с двух флангов: охватом со стороны севера (имеется в виду Финляндия) и со стороны Балканского полуострова;

б) коммерческий директор германской фирмы “Тренча майне лимитид” заявил, что нападение на СССР произойдет через Румынию. Для этого Германия строит шоссе из Протектората через Словакию в Венгрию с целью переброски войск к советской границе. Венгрия и Румыния разрешили Германии пользоваться всеми путями сообщения для переброски войск, а также разрешили ей строить новые аэродромы, базы для мотомехчастей и склады для амуниции. Венгрия разрешила Германии пользоваться частью своих аэродромов. Все румынские войска и военно-технические сооружения находятся в распоряжении германского командования;

в) югославский (енный) ат(таше) Смидович заявляет, что, разрешая балканский вопрос, трудно представить, куда немцы направят свое

острие, но он лично убежден, что все это предшествует нападению на СССР. Сам факт выхода немцев в Дарданеллы является прямым актом против СССР. Вообще, Гитлер никогда не изменял своей программе, изложенной в книге “Моя борьба”, и эта программа является основной целью войны. Дружбой Гитлер пользуется как средством, дающим возможность разрешить задачу переустройства Европы (никакой дружбы с нацистами не было и в помине, ибо речь идет о договоре о ненападении — продукте голого прагматизма обеих сторон. — А.М.);

г) по сообщению нашего ВАТ от 14 марта, в Румынии упорно распространяются слухи о том, что Германия изменила свой стратегический план войны. В разговоре с нашим источником немецкий майор заявил: “Мы полностью изменяем наш план, Мы направляемся на Восток, на СССР. Мы заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Тогда мы будем непобедимыми и можем продолжать войну с Англией и Америкой”. Полковник Риошану, бывший товарищ министра в Румынии, в личной беседе с нашим источником сказал, что главный штаб румынской армии вместе с немцами занят сейчас разработкой плана войны с СССР, начало которой следует ожидать через три месяца.

Немцы опасаются выступления СССР в тот момент, когда они пойдут в Турцию. Желая предупредить опасность со стороны СССР, немцы хотят предпринять инициативу и первыми нанести удар, захватить наиболее важные экономические районы СССР, и прежде всего Украину.

д) по сообщению нашего ВАТ из Берлина, по данным вполне авторитетного источника, начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 г.

Вывод: **1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.**

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки. Начальник Разведывательного управления

Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Голиков»¹.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 14750. Д. 1. Л. 12—21. Стиль оригинала полностью сохранен. Все подчеркивания — ГРУ.

Кто только и как только не глумился над этим документом?! Каких только грязных и оскорбительных эпитетов на сей счет не выдумали не только в адрес Сталина, но и ГРУ, да и всей системы советских разведывательных служб того времени?! Особенно маршал Г.К. Жуков, А.И. Еременко и др. А уж как изгалялись всевозможные комментаторы маршальской брехни, особенно Анфилов, а также его последователи, в том числе и современные, — и вовсе не описать. Как уже указывалось выше, когда же клеветнику-«златоусту», но четырежды же Герою Советского Союза, Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову предъявили многочисленные донесения (военной) разведки о подготовке Германии к нападению на СССР, то он едва в кому не впал! Так ведь было отчего — с поличным же взяли! Ведь ему предъявили именно те сообщения, на которых он был указан как адресат и на которых стояла его же собственная подпись, свидетельствующая о том, что он ознакомился с их содержанием еще тогда, в 1941 г. Кстати, именно из-за этого он и вынужден был уже в первом, 1969 года издания варианте своих «Воспоминаний и размышлений» признать, что «20 марта 1941 г. начальник разведывательного управления генерал-лейтенант Ф. Голиков представил руководству доклад, содержащий сведения исключительной важности. В этом документе излагались варианты возможных направлений ударов немецко-фашистских войск при нападении на Советский Союз. Как потом выяснилось, они последовательно отражали разработку гитлеровским командованием плана “Барбаросса”, а в одном из вариантов, по существу, отражена была суть этого плана»¹. Тем не менее по неизменной в его жизни «традиции» Жуков и тут опустился до прямой лжи, письменно заявив в мемуарах, что-де «выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали всё их значение»².

Именно с этого совершенно необоснованного, лживого вывода Жукова и началась вся вакханалия в адрес советской разведки вообще. И разве удивительно после этого, что грубые нападки на ГРУ (и в целом на советскую разведку), утверждающие, что-де «соображения Голикова — это угодничество, дань культуре “гениального

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Изд. 10, т. 1. М., 1990. С. 248—249.

² Там же. С. 249.

вождя” и страху за свою судьбу» продолжаютя до сих пор?! Но кто бы взял на себя труд вразумительно объяснить, в чем конкретно ошибочность выводов этого доклада ГРУ?! Или в чем проявилось то же угодничество перед Сталиным?! Или каким же образом происходило отдание дани культу «гениального вождя»?! Или, тем более, проявление руководством ГРУ страха за свою судьбу?!

В чем конкретно ошиблось ГРУ, письменно указав, например, в выводе № 2 о том, что **«слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года (1941 г. — А.М.) войны против СССР необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки»**?! Где тут ошибка, если нападение произошло не весной, а летом — **22 июня 1941 г., в день летнего солнцестояния!** Разве это требует особых доказательств?! Что, тот же Анфилов в школу не ходил, что вслед за окончившим всего три класса церковно-приходской школы скорняком на весь свет растрезвонил его бред о том, что-де **«выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали всё их значение»**?! Или что, не знали ныне покойные маршал и профессор того трофейного документа, из содержания которого четко видно, что, начиная с 21 июня 1941 г., следовало ожидать нападения Германии на Советский Союз? Речь идет о документе ОКХ — Главного командования сухопутных войск от 31 января 1941 г., который назывался **«Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (“Барбаросса”)**». Именно там, в п. «в» (в переводе на русский язык) **12-го раздела** этой директивы, Прямо было указано: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день “Б”) можно было начать 21.6»**¹. Как же можно было, имея в наличии такой трофейный документ, охаивать доклад ГРУ, в который вошли данные всех разведывательных служб СССР?!

Увы, можно было. Потому как о «Варианте Барбаросса» знал едва ли не каждый младенец в Советском Союзе, а вот упомянутая директива длительное время была известна лишь узкому кругу военных и историков, главным образом, в погонах. Следовательно, брехать

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 206.

можно было что угодно. **Вот и брехали. Ну и добрехались в итоге до форменного маразма — весну от лета отличить не смогли...**

Однако ни аналитики ГРУ, ни сам его предвоенный глава Голиков в выводе № 2 даже на миллиоту не ошиблись. **Во-первых**, потому что — еще раз обращаю внимание на это обстоятельство — даже в важнейшем документе германского военного планирования — директиве Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) № 050/41 от 31.01.1941 г., в подпункте «в» п. 12 прямо было указано: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день “Б”) могло быть начато 21.6.»** (1941 г. — *А.М.*). А ведь эта директива — самая суть плана «Барбаросса», потому как она называлась **«Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (“Барбаросса”)**». Проще говоря, Гитлер и его генералы изначально же запланировали нападение на начало третьей декады июня 1941 г.!

Так неужели было столь уж трудно сравнить сей факт с выводом ГРУ и немедленно же осознать, что опиравшееся на данные всех спецслужб СССР ГРУ ни на йоту, ни даже на миллиоту или нанойоту не ошиблось, и соответственно прекратить вакханалию клеветнических нападков на этот документ?! Ведь процитированный документ-то давно уже известен историкам.

Тут нелишне будет вспомнить, что в последнее время на просторах Интернета развернулась нешуточная дискуссия о том, что-де эта дата (нападения) была вписана германскими штабными супостатами значительно позже. Утверждается, что это произошло в конце марта 1941 г. Иницировавшим эту дискуссию является некий Голицын, издавший (2011 г., издательство «Рейтар») очень ограниченным тиражом в виде фотокопий якобы подлинные документы германского военного планирования, относящиеся к «Варианту Барбаросса». О своем «вкладе» в историографию кануна войны без всякого стеснения он поведал в Интернете, после чего и началась дискуссия. И в этой связи хотелось бы обратить особо пристальное внимание на самое главное в этой истории в сопоставлении с докладом ГРУ от 20 марта 1941 г. На то самое главное, на которое и Голицын, и дискутирующие его книгу оппоненты в Интернете буквально не в состоянии обратить внимание. А суть этого главного вот в чем.

Если то, что пытается утверждать Голицын, квалифицировать как реальный факт, то тогда есть все основания прямо, открыто и честно на весь мир заявить, что в рассматриваемом докладе ГРУ аналитики военной разведки, опираясь на всю разведывательную информацию, показали фактически гениальные прозорливость и предвидение. Потому что, если исходить из дневниковых записей Ф. Гальдера, несколько расплывчатое упоминание о конкретной дате нападения на Советский Союз **впервые** появилось **только 29 марта**: «**Этцдорф**: Переговоры с Мацуокой, по-видимому, идут успешно. (Далее приводится примечание редакции Воениздата, которое публиковало дневник Ф. Гальдера. — А.М.)

Гитлеровское руководство пыталось склонить Японию к наступлению в южном направлении, то есть на Юго-Восточную Азию, чтобы связать там силы Англии, а в дальнейшем и США. По замыслу Гитлера, первым объектом усилий Японии должна была стать ключевая позиция англичан Сингапур. Кроме того, в Берлине надеялись привлечь японский флот к борьбе против британского судоходства и, воспользовавшись успехами своего союзника, получать с Дальнего Востока стратегическое сырье, в частности каучук. Эти вопросы стояли в центре дипломатических переговоров Японии и Германии весной 1941 года. 26 марта японский министр иностранных дел Мацуока прибыл в Берлин. Его беседы с Риббентропом с 27 марта по 5 апреля охватывали широкий круг вопросов предстоящей агрессии Японии на Дальнем Востоке, и в частности вопрос о нападении на Сингапур.

Очевидно, намечено наступление на Сингапур. Сроки, однако, не установлены. **Мацуоке было сообщено, что мы не заинтересованы в заключении русско-японского пакта о ненападении; достаточно заключения рыболовной конвенции и т.п.** Статс-секретарь министерства иностранных дел уведомлен о сроке наступления против Югославии и **сроке начала операции «Барбаросса»...**¹ После этого она уже была озвучена Гитлером перед генералами — **30 апреля 1941 г.**

Так вот, если первое, пускай даже и расплывчатое упоминание конкретной даты нападения в Берлине прозвучало только **29 марта**,

---

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939—1942 гг. М., 1968—1971. Приводится по: <http://millitera.lib.ru/db/halder/index.html>. Март 1941 года — http://millitera.lib.ru/db/halder/1941_03.html. — Март 1941 года.

а сам Гитлер озвучил (то есть назвал именно цифру) дату «**22 июня**» лишь **30 апреля**, то тогда выходит, что в подписанном **20 марта** докладе ГРУ содержится действительно гениально прозорливое предвидение времени нападения Германии на СССР — **не весной 1941 г., а позже, в ситуации попыток договориться с Англией!**

Проще говоря, низжайший поклон, честь и хвала безвестным аналитикам ГРУ, аналитически выдавшим на-гора такой прозорливо-провидческий вывод. Более того. В таком случае любые попытки охаивать этот доклад ГРУ — просто грязная, оскорбительная хула в адрес военной разведки СССР.

Во-вторых, обратите внимание на то, что в преамбуле доклада фигурирует ссылка на «библию нацизма» — гитлеровскую «Майн кампф». Вместе с выводом о причастности английской разведки к распространению дезинформационных слухов это означает следующее. В тексте «Майн кампф» есть следующие строки, которые цитируют все, кто занимается историей Второй мировой войны: «**Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешней политикой Германии довоенного времени (то есть до Первой мировой войны XX в. — А. М.). Мы начинаем там, где Германия кончила шестьсот лет назад. Мы кладем предел вечному движению германцев на Юг и Запад Европы и обращаем взор к землям на Востоке. Мы прекращаем, наконец, колониальную и торговую политику довоенного времени и переходим к политике будущего — к политике территориальных завоеваний. Но когда мы в настоящее время говорим о новых землях в Европе, то мы можем в первую очередь иметь в виду лишь Россию и подвластные ей окраинные государства. Сама судьба как бы указывает нам путь!**»¹.

Однако такое цитирование истари имеет навязанный изгибавшимся в унисон генеральной линии партии «историками» подловатый характер, обусловленный, видимо, соображениями мнимой политкорректности по отношению к бывшему союзнику по антигитлеровской коалиции, а, быть может, и еще чем-то. Дело в том, что оно исключает один малоизвестный, но имеющий принципиальное значение нюанс. Его, к слову сказать, отечественные историки принципиально обхо-

¹ *Hitler A. Mein Kampf. München, 1940. S. 296—297.*

дят до сих пор. Между тем перед процитированным абзацем Гитлер письменно разглагольствовал о союзе с Англией и о преимуществах этого союза. И начало этой цитаты в действительности выглядит так: **«Этим альянсом (то есть альянсом с Англией. — А.М.), мы, национал-социалисты...»¹ Разница, как видите, более чем принципиальная.**

Именно поэтому-то ГРУ и указало в своем докладе: **«Вместе с тем, исходя из природы возникновения и развития фашизма, а также его задач — осуществление заветных планов Гитлера, так полно и “красочно” изложенных в его книге “Моя борьба”, краткое изложение всех имеющихся агентурных данных за период июль 1940 — март 1941 г. заслуживает в некоторой своей части серьезного внимания».**

В-третьих, как только 23 августа 1939 г. между СССР и Германией был подписан договор о ненападении, высшее руководство Великобритании поручило своей разведке заняться широкомасштабным провоцированием столкновения между СССР и Германией. Уже осенью 1939 г. в посольства Германии и Советского Союза в разных странах мира стали подбрасывать всевозможные «подметные письма», преследовавшие одну цель — поскорее стравить обе державы в смертельной схватке. Немцам подкидывали письма, в которых утверждалось, что-де Советы вот-вот нападут на Германию, особенно если она вздумает начать вторжение в Англию. В советские же посольства подкидывали письма, в которых упорно утверждалось, что Германия вот-вот нападет на Советский Союз. Вся эта вакханалия постоянного, зачастую якобы достоверно документального подзуживания то Берлина, то Москвы к вооруженному нападению друг на друга началась уже осенью 1939 г. Сталин прекрасно знал об этом, так как обо всех таких случаях, а их были десятки, докладывали ему лично. Ну а точно вычислить, кто конкретный провокатор, — и вовсе было проще простого, ибо всякий раз выяснялось, что за всем этим стояла не просто выполнявшая указания британского правительства британская разведка, а само высшее руководство Великобритании, по мере надобности привлекавшее к исполнению столь грязного заказа свою разведку!

Как уже указывалось выше, с 22 июля 1940 г. упомянутое выше поручение британской разведке было оформлено уже личным при-

---

¹ Ibidem.

казом британского премьер-министра У. Черчилля **«разжечь пожар в Европе»**. Разжигать далее пожар в Европе в тот период времени можно было только на восточном азимуте, то есть с тем, чтобы он перекинулся на СССР! В скором будущем наш подлый «друг» по антигитлеровской коалиции У. Черчилль прекрасно это понимал и потому абсолютно осознанно отдал такой приказ главе Управления специальных операций МИ-6 Хью Дальтону при вручении ему Хартии УСО, то есть Положения об УСО. Правда, не учел одного обстоятельства. Потому как просто не знал, что под началом Х. Дальтона работали информаторы советской разведки, в частности, представитель всемирно знаменитого банкирского клана Ротшильдов — Виктор Ротшильд, ближайший друг и единомышленник великолепной «кембриджской пятерки» агентов советской разведки. Так что Сталин, который, что называется, исстари знал, что от У. Черчилля априори ничего иного, кроме подлости и коварства, ожидать не следует, своевременно узнал об этом подлом приказе. Кстати, обратите внимание на, возможно, и в самом деле случайное совпадение, но уж больно символичное совпадение. **21 июля** 1940 г. Гитлер отдал приказ о начале разработки плана агрессии против Советского Союза, а **22 июля** 1940 г. уже и Черчилль отдал упомянутый выше приказ британской разведке (к слову сказать, и это тоже одна из причин некоторого недоверия Сталина к разведывательной информации, так как знал об этом указании Черчилля).

Вот что являлось сутью дезинформации английской разведки. И вот почему доклад ГРУ от 20 марта 1941 г. начинался с абсолютно точной констатации реалий того времени: **«Большинство агентурных данных, касающихся возможностей войны с СССР весной 1941 г., исходит от англо-американских источников, задачей которых на сегодняшний день, несомненно, является стремление ухудшить отношения между СССР и Германией»**. Как с помощью данных разведки НКВД-НКГБ, так и исходя из собственной информации, ГРУ прекрасно это видело и понимало.

К слову сказать, согласно заявлению бывшего начальника советской нелегальной разведки (Управление «С» Первого главного управления КГБ СССР) легендарного аса советской разведки генерал-лейтенанта Ю.И. Дроздова, которое он сделал в интервью кор-

респонденту «Фонтанка. ру» 2 ноября 2011 года, «вина за то, что немцы в 1941 году напали на СССР, в том числе лежит и на США. Об этом почему-то сейчас не вспоминают, но ведь в 1940-м году советник английского премьер-министра Черчилля — Монтгомери Хайд, который помогал Уильяму Доновану создавать Управление стратегических служб, передал ему для вручения президенту США Рузвельту письмо Черчилля, где тот писал: поскольку США не находятся в состоянии войны с Германией, то не могли бы вы побудить Гитлера оставить в покое Балканы и ускорить мероприятия в отношении России. С той поры прошло уже много лет и многим на Западе кажется, что про это письмо все забыли. Но забыть можно лишь тогда, когда ты не хочешь помнить о чём-то». Так вот в том-то, все и дело, что советская внешняя разведка знала об этом письме, — одним из ближайших сотрудников Монтгомери Хайда был агент советской внешней разведки *Седрик Белфрейдж*.

Так что ГРУ совершенно справедливо усмотрело в этом козни англо-американцев. И остается только поражаться тому максимуму дипломатического такта, с которым аналитики ГРУ подошли к изложению сути этой более чем очевидной тогда реалии. Ведь речь-то шла о беспардонно грубых действиях английской разведки, стремившейся за счет тотальных провокаций ускорить, насколько было возможно, вооруженное столкновение между СССР и Германией. Ибо только такое столкновение давало Англии шанс выжить в тех условиях, в которые она по своей же собственной тупости сама себя же и загнала!

Вот почему и вывод № 2 был сформулирован именно так, как сформулирован, а не иначе. К тому же в это время уже нарастал шквал неопровержимой разведывательной информации, в частности от внешней разведки НКГБ, именно о таких действиях британской разведки — «кембриджская пятерка» лучших агентов советской внешней разведки работала не покладая рук. По свидетельству П.А. Судоплатова, в тот период в Москву по нарастающей стали поступать сведения, в том числе и в первую очередь от Кима Филби, о том, что:

— «британский кабинет министров разрабатывает планы нагнетания напряженности и военных конфликтов между Германией и СССР»,

— «британские агенты заняты распространением слухов в Соединенных Штатах о неизбежности войны между Германией и Советским Союзом»,

— «по этим слухам войну должен был начать СССР превентивным ударом в направлении Южной Польши (комментарий на этот счет уже был дан выше),

— британская сторона нагнетает страх среди немецких высших руководителей в связи с подготовкой Советов к войне...»,

— а также «об усилившихся контактах зондажного характера британских представителей с германскими в поисках мирного разрешения европейского военного конфликта»¹.

А на пике шквала такой информации работавший в США советский разведчик Гайк Бадалович Овакимян в начале мая 1941 г. документально разоблачил самую крупную из серии дезинформационных акций операцию британской разведки. На фоне явно ожидавшегося британской разведкой «визита» Гесса в Англию операция преследовала ускорить вооруженное столкновение между СССР и Германией, дабы отвести от Англии уже неизбежное поражение в единоборстве с Германией, в которое, подчеркиваю это вновь, она вляпалась по собственной же тупости. От чего, кстати говоря, Сталин пытался удержать Великобританию еще в конце марта 1935 г.

***Исторический штрих.** По поводу миссии Гесса канадская газета «Газет Монреаль» 4 августа 1941 г. опубликовала соответствующую статью.*

***Историческая справка.** Сталин давно и с тревогой наблюдал за секретными, в том числе и зондажного характера, контактами и сугубо конфиденциальными переговорами Гесса и его наиболее доверенных эмиссаров с влиятельнейшими представителями высшего эшелона британской правящей элиты. В частности, с герцогами Гамильтоном, Бедфордским и Виндзорским (он же экс-король Эдуард VIII), тесно связанным с британской разведкой газетным королем лордом Ротермиром, флигель-адъютантом английского*

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136.

короля капитаном Роем Фейесом и другими. Благодаря разведке Сталин был в курсе сугубо конфиденциальных переговоров между группой влиятельных британских политиков во главе с герцогом Бедфордским и уполномоченным Гесса — профессором Альбрехтом Хаусхофером (старший сын легендарного германского геополитика первой половины XX века Карла Хаусхофера). Переговоры состоялись в Женеве еще в августе 1940 г. Англичане тогда изъявили готовность начать мирные переговоры с Германией, выставив предварительным условием расторжение советско-германского договора о ненападении от 23.08.1939. Было известно также, что принципиально Гитлер и Гесс были согласны на это условие, но хотели отложить дальнейшие переговоры до занятия Балкан. Кстати, судя по всему, это одна из главнейших причин того, почему Сталин весной 1941 г. вмешался в югославские события. И вот к началу мая Балканы заняты гитлеровцами, а Гесс улетел в Англию. Значит, до сговора либо провокации вооруженного столкновения с Германией, что называется, рукой подать¹. К тому же еще были свежи впечатления от беспрецедентно хамского по отношению к СССР апрельского меморандума британского правительства, в котором возглавляемое У. Черчиллем британское правительство, по сути, шантажировало Москву возможностью сговора с Германией! Там, в частности, подчеркивалась мысль о том, что в случае затягивания войны определенные круги в Англии могут положительно воспринять идею о прекращении войны с рейхом на германских условиях, вследствие чего Берлину откроется простор для экспансии в восточном направлении. Более того, в тексте меморандума содержался и вовсе хамский, но донельзя характерный для Великобритании выпад против СССР: «Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран!» Не менее хамской была и концовка меморандума: «Намерено ли

¹ Очерки истории Российской Внешней Разведки. Т. 3. М., 1997. С. 438; Розанов Г.Л. Сталин и Гитлер. 1939—1941. М., 1991. С. 200.

Советское правительство улучшить отношения в Англии, или оно желает оставить их в таком состоянии, в каком они находятся сейчас?»¹

Вот на таком фоне, но накануне полета Гесса, из резидентуры НКГБ СССР в США поступила срочная информация о том, что сотрудник британской разведки Монтгомери Хайд, работавший на Уильяма Стивенсона из Британского координационного центра безопасности в Нью-Йорке, сумел подбросить «утку» в немецкое посольство в Вашингтоне. Как отмечал в своих мемуарах П.А. Судоплатов, «дезинформация была отменной: “...если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера”»².

Исторический комментарий. Канадский мультимиллионер Уильям Стивенсон (на русском языке нередко пишут Уильям Стефенсон) был одним из ближайших друзей премьер-министра Великобритании У. Черчилля. Пользуясь колоссальным влиянием в США (оно в значительной степени было основано на тесных связях с кланом Рокфеллеров, ставших тогда чуть ли не правой рукой Рузвельта), У. Стивенсон даже спровоцировал силами ФБР арест разоблачившего британскую дезинформационную операцию Г.Б. Овакимяна, который был освобожден только после начала войны, и то при активном вмешательстве в этот вопрос советского правительства (Сталина). Этим арестом британская разведка пыталась вбить клин в едва только наметившееся сотрудничество между США и СССР в рамках грядущей антигитлеровской коалиции.

¹ Woodward L. British Foreign Policy in the Second War. London. 1970, Vol. I. P. 604. Даже сейчас, спустя семь с лишним десятилетий после тех событий, невозможно без возмущения читать этот меморандум! Кто мешал Великобритании поддерживать с СССР хорошие отношения?! Все 30-е гг. Москва настойчиво призывала к организации коллективного отпора Гитлеру. Так нет же, именно Лондон, наплевав на очевидность угрозы войны, — ведь сам же старательно раздувал искры будущего мирового пожара, — предпочел прикрыться фактически пактом о ненападении с Гитлером, то есть Мюнхенской сделкой. Сталин же рассчитывал и, кстати, очень правильно, все-таки нормализовать отношения с Лондоном, но при содействии Вашингтона, от помощи которого Лондон тогда очень сильно зависел. Когда имеешь дело с Англией, всегда нужна еще одна узда, иначе очень трудно совладать с ее беспардонным коварством и подлостью — таким уж он уродился, этот Perfidious Albion (Коварный Альбион)!

² Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С.136.

Сам Монтгомери Хайд в своей книге «Комната 3603» — это офис, в котором и размещалась штаб-квартира британской разведки в США, располагался тогда в знаменитом и принадлежавшем Рокфеллерам нью-йоркском небоскребе Эмпайр-стейт-билдинг, — суть операции по подбрасыванию совместно с ФБР США посольству Германии в Вашингтоне дезинформации описал следующим образом: **«Из вполне достоверных и заслуживающих доверия источников стало известно, что Советский Союз намерен предпринять дальнейшие агрессивные военные действия, как только Германия будет втянута в крупные операции»**¹. В таком контексте конкретно в тот период времени для Германии крупной операцией могло быть прежде всего вторжение в Англию. Но не только, о чем будет сказано отдельно. Попутно оцените также подлость британской разведки. Мало того что злонамеренно запустили такую дезинформацию, так еще и чисто по-британски заострили свою же подлость — **«Советский Союз намерен предпринять дальнейшие агрессивные военные действия». Мол, Советский Союз и до этого осуществлял агрессивные по отношению к Германии действия. Бритты, одно слово!..**

Судя по всему, эта дезинформационная акция стратегического характера британской разведки суть свидетельства того, что терпение У. Черчилля в надежде на помощь США в этом вопросе лопнуло и британская разведка по его указанию пошла ва-банк, отчаянно провоцируя Гитлера на ускорение нападения на СССР.

Зная все это, позволительно спросить: так в чем же тогда ошиблось или со страху перед Сталиным угодничало ГРУ в выводе № 2?! Может быть, в том, что в отношении английской разведки и в целом англосаксов ГРУ взяло категоричный тон, а в отношении германской — смягченно вероятностный?! Да нет же, если по здравому-то размышлению. Тут все логично, не говоря уже о том, что и оправдано с разведывательно-аналитической точки зрения. Потому что для будущего агрессора куда важней усыпить бдитель-

¹ Montgomery Hyde H. Room 3603. New York, 1963. P. 58.

ность намеченной жертвы своей очередной агрессии, нежели брехать на всех европейских и мировых перекрестках о том, что он вот-вот нападет! Всем германским дипломатам и военным атташе была дана прямая команда опровергать слухи о войне и грядущем нападении на СССР. Еще в начале 1941 г. по указанию Гитлера были разработаны и введены в действие руководящие указания начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготовки агрессии против Советского Союза № 44142/41 от 15.2.1941 г., п. 1 которых гласил: «1. Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции “Барбаросса”. Это главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение»¹. Гитлеровское «цзэ» по вопросам дезинформации едва ли было известно советской разведке в марте 1941 г., особенно в документальной форме, хотя и не предполагать подобного она просто не могла — это априори в генетике разведывательного анализа, особенно информации по актуальным темам высшей мировой политики.

Справка. Как уже отмечалось выше, плановые дезинформационные мероприятия, направленные на сокрытие подготовки к нападению на СССР, гитлеровское командование начало проводить еще с 6 сентября 1940 г. В действительности же первым шагом на этом пути стало официальное сообщение военного атташе Германии в СССР генерала Кёстринга наркомату обороны СССР от 9 июля 1940 г. Якобы во избежание будоражащих кривотолков, Кёстринг тогда сообщил о якобы плановой замене частей, расквартированных в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши. Однако его сообщение, как показали дальнейшие события, было всего лишь дезинформационным актом².

Но в наше-то время, когда упомянутый выше трофейный документ уже лет двадцать как опубликован, можно же воздержаться от беспочвенных упреков в адрес ГРУ?! Высказывая же свое мнение о причастности германской разведки к слухам о возможности войны весной

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 206.

² РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1305. Л. 438. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия. Автограф.

1941 г. в смягченно вероятностной форме, ГРУ опять не ошиблось. Потому как если сопоставить этот вывод с тем, что было написано в этом «цзэ» № 44142/41 от 15.2.1941 г., то нетрудно будет заметить следующее. Там была расписана вся дезинформационная брехология нацистов, кроме одной детали — ни в одной его строчке нет ни одного даже тени намека на время нападения, то есть насчет весны 1941 г. Тем более ничего нет насчет **22 июня!**

Тем не менее и несмотря на это, все стремятся бросить в Сталина, ГРУ и в целом в сообщество советских разведывательных служб увесистый «бульжник» облыжного упрека, не столько при этом отдавая себе отчета в подлинных реалиях, сколько просто не желая их принимать — ведь с санкции Гитлера «**22 июня**» официально и письменно было объявлено в качестве даты нападения только **10 июня 1941 г.!** Но ведь это же давно известный факт. И несмотря на это, многие историки все равно позволяют себе нападки на ГРУ и советскую разведку в целом.

А 12 мая 1941 г. начальником штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии было подписано распоряжение № 44699/41 от 12.5.1941 г. по проведению второй, завершающей фазы германской дезинформационной операции¹. И в нем тоже нет ни звука о дезинформации по вопросу о времени нападения весной 1941 г. **Проще говоря, дезинформация гитлеровцев носила принципиально иной характер: она преследовала цель усыпить бдительность СССР, а не будоражить его шквалом сообщений о грядущем уже весной нападении!**

Тогда в чем же ошибка ГРУ, которую оно якобы допустило, видите ли, со страху, да еще и угодничая перед Сталиным?! А хоть тресните, но ее нет и не было в помине!

Теперь о том, почему ГРУ, опираясь на весь массив разведывательной информации советских разведывательных служб, **без обиняков назвало все сообщения о неизбежности войны весной 1941 г. именно слухами.** И тут никакой ошибки нет. Оценка аналитиков ГРУ и

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 212.

здесь абсолютно точна. Потому что это оценка аналитиков **именно военной разведки**, чего многие историки-исследователи просто не хотят понимать и даже воспринимать. Дело в том, что при оценке степени реальности угрозы нападения, в том числе и в ближайшее время, военная разведка всегда исходит в первую очередь из двух слагаемых:

— из факта сосредоточения войск противника у (своих) границ,
— но особенно из факта завершенности процесса сосредоточения войск противника у (своих) границ или, по меньшей мере, из очевидных признаков, однозначно или, по крайней мере, достаточно убедительно свидетельствующих о начале финишного этапа сосредоточения войск противника и скором его завершении.

По состоянию же на 20 марта 1941 г. данные о завершении процесса сосредоточения войск еще не поступали. Не было зафиксировано каких-либо данных даже о начале финишного этапа этого процесса. Даже сама динамика сосредоточения войск вермахта не позволяла заподозрить подобное. По состоянию на 20 марта 1941 г. ГРУ, советская внешняя разведка, разведка пограничных войск НКВД СССР, а также разведка штабов западных приграничных военных округов видели и фиксировали действия командования вермахта, связанные только с процессом сосредоточения и постепенного развертывания войск. Но они видели и то, что этот процесс еще не завершен и даже еще не переведен в режим финишного этапа, то есть в режим военного времени, когда начинается отсчет времени «Х».

По состоянию на 20 марта 1941 г. ни одна из разведслужб СССР еще не располагала данными о переводе графика военных перевозок вермахта на восток в режим финишного этапа. Тем более не располагали они данными о переводе этого графика в режим военного времени (на немецком штабном языке того времени, о введении в «режим максимально уплотненного графика движения эшелон»). И даже поступившие чуть позже — в начале апреля 1941 г. — данные о выдаче командованием вермахта предписаний ж.-д. чиновникам рейха, которыми они назначались на работу на железной дороге в районе г. Белосток, также не могли быть расценены как

однозначное свидетельство завершения процесса сосредоточения и развертывания войск вермахта. В лучшем случае их можно было расценить только как свидетельство того, что механизм подготовки агрессии уже стал подходить к началу финишного этапа. Но более всего это свидетельствовало о приоритетности белорусского направления главного удара, а в его рамках — о приоритетности удара на белостокском направлении. Увы, но в нашем Генштабе почему-то не обратили внимание на это.

Исключительно важными данными о том, что воинские перевозки переводятся в «режим максимально уплотненного графика движения эшелонов», Москва стала обладать лишь в мае, судя по всему, то ли 22 мая 1941 г., то ли 23 мая. Именно тогда от являвшегося крупным железнодорожным чиновником рейха ценного агента берлинской резидентуры НКГБ СССР — **ЙОНА ЗИГА** — поступили неопровержимые документальные данные о том, что этот график переводится в режим военного времени, о чем уже говорилось выше. Это и означало, что процесс сосредоточения и развертывания войск вермахта для нападения на Советский Союз вступил в финальную стадию. По приказу Гитлера график военных перевозок вермахта был переведен в режим максимального уплотнения движения эшелонов **22 мая 1941 г.**

А уже **24 мая 1941 г.** Сталин созвал секретное совещание членов Политбюро с участием высшего военного командования, то есть Тимошенко и Жукова, во время которого прямо так и заявил, **что в ближайшее время СССР может подвергнуться внезапному нападению со стороны Германии!!!** То есть получается, что о переводе этого графика в иной режим благодаря берлинской резидентуре НКГБ СССР он узнал своевременно и, как только получил необходимое подтверждение, тут же предупредил все высшее, в том числе и военное, руководство. Более того, судя по всему, Сталин знал о наличии такого графика и скором введении его в действие явно еще во второй половине апреля — начале мая, так как уже в конце апреля, **26-го числа**, а затем и **13 мая** он лично санкционировал выдвижение всех на-

меченных для этого войск из внутренних округов в приграничные, насчет чего Жуков и Тимошенко дали соответствующие директивы.

Надеюсь, теперь должно быть понятно, почему ГРУ в марте закономерно и обоснованно расценило **сообщения о вероятности войны весной 1941 г. как слухи**, распускаемые именно англосаксонскими, особенно британскими силами, целью которых в тот момент было поскорее стравить СССР и Германию в смертельной схватке. Чего они, к слову сказать, практически и не скрывали. В этом смысле цели Великобритании и гитлеровской Германии были как никогда идентичны. Дело в том, что задача провоцирования СССР на какие-либо упреждающие грядущую агрессию «телодвижения» своими войсками на границе, которые затем можно было бы преподнести «прогрессивному демократическому мнению» Запада как агрессивные по отношению к Германии и тем самым заранее оправдать свою агрессию, откровенно присутствовала не только в планах руководства Третьего рейха. Для него этого было «естественно», ибо сие вообще входило в арсенал тактических уловок стратегии нацистского блицкрига. Однако, вплоть до нападения, гитлеровцы горько сетовали, что нет ни малейшего повода заподозрить Советский Союз в агрессивных или даже в «недружественных» (в кавычках потому, что никакой дружбы не было и в помине — был абсолютно голый прагматизм с обеих сторон) по отношению к Германии намерениях.

Но точно такой же замысел присутствовал и в планах англосаксов. И чтобы было понятней, о чем речь, позволю себе, увы, повтор, но вынужденный. Помните, еще ранее, когда речь шла о разведывательной информации 30-х гг., приводилось сообщение советской нелегальной резидентуры в США от 29 января 1937 г. следующего содержания: **«Если произойдет вооруженный конфликт между демократией и фашизмом, Америка выполнит свой долг. Если же вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то она будет придерживаться другой позиции и, по настоянию Рузвельта, Америка сохранит свой нейтралитет. Но если СССР окажется под угрозой германских, чисто империалистических, т.е. территори-**

альных стремлений, тогда должны будут вмешаться европейские государства, и Америка станет на их сторону». Так вот, все дело в том, что 17 апреля 1941 г. Конгресс США конкретизировал эту четырехлетней давности позицию Рузвельта тем, что принял соответствующую резолюцию, в которой четко было указано, что если, паче чаяния, войну спровоцирует Советский Союз, то США встанут на сторону Германии!¹ И без особых пояснений должно быть ясно как дважды два четыре, что куда конь с копытом, туда и рак с клешней. Проще говоря, в таком случае за США автоматически последует и Англия, и тогда Советскому Союзу придется воевать уже с англо-американо-германской коалицией. Вот только такой «перспективы» и не хватало Сталину...

Однако цель Сталина состояла именно в том, чтобы, **во-первых**, заблаговременно и полностью лишить Гитлера и Запад соблазна приписать СССР агрессивные намерения, коих действительно и в помине-то не было.

Во-вторых, заблаговременно и полностью лишить и Гитлера, и Запад даже тени намека даже на иллюзорную возможность блокирования в единую антисоветскую коалицию. Но в то же время сделать все, чтобы заблаговременно обеспечить возможность перехода США, а, следовательно, и Великобритании в стан союзников Советского Союза в неминуемо неизбежной войне против Германии. Забегая вперед, необходимо сразу же указать следующее. Именно это обстоятельство является одной из основополагающих причин запредельной осторожности Сталина накануне войны. А, быть может, и самой главной причиной. Потому что, как и все основные мировые лидеры того времени, Сталин еще с середины 30-х гг. прекрасно знал одну нехитрую аксиому мировой политики тех времен.

В неминуемо неизбежной мировой войне, которую Запад сам же и провоцировал, победа априори будет только на той стороне, на ко-

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. II. Книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 166.

тору встанут экономически уже тогда очень мощные Соединенные Штаты Америки. Но только в том случае, если на этой же стороне будет и быстро догонявший США по экономическим параметрам Советский Союз. У нас, в отечественной историографии, увы, подобные стратегически наиважнейшие нюансы мировой политики того времени не только, мягко выражаясь, не принимаются в расчет, но, хуже того, подвергаются еще и ёрническим нападкам.

А Сталин действовал именно в указанном выше русле. Более того. Нарочито демонстративными учениями, «экскурсиями» по новейшим военным заводам, распространявшимися советскими послами за рубежом сообщениями о концентрации советских войск на западных границах СССР и неизбежности могучего возмездия с применением всех сил и средств, Сталин умышленно показывал, что он действует строго адекватно каждому витку возрастания угрозы нападения! Надо отдать должное германской разведке — сообщения ее разведчиков, в том числе и из Москвы, буквально пестрели акцентом именно на это обстоятельство. Более того. В конечном итоге это понимали и в Лондоне, и особенно в Вашингтоне.

Те действия Сталина и сегодня выглядят достойными подражания образцами того, как нужно, не прибегая к силе, элегантно бить врага при защите коренных интересов Родины! Взять хотя бы два факта. Речь Сталина перед выпускниками военных академий на приеме в Кремле 5 мая 1941 г. и его назначение 6 мая 1941 г. главой Правительства СССР. Оба факта свидетельствуют о проведенной Сталиным блестящей разведывательно-политической операции по оказанию стратегического влияния на руководство нацистской Германии. Прежде всего, в целях удержания его от попытки вооруженного нападения на СССР. А все дело было в следующем.

4 мая 1941 г. Гитлер выступил в рейхстаге с программной речью, в которой даже и не упомянул СССР! В Москве восприняли эту программную речь Гитлера как очень тревожный сигнал — Сталин был всерьез встревожен. Ведь по тексту речи получалось, что занимающего $\frac{1}{6}$ часть суши земного шара государства, с которым у Германии

договор о ненападении, как будто не существует!¹ Более того. Информация явно свидетельствовала о свершившемся крутом переломе в политике Берлина и вынуждала заподозрить, что Гитлер уже вышел на финишную прямую в подготовке агрессии против СССР (так оно и было, к слову сказать). Тем более что на тот момент еще не до конца «отмерла» одна из «плывших» в то время в разведывательной информации дат агрессии — **15 мая**.

И вот ответ Сталина: 5 мая 1941 г. прозвучала та самая знаменитая речь Сталина на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. Несмотря на то, что споры об этой речи не утихают до сих пор, а у некоторых, даже объективно и трезво мыслящих историков порой можно встретить крутые перегибы в оценках этой речи, на самом же деле все обстояло куда как проще. Сталин не был склонен мудрствовать лукаво. Его речь 5 мая 1941 г. была прямым ответом на выступления Гитлера от 18 декабря 1940 г. и 4 мая 1941 г.

В обоих случаях Гитлер призвал своих бандитов с оружием в руках «исправить несправедливость», то есть напасть на СССР, которого вроде бы и не существует. А Сталин совершенно ясно и четко объяснил своим воякам, что пора дать соответствующий мощный отпор и разгромить агрессора! Все четко адекватно, паритетно, причем как по форме, аудитории и даже антуражу, так и тем более по содержанию! И не зря супостаты так всполошились, что все время пытались узнать, что же конкретно сказал Сталин, а во время войны чуть ли не всех военнопленных офицеров допрашивали по этому вопросу. Напускная секретность и двойственность версий этой речи были неотъемлемыми компонентами той операции². Вот как он их озадачил этой речью!

А чтобы до «коричневых» мозгов лучше дошло, что к чему, назначением Сталина прямо на следующий день, 6 мая 1941 г., главой Правительства СССР фюреру вдобавок популярно разъяснили, что

---

¹ *Вишнёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 43, со ссылкой на огромное количество немецких и других источников.

² *Вишнёв О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 85.

не следует пыжиться в потугах делать вид, что СССР не существует. Тем более если его правительство возглавил всемирно известный политический и государственный деятель Сталин! Ну а если есть какие-то проблемы, то, что называется, «бите шён», давай их решать за столом переговоров, тем более что именно Сталин занял ключевой государственный пост в Советском Союзе. Ну а если нет, то лично Сталин и возглавит отпор агрессии!

Однако Сталин не был бы Сталиным, если не развернул бы этот отличный политический ход в серию крупных, тесно взаимосвязанных между собой синхронно-последовательных акций. Через три дня последовало **Опровержение ТАСС от 9 мая 1941 г.**, в котором открыто и в наглую отрицался уже ставший известным немецкой стороне факт переброски советских войск из-за Урала, Сибири и Дальнего Востока. Проще говоря, Гитлеру опять популярно объяснили, что нечего рассчитывать на легкую добычу, что он столкнется с грозной и мощной силой и что лучше всего, пока не поздно, сесть за стол переговоров! Гитлер опять не захотел понять. И на следующий день отправил Р. Гесса за «высочайшим» разрешением Лондона напасть на СССР.

Тогда ему вновь популярно разъяснили что к чему... демонстративно крупными учениями ВДВ и не менее демонстративным призывом примерно **800 тыс.** резервистов (потом еще **300 тыс.** чел.). Одновременно советские послы за рубежом стали открыто говорить о большом сосредоточении войск на западных границах СССР. Так, в середине мая 1941 г. полпред СССР в Швеции А.М. Коллонтай заявила в кругу дипломатов Стокгольма: **«Никогда еще в русской истории на западной границе России не было сосредоточено такое большое количество войск, как сегодня»**¹. Кстати говоря, обратите внимание на то, что советский посол Коллонтай заговорила о **русской истории, о России.** Это не случайность для советского дипломатического представителя. На всех уровнях и любыми способами Берлину

---

¹ Вишнёв О.В. «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 44, со ссылкой на архив германской внешней политики.

давали понять, что Москва прекрасно понимает именно цивилизационно-геополитический смысл грядущей агрессии Германии. Что в Кремле прекрасно понимают, что Гитлер планирует уничтожение именно России, а нападки на советский строй в ней — всего лишь прикрытие.

В свою очередь разведка НКГБ СССР по указанию Сталина специально предоставила харбинской резидентуре германской разведки в Китае возможность «перехватить и расшифровать» некий «циркуляр из Москвы». Супостаты тогда «узнали», что всем советским представителям за рубежом было предписано «предупредить Германию, что Советский Союз подготовился к защите своих интересов»¹.

Еще в апреле и.о. германского военного атташе полковнику Кребсу была предоставлена возможность осуществить поездку по новым военным заводам СССР, выпускавшим новейшие танки и самолеты. В своем отчете от 9 апреля он прямо указал: «Нашим представителям дали посмотреть все. Очевидно, Россия хочет таким образом устрашить возможных агрессоров»².

Исторический штрих. За три месяца до агрессии Кребс собственноручно письменно признал, нет, ясно расписался, что Германия откровенно готовится стать агрессором! Загодя и справедливо же признал Третий рейх агрессором! Натуральный тевтонский болван! И как только гестапо не занялось им?! За такие-то заблаговременные признания Германии агрессором?! Правда, болван-то он болван, но как тогда прикажете называть наших, с позволения сказать, «историков», без устали жующих одну и ту же забугорную «жвачку» — что-де СССР готовился стать агрессором?! Ведь даже английская пресса за два дня до нападения Германии на СССР без обиняков указывала, что «...только одно бесспорно — от Финляндии до Черного моря Гитлер сконцентрировал силы значительно больше тех, которые необходимы для любых оборонительных нужд»³.

¹ Там же. С. 39—53.

² Там же.

³ «Manchester Guardian», 20.VI.1941.

А днем ранее, 8 апреля 1941 г., посол Шуленбург отбил в Берлин депешу, в которой в точности воспроизвел слова главного конструктора 1-го авиационного завода Артема Микояна, произнесенные, как отмечал посол, «по поручению сверху»: **«Вы видели грозную технику Советской страны. Мы мужественно отразим любой удар, откуда бы он ни последовал»**¹. Доклад германской делегации, посетившей эти заводы, как стало известно чуть позже, произвел на Гитлера очень сильное впечатление. Дабы усилить полученное немцами впечатление от осмотра новейших советских заводов, по поручению Сталина берлинская резидентура НКГБ СССР одновременно распространила слухи в министерствах авиации и экономики, что война с Советским Союзом обернется трагедией для гитлеровского руководства. Особенно если война окажется длительной и будет вестись на два фронта².

На пике этой серии акций влияния, в мае—июне Германия услышала еще более внятные угрозы Москвы. Прежде всего, то, что в случае нападения на СССР последний не только в долгу не останется, но и нанесет массированные удары возмездия по Берлину и другим германским городам. А при необходимости не остановится даже и перед применением химического и бактериологического оружия³. Угроза возможного применения химического оружия против Германии стала понятной благодаря информации от 19 марта 1941 г. ценного агента берлинской резидентуры НКГБ Брайтенбаха — ответственного сотрудника гестапо Вилли Лемана⁴.

¹ *Below N. von. Als Hitlers Adjutant 1937—1945. Mainz, 1980. S. 187; Köstring E. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921—1941. Frankfurt a. M., 1966. Anhang. S. 297; PA AA Bonn: Büro der Staatssekretär. Russland. Bd. 4 (R 29715) Bl. 385 (113277); PA AA Bonn: Dienststelle Ribbentrop. UdSSR — RC.7/1. (R 27168). Bl. 26067—26068, 26085; Вишнёв О.В. «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем» // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39—53, иностранные источники — там же; Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 135.*

² *Вишнёв О.В. «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем»*. В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39—53, со ссылкой на документы германского архива внешней политики». *Судоплатов П.А. Разведка и Кремль*. М., 1996. С. 135.

³ Там же.

⁴ АГРЕССИЯ. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации. 1939—1941. Сост. Л.Ф. Соцков. М., 2011. С. 271.

К слову сказать, Сталин задолго до войны откровенно демонстрировал и Западу, и Востоку, что Советскому Союзу есть чем вразумительно ответить любому агрессору. В 1934 г., например, по Западной Европе было совершено турне советских бомбардировщиков ТБ-1, в 1938 г. — пропагандистский рейд уже ТБ-3 и СБ в сторону Японии. Проводились и другие акции.

Что же касаясь возможного применения химического и бактериологического оружия в качестве возмездия, то, как очевидно, это была сугубо адекватная ответная угроза. На основании упомянутых выше данных, 3-м Управлением НКО СССР была издана директива № 29446 от 28 мая 1941 г. «Об агентурно-оперативной работе по выявлению и предупреждению актов бактериологической диверсии», в соответствии с которой проводилась спецоперация «Войсковая юрта». Ее цель заключалась в своевременном пресечении подобных диверсий в масштабах всей РККА¹.

Параллельно осуществлялся тонкий разведывательно-политический зондаж насчет будущих союзников в войне против Германии. Причем именно такой зондаж, который одновременно использовался и как средство давления на Германию в целях вынудить Гитлера к отказу от нападения на СССР или, по крайней мере, к переносу срока нападения на более позднее время. В этих целях, в частности, в первых числах июня 1941 г. советской разведкой была «обеспечена возможность» поступления в Берлин информации о начавшихся советско-американских консультациях². И как только стало ясно, что в Берлине нервозно восприняли эти сведения, 8 июня 1941 г. началась вторая фаза этой операции. Под видом «Сообщения ТАСС», посол СССР в Румынии А.И. Лаврентьев в этот день направил миссиям США, Китая, Турции, Швейцарии и нунцию (представителю) Ва-

---

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1. Накануне. Кн. 2. 1 января — 21 июня 1941 г. М., 1995. С. 164—165, 228.

² Вишнёв О.В. «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 48, со ссылкой на германский архив внешней политики.

тикана в Бухаресте послание. В нем, в частности, говорилось, что **«СССР не потерпит политического, экономического и военного диктата в условиях, когда в мировой политике имеются независимые факторы (по условиям тех времен подразумевались США. — А.М.), которые хотят вступить в союз с СССР и что этот союз будет представлять собой величайшую военную и экономическую силу в мире»**¹. В документе подчеркивалось также, что посол А.И. Лаврентьев приступил к консультациям с дипломатическими представителями названных стран². Указывалось также на то, что **«Красная Армия готова защитить свою страну и увеличить свою современную мощь»**³. Это было сделано в расчете на то, что текст послания попадет в руки германской разведки, — так оно и вышло. Оно и не могло выйти по-другому — в отделе прессы германского посольства в Бухаресте на должности помощника советника посольства работал один из наиболее ценных агентов ГРУ — АВС, он же Курт Велкиш, куратор которого из ГРУ работал в Бухаресте под прикрытием корреспондента ТАСС.

Вместе с тем Москва умышленно держала открытой дверь для возможного возобновления серьезного диалога с Берлином. Именно поэтому, в расчете на то, что устно сказанное также дойдет до ушей германских представителей в Бухаресте, посол Лаврентьев одновременно как бы невзначай высказал вслух мысль о том, что-де войны скорее всего не будет, а будут переговоры, которые, однако, могут сорваться, если немцы выдвинут неприемлемые условия⁴.

Таким образом, проводился комплексный разведывательно-политический зондаж с целью оказания влияния:

— с одной стороны, выказывалась готовность к диалогу, но только на равных условиях,

---

¹ *Вишнёв О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». В сб. Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 48, со ссылкой на германский архив внешней политики.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

— с другой — подчеркивалась абсолютная неприемлемость какого бы то ни было диктата,

— с третьей — делался откровенный намек на союз между США и СССР, против которого Германия ни при каких обстоятельствах не устоит,

— с четвертой — что при всех обстоятельствах СССР настроен крайне решительно и даст самый мощный отпор агрессору,

— с пятой — все заинтересованные стороны открыто извещались, что, не унижаясь перед кем бы то ни было, СССР готов приложить максимум усилий в поисках мира.

В тяжелейшем психологическом поединке благодаря информации разведки Сталин вчистую обыграл Гитлера. В итоге под сильнейшим нажимом Иосифа Виссарионовича фюрер до того задезинформировался, что, вопреки всем своим же инструкциям, в одном из ответных посланий Сталину письменно выболтал практически точное время нападения (не путать с понятием «дата нападения»). В результате уже в середине мая 1941 г. непосредственно от самого Гитлера Сталин точно знал, что фюрер планирует нападение на Советский Союз примерно 20 июня! Все, что связано с этой перепиской между Гитлером и Сталиным, увы, выходит за пределы этой книги¹.

Так что в части, касающейся вывода № 2 доклада ГРУ от 20 марта 1941 г., ни ГРУ, ни советскую разведку вообще, ни Сталина попрекать не за что! Абсолютно не за что! ГРУ ни в чем не ошиблось, не угодничало, тем более из-за страха перед Сталиным, и никакого отдания некой дани культу «гениального вождя» не было и в помине! Была тяжелейшая, кропотливая, сопряженная с колоссальным риском для жизней действовавших за рубежом разведчиков и их верных помощников, но потрясающая своей изумительной эффективностью работа! Вот это действительно факт — факт Подлинной Правды!

---

¹ По этому вопросу осмелюсь рекомендовать свое двухтомное фундаментальное исследование «22 июня. Блицкриг предательства: от истоков до кануна» и «22 июня. Детальная анатомия предательства» (М., 2012).

Так что в этой части пора кончать нападки на ГРУ, на советскую разведку в целом и тем более на Сталина!

Но, быть может, ГРУ ошиблось или угодничало, тем более из-за страха перед Сталиным, и даже отдало некую дань культуре «гениального вождя» в выводе № 1 — «...наиболее возможным сроком начала действий против СССР будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного мира»?! **НЕТ, НЕТ И ЕЩЕ РАЗ НЕТ!!! ГРУ и в этом ни на йоту не ошиблось!**

Прежде всего потому, что практически аналогичное допущение было сделано мудрым Б.М. Шапошниковым еще в проекте «Соображений...», которое, между прочим, сохранилось и в утвержденном Сталиным и Молотовым варианте этого важнейшего документа.

Далее. Сама трагедия 22 июня ясно показала, что ГРУ было изумительно точно в своем безошибочном прогнозе, который столь кроваво подтвердился. Опираясь на данные всех разведывательных служб СССР, военная разведка беспрецедентно точно спрогнозировала принципиальную часть ситуации с так называемой «миссией» Гесса, хотя, естественно, и не предполагала именно такого поворота событий, тем более с участием такого персонажа, как Р. Гесс.

Как известно, заместитель фюрера по партии для того и рванул в Англию, чтобы как раз и договориться на почетных условиях с лидерами верхушки ее правящей элиты! Ведь и Гитлер, увы, тоже понимал, что в мировой войне, которую он по заказу Запада развязал и готовится перебросить ее на восток, против СССР, победа априори будет только на той стороне, на которую встанут экономически уже тогда очень мощные Соединенные Штаты Америки. Но только в том случае, если на этой стороне будет и быстро догонявший по экономическим параметрам США Советский Союз. И Гитлер принял решение о попытке выведения непосредственно Англии из перспективы столкнуться с такой коалицией, прекрасно осознавая, что если удастся это сделать, то, быть может, из рядов будущих противников выпадут и США.

Однако в реальности все получилось, как и спрогнозировало ГРУ. Что, кстати говоря, впоследствии подтвердилось и документально.

Ф. Гальдер в своем дневнике прямо указал, что Гитлер специально отправил в Рим Риббентропа, чтобы поставить Муссолини в известность о том, что полет Гесса был попыткой передать предложение о сепаратном мире. И это при том, что высшим военным руководителям рейха Гитлер преподнес полет Гесса как полную неожиданность для себя и как следствие психической неуравновешенности и подавленности Гесса. Но одновременно и как «попытку объединить германскую расу»¹.

Между тем в Италии советская внешнеполитическая разведка располагала уникальными агентурными возможностями в непосредственном окружении Муссолини и его зятя, министра иностранных дел Чиано. Так что подлинная позиция Гитлера в связи с полетом Гесса и подлинный смысл его визита были известны Сталину, что называется, непосредственно из первоисточника.

Нападение на Советский Союз произошло аккурат после того, как Гесс рванул в Англию. Но, самое главное, после того, как в переговорах между высокопоставленными представителями Англии и Р. Гессом была достигнута некая договоренность по сию пору официально неизвестная в полном объеме и, особенно, в не вызывающей сомнений и подозрений документальной точности! Но принципиальная ее суть известна — Гитлеру была гарантирована практически полная безнаказанность однофронтного разбоя Третьего рейха против СССР до 1944 г.! Правда, у Черчилля хватило ума и политической изворотливости, чтобы лично и тем более письменно не засветиться в столь грязной сделке. Все было обтяпано устно. Но у того же Черчилля все-таки не хватило ума не болтать о самом факте сговора. В состоявшейся 4 сентября 1941 г. беседе с советским послом И. Майским наш подлый «друг» по антигитлеровской коалиции ляпнул, что открытия Второго фронта не следует ожидать до 1944 г.² Да, в общем-то, не только проболтался. И не только послу. С самого начала секретной переписки со Сталиным Черчилль одно-

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1970. С. 523—526.

² «Независимое военное обозрение». 2002. № 19.

значно показал, что, **во-первых**, его ставка — именно на затяжную войну между Германией и СССР. Причем как можно более затяжную войну. В письме от 8 июля 1941 г. на имя Иосифа Виссарионовича Черчилль прямо так и написал: **«Чем дольше будет продолжаться война, тем ббольшую помощь мы сможем предоставить»**¹.

Во-вторых, что ни он, ни американцы абсолютно не намерены в срочном порядке открывать Второй фронт в Европе для облегчения положения СССР.

Комментарий. На Западе Черчилля почитают едва ли не как особу королевских кровей и гения политики. Насчет кровей не знаю — мамаша у него была больно распутная, из-за чего его даже прозвали «помесь Бруклина с Блэкхеймом» (намек на то, что мать его американка) и даже «гардеробным мальчиком» (мамаша будущего премьера умудрилась родить его в гардеробе на одном из балов высшего света, куда ринулась, будучи на сносях последние дни). А вот насчет «гения» политики согласен, ибо он действительно был гением за-предельно подлой и особо опасной в своем коварстве политики. Уж на что Гитлер был наиподлейшим негодяем из подлейших подонков, но даже он по сравнению с подлостью и коварством Черчилля — всего лишь грудной младенец.

Именно Черчилль сделал все от него зависевшее, чтобы убедить президента США Ф.-Д. Рузвельта в необходимости отнести так называемую финальную — в «понимании» самого Черчилля — стадию войны на 1944 г., если до этого в рейхе не случится крах! И знаете когда он это проделал?! Попробуйте отгадать, исходя из того факта, что это был законченный подлец в своем особо опасном коварстве. Позвольте подсказать: **в декабре 1941 — в январе 1942 г., то есть во время победоносного контрнаступления Красной Армии под Москвой!** То есть именно тогда, когда самим фактом этого мощнейшего контрнаступления окончательно был развеян миф о

¹ Министерство иностранных дел СССР. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. М., 1976. С. 17.

победоносном блицкриге. Когда всем стало ясно, что крах доктрины молниеносной войны за континентальное и даже глобальное превосходство абсолютно необратим. Хуже того. Когда стало ясно, что, окажи Запад элементарную помощь СССР в плане открытия реального Второго фронта, то на фоне такого мощного контрастования Германия была бы повержена еще в 1942 г., максимум к лету 1943 г. Все данные разведки свидетельствовали об этом. Причем настолько, что даже в наше время некоторые историки, например упоминавшийся выше В. М. Фалин, прямо говорят об этом. Так вот, именно Черчилль навязал Рузвельту, а тот без особого сопротивления согласился, отказ от «прямой помощи» СССР, то есть отказ от немедленного открытия Второго фронта, отказ от какой бы то ни было кооперации с высшим советским командованием по разработке совместных оперативных планов по разгрому Третьего рейха. А исходя из навязанной Рузвельту идеи о целесообразности оказания СССР всего лишь косвенной, но дозированной помощи (имея в виду ленд-лиз, в отношении предоставления которого тот же Черчилль выступал против), высокопоставленные циники в генеральских погонах по обе стороны Атлантики не без ёрнического удовольствия высказывали мысль о том, что надо всего лишь поддерживать «действующий восточный фронт»¹.

Справка. То обстоятельство, что «понимание» Черчилля поставлено в кавычки, не случайно. Дело в том, что в данном случае он исходил из одной из абсолютных констант внешней политики Великобритании. Если по каким-то соображениям, а соображения у Лондона тоже одна из незабываемых констант: **«У Великобритании нет ни вечных врагов, ни вечных союзников, есть только вечные интересы»**, — то его внешняя политика на время превращается в то, что на английском языке называется позицией **«splendid isolation»**,

¹ Об этих малоизвестных нюансах закулисной истории Второго фронта поведал в своем выступлении в Институте динамического консерватизма 10 октября 2011 г. бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ФРГ, бывший ответственный работник ЦК КПСС, известный ученый, историк и политолог Валентин Михайлович Фалин.

то есть в позицию «блестящей изоляции». Суть такой политики — в наблюдении со стороны за развитием ситуации путем сбора и тщательного анализа всей доступной информации, в подготовке и нанесении в наиболее выгодный, в представлении Лондона, момент молниеносного удара, чтобы добиться «выигрыша в последнем сражении». Веками это положение являет собой краеугольный камень знаменитой британской концепции «иммунитета» от поражений, который в порядке еще одной из абсолютных констант — «континуитета» («преемственности») — намертво имплантируется в сознание любого политического деятеля Англии, который стремится занять пост премьер-министра этой страны. Могут меняться и бесследно исчезать общественно-экономические формации и политические режимы, вспыхивать и угасать революции, исчезать целые племена и народы, гибнуть под ударами времени и врагов империи, сменяться эпохи, изменяться самый облик земной цивилизации, но принцип «континуитета» в политике Великобритании остается абсолютно незыблемым!

Наши подлые «друзья» по антигитлеровской коалиции — англосаксы — так и протянули с открытием Второго фронта до **6 июня 1944 г.** «Джентльмены», не приведи Господь, слово же дали «дражайшему» Адольфу! Вот и держали оное, сколько могли, пока не убедились, что Сталин и его верные чудо-богатыри — советские солдаты — и без англосаксов уничтожат нацизм в его же логове!

Короче говоря, не будь этого прямого, но неофициального, письменного никак не зафиксированного сговора Черчилля с Гитлером, гарантировавшего фюреру свободу рук на востоке, то есть безопасность однофронтного разбоя против СССР до 1944 г., то Гитлер едва ли рискнул бы на нападение!

То обстоятельство, что сговор действительно имел место, в своем последнем слове перед оглашением смертного приговора подтвердил бывший министр иностранных дел Третьего рейха Й. Риббентроп, назвав эти гарантии «заявлением о дружеских заверениях, кото-

рые дал мне Черчилль»¹. Именно это «заявление о дружеских заверениях», которое дал Черчилль, окончательно уверило главарей Третьего рейха в возможности, не опасаясь за свой западный тыл до 1944 г., начать-таки агрессию против СССР, и в результате последовал сигнал «Дортмунд». Спустя всего полдня после получения этого сигнала началась и сама агрессия.

Так в чем же конкретно могло ошибиться ГРУ, если дата нападения на СССР — 22 июня (еще раз обращаю на это внимание) впервые официально и письменно была указана только 10 июня 1941 г.?! В документе под названием «Распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками о назначении срока начала наступления на Советский Союз» № 1170/41 от 10.6.1941 г.² Разве требует доказательств тот факт, что 10 июня — это ровно месяц спустя после того, как Р. Гесс на истребителе сиганул через Ла-Манш в Англию?! В чем же тогда ошибка, если почти за три месяца до письменного определения с санкции Гитлера даты нападения на СССР, ГРУ, опираясь на весь массив разведывательной информации, абсолютно точно спрогнозировало время нападения?! Более того, точно спрогнозировало также и ситуацию, в которой это решение будет принято, то есть в ситуации откровенных попыток Германии (Гитлера и Гесса) достичь «почетного мира» с Англией, а через нее и с США?!

В чем же тогда вина ГРУ, разведки вообще или того же Сталина?! А ни в чем! Ее попросту нет, потому как нет, и не было никакой ошибки — в помине не было, как, впрочем, и какого бы то ни было угодничества ГРУ перед Сталиным! Хоть тресните, но не было! И все тут!

Опираясь на весь массив разведывательной информации от всех разведывательных служб СССР, ГРУ точно спрогнозировало и саму суть такого сценария развития событий. Ведь письменное

¹ Нюрнбергский процесс. М., 1961. Т. VII. С. 271.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 214—215.

оформление **22 июня** датой начала агрессии против Советского Союза было осуществлено на следующий день после того, как **9 июня 1941 г.**, на переговорах между Р. Гессом и высокопоставленными британскими представителями, произошел своего рода «миттельшпиль». В тот день по поручению У. Черчилля в переговоры включился лорд-канцлер Англии Джон Саймон! Тот самый Джон Саймон, который в бытность министром иностранных дел Великобритании, еще во время мартовских 1935 г. англо-германских переговоров с Гитлером в Берлине, гарантировал коричневому шакалу «зеленый свет» его агрессивной экспансии на восток, подразумевая в первую очередь вооруженную экспансию нацистской Германии против СССР! Еще тогда, документально точно зная, о чем «шпыхали» с австрийским акцентом и лондонским прононсом эти два мерзких шакала Запада, Сталин откровенно предупредил Англию, что лично для нее это добром не кончится. Потому как она не с тем партнером связалась, поскольку, получив от Лондона все, что ему надо, Гитлер повернет пушки против Запада, прежде всего против Англии. Лондон предпочел тогда сделать вид, что ничего не слышал.

Когда же в июне 1941 г. Сталин узнал от разведки, что в переговоры с Гессом включился еще и Джон Саймон, то, памятуя об «особых» антисоветских «заслугах» этого, не приведи Господь, «джентльмена», он тем более не мог ожидать ничего хорошего от этого события. Ясно осознавая, что Дж. Саймон включился в переговоры с Гессом по поручению У. Черчилля, а уж на что способен этот «гусь», Сталин вообще прекрасно знал со времен революции и Гражданской войны, он, естественно, превосходно представил себе, что могут натворить эти двое против СССР. Через пару дней Сталину стало известно еще и о том, что британская служба радиоперехвата перехватила и декодировала шифровку в адрес командующих группировками армий вторжения, где и была указана дата нападения — **22 июня**. В упомянутой шифровке передавалось «**Распоряжение...**» от **10.6.1941 г.** Передача

происходила **12 июня 1941 г.** Впоследствии Черчилль подтвердил в своих мемуарах, что о дате нападения Германии в Англии узнали **только 12 июня**¹.

13 июня от разведки погранвойск НКВД СССР Сталину стало известно как о начале выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции, так и о практически немедленной же приостановке этого процесса².

Мощный аналитический ум Сталина не мог, **во-первых**, не сделать немедленного практического вывода, а, **во-вторых**, не обратить внимания на специфические нюансы произошедшего. Что касается «**во-первых**», его вывод заключался в санкционировании выдвижения дивизий из глубины западных округов в сторону границы. Данный факт подтверждается архивными данными и мемуарами маршалов, например, А.М. Василевского³. Что же до «**во-вторых**», то от его внимания не ускользнула одна важная деталь. В тексте упомянутого выше распоряжения было прямо указано, что дату **22 июня** назначило верховное главнокомандование. Между тем, несмотря на то, что с 4 февраля 1938 г. его олицетворял непосредственно Гитлер, само это распоряжение было от имени главнокомандующего сухопутными войсками Германии, но подписано было начальником Генерального штаба сухопутных войск Германии генералом Ф. Гальдером. Более того, оно содержало в себе контрольную дату — **18 июня**, в течение которой должно было быть осуществлено либо окончательное подтверждение даты нападения, либо ее отмена. Более того, в тексте распоряжения было и последнее контрольное время для этого же — **13.00 21 июня 1941 г.!**

В ситуации с данными о «миссии» Гесса сие могло означать только одно. **Несмотря на сам факт издания распоряжения о назначении**

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 159.

² Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 398.

³ ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261. Л. 20—22. Василевский А.М. Дело всей жизни. М., 1974. С. 119.

22 июня датой нападения на СССР, сама она еще должна была быть подтверждена особым политическим решением Гитлера, окончательное формулирование и принятие которого явно зависело от результатов «миссии» Гесса! Не только Сталин, но и разведка физически не могли не прийти к этому выводу. Тем более что к этому же прямо подталкивал и другой факт. По полученным от разведки данным британского радиоперехвата, выходило, что это распоряжение о назначении даты нападения на СССР было подписано сразу же на следующий день после того, как в переговоры с Гессом включился Дж. Саймон. А вот доведение его содержания до сведения командующих группами армий вторжения гитлеровцы почему-то начали **12 июня**. Более того, едва только **13 июня** процесс выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции был начат, так чуть ли не немедленно же был приостановлен?! Совершенно естественно возник вопрос: **а в чем, собственно говоря, дело?!** Ведь немцы — известные всем миру педанты и аккуратисты, ярые поклонники строжайшей дисциплины, особенно в военном деле, даже если они и нацисты. Ведь приостановить-то могли только по приказу из Берлина — таковы были правила в вермахте. Впрочем, они таковы в любом государстве. Выдвижение собственных войск непосредственно к линии границы с другим государством может осуществляться только с санкции высшего государственного руководства, а у Германии, к ее глубочайшему несчастью, в то время была ситуация, как в рекламе, — «**пять в одном флаконе**»: Гитлер был един и в трех государственных лицах — рейхсканцлер, президент и Верховный главнокомандующий, да еще, на беду всего немецкого народа, «**фюрер германской нации**» и главарь преступной НСДАП. И приказ о приостановлении процесса выдвижения мог отдать только сам Гитлер. Списать такое действие только на известное **Сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г.** несколько затруднительно. Оно прозвучало в эфире Московского радио лишь в 18.00 по московскому времени 13 июня. Телеграмма германского посла Шуленбурга, в которой

приводился полный текст этого сообщения, поступила к Гитлеру не ранее **20.00—21.00** по московскому времени. Между тем разведка пограничных войск зафиксировала приостановку выдвижения войск на исходные для нападения позиции еще днем 13 июня. Следовательно, причина приостановки была иной.

Сталин и разведка мгновенно просчитали сложившуюся ситуацию и убедились в том, что их видение сценария нападения Германии на СССР в результате тайного сговора Англии с Гитлером было обосновано. Потому как заминки с исполнением распоряжения о дате нападения на СССР и выдвижением войск на исходные для нападения позиции открыто вызывали сильные подозрения в том, что Гитлер чего-то ждал. Подозрения порожила бросавшаяся в глаза логическая взаимосвязь последовавших событий. Ведь **9 июня 1941 г.** к переговорам с Гессом подключился Джон Саймон, а уже **10 июня** верховное главнокомандование Германии, то есть лично Гитлер, официально, письменно же назначает **22 июня** датой нападения на СССР!

12-го распоряжение о назначении **22 июня** датой нападения рассылается командующим групп армий, **13-го** они начинают выдвижение войск на исходные позиции и тут же по приказу из Берлина останавливают его. Все свидетельствовало о том, что Гитлер чего-то ждал.

Кроме того, Москве было известно, что как дата нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «**22 июня**» в категорическом тоне было объявлено британцами специальному представителю президента США Рузвельта, Уильяму Donovanу, еще **6 июня 1941 г.** Но если по каналам радиоперехвата бритты узнали о **22 июня** только **12 июня**, следовательно, по состоянию на **6 июня** они могли знать ее только от Гесса. А, учитывая, что сообщивший об этом Donovanу глава британской дипломатической разведки Р. Липер подчеркнул, что о **22 июня** им известно уже несколько недель, то вывод о том,

что они узнали о ней от Гесса, становится категоричным. Или, по меньшей мере, просто достаточно обоснованным. Ведь с **10 мая**, то есть с того момента, как Гесс свалился на английскую территорию, и по **6 июня** как раз и выходили те самые несколько недель!

Специальный исторический штрих. Правда, тут следует иметь в виду, что еще 27 мая 1941 г. чехословацкая военная разведка от своего ценнейшего агента А-54 (полковник абвера Пауль Тюммель) получила сведения о том, что нападение произойдет 22 июня¹. Эти сведения были переданы У. Черчиллю и МИ-6. Но в таком случае не получают те несколько недель, якобы в течение которых бритты уже знали о 22 июне как о дате нападения. Хотя, конечно, нельзя исключать и того, что бритты спокойно могли соврать американцам, которых считали недалекими заокеанскими провинциалами. В общении с окружающим миром бритты, что называется, испокон веку шли, идут и будут идти на любые уловки, недомолвки, передергивания, извращения, искажения, обманы и фальсификации, если по каким-то сугубо британским соображениям это будет выгодно их проклятому Коварному Альбиону.

Британская разведка именно потому и провела в мае месяце 1941 г. в превентивном по отношению к ожидавшемуся ею «визиту» Гесса мощную дезинформационную операцию по ускорению стравливания СССР и Германии в смертельной схватке (как уже указывалось выше, ее осуществили личный друг У. Черчилля глава Британского разведывательного центра в США У. Стефенсон и его сотрудник Монтгомери Хайд), что она абсолютно точно знала об этой дате. Но не сообщала об этом Москве. Так, при сравнении сути осуществленной британской разведкой в мае 1941 г. дезинформационной операции и текста **«Руководящих указаний начальника штаба верховного главнокомандования по маскировке подготов-**

¹ Moravec F. Master of Spies. Memoirs of General Frantisek Moravec. New York, 1977. P. 191—193; Benes E. The Memoirs of Dr. Edward Benes. Boston, MA, 1953. P. 150—151.

ки...» № 44142/41 от 15.2.1941 г. нетрудно заметить откровенное смысловое сходство текстов:

— смысл британской дезинформации — «Если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера»¹;

— содержание «Руководящих указаний...» — «...Необходимо принять все меры, чтобы среди наших вооруженных сил сохранилось впечатление готовящегося вторжения в Англию, пусть в совершенно иной форме. Правда, в какой-то момент придется оттянуть с Запада предназначавшиеся для вторжения войска... Даже если войска будут перебрасываться на восток, следует, как можно дольше придерживаться версии, что переброска осуществляется с целью дезинформации или прикрытия восточных границ в тылу во время предстоящих действий против Англии...»²

Проще говоря, британская разведка явно располагала соответствующей информацией (без содействия чехословацкой и польской военных разведок тут явно не обошлось, как, впрочем, и без успехов криптографов из Центра дешифровки в Блетчли тоже) и чрезвычайно ловко обыграла полученные от своей агентуры и по другим каналам данные. Более того. Фактически британская разведка ввергла гитлеровское командование в состояние жертвы его же собственной дезинформации. Но с другой стороны, бритты умудрились даже обеспечить при этом некое подобие алиби для вскоре понадобившихся Гитлеру лживых утверждений, что-де он именно потому внезапно напал на СССР, вероломно расторгнув договор о ненападении с ним, что хотел предупредить якобы грядущую советскую агрессию против Германии.

Как уже указывалось выше, впервые Гитлер лично озвучил дату 22 июня только во время совещания 30 апреля, причем это было преподнесено следующим образом: «Фюрер решил: Начало

¹ Судоплатов П.А. Разведка и Кремль. М., 1996. С. 136.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 211. Кстати говоря, еще раз взгляните на последнюю фразу в п. 16 доклада ГРУ от 20 марта 1941 г.

“Барбаросса” — 22 июня»¹. А когда решил — так и хрен знает этого бесноватого фюрера!

Но вот сама мысль об этой дате появилась у него, очевидно, раньше. **31 января 1941 г.** была утверждена директива Генерального штаба сухопутных войск Германии (ОКХ) № 050/41 от **31.01.1941 г.**, в подпункте «в» п. 12 которой было прямо указано: **«Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день “Б”) могло быть начато 21.6.»** (то есть **21 июня 1941 г.** — *А.М.*). Эта директива — самая суть **«Варианта Барбаросса»** и называлась **«Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (“Барбаросса”)»**².

К концу апреля 1941 г., когда с Югославией было покончено, Гитлер, очевидно, решил, что необходимо наконец уточнить дату нападения на СССР. Одним из первых об этом узнал агент британской разведки **Фил — Адольф Эрнст Хойзингер**, поскольку это непосредственно входило в его служебную компетенцию, так как он возглавлял Оперативное управление германского Генштаба. Без согласования с ОУ ГШ Гитлер не мог принять такого решения. И вот что интересно в этой связи. Британский посол в Москве С. Криппс в предположительном порядке озвучил дату **22 июня** в самом начале третьей декады апреля 1941 г., из-за чего уже **24 апреля** германский ВМАТ Н. Баумбах в своем донесении в Берлин указывал, что он опровергает такие слухи³. Судя по всему, уже тогда бритты располагали некоторыми агентурными (другие каналы добывания разведывательной информации британской разведкой в тот момент не

¹ Запись совещания у начальника отдела обороны страны штаба оперативного руководства вермахта от 30 апреля 1941 г. В книге Якобсена Г.-А. 1939—1945. Вторая мировая война. В сб. Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 146. Г.-А. Якобсен привел эту запись со ссылкой на документ PS-1746 Нюрнбергского трибунала.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 206.

³ Германский военно-морской атташе в Москве — Верховному командованию военно-морского флота. Москва, 24 апреля 1941 г. Documents on German Foreign Policy 1918—45. From the Archives of the German Foreign Ministry series. 1937—1945. Vol. XII. № 399. P. 632.

могли предоставить такие сведения) данными о **22 июня** как о дате нападения. Не исключено, что эта дата каким-то образом фигурировала и в упоминавшемся ранее сообщении американской разведки, переданном в Лондон. И потому бритты рискнули на проведение дезинформационного зондажа, преследуя сразу три цели:

- **выяснить возможную реакцию Кремля,**
- **но одновременно запутать его,**
- **а если повезет, то и спровоцировать СССР на такие действия, в ответ на которые, Германия могла бы запросто напасть на Советский Союз.**

Однако бриттам ничего не удалось достичь тогда. Кроме, естественно, усиления подозрений Кремля в причастности британской разведки к распространению этой информации, которую в Москве восприняли как дезинформационные слухи. Кремль, как это стало понятно только в наши дни, был прав. Потому что о **22 июня** как о дате нападения бритты узнали от своей разведки, а источником этих сведений в апреле мог быть (только) агент **Фил (А. Хойзингер)**. Волею случая так получилось, что его сведения совпали с данными американской разведки. Ведь еще в марте 1941 года коммерческий атташе посольства США в Берлине **Сэм Вудс** добыл новые данные о плане нападения на СССР, которые были переданы не только Москве, но и Лондону (29 марта 1941 г.). А примерно через месяц подспели и сведения **Фила**.

Убедившись же, что Москва никак не реагирует на болтовню С. Криппса, бритты решили провести ту самую дезинформационную операцию, которую при содействии агента советской внешней разведки — сотрудника Британского разведывательного центра в США **Седрика Белфрейджа** — разоблачил Г.Б. Овакимян. Однако 5 мая 1941 г. он был арестован ФБР при активном содействии бриттов.

Справка. Г.Б. Овакимян не обладал дипломатическим иммунитетом. 7 мая 1941 г. под залог в 25 тысяч долларов он был освобожден

до суда, который, впрочем, и не состоялся. В его освобождении и возвращении на Родину участие принимал лично Сталин. Естественно, что далее он не мог активно заниматься разведкой. Следовательно, разоблачение им британской дезинформационной операции по ускорению стравливания СССР и Германии в смертельной схватке произошло до 4 мая включительно.

Но именно в это время и завершалась операция британской разведки по выводу Рудольфа Гесса на территорию Великобритании. То есть выходит, что англичане совершенно сознательно готовили ту дезинформационную операцию в расчете на скорое появление в Англии Гесса прежде всего ради того, чтобы создать негативно давящую на планы Гитлера основу для ожесточенного торга с его эмиссаром. Ведь суть той «дезы», что разоблачил Овакимян, заключалась, еще раз обращаю на это внимание, в следующем: **«Если Гитлер вздумает напасть на Англию, то русские начнут войну против Гитлера»**. Именно это и располагало к ожесточенному торгу по принципу — **свобода действий на востоке в обмен хотя бы на видимость мирной передышки для Англии. Или, по меньшей мере, на резкое снижение активности боевых действий авиации люфтваффе против Англии**. Как показали последующие события и особенно их вдумчивый анализ ГРУ, все именно так и произошло.

Если теперь подытожить изложенное выше, то получается следующее. Гитлер, которому **до 10 июня** ничто и никто не мешали письменно назначить **22 июня** датой нападения на СССР, в реальности почему-то стал действовать очень странным для такого не привыкшего с чем-либо или кем-либо считаться авантюриста-наглеца образом. Вначале принял внутреннее (то есть для себя) решение о **22 июня** как об окончательной дате нападения на СССР — судя по утверждению Риббентропа, это произошло **6 апреля 1941 г.** А уже **24 апреля** дата **22 июня** была озвучена британским послом в СССР. Знать об этом в тот момент англичане могли только от своего агента **Фила — А. Хойзингера**, поскольку сам Гитлер впервые оз-

вучил эту дату перед своим генералитетом только **30 апреля**, а Гесс в то время еще был в Германии.

***Исторический комментарий.** Небезынтересно отметить следующее. Последний раз Гесс виделся с Гитлером 4 мая 1941 г. и во время многочасовой аудиенции у фюрера все спрашивал последнего, остается ли в силе тезис «Майн кампф» о необходимости союза с Англией?! Гитлер же, к слову сказать, каждый раз отвечал ему утвердительно. Кстати говоря, именно из-за этого тезиса еще в первой половине 1933 г. Сталин осуществил массивную дипломатическую атаку на Гитлера. Ее цель состояла в том, чтобы вынудить Гитлера ратифицировать еще в 1931 г. парафированный протокол о пролонгации еще на пять лет срока действия советско-германского договора о нейтралитете и ненападении от 24 апреля 1926 г. Сталин тогда добился необходимого результата. Но с тех пор он уже не позволял себе роскоши не обращать самого пристального внимания на любые, даже мельчайшие признаки, которые пускай даже и гипотетически, но могли-таки привести к реализации идеи англо-германского союза на практике. Вот откуда (в том числе) у Сталина совершенно обоснованная подозрительность в этом вопросе. Надо это ясно понимать, дабы не впасть в глупейшее заблуждение, которое ёрнически навязывают всем безмозглые «толкователи» его действий. Не случайно поэтому, что едва только Сталину стало известно о полете Гесса, упомянутый выше пассаж из «Майн кампф» тут же «выплыл» из обширнейших запасников его мозучей и очень цепкой памяти. Тем более что вся обстановка вынуждала к этому. Вот почему его тревога в тот момент достигла наивысшего накала. Мало того что по факту получалось, что Гесс и в самом-то деле прибыл в Англию для реализации на практике этого положения из «библии» нацизма, так еще и ГРУ за полтора месяца до этого события с потрясающей точностью спрогнозировало ситуацию с «миссией» Гесса. Естественно, что Сталину было от чего сильно взволноваться!*

Только **А. Хойзингер** мог знать о бродившей в черепе фюрера дате **22 июня**, поскольку, как Верховный главнокомандующий, Гитлер физически не мог не консультироваться с начальником Оперативного Управления ГШ — это ведь «мозговой трест» любого генштаба. Затем через Гесса фюрер конфиденциально сообщил о **22 июня** англичанам. И в то же время, несмотря на то, что ему действительно ничто и никто не мешали утвердить **22 июня** в качестве даты нападения на СССР до **10 июня 1941 г.**, Гитлер более месяца тянул с официальным письменным оформлением этой даты. Тут и не разбирающемуся в делах высшей мировой политики стало бы ясно следующее. Гитлер именно потому так долго тянул с письменным утверждением давно определенной им даты нападения, что ожидал принципиального британского «одобрям-с» своему принципиальному решению о нападении на Советский Союз, в том числе и самой дате агрессии **22 июня!**

В изложении британских мерзавцев это «одобрям-с» прозвучало так: «**Английские интересы в восточных и юго-восточных европейских областях (за исключением Греции) являются номинальными!** Выше об этом уже говорилось.

Заметьте, кстати, что речь шла о каких-то неведомых областях, а не о государствах Восточной и Юго-Восточной Европы. Это и означало, что бритты не только списали со счетов всех и вся на востоке и юго-востоке Европы, но и дали понять Гитлеру, что он может делать в этих самых восточных и юго-восточных «областях», что захочет — никто не помешает! А поскольку часть этих территорий и так была уже оккупирована или же, как грязные марионетки, они состояли на службе у Третьего рейха (откровенно фашиствовавшие тогда шакалы типа Словакии, Венгрии, Румынии, Хорватии, Болгарии и т.д.), то, «естественно», понятие номинальности британских интересов однозначно распространялось только на СССР! Проще говоря, Англия совершенно открыто заявила Гитлеру, что ей и в самом деле наплевать, что он намерен делать против СССР! Тут нельзя

не отдать должное исключительной «принципиальности» в скором времени нашего очень подлого «друга» по антигитлеровской коалиции — сэра У. Черчилля. Как уже говорилось выше, этот «гусь» еще в середине апреля 1941 г. «отморозил» беспардонно хамскую выходку по отношению к Советскому Союзу, направив правительству СССР меморандум, в котором содержались и сегодня вызывающие глубокое возмущение строки: **«Правительство Великобритании не заинтересовано столь непосредственно в сохранении неприкосновенности Советского Союза, как, например, в сохранении Франции и некоторых других западноевропейских стран»**¹. Но как раз это-то и есть в натуральном виде **«английские интересы в восточных европейских областях номинальны»**! Сие еще и тем характерно, что в одном предложении содержится и второе доказательство условий Англии к Германии на пути достижения так называемого **«почетного мира»**. В п. 2 этих условий говорилось: **«Ни одно английское правительство, считающее себя дееспособным, не сможет отказаться от восстановления государственной системы Западной Европы»**².

Если сравнить с тем, что Черчилль «отморозил» в меморандуме в адрес советского правительства, то нетрудно понять, о чем же шел торг на переговорах с Гессом! И как только Гитлеру стало известно, что в переговоры с Гессом включился именно Дж. Саймон — как показали на послевоенных допросах на Лубянке ближайšie сотрудники Гитлера Гюнше и Линге, фюрер очень внимательно следил за всеми сообщениями своей разведки из Лондона, — он тут же приказал издать распоряжение о назначении **22 июня** датой нападения на СССР! Потому как понял, что раз в переговоры включился сам Дж. Саймон, который еще шесть с лишним лет назад от имени Англии гарантировал «зеленый свет» экспансии на восток, то, следова-

¹ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. London. 1970. Vol. I. P. 604.

² Ibidem.

тельно, «джентльмены» держат свое слово и подтверждают, что их **«интересы в восточных европейских областях» действительно номинальны!** В реальности же они, конечно, не были номинальными. Англия и хотела бы «застолбить» там свои интересы (особенно в Юго-Восточной Европе, к примеру...), что и пыталась делать (кстати, и в дальнейшем тоже, отчаянно препираясь по этим вопросам во время войны со Сталиным). Но в то время она вынуждена была сделать «хорошую мину при плохой игре». Сидя по уши в дерьме германской блокады, куда она вляпалась по собственной же дурасти, о каких уж интересах на востоке Европе можно было говорить?!

Лондон прекрасно осознавал, насколько советско-германский договор о ненападении от 23 августа 1939 г. поменял не только расписание второй мировой бойни, которую не в меру «добрая» Англия столь усердно готовила для СССР, но и конфигурацию Европы, в том числе и послевоенную. Поэтому для Лондона единственным выходом из создавшегося тогда положения было нападение Германии на не представляющие для Англии даже «номинального интереса» Советы, в сохранении которых она не была заинтересована настолько, насколько, например, Франции.

Соответственно Гитлеру предоставили свободу действий против СССР: Англия есть Англия, не к ночи будь помянута эта сволочь! И Гитлер именно потому так долго тянул с письменным утверждением даты нападения на СССР, что ждал этих серьезных гарантий со стороны Англии. В порядке, «естественно», установления «почетного мира» между «великой морской державой» Англией и «великой континентальной державой» Германией, то есть гарантий полной безнаказанности однофронтового разбоя против СССР. Проще говоря, гарантий того, что Англия, тем более в союзе с США, не ударит в спину рейху с Запада! А вот их-то до середины второй декады июня 1941 г. у него и не было — шел ожесточенный торг, и стороны еще не пришли к единой позиции на сей счет. Только отсутствием «желез-

ных» гарантий безнаказанности однофронтowego разбоя против СССР можно объяснить практически мгновенную приостановку 13 июня едва только начавшегося процесса выдвижения германских войск на исходные для нападения позиции. Не говоря уже о нехарактерном для гитлеровцев, прежде всего как для немцев, затягивании с передачей распоряжения о назначении даты нападения на целых два дня. Фюрер тянул время, ожидая столь необходимых ему гарантий именно безнаказанности однофронтowego разбоя против СССР, так как он до остервенения опасался войны на два фронта!

Для получения сведений на этот счет глава абвера адмирал Карнарис направил в Москву одного из своих самых доверенных агентов, юриста-международника **Николаса фон Галема**¹. Целью его миссии было не добывание информации об СССР — работавшие в Москве германские разведчики и так передали ему необходимую информацию, которую добыли сами. Его целью было получение необходимых сведений о позиции Англии непосредственно от резидента британской разведки в Москве, с которым он был дружен с детства, а также информирование его о том, что нападение всене непременно произойдет 22 июня.

Ясно видя, что принятое решение о нападении Гитлер нагло согласовывает с Англией, которая не менее нагло, но более всего пошла на такой шаг, еще **11—12 июня** Сталин санкционировал выдвижение дивизий из глубины приграничных округов в сторону границы. Одновременно было подготовлено Сообщение ТАСС от **13 июня 1941 г.** С нарочито демонстративной торопливостью оно в тот же день было озвучено сразу по трем каналам. В **18.00** московского времени в радиозфире для заграницы, а также путем вручения его текста, как официального документа Правительства СССР, одновременно англичанам и немцам. А на следующий день, **14 июня**, оно было опубликовано еще и в советских газетах! Потому что не менее ясно Сталин видел и то, что на тот момент Адольф никаких гарантий безнаказанности однофронтowego разбоя еще не получил, — заклятые

¹ *Колвин Я.* Двойная игра. Пер. с англ. М., 1960. С. 238.

«джентльмены» никак не могли сговориться! Шел ожесточенный торг, естественно, за счет ущемления коренных интересов СССР-России — проклятая Англия иначе просто не умеет!

Вот почему Сталин так сильно и «врезал» Англии в Сообщении ТАСС от **13 июня 1941 г.**! Это был отчаянный, но тщательно продуманный (благодаря разведке) и решительный шаг. Необходимо было в упреждающем порядке нейтрализовать подлые потуги Англии, пытавшейся по-прежнему играть утраченную роль мировой державы и главного арбитра в Европе. В том числе даже определять, кому, с кем и в каких условиях сцепиться в смертельной схватке, чтобы эта чертова Англия уцелела! Или, по меньшей мере, хотя бы резко снизить статус возможно уже обещанной Англией Гитлеру свободы действий против СССР за счет достаточно внятных обвинений Коварного Альбиона в прямом потворстве нацистской Германии! Так и в самом деле, ну не на пустом же месте Сталин уверенно предполагал, что Гитлер не рискнет на войну на два фронта, — в Германии слишком хорошо помнили печальные итоги Первой мировой! И если бы не эти подлые гарантии Англии Гитлеру, то едва ли коричневый шакал рискнул бы столь нагло и вероломно напасть на СССР **22 июня 1941 г.**! Но Англия находилась уже при последнем издыхании. Даже американская помощь не спасала ее, позволяя всего лишь «тонуть» в замедленном темпе. И единственный шанс на спасение состоял в том, чтобы дать Гитлеру гарантии полной безнаказанности его однофронтowego разбоя против СССР, тем более что с геополитической точки зрения интересы Англии и нацистской Германии в вопросе об уничтожении СССР-России были идентичны. **Проще говоря, пусть Адольф займется широкомасштабным вооруженным бандитизмом против СССР, лишь бы хоть на какое-то время отстал от Англии!** Сообщением ТАСС от **13 июня** Сталин заранее пригвоздил Гитлера к позорному столбу Истории. Пригвоздил как агрессора, который с санкции какой-то полузадушенной Англии

готовится вероломно и внезапно напасть на честно соблюдающего условия договора о ненападении от 23 августа 1939 г. партнера по межгосударственным отношениям! В Лондоне это поняли. **И тем не менее всемирно известная подлая сволочь по имени Англия к исходу 14 июня 1941 г. все-таки выдала столь любезному ее сердцу Гитлеру гарантии безнаказанности его однофронтowego блиц-«Дранг-нах-Остен»-крига! Гарантировала до 1944 г.!**

То, что Англия гарантировала Гитлеру безнаказанность однофронтowego разбоя против СССР, доказывает и содержание спецсообщения ГРУ от 7 июля 1941 г., направленного Сталину и Молотову. Ссылаясь на ранее полученные данные, военная разведка указала, что «...вооруженное выступление против СССР было предрешено задолго до перелета Гесса в Лондон для прощупывания почвы о возможности мирных переговоров между Англией и Германией, что подтверждается агентурными данными. Перелет Гесса в Англию нужно рассматривать, как попытку Гитлера склонить Англию на заключение мира, поставив ее перед свершившимся фактом уже законченного сосредоточения основной группировки сил против СССР»¹. Аналогичные сообщения поступали и от разведки НКГБ СССР.

Правильно, хотя склонить Англию к прямому, тем более письменному, заключению такого мира Гитлеру не удалось. Не такой уж и болван был сидевший на Даунинг-стрит, 10 наш подлый «друг» по антигитлеровской коалиции — пьяница Черчилль. Не фиксируя письменно своего «одобрям-с» агрессии Гитлера против СССР — иначе это был бы абсолютно не обжалуемый смертный приговор самой Великобритании, — вселенские бандиты с обеих сторон действительно договорились между собой. И действительно на почетных для каждого из них условиях. Лондону — **максимально возможное снижение угрозы разрушения и тем более уничтожения Англии,**

¹ *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 260.

особенно за счет воздушных бомбардировок. Берлину — свобода рук на востоке против СССР. Плюс гарантии безнаказанности однофронтowego блиц-«Дранг-нах-Остен»-крига. До 1944 г.

ГРУ отмечало также, что «по имеющимся данным, эта попытка склонить на мир Англию не увенчалась успехом, но в известной степени получила отражение в дальнейшем ходе военных действий между Германией и Англией в сторону их ослабления. Для подтверждения такого вывода необходимо привести следующие конкретные факты:

а) Переброска всех родов войск немецкой армии на Восток продолжается за счет ослабления группировки немецких войск на северо-западном побережье Франции...»¹.

А ведь не будь у него британских гарантий, что в ближайшие два-три месяца, в течение которых ему грезился успех блицкрига против СССР, в спину рейху на и без того призрачном Западном фронте (а если честно, то его и вовсе не существовало — он появится только с 6 июня 1944 г.) не ударят, Гитлер не рискнул бы осуществлять такие переброски!

К слову сказать, ГРУ зафиксировало конкретные результаты англо-германского сговора еще до нападения на СССР. В начале упомянутого сообщения ГРУ прямо указало, что еще до нападения на СССР Германия оставила в оккупированной части Франции всего 14—15 дивизий! Если бы англичане были порядочными и честными союзниками — откровенно говоря, это в принципе невозможно вследствие ранее указанных особенностей английской внешней политики, — и открыли бы Второй фронт еще тогда, летом 1941 г., как того особо яростно требовал Сталин, то эти 14—15 дивизий вермахта были бы смяты и раздавлены в мгновение ока, а СССР была бы оказана существеннейшая помощь. И тогда даже в тех наитяжелейших условиях начального периода войны реально удалось бы избежать столь гигантских людских, территориальных и

¹ Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 260.

материально-технических потерь! Но, увы, Черчиллю важнее было сдержать данное А. Гитлеру слово, чем реально помочь союзнику по антигитлеровской коалиции!

«б) Усиление Восточного фронта германской авиацией продолжается. Захваченные пленные показывают, что их соединения за 3—4 дня до начала войны и даже в процессе войны переброшены из Франции»¹.

ГРУ показало ситуацию практической реализации достигнутого накануне агрессии против СССР англо-германского тайного сговора. Совершенно не опасаясь последствий, гитлеровское командование перебрасывало громадные силы из Франции на Восточный фронт! Характерно, что ГРУ указало на то обстоятельство, что этот процесс начался за 3—4 дня до нападения Германии на Советский Союз². Именно это и означало, что к тому времени у Гитлера уже были «железные» британские гарантии безнаказанности однофронтного нападения на СССР. И потому, собственно говоря, с 4.00 18.июня 1941 г. и был возобновлен процесс выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции.

ГРУ прямо назвало также и те части люфтваффе, которые были переброшены с Западного фронта на Восточный.

«в) Для действий английской и германской авиации на Западном фронте характерно резкое снижение активности начиная с середины мая»³.

Совершенно очевидно, что резкое снижение активности боевой авиации двух воюющих государств, **во-первых**, произошло сразу же после прибытия Гесса в Англию. **Во-вторых**, носило характер явно авансового платежа с обеих сторон, одинаково нуждавшихся в практическом подтверждении намерения каждой из них пойти-таки на тайный сговор. Со стороны Англии это вообще было ультимативным

¹ Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 260.

² Там же.

³ Там же.

требованием, выполнение которого со стороны Германии эвентуально гарантировало как возможность самих переговоров с Гессом, так и особенно возможность достижения тайного сговора против СССР по указанной выше схеме! В свою очередь это означает, что уже с середины мая 1941 г. обе стороны стали играть в профанацию под названием «взаимные бомбардировки» для... отвода глаз: **по сообщениям лондонской резидентуры ГРУ, гитлеровская авиация с того времени залетала в английское воздушное пространство одиночными самолетами!**¹ Кстати, и англичане, по тем же данным, тоже проводили свои налеты на Германию незначительным количеством самолетов, потому как по сравнению с предшествовавшим перелету Гесса периодом их количество было **снижено в 7,5 раза!**² Весьма характерно также и то, что едва ли не в первую очередь обе стороны снизили интенсивность налетов на важные объекты!

Поразительно, но факт, что гарантии были выданы на следующий день после получения текста Сообщения ТАСС в качестве официального документа Правительства СССР! И тогда же, 14 июня, и Гитлер политически окончательно подтвердил еще 10 июня положенное на бумагу свое решение о назначении 22 июня датой нападения на СССР!

А 16 июня 1941 г. уже и временный поверенный в делах Великобритании в СССР (посол С. Криппс в тот момент находился в Лондоне) полез «сердобольничать», выражая Кремлю обеспокоенность грядущим нападением Германии на Советский Союз! А вслед за ним и представитель США тоже выразил пожелание об укреплении межгосударственных отношений накануне «величайшего кризиса, который СССР будет переживать в ближайшие 2—3 недели»³. Кстати, откуда им стало известно о том, что для СССР грядет кризис в ближайшие 2—3 недели? И что они имели в виду?

¹ Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 261.

² Там же.

³ Документы внешней политики СССР. Т. 23. Кн. 2. М., 1995. С. 726—727.

Одновременно британское правительство передало советскому послу в Лондоне И.М. Майскому информацию о готовящемся нападении Германии и даже составленную британской разведкой карту, на которой достаточно полно и близко к реальности было показано сосредоточение и развертывание немецких частей на советской границе¹. Но не все, иначе Англия была бы не Англией.

От разведслужбы погранвойск НКВД СССР **15 июня** были получены новые неопровержимые документальные доказательства того, что Гитлер действительно политически подтвердил официально назначенную дату нападения на СССР. Было установлено, что **процесс выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции возобновляется с 4.00 18 июня 1941 г.**²

Помните, что в директиве о назначении **22 июня** датой нападения указана контрольная дата — **18 июня**. Так вот, именно **18 же июня** Сталин в последний раз осуществил две лицепроверки точности своего понимания складывающейся ситуации и достоверности получаемой разведкой информации. Так, германскому правительству было предложено срочно принять с визитом Молотова, на что немедленно последовал отказ³. В Берлине прекрасно поняли, что Сталин пытается спутать им карты.

Одновременно в течение всего светового дня **18 июня** была проведена воздушная разведка по всей линии границы в полосе компетенции Западного округа. Обо всем этом отдельный разговор еще впереди.

Окончательно убедившись, что война действительно грянет через четыре дня, Сталин отдал приказ об оповещении коман-

---

¹ Foreign Office (FO) 371|29483 № 3047/78/38 и 371|29466 № 3047/78/38 — записи официальных британских лиц о разведывательных данных, переданных Майскому, от 15 июня 1941 г. Цит. по: *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». Пер. с англ. М., 1996. С. 328

² Источник см. в следующей главе.

³ Там же.

дующих западными военными округами о грядущем в самые ближайшие дни внезапном нападении Германии и необходимости в связи с этим приведения вверенных им войск в боевую готовность! Командующие Прибалтийским, Ленинградским, Западным, Киевским и Одесским военными округами, а также Балтийским, Черноморским и Северными флотами с прямой санкции Сталина официально были предупреждены об этом телеграммой начальника Генерального штаба РККА генерала армии Жукова Г.К. еще 18 июня 1941 г.!!! То есть за четыре дня до агрессии!!! Причем, как свидетельствуют исследования последних лет, в том числе и проведенные лично автором этих строк, в директиве от 18 июня 1941 г. по указанию Сталина непосредственно указывалась дата 22 июня 1941 г.! Как минимум это было сделано в форме хотя и ориентировочной, однако же наиболее вероятной даты!

Так вот, зная все это во всех изложенных выше деталях, кто бы объяснил, желательнo вразумительно, в чем же, в конце-то концов, была ошибка ГРУ?! Или угодничество ГРУ перед Сталиным?! И тем более, в чем же была ошибка самого Сталина и ГРУ или их заблуждение, если все факты однозначно свидетельствуют о следующем.

Во-первых, о том, что в своих выводах № 1 и № 2, изложенных в докладе от 20 марта 1941 г., ГРУ ни на йоту не ошиблось! Подчеркиваю, ни на йоту не ошиблось! Уж сейчас-то это ясно как Божий день!

Во-вторых, о том, что этими выводами ГРУ ни на йоту и ни в чем не ввело Сталина в заблуждение. Наоборот, ГРУ точно обрисовало ему тот сценарий, которого более всего и следовало опасаться! И кто бы теперь объяснил, что плохого могло быть в том, что основанное на тщательнейшем анализе фактов мнение ГРУ точно совпало с позицией Сталина? Да-да, в чем, если это совпадение ясно означало, что аналитики ГРУ фактически вышли на тот же высочайший уровень

компетентности в вопросах мировой политики, каковым обладал лично Сталин?!

В-третьих, о том, наконец, что и сам Сталин ни в чем не ошибался и не заблуждался, особенно в вопросе о времени и антураже нападения Германии на СССР!

Ну разве маршалы и генералы признают, что ГРУ было право?! Разве Жуков мог допустить, что ГРУ оказалось умнее, мудрее и дальновиднее, чем скорняк с трехклассным образованием? Потому-то Жуков и опустился до прямой лжи, письменно заявив в мемуарах, что-де «**выводы из приведенных в докладе сведений, по существу, снимали всё их значение**».

Но если что и «сняли» проанализированные выводы, так только последние ошметки блеска высокого звания Маршала Советского Союза, четырежды Героя Советского Союза, даже после войны оказавшегося неспособным понять, что к чему. Потому что так врать и так оскорблять разведку никому не позволено! Даже Жукову!

Глава 4

НО РАЗВЕДКА ДОЛОЖИЛА ТОЧНО...

ПРОСКРИПТУМ

Кровавая трагедия 22 июня 1941 г. была неминуемо неизбежна, потому как была предрешена. Однако не потому, что советская разведка (как сообщество разведывательных служб СССР) не смогла установить точную дату нападения. Талдычить об этом в наше время, когда открыты многие архивы, рассекречено и опубликовано колоссальное количество документов различных разведывательных служб СССР — просто бессовестно, не говоря уже о том, что просто подло. Однако самое обидное в этих утверждениях заключается в том, что их источниками нередко являются, увы, в том числе и

сами разведчики. Так, десять лет назад в связи с 60-летием начала Великой Отечественной войны редакцией авторитетной военной газеты «Красная звезда» были проведены 12 заседаний круглого стола и на первом же заседании, состоявшемся 16 июня 2001 г., полковник СВР Владимир Николаевич Карпов прямо так и заявил: **«К сожалению, разведка не назвала точной даты, не сказала однозначно, что война начнется 22 июня»**¹. И с тех пор «просвещенные» непосредственно авторитетным человеком — разведчиком же! — «исследователи» вот уже более десятка лет хором голосят, что-де советская разведка не справилась со своей основной задачей, не установила точную дату начала агрессии гитлеровской Германии. А и вправду, чего не голосить-то, если столь авторитетный человек сказал такое, а до него то же самое не одно десятилетие утверждали маршалы, особенно Жуков, а также и генералы, в том числе и разведки?!

Благодаря усилиям еще Жукова, на орбите отечественной историографии утвердился бессовестный тезис, который в формулировке маршала звучал так: **«Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвижении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим»**². Кстати, в очередном «исправленном и дополненном по рукописи автора» издании мемуаров Жукова в 2002 г. появилась любопытная фраза: **«Сейчас бытуют разные версии по поводу того, знали мы или нет конкретную дату начала и план войны. Генеральному штабу о дне нападения немецких войск стало известно от перебежчика лишь 21 июня, о чем нами тотчас же было доложено И.В. Сталину. Он тут же**

¹ Бондаренко А.Ю., Ефимов Н.Н. Тайные страницы Великой Отечественной. М., 2009. С. 11.

² РГВА. Ф. 41107. Оп. 1. Д. 10. Л. 95.

дал согласие на приведение войск в боевую готовность. Видимо, он и ранее получал такие важные сведения по другим каналам...»¹ С того света, конечно, оно виднее, как подладиться под текущую на Земле политическую конъюнктуру...

Но Жуков-то нагло оклеветал одно из самых изумительных достижений советской разведки накануне войны — ведь не взирая ни какие препоны, она смогла заранее, причем многократно установить и точную дату начала агрессии, и время начала выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции, и даже час начала агрессии!!! За что же советскую разведку так сильно оскорбили?

А за то, что если бы маршалы, особенно Г.К. Жуков, это признали, то тогда вся полнота исторической, политической и уголовной ответственности за миллионы жертв, за неисчислимый ущерб народному хозяйству, но особенно же за кровавую трагедию 22 июня легла бы на них. Понимая это, они маниакально упорно, уперто валили всю ответственность на Сталина и разведку. Причем разведке досталось, пожалуй, даже больше, чем Сталину. Или, по крайней мере, в равной степени.

Так что сколь бы дороги автору ни были глубоко уважаемые коллеги В.Н. Карпов, В.А. Кирпиченко и иные не менее уважаемые представители разведки, включая и высокопоставленных, но Истина дороже! Более того. Каков бы ни был образ Жукова в массовом общественном сознании, и каково бы ни было совершенно беспочвенное, едва ли не абсолютное доверие читательской аудитории к его мемуарам, но, подчеркиваю, Ее Величество Историческая Истина, сиречь Подлинная Правда о выдающемся подвиге советской разведки накануне войны неизмеримо дороже. А она — Подлинная Правда — состоит в следующем.

Во-первых, за последние полгода перед войной как минимум 22 сообщения резидентур ГРУ, одно — РУ ВМФ и 45 — 1-го управ-

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002, в 2 т., т 1. С. 254.

ления НКВД-НКГБ СССР содержали указания на предполагаемые даты нападения. Конечно, будучи в здравом уме никто и не посмеет отрицать, что там были разноречивой и многочисленной дезинформационные «шумы» — германская разведка в поте лица распространяла всевозможную дезинформацию, которая по разным каналам попадала в Москву. Только по линии военной разведки таких «дат» набралось примерно полтора десятка. «Не отставали» в этом смысле и разведка Лубянки и другие разведывательные службы, которые тоже «наскребли» примерно столько же «дат». Не стоит забывать и «вклад» английской разведки в этот процесс — она не меньше коллег из абвера перестаралась на стезе дезинформации.

Комментарий. Непонятно, на каком конкретно основании в отечественной историографии о войне сложилась едва ли не твердокаменная убежденность в том, что-де Гитлер неоднократно переносил сроки нападения на СССР, причем за аналогией берут многократный перенос даты нападения Германии на Францию. И что это якобы послужило для Сталина основанием с недоверием относиться к сообщениям разведки о дате нападения. Более того. Почему-то по-прежнему существует полная убежденность, что и югославские события весной 1941 г. вынудили Гитлера перенести срок нападения на СССР.

Изрядно забегая вперед, должен сказать, что тщательная проверка ныне доступных материалов однозначно показывает, что это, увы, глубочайшие заблуждения, дезинформирующие историческую науку, а заодно общественное мнение. Ничего подобного не было. Дата нападения сидела в сознании главного нацистского преступника с самого начала. Точнее, с момента утверждения директивы по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск по «Варианту Барбаросса» от 31 января 1941 г., хотя там и было указано, что «подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы день наступления (день “Б”) могло быть начато 21.6.»¹.

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 206.

Но если обратиться к записи от 30 мая 1941 г. в хорошо известном всем историкам дневнике Ф. Гальдера, которая содержится на стр. 553 второго тома этого дневника, то любой может убедиться в том, что дата 22 июня давно была назначена Гитлером. Гальдер ясно указал, что **«фюрер решил, что срок начала операции “Барбаросса” прежний — 22 июня»!**¹ Слово «**прежний**» в записи начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии и означает, что эта дата была утверждена Гитлером давно. Следовательно, выходит, что даже в упомянутой выше директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск по «Варианту Барбаросса» от 31 января 1941 г. Гитлер пошел на стратегическую уловку, даже там не указав точную дату нападения, хотя давно определил ее для себя. Нацисты прилагали колоссальные усилия, дабы скрыть истинную дату нападения. Именно по этой причине они запускали многочисленные дезинформации с различными сроками — как датированными, так и приблизительными либо по месяцам, либо по временам года. Однако в действительности информация об этой дате вырвалась из-под их контроля как минимум еще апреле 1941 г., ибо о ней упоминал, например, британский посол в Москве Криппс, который в порядке предсказания назвал дату 22 июня в начале третьей декады апреля 1941 г., в связи с чем германский военно-морской атташе в Москве Норберт фон Баумбах уже 24 апреля сообщил в Берлин, что он опровергает это, как слухи². Узнать же об этой дате англичане могли лишь благодаря агентурным усилиям своей разведки, а также чехословацкой и польской разведок, но более всего от американцев, которые обменивались разведывательной информацией с Лондоном. Перед генералами же фюрер впервые озвучил дату 22 июня только 30 апреля 1941 г.

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 553.

² DGFP. Vol. XII., № 399, p. 632. Донесение германского военно-морского атташе в Москве верховному командованию военно-морского флота. Москва. 24 апреля 1941 г.

Далее, почему-то по-прежнему существует полная убежденность, что югославские события весной 1941 г. вынудили Гитлера перенести срок нападения на СССР. Так вот, что касается роли югославских событий в том, что нападение произошло 22 июня, то, увы, для тех, кто исповедует эту точку зрения, никакой роли и нет. Роль событий в Югославии в том, что разгоревшийся пожар народной войны против гитлеровцев оттянул на себя определенную часть сил вермахта, примерно 20 дивизий, которые могли бы быть переброшены на Восточный фронт. Но ведь это произошло позже. И за это, как говорится, спасибо братьям-сербам.

Однако даже в дезинформационных «шумах» было одно рациональное зерно. Дело в том, что очень часто — чаще, чем информация с указанием приблизительных дат или месяцев, когда должно было состояться нападение, — поступала информация о том, что нападение произойдет после того, как в СССР завершатся полевые работы в сельском хозяйстве, проще говоря, посевная кампания, и когда всходы, особенно зерновых, будут еще зелеными, чтобы их невозможно было поджечь. В европейской части Советского Союза в те времена посевная кампания в зависимости от региона заканчивалась к концу мая — началу июня либо же максимум к концу первой декады июня. Короче говоря, чем дальше от южных регионов, тем позже заканчивались посевные работы в сельском хозяйстве. Примерно в это же время поля зеленели от всходов.

Конечно, столь расплывчатое упоминание времени нападения не есть особая заслуга. Но в то же время нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что хотя и столь расплывчато, однако же подобным образом были показаны достаточно узкие временные рамки, когда может произойти нападение. Хотя и очень приблизительно, но все-таки уже можно было хоть как-то ориентироваться в вопросе о сроке нападения. Потому что, например, поразительно органично с такой информацией увязывалось и сообщение еще от 5 мая 1941 г. одного

из ценнейших, но, к сожалению, незаслуженно редко упоминаемых в исторических исследованиях агентов ГРУ АВС, он же Курт Велкиш, сотрудник германского посольства в Румынии¹. В этом сообщении АВС первым информировал, что срок нападения сдвигается с **15 мая** (эта дата очень долго «плыла» в информациях разведки) на **середину** — **двадцатые числа июня 1941 года**.

Но самое главное и, **во-вторых**, состоит в том, что в последние **10 дней** перед войной советская разведка (как сообщество советских разведывательных служб того времени) **все-таки сумела относительно точно, а в ряде случаев и абсолютно точно назвать дату и время начала агрессии 47 (СОРОК СЕМЬ!!!) раз!!! И даже более того**.

Установить точную дату нападения раньше указанного промежутка времени так, что это не вызвало бы никаких сомнений, просто физически было невозможно. **И всего лишь по той простой причине, что верховное командование Германии письменно указало день 22 июня 1941 г. как дату нападения только 10 июня 1941 г.**² А до этого времени, как, впрочем, и после 10 июня и до самого дня нападения, немцы вели широкомасштабную, прекрасно продуманную, четко скоординированную и неукоснительно претворявшуюся в жизнь, даже в различных деталях и нюансах, дезинформационную кампанию. Цель — ввести высшее руководство и командование вооруженных сил СССР в максимально возможное, желательно полное заблуждение. До указанного промежутка времени эта дата изредка встречалась в информациях спецслужб. Но поверить в это было невозможно. Оснований для этого было мало или их не было вовсе. А последствия безоговорочной веры в эту дату до того, как появилась

¹ 1941 год. Кн. I. М., 1998. С. 798; *Колтакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. М., 1999. Кн. I. С. 262.

² Распоряжение главнокомандующего сухопутными войсками Германии о назначении срока начала наступления на Советский Союз от 10 июня 1941 г. См.: *Секреты Гитлера на столе у Сталина. Сб. архивных документов.* М., 1995. С. 214—215.

возможность хоть как-то, но прежде всего документально подтвердить ее, были бы слишком велики, если не вообще катастрофичны.

Тем не менее, несмотря на то, что априори дата начала агрессии наиболее охраняемый секрет любого агрессора, невзирая ни на какое противодействие германской разведки и контрразведки, советская разведка все-таки сумела преодолеть далеко не шуточные препоны и дезинформационные «шумы» и установила-таки точную дату нападения.

Каковы же доказательства того, что точная дата и время нападения были заранее установлены? Кто и как добыл эту информацию? А заодно, было ли точно установлено начало выдвижения войск вермахта на исходные для нападения позиции?

Наверное, многие читатели сильно удивятся, но фантастически уникальную роль стратегической разведки в решении именно этих вопросов сыграла тактическая по своей природе разведка пограничных войск, как, впрочем, и сами пограничники. В чем колоссальная заслуга лично Лаврентия Павловича Берия, как народного комиссара внутренних дел СССР, в личном подчинении которого находились пограничные войска и соответственно разведка погранвойск. Он вообще с самого первого дня пребывания на посту главы НКВД СССР уделял колоссальное внимание пограничным войскам, особенно их подготовке, в кратчайшие сроки сделав их настоящей суперэлитой вооруженных сил страны, которой были по плечу практически любые, даже самые невыполнимые на первый взгляд задачи. Естественно, что, как выдающийся ас разведки, особое внимание Лаврентий Павлович уделял разведке пограничных войск.

Именно пограничники, а, как правило, в первую очередь разведка погранвойск, смогли окончательно установить, раньше многих зарубежных резидентур внешней и военной разведок СССР, неоднократно проверить и подтвердить дату и время на-

чала агрессии. Кроме того, именно разведка погранвойск смогла дважды (объяснение на этот счет приводится ниже) установить и зафиксировать начало выдвижения ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции.

По тем данным, которые официально рассекречены и опубликованы, впервые пограничники установили дату **22 июня** как день начала агрессии **14 июня** 1941 г. Произошло это в результате задержания двух диверсантов на участке 19-й заставы 5-й комендатуры 87-го Ломжинского пограничного отряда НКВД Белорусской ССР. На допросах задержанные диверсанты и сообщили о **22 июне** как о дне начала нападения Германии на СССР¹.

Вторично дата **22 июня** как день начала агрессии была установлена утром **18 июня** 1941 г. и также в результате задержания группы диверсантов в количестве 8 человек. Задержание произошло в ночь на 18 июня и также на участке 19-й заставы этого же пограничного отряда. Кстати говоря, о том, что ее будут забрасывать, пограничники знали еще с 14-го числа от тех первых двух диверсантов, а также от своего закордонного агента².

Третий раз пограничники все того же 87-го пограничного отряда установили дату 22 июня как дату нападения Германии на СССР после задержания **19 июня** очередной группы диверсантов³.

Четвертый раз сведения о том, что **22 июня** произойдет нападение, были получены во время допроса очередной группы диверсантов, которые были задержаны на участке 87-го погранотряда **20 июня**⁴.

Пятый раз эта же дата была установлена с помощью закордонного агента **Маевского**, оказавшего также и содействие в поимке упомянутых выше диверсантов⁵.

¹ РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 359. Л. 103—110.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 94.

⁵ РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 359. Л. 103—110. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Книга 2. М., 1996. С. 284.

Шестой раз дата 22 июня как день нападения Германии на СССР была установлена закордонным агентом Белостокского УНКГБ Белорусской ССР. Установить его псевдоним пока не представилось возможным. **21 июня** этот агент возвратился с сопредельной стороны, где находился с разведывательным заданием, и сообщил, что нападение произойдет рано утром 22 июня¹.

Седьмой раз дата 22 июня была сообщена (20—21) июня армейскими разведчиками, действовавшими на Белостокском направлении².

Восьмой раз дата 22 июня была сообщена **21 июня утром** проврвавшимся на советскую территорию агентом разведки пограничных войск Белорусского погранокруга. Установить его псевдоним пока не представляется возможным. Он информировал, что война начнется **на рассвете 22 июня**³.

Девятый раз дата 22 июня как день нападения Германии на СССР была установлена также закордонным агентом (установить псевдоним пока не представилось возможным) Белостокского УНКГБ Белорусской ССР, который в **1 ч. 30 мин.** (по местному времени) **22 июня** сумел прорваться через немецкие кордоны и перейти на советскую сторону⁴.

Что касается информации от перебежчиков и дружественно настроенных по отношению к СССР лиц, то и от них поступали серьезные данные. Так же как и от забрасывавшихся шпионов и диверсантов, их допрашивали сотрудники разведывательных отделов погранотрядов, которые затем и проверяли полученную таким образом информацию. Ниже приводятся официально преданные гласности путем публикаций данные в отношении лишь тех перебежчиков, которые назвали хотя бы относительно точно или же просто точно дату нападения.

***Специальная справка.** Только по открытым ныне архивным и иным данным перебежчиков из германской армии было не менее 24 че-*

¹ Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 121.

² Азаров Н.И. Осажденная Одесса. М., 1966. С. 14.

³ Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 121—122.

⁴ Там же.

ловек. Из венгерской армии дало деру на нашу сторону 98 человек. Румын немного поменьше, но значительно больше, чем немцев. Все они тщательно опрашивались сотрудниками разведки пограничных войск, а полученная от них информация тщательно проверялась, в том числе и через закордонную агентуру, а также путем направления на сопредельную сторону специальных разведчиков. Затем, после проверки, она учитывалась в разведывательных сводках, а также своевременно сообщалась органам военной разведки и армейскому командованию на местах.

В середине июня (установить точную дату пока не представилось возможным) советскую границу в Прибалтике перешел солдат дислоцировавшегося в Айдкунене 405-го пехотного полка вермахта, который на допросе показал, что, по словам генерала фон Ленгвица, инспектировавшего их часть, в ближайшие дни произойдет нападение Германии на СССР¹.

15 июня 1941 г. на участке 4-й комендатуры 93-го Лисковского пограничного отряда проживавшие на сопредельной стороне польские женщины выходили на берег пограничной реки и сложив рупором ладони, кричали советским пограничникам: «Советы, Советы, скоро будет война! Советы, через тыждень (по-польски — неделя. — А.М.) будет война!»² Это было зафиксировано сотрудниками разведки погранвойск и доложено по инстанции.

Исторический штрих. Уж не знаю, как квалифицировать такой факт, но вот что написал в своих мемуарах трижды Герой Советского Союза А.И. Покрышкин, который накануне войны служил в ОдВО. Он снимал жилье у одного старика-еврея. 17 июня хозяин квартиры, где жил в скором будущем прославленный летчик, заявил ему, что 22 июня Германия нападет на Советский Союз. На вопрос Покрышкина, откуда старик это знает, тот ответил,

¹ Чугунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 97.

² Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд. П-8. Д. 9. Л. 27.

что его сыновья живут в Бухаресте и там все это знают...¹ Надо отдать должное и потрясающей информированности еврейских кругов, но еще более их беспрецедентной способности, минуя всякие границы и условности государственного порядка, передавать друг другу важнейшую информацию... Не менее важно отметить и другое. По заведенному тогда порядку обо всех подобных случаях военнослужащие должны были докладывать по команде, что и сделал Покрышкин.

18 июня 1941 г. на участке 98-го Любомльского погранотряда Управления пограничных войск НКВД Украинской ССР границу перешел фельдфебель германской армии. На допросе он показал, что **в 4 часа утра 22 июня 1941 г.** гитлеровские войска перейдут в наступление на всем протяжении советско-германской границы².

18 июня на участке 97-го Черновицкого пограничного отряда были задержаны четыре нарушителя границы — два перебежчика из числа немцев и два румынских солдата, пытавшихся подсоединиться к проводной связи погранотряда. На допросах с участием представителей разведки погранвойск они показали, что **утром 22 июня** произойдет нападение на СССР и что на сопредельной стороне сконцентрировано большое количество немецких и румынских войск³.

18 июня на участке 10-й заставы 94-го Сколенского пограничного отряда были задержаны два венгерских офицера, которые на допросах показали, что в период **с 20 по 27 июня** произойдет нападение (Венгрии) на СССР⁴.

Комментарий. Небезынтересно в этой связи отметить один любопытный нюанс. 15 мая 1941 г. первый секретарь посольства СССР в Королевстве Румыния С.С. Михайлов в процессе беседы с

¹ Покрышкин А.И. Познать себя в бою. М., 1986. С. 18.

² Федюнинский И.И. Поднятые по тревоге. М., 1960. С. 11—12.

³ Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд П-8. Д. 9. Л. 100.

⁴ Паджеев М. Через всю войну. Изд. 3-е, доп. М., 1983. С. 20. М. Паджеев — бывший начальник 10-й пограничной заставы 94-го пограничного отряда.

советником французской миссии в Бухаресте Шпицмюллером со слов последнего узнал о том, что военный атташе Венгрии в Бухаресте Шантай, ничуть не стесняясь, говорил Шпицмюллеру и военному атташе французской миссии полковнику Севену, что дата наступления на СССР немного отсрочена, вместо 15 июня — 26 июня¹. Обратите внимание, насколько обдуманно хитро представлялась информация о дате нападения и в том, и в другом случаях. В обоих случаях не было названо, кто конкретно нападет на СССР в указанное время. То ли Германия, то ли Германия с Венгрией, то ли сама Венгрия. И в итоге выходит, что в обоих случаях есть и правда, и дезинформация. В отношении даты нападения Германии, что, собственно говоря, тогда все и подразумевали, — безусловная дезинформация. Тевтоны и венгров использовали для продвижения дезинформации до советского командования. А вот в отношении даты нападения самой Венгрии — правда. Так оно и произошло — Венгрии вступила в войну 26 июня. Простенько, но со стратегическим вкусом работали окаянные супостаты.

19 июня 1941 г. на участке 93-го Лисковского пограничного отряда границу перешел бывший солдат русской императорской армии (поляк по национальности) и передал пограничникам выкраденную им у немцев топографическую карту с пометками о запланированном движении немецких войск от Перемышля в сторону Львова и на Киев. Одновременно он сообщил, что **нападение произойдет утром 22 июня**².

20 июня на участке 4-й комендатуры 94-го Сколенского пограничного отряда были задержаны три венгерских солдата, нарушивших советскую границу. На допросах они сообщили практически полностью совпавшие с данными задержанных еще 18 июня венгерских офицеров сведения³.

¹ АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 24. П.122. Д. 5. Л. 111—116.

² Центральный музей пограничных войск. Документальный фонд. П-8. Д. 9. Л. 27.

³ Паджес М. Через всю войну. Изд. 3-е, доп. М., 1983. С. 20.

В эти же дни на участке 94-го Сколенского пограничного отряда неоднократно задерживались и члены оуновского подполья. На допросах они также показали, что **в 20-х числах июня** произойдет нападение на СССР¹.

20 июня на участке 2-й пограничной заставы 79-го Измаильского отряда были задержаны семь перебежчиков, которые сообщили о концентрации войск противника у границы и о нападении на СССР **рано утром 22 июня**². 21 июня в 23.00 местного времени разведка этого отряда установила, что **в 4—5 часов утра 22 июня** немецко-румынские войска начнут военные действия³.

20 июня польский патриот крестьянин Иосиф Максимович Бадзинский (владелец одной из трех мельниц в селе Старый Бубель, бывший солдат царской армии, участник революционного движения 1917—1918 гг.; после войны проживал в польском воеводстве Ольштын⁴), рискуя жизнью, в ночь на 21 июня перешел границу (кстати говоря, чудом уцелел, так как гитлеровцы открыли по нему огонь, когда он переплывал реку) и сообщил, что из подслушанных им разговоров немецких солдат наступление на Брест начнется **в 4.00 утра 22 июня**. Причем эти данные были немедленно перепроверены разведывательным отделом пограничного отряда путем направления на сопредельную сторону разведчика, который по возвращении подтвердил данные польского крестьянина. Бадзинский перешел границу на участке 2-й пограничной заставы (в 70 км от Бреста) 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда⁵.

¹ Кисловский Ю.Г. Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 172.

² «Пограничник». 1967. № 12. С. 22.

³ Пограничные войска СССР. 1939—1941 гг.: Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 121.

⁴ Буг в огне. Минск, 1965. Приводится по: militera.lib.ru/memo/russian/sb_bug_v_ogne/index.html.

⁵ «Пограничник». 1965. № 7. С. 32; Буг в огне. Минск, 1965. Приводится по: militera.lib.ru/memo/russian/sb_bug_v_ogne/index.html

Утром 21 июня на участке 94-го пограничного отряда (Украинский пограничный округ) была задержана женщина, оказавшаяся связным, шедшим на связь с оуновским подпольем, действовавшим в Сокальском районе. Во время допроса она показала, что **нападение начнется на рассвете 22 июня**¹.

Днем 21 июня на участках 8, 17 и 19-й застав 17-го Брестского Краснознаменного пограничного отряда границу перешли несколько польских женщин, преследовавшие цель **сообщить советским властям о том, что утром в воскресенье Германия нападет на СССР**².

Днем 21 июня на участке 2-й пограничной заставы 79-го Измаильского отряда вновь была задержана группа перебежчиков, которая подтвердила данные первой группы, задержанной накануне³.

Вечером 21 июня, по данным великого Рокоссовского, пограничники проинформировали армейское командование о том, что перебежавший на советскую сторону ефрейтор немецкой армии (поляк по национальности из Познани) сообщил о нападении на СССР ранним утром 22 июня⁴.

Поздним вечером 21 июня в 22.00 пограничники Брестского погранотряда задержали в 3 км от Бреста пытавшегося уйти обратно на немецкую сторону немецкого солдата из разведывательного батальона, который возвращался после осуществленной им диверсии — нарушил связь погранотряда. На допросе он показал, что **на рассвете 22 июня в 4 ч. 15 мин.** немецкие войска перейдут границу⁵.

Также поздним вечером, но чуть ранее — в 21 час 21 июня 1941 г. советско-германскую границу на участке 4-й комендатуры Владимир-Волынского пограничного отряда перешел ефрейтор Аль-

¹ *Сандалов Л.М.* На главном направлении. М., 1970. С. 73.

² *Кисловский Ю.Г.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 43.

³ «Пограничник». 1967. № 12. С. 22.

⁴ *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. Издание с восстановленными по оригиналу рукописи купюрами цензуры. М., 1997. С. 30.

⁵ *Кисловский Ю.Г.* Победа зарождалась в боях на границе. М., 2005. С. 101.

фред Лисков. Лисков — почти «легендарная» личность. Нет практически ни одного исследования или публикации о войне, особенно по истории ее начала, где не упоминался бы этот человек. Либо по имени, либо без этого. Альфред Лисков — это тот самый немецкий солдат-перебежчик, который буквально за несколько часов до нападения перебежал на нашу сторону и предупредил о нападении. Это именно тот самый перебежчик, якобы опираясь на данные которого Жуков якобы сообщил Сталину о неизбежности нападения и якобы потребовал дать директиву о приведении войск западных округов в боевую готовность. В результате у всех давно сложилось впечатление, что Сталин чуть ли не вообще ничего не ведал о грядущем нападении, и только благодаря храброму генералу армии Жукову, сообщившему данные Лискова, до него дошло, что война вот-вот грянет. Вот как в мемуарах Жуков описывает этот случай: «Вечером 21 июня мне позвонил начальник штаба Киевского военного округа генерал-лейтенант М.А. Пуркаев и доложил, что к пограничникам явился перебежчик — немецкий фельдфебель, утверждающий, что немецкие войска выходят в исходные районы для наступления, которое начнется утром 22 июня.

Я тотчас же доложил наркомку и И.В. Сталину то, что передал М.А. Пуркаев.

— Приезжайте с наркомом в Кремль, — сказал И.В. Сталин.

Захватив с собой проект директивы войскам, вместе с наркомом и генерал-лейтенантом Н.Ф. Ватутиным мы поехали в Кремль. По дороге договорились во что бы то ни стало добиться решения о приведении войск в боевую готовность.

И.В. Сталин встретил нас один. Он был явно озабочен.

— А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт? — спросил он.

— Нет, — ответил С.К. Тимошенко. — Считаем, что перебежчик говорит правду.

Тем временем в кабинет И.В. Сталина вошли члены Политбюро. Сталин коротко проинформировал их...»¹

Впоследствии, когда стало известно имя этого перебежчика, то в пересказах всевозможных «комментаторов» этот фельдфебель стал фигурировать уже под своим именем — Альфред Лисков. И все упорно муссируют этот факт, особенно напирая на то, что Сталин, мол, и в данном случае не собирался верить и потому чрезмерно осторожничал. Причем все преподносится так, как будто только от этого фельдфебеля высшее советское руководство и узнало о вот-вот начинающемся нападении.

В действительно же это абсолютно не так, если не сказать прямо, что это оголтелое вранье. Чтобы не быть голословным, сразу же приведу документы, одного лишь беглого взгляда на которые будет достаточно, чтобы раз и навсегда согласиться с тем, что написанное в мемуарах Жукова, если принципиально, просто наглая ложь.

1. Из Центрально архива Федеральной Службы Безопасности РФ.

Сообщение УНКГБ по Львовской области в НКБ УССР о задержании перебежчика, давшего показания о готовящемся в ночь на 22 июня 1941 г. нападении Германии на СССР.

Перешедший границу в районе Сокаля немецкий ефрейтор показал следующее: фамилия его Лисков Альфред Германович, 30 лет, рабочий, столяр мебельной фабрики в г. Кольмберг (Бавария), где оставил жену, ребенка, мать и отца.

Ефрейтор служил в 221-м (по другим данным, в 222-м. — *А.М.*) саперном полку 74-й пехотной дивизии. Полк расположен в селе Целенже, что в 5 км севернее Сокаля. В армию призван из запаса в 1939 г. Считает себя коммунистом, является членом Союза красных

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1972. С. 232—233; М., 1979. С. 236; М., 1990. С. 369—370.

фронтовиков, говорит, что в Германии очень тяжелая жизнь для солдата и трудящихся. Перед вечером его командир роты лейтенант Шульц заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переход Буга на плотках, лодках и понтонах. Как сторонник Советской власти, узнав об этом, решил бежать к нам и сообщить»¹.

Самым главным в данном случае является даже не содержание этого документа, а небольшое примечание публикаторов — огромного коллектива сотрудников ФСБ, являющегося составителем превосходного сборника документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», — которое они сделали при публикации этого документа: «Сообщение передано по телефону **22 июня 1941 г. в 3 ч. 10 мин.** По существу показаний перебежчика в НКВД СССР была направлена докладная записка. Ефрейтор немецкой армии Альфред Лисков был задержан **21 июня в 21.00** на участке Сокальской комендатуры 90-го пограничного отряда (Украинский погранокруг. — *А. М.*)»².

2. Из доклада начальника 90-го пограничного отряда майора М. С. Бычковского о показаниях немецкого перебежчика Альфреда Лискова: «21 июня в 21.00 на участке Сокальской комендатуры был задержан солдат, бежавший из германской армии, Лисков Альфред. Так как в комендатуре переводчика не было, я приказал коменданту участка капитану Бершадскому грузовой машиной доставить солдата в г. Владимир в штаб отряда. В 00.30 22 июня 1941 г. солдат прибыл в г. Владимир-Волыньск. Через переводчика примерно в 1 час ночи солдат Лисков показал, что 22 июня на рассвете немцы должны перейти границу. Об этом я немедленно доложил ответственному дежурному штаба войск (Управления пограничных войск НКВД Украинской ССР. — *А. М.*) бригадному комиссару Мас-

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. II. Книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 38.

² Там же.

ловскому. Одновременно сообщил по телефону лично командующему 5-й армией генерал-майору Потапову, который к моему сообщению отнесся подозрительно, не приняв его во внимание. Я лично твердо также не был убежден в правдивости сообщения солдата Лискова, но все же вызвал комендантов участков и приказал усилить охрану границы, выставить специально слухачей к р. Буг и в случае переправы немцев через реку уничтожить их огнем. Одновременно приказал, если что-нибудь подозрительное будет замечено (движение какое-либо на сопредельной стороне), немедленно докладывать мне лично. Я находился все время в штабе.

Коменданты участков в 1.00 22 июня доложили мне, что ничего подозрительного на сопредельной стороне не замечено, все спокойно. Ввиду того, что переводчики в отряде слабые, я вызвал из города учителя немецкого языка, отлично владеющего немецким языком, и Лисков вновь повторил то же самое, то есть что немцы готовятся наступать на СССР на рассвете 22 июня 1941 г. Назвал себя коммунистом и заявил, что прибыл специально предупредить по личной инициативе. Не закончив допроса солдата, услышал в направлении Устилуг (первая комендатура) сильный артиллерийский огонь. Я понял, что немцы открыли огонь по нашей территории, что и подтвердил тут же допрашиваемый солдат. Немедленно стал вызывать по телефону коменданта, но связь была нарушена... Начальник 90-го пограничного отряда майор Бычковский»¹.

Этот документ по непонятной причине опубликован без указания точной даты написания, что на офицера погранвойск совершенно не похоже. Правда, на документе имеется неизвестно кем сделанная карандашом пометка: «6 июля 1941 г.»² Судя по всему, эта докладная появилась в результате начавшегося после нападения и по приказу

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. II. Книга 1. Начало. 22 июня — 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 132—133 со ссылкой на РГВА. Ф. 32880. Оп. 5. Д. 279. Л. 2. Копия.

² Там же.

Сталина тщательного расследования всех обстоятельств, предшествовавших началу войны.

Итак, как видите, Альфред Лисков был задержан **в 21.00 21 июня**, привезен в штаб отряда в **00.30 мин. 22 июня** и лишь в **1.00 22 июня** от него добились вразумительного ответа по существу причины его побега из германской армии. А его информация была передана по инстанциям только **в 3 ч. 10 мин. 22 июня**. Обратите особое внимание на следующее:

а) пограничники точно указали время, когда задержали, доставили, допросили и получили от Лискова более или менее вразумительное объяснение причин его перехода границы. **Это чрезвычайно важный нюанс, который позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что написанное Жуковым в его мемуарах, мягко говоря, наглая ложь. Он просто не мог знать об этом перебежчике и его информации вечером 21 июня.**

б) А. Лисков был ефрейтором, а не фельдфебелем.

Так вот и спрашивается, какое отношение данные Лискова могли иметь к тому, что указал в своих мемуарах Жуков?! Ведь хорошо же известно, что, по утверждениям Жукова, передача директивы № 1 в войска якобы уже была закончена в **00.30 мин. 22 июня по московскому времени**. То есть за два часа сорок минут до того, как полученная от А. Лискова важная информация была передана по инстанции. Кстати говоря, передача по инстанции означает, что сначала она была передана в Киев, в штаб пограничного округа, и только затем в Москву!

Проще говоря, решение о направлении директивы № 1 принималось отнюдь не на показаниях А. Лискова, а на основании других данных, ибо сведения Лискова о грядущем вот-вот нападении прозвучали после того, как директива уже шла в войска. Соответственно Пуркаев не мог звонить Жукову вечером, ибо Лискова еще не допросили толком. Потому что даже подчиненный Пуркаева — командующий 5-й армией генерал Потапов — и то был проинформирован лишь

в 1 ч. ночи или в первые минуты второго часа ночи, да и отнесся к информации Лискова с подозрением. Спрашивается, о чем и о каком конкретно перебежчике Жуков и Тимошенко говорили Сталину, особенно если учесть, что в **20 ч. 50 мин. (по московскому времени) 21 июня** они только вошли в его кабинет¹.

Выше уже указывалось, что Альфред Лисков был ефрейтором, а не фельдфебелем. В сочетании с изложенными выше в приведенных документах пограничников данными это позволяет посмотреть на эту историю по-иному. Полученные от Лискова сведения не могли послужить основанием для доклада Сталину и тем более для направления в войска директивы № 1. Очень похоже на то, что случаю с Лисковым приписаны сведения, которые были получены от перебежчика, перешедшего в СССР **18 июня**. Тот перебежчик, **во-первых**, перешел границу в районе расположения 15-го стрелкового корпуса (командир — И.И. Федюнинский, кстати говоря, сподвижник Жукова) 5-й армии Киевского Особого военного округа. Оповещенный пограничниками Федюнинский, естественно, сообщил командарму-5 Потапову, тот — в штаб КОВО, Пуркаеву. **Во-вторых**, он сообщил о том, что **22 июня в 4.00 утра** начнется нападение. В силу этих обстоятельств Пуркаев мог и действительно немедленно доложил в Москву Жукову об этом перебежчике и его информации. Потому что в соответствии с существовавшими тогда (да и сейчас тоже) правилами о подобных случаях пограничники немедленно докладывали в разведывательный отдел и командованию ближайшей войсковой части, те в свою очередь по команде наверх, в округ, а округ — в Москву. Это тем более имело место быть, если учесть, что с 29 апреля 1941 г. действовала «Инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе». Документ был подписан наркомом госбезопас-

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А.Чернобаев. М., 2008. С. 337.

ности СССР В.Н. Меркуловым, заместителем наркома внутренних дел СССР (по пограничным войскам) И. Масленниковым, начальником РУ ГШ НКО Ф.И. Голиковым и начальником РУ НК ВМФ Н. Зуйковым. Один из важнейших пунктов инструкции гласил, что разведывательные органы НКО, НК ВМФ, НКВД и НКГБ как в Центре, так и на местах должны в целях наиболее полного и своевременного использования разведывательных материалов осуществлять взаимный обмен этими материалами.

Вот на этой реальной базе за счет ее трансформирования и приписки к событию, связанному с Лисковым, и построена изложенная Жуковым легенда. Почему? Да по очень простой причине. Но прежде хотелось бы хотя бы вкратце рассказать еще об одном неочевидном вкладе пограничников и разведки погранвойск, имеющем прямое отношение к сути этой причины.

Дело в том, что именно разведка погранвойск смогла дважды точно установить факт начала выдвижения группировок вермахта на исходные для нападения позиции и документально подтвердила эту информацию. В промежутке с 10 по 12 июня 1941 г. разведка погранвойск установила, что группировкам вермахта был отдан приказ о выдвижении на исходные для нападения позиции¹ (по ГА «Север» было установлено, что такой приказ был отдан еще 6 июня²), начиная с 13 июня 1941 года.

Однако 13 же июня было установлено, что этот приказ был временно отменен. Это было обусловлено следующим. С одной стороны, очевидно, возможно, хотя и далеко не факт, Сообщением ТАСС от 13 июня. Это знаменитое Сообщение ТАСС, которое традиционно все датируют 14 июня, хотя на самом деле оно датировано 13 июня. В 18.00 по московскому времени оно было передано в радиозфир для

---

¹ Пограничные войска СССР. 1939 — июнь 1941. Сборник документов и материалов. М., 1970. С. 397.

² Там же. С.19.

заграницы. А в виде документа передано послу Германии в Москве Шуленбургу, а также правительству Англии. С другой стороны, тем обстоятельством, что переговоры Р. Гесса с представителями английского правительства еще не дали результата. Проще говоря, необходимое Берлину — фюрер, как известно, страшно опасался войны на два фронта, — согласие Лондона на безнаказанность однофронтowego разбоя Третьего рейха против СССР в тот момент еще не было достигнуто. О том, как оно было достигнуто, выше уже говорилось.

Однако **15 июня** разведка пограничных войск добыла документальные данные о распоряжении германских военных властей в адрес жителей приграничных сел до **4 часов утра 18 июня** эвакуироваться в тыл на расстояние не менее чем на 3 км, а на некоторых участках — до **20 км** от границы. Одновременно были добыты данные о повторном выдвигении на исходные для нападения позиции, начиная с 18 июня¹. Хотя на ряде участков это выдвигение было зафиксировано уже 15 июня².

15 июня 1941 г. и по линии военной разведки поступили данные о том, что стратегическое развертывание войск вермахта завершено (сообщение резидента ГРУ в Будапеште Марса)³. А **16 июня** военная разведка также получила данные (сообщение резидента ГРУ в Берлине Арнольда) о нападении Германии **22 июня**⁴ (до этого Арнольд телеграммой от 12 июня 1941 г. сообщал, что вероятный срок нападения 15—20 июня⁵).

Разведка НКГБ в свою очередь к этому времени один раз — **11 июня** — уже сообщила о **22 июня**, а также информировала о завершении военных приготовлений Германии и готовности вермахта к нападению в любой день **после 17 июня**. В последнем случае имеется

¹ Там же. С. 397.

² Чугунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 139.

³ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 4. Л. 7497. Копия.

⁴ Лота В. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 349.

⁵ Там же. С. 309.

в виду записка № 2279/ М от 17 июня 1941 г. наркома госбезопасности В.Н. Меркулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия (Берия в тот период являлся первым заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР и Народным комиссаром внутренних дел СССР) с приложением в лице сообщения агента берлинской резидентуры НКГБ СССР **Старшины**. В сообщении указывалось, что Германия полностью завершила все военные приготовления для нападения на СССР и готова к нападению в любое время. Агент имел в виду в любое время, следующее за его сообщением (в сообщении также были указаны объекты бомбардировок и назначения начальников военно-хозяйственных управлений на будущей оккупированной советской территории)¹.

Якобы имевшей место матерной резолюции Сталина именно на этой информации выпала дурная «честь» под 50-летие Победы обрести «статус» особо подлого аргумента против генералиссимуса. И с тех пор она везде цитируется. Тем самым пытаются доказать, что якобы вследствие своей якобы параноидальной подозрительности Сталин настолько никому и ничему не верил, что все данные разведки воспринимал лишь матерно. Паранойей Сталин никогда не страдал и это уже давно доказано — внучка выдающего русского ученого Бехтерева еще в середине 90-х гг. прошлого века открыто признала, что на нее давили из ЦК КПСС, чтобы она озвучила эту гадость о Сталине, приписав постановку диагноза своему дедушке². Так что с этим все ясно. Что же до остального, то Подлинная Историческая Правда такова.

Покойный к моменту публикации этой якобы имевшей место матерной резолюции предвоенный начальник разведки Лубянки П.М. Фитин еще при жизни описывал это событие в следующем

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3 ос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1914—1916.

² Аргументы и факты. 1995, № 39. С. 3. *Пыхалов И.В.* Самые подлые мифы о Сталине. Клеветникам Вождя. М., 2012. С. 62. В свою очередь Пыхалов ссылается на: *Шерих Д.Ю.* Невская застава. Берег левый... М., 2006. С.60.

виде (дело в том, что, ознакомившись с этим спецсообщением, Сталин тут же вызвал к себе и Меркулова, и Фитина): **«В кабинете Сталин был один. Когда мы вошли, он сразу обратился ко мне: “Начальник разведки, не надо пересказывать спецсообщение, я внимательно его прочитал. Доложите, что за источники это сообщают, где они работают, их надежность и какие у них есть возможности для получения столь секретных сведений”.** Я подробно рассказал об источниках информации. Сталин ходил по кабинету и задавал различные уточняющие вопросы, на которые я отвечал. Потом он долго ходил по кабинету, курил трубку, что-то обдумывал, а мы с Меркуловым стояли у дверей. Затем, обратившись ко мне, он сказал: **“Вот что, начальник разведки, нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить. Ясно?”** Я ответил: **“Ясно, товарищ Сталин”.** Далее он сказал нам: **“Идите, все уточните, еще раз перепроверьте эти сведения и доложите мне”»**¹.

Обдумывать же Сталину было что. К этому моменту он уже знал, что министр иностранных дел Германии И. Риббентроп дал указание германским послам в Риме, Токио, Бухаресте и Будапеште о проведении особой акции по дезинформации. Ее смысл сводился к тому, чтобы до сведения правительств этих стран, а через них и до советского правительства была бы доведена информация о том, что Германия намерена **«самое позднее в начале июля внести полную ясность в германо-советские отношения и при этом предъявить определенные требования»**².

Что же до жесткого резюме Сталина в отношении того, кому из немцев можно доверять, то здесь следует сказать следующее. Хоть и с перехлестом было сказано, но на тот момент, очевидно, по-другому и

¹ «Правда», 8 мая 1988 г.

² Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie D. Bd. XII, 2. Baden-Baden, 1961. Dok. № 631. Цит. по: Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 58. Der Tagebücher von Joseph Goebbels. Sämtliche Fragmente/ Hrsg. von E. Frölich. München etc., 1987. Teil 1. Bd. 4, S. 696.

невозможно было. Кстати, и это тоже можно расценивать как очередное подтверждение того, что Сталин ни на йоту не доверял Гитлеру, что неоднократно, но безосновательно утверждали многие мемуаристы, а «комментаторы» их мемуаров беспочвенно утверждают до сих пор.

В чем же из вышеприведенного со слов предвоенного начальника разведки Лубянки П.М. Фитина следует усматривать хотя бы тень намека на матерную резолюцию Сталина?! При этом имейте в виду, что в 1988 г. газета «Правда» еще жестко контролировалась ЦК КПСС. Тем не менее, что написал Фитин, то и опубликовали. Как видите, в воспоминаниях Фитина нет даже иллюзорной тени намека на матерную резолюцию!

Этот же случай идентичным образом описан и в примечаниях к записке № 2279/М от 17.06.1941 г., опубликованных на страницах превосходного сборника документов спецслужб под названием «**Секреты Гитлера на столе у Сталина**»¹. И там тоже нет даже иллюзорной тени намека на матерную резолюцию! Это издание именно тем ценно, что оно было осуществлено, **во-первых**, издательством объединения «Мосгорархив», то есть высокими профессионалами именно в архивном деле. **Во-вторых**, в 1995 г., когда, казалось бы, ничто и никто не смогли бы помешать публикации чего-либо очерняющего Сталина. **В-третьих**, публикация была осуществлена с прямой ссылкой на архив ЦА ФСБ. Однако никаких матерных резолюций приведено не было.

Если бы она действительно имела место тогда, 17 июня 1941 г., то, по крайней мере, о ней сообщили бы составители «**Очерков Истории Российской Внешней Разведки**». Третий том очерков, где говорится об этом сообщении Старшины, вышел в свет в 1997 г., но и в этом, вышедшем под редакцией директора СВР РФ, академика Е.М. Примакова, солидном издании также нет даже иллюзорной тени

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 232—233.

намека на матерную резолюцию. Абсолютно ничего на эту тему нет и в мемуарах, к сожалению, ныне покойной выдающейся советской разведчицы Зои Ивановны Воскресенской, которая лично готовила эти сообщения Старшины и Корсиканца для доклада Сталину¹ Абсолютно ничего на эту тему нет и в мемуарах ныне также, к сожалению, покойного ее предвоенного начальника выдающегося аса советской разведки П.А. Судоплатова. Причем нет в двух прижизненных изданиях его мемуаров — «Разведка и Кремль» (М., 1996) и «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы» (М., 1996). Судоплатов, кстати говоря, абсолютно идентично словам Фитина изложил суть произошедшего в Кремле 17 июня, случайно, что, конечно же, простительно за давностью лет, сдвинув это событие на день ранее — на 16 июня. Наконец, не появилась эта «резолюция» даже в изданной в связи с 70-летием начала войны книге «Агрессия. Рассекреченные документы Службы Внешней Разведки Российской Федерации. 1939—1941» (М., 2011).

Как видите, непосредственно соприкасавшиеся с этим событием или имевшие доступ к архивным документам лица не приводят абсолютно ничего, чтобы хоть как-то, хоть за уши притянуть да насильно подтвердить или, по меньшей мере, придать хотя бы мало-мальски правдоподобный вид якобы имевшему место случаю с матерной резолюцией.

Тогда как объяснить факт матерной резолюции? Прежде всего, не факт, а только **«факт»**. Потому что это действительно фальсификация. Увы, но умельцы по подделкам в России не перевелись. Как, впрочем, и синие карандаши, которыми пользовался Сталин, — а подделка была «нарисована» именно ими — сохранились, автор это видел собственными глазами. Еще в 1995 г., на выставке, развернутой на Поклонной горе. Уже тогда автора поразила бросающаяся в глаза

---

¹ В этом легко убедиться, прочитав ее мемуары. См.: *Воскресенская З.* Под псевдонимом Ирина: Записки разведчицы. М., 1997.

свежесть «резолуции, написанной синим карандашом». За 54 года карандашная надпись должна была бы выцвести как минимум наполовину. А она выглядела как только что сделанная! К слову сказать, о царящих в отечественных, в том числе и военных, архивах безобразиях еще в 2004 г. подробно поведал популярный ежемесячник «Совершенно секретно» (№ 5). Из опубликованной в этом номере ежемесячника статьи Г. Рамазашвили — «**Портянка с грифом “секретно”**» — однозначно вытекало, что любой, кому не лень, может «нарисовать» любую надпись на любом архивном документе! Более того. Учитывая вскрывшиеся только летом 2010 г. факты массовых подделок и фальсификаций документов, относящихся к предвоенному и военному периодам истории нашего Отечества, получается, что за шесть лет до этого общественности уже подали тревожный сигнал, а она его не услышала. Понадобились еще шесть лет, пока об этом открыто заговорили. И то только после того, как к ныне покойному депутату Государственной Думы В.И. Илюхину пришел имярек (по соображениям личной безопасности его имя так и не было раскрыто) из спецслужб. Он-то и поведал не только об этих многочисленных фактах подделок и фальсификаций, но и представил большое количество сфальсифицированных документов, а также передал поддельные штампы, печати и оттиски, которыми оформлялись подделки, указав одновременно и на конкретные признаки фальшивок. И даже в присутствии Илюхина наглядно продемонстрировал технологию подделок.

Многokrатно общавшиеся со Сталиным люди однозначно подчеркивали в своих воспоминаниях (например, многолетний министр иностранных дел СССР А.А. Громыко), что у Сталина не было склонности прибегать к нецензурным выражениям, тем более в письменной форме¹. Если такая резолюция действительно имела бы место, то, уж поверьте, ненавидевший Сталина Хрущев давным-давно растрез-

¹ Громыко А.А. Памятное. Т. 1. М., 1988. С. 199—204, особенно с. 202, 204.

вонил бы о ней. В том, что эта фальшивка впервые «всплыла» во времена печально знаменитой перестройки Горбачева, а муссировать ее начали при Ельцине, ничего удивительного нет. От этих двух предателей России чего угодно можно было ожидать.

Ознакомившийся с сотнями докладывавшихся Сталину документов разведки и иных ведомств ветеран внешней разведки, видный писатель и исследователь Игорь Анатольевич Дамаскин открыто признал, что ни на одном из них он не увидел хулиганских резолюций Иосифа Виссарионовича, да еще и с матерными выражениями. Самая резкая по содержанию резолюция Сталина, которую Дамаскину довелось увидеть, носила характер телеграфного ответа на запрос и имела следующее содержание: **«Тбилиси, Козлову. По поводу предложения генерала Уэйвелла сказать, что вопрос может решаться только правительствами. От себя Ставка приказывает вам вежливо отшить Уэйвелла и ему подобных и послать их подальше. № 2220/321, 10.41. 5.15»**¹. В этой телеграмме речь шла об ответе на предложение британского генерала Уэйвелла о совместных действиях советских и английских войск.

***Комментарий.** Попутно обратите внимание и на то, что Сталин, по сути дела, отверг попытку военного вмешательства Великобритании во внутрисоветские дела. Дело в том, что бытует неадекватная истории версия о том, что-де Сталин чуть ли не слезно молил тех же англичан прислать свои войска на советско-германский фронт. Мол, своих уже не хватает, перебиты. Однако в реальности Сталин не умолял, тем более слезно, тех же англичан ввести свои войска в СССР, а требовал, чтобы назвавшийся союзником Черчилль открыл Второй фронт против Гитлера на Западе! Увы, но Черчиллю важнее было сдержать данное Адольфу слово о неоткрытии Второго фронта до 1944 г.! А на провокационное предложение британского генерала Сталин ответил жестко и*

¹ Дамаскин И.А. Сталин и разведка. М., 2004. С. 174.

принципиально, что и подтверждает вышеприведенный пример. И если бы в этот момент Сталин позволил себе хотя бы нотку раздражения, то ничего удивительного не было бы. Однако даже в такой ситуации ничего подобного Сталин себе не позволил. Что, кстати говоря, совпадает с мнением многих знавших его лично. В наиболее тяжелые минуты Сталин всегда был особо вежлив, изыскан в речи и даже смешлив, не позволяя себе даже и тени раздражения. Ветеран разведки прямо указал источник: **РГАСПИ, фонд 558, опись 11, дело 59**. Между тем ни один из тех, кто цитирует якобы имевшую место в истории «матерную резолюцию» Сталина на сообщении разведки за два десятка лет бродяжничества этого «факта» по страницам различных «исследований», так и не смог подкрепить оный ссылкой на архивы. Проще говоря, якобы имевшая место в истории «матерная резолюция» Сталина, не что иное, как фальшивка! Единственное, что произошло во время доклада той информации Сталину, вполне естественно укладывается в столь же естественную его реакцию — Сталин всего лишь потребовал особо тщательно перепроверить всю информацию и доложить ему со всеми подробностями о самом агенте, что и было сделано.

Специальная справка. В частности, был составлен знаменитый и хорошо известный всем историкам войны «Календарь сообщений “Старшины” и “Корсиканца”», который, если честно, ничего принципиального не давал. Это всего лишь хронологический перечень поступления информации от этих агентов берлинской резидентуры, без какого-либо анализа. Аналогичный документ из 95 пунктов был составлен и в ГРУ, и также без анализа. Ни тот, ни другой не были доложены Сталину.

Но потребовав особо тщательно перепроверить всю информацию и доложить ему со всеми подробностями о самом агенте, Иосиф Виссарионович предпринял и собственные меры для глобальной проверки информации о неминуемости нападения Германии в бли-

жайшие дни. Учитывая всю массу чрезвычайно тревожных данных, с его стороны последовала незаурядно оригинальная реакция. **Был отдан приказ о срочном проведении в течение светового дня 18 июня 1941 г. воздушной разведки вдоль всей линии границы в полосе компетенции Западного округа. Прежде чем показать, как это происходило, хотел бы обратить внимание читателей на следующее.**

1. Чрезвычайно важно уяснить и подлинную причину такой проверки. Помимо общих и глобальных соображений осторожности Сталина, о которых в последнее время много и даже справедливо говорится в различных исследованиях и мемуарах, были еще и конкретные, проистекавшие из статуса источников получения информации о 22 июня, то есть из статуса прежде всего задержанных агентов и диверсантов.

До сих пор считается особым шиком ёрничать насчет особой осторожности и подозрительности И.В. Сталина, с которой он якобы встречал информации задержанных перебежчиков, агентов и диверсантов. Жуков же не преминул вставить якобы произнесенные Сталиным слова в текст своих, подчеркивая тем самым особую подозрительность Иосифа Виссарионовича. Помните: **«А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?»**

Так вот, ни ёрничать, ни особо доверять невесть откуда взявшейся в мемуарах Жукова его совместно с Тимошенко смелости в утверждении, что информация перебежчика соответствует действительности, оснований нет. Они оба не были профессионалами в вопросах разведки и контрразведки. Дело в том, что при всей колоссальной значимости получаемой от задержанных перебежчиков, но особенно агентов и диверсантов германских спецслужб информации, любой мало-мальски сведущий в работе разведки должен был автоматически обратить внимание на следующее. Направленные на

советскую территорию с тактическими заданиями ни к селу ни к городу владеют важнейшей информацией сугубо стратегического характера — как о дате нападения, так и о характере приготовлений к нападению.

Сталин, Берия и Меркулов не были профанами в деятельности спецслужб. Они совершенно справедливо заподозрили неладное в этой информации, суть которого заключалась в следующем. Откуда эти агенты и диверсанты могли знать такую стратегически важную информацию, особенно если учесть, что часть из них накануне заброски прибыла из Германии, где проходили специальную подготовку?! Их же готовили к диверсиям и разведывательной деятельности на тактическом уровне, но не начинали их головы стратегически важной информацией. Но раз уж они знали такую информацию, то, следовательно, серьезно воспринимая полученные от них сведения, необходимо было немедленно и самым тщательнейшим образом их проверить и перепроверить. Ибо последствия безоговорочной веры в их показания без проверки могли быть катастрофическими. Ведь германское командование специально провоцировало советское руководство на такие действия, которые можно было бы представить агрессивными и тем самым утверждать якобы превентивный характер грядущего нападения. Ни Сталин, ни Берия, ни Меркулов не поддались на эту мелкотравчатую провокацию, а предприняли уникальную проверку — блиц-проверку с помощью авиаразведки. Именно в эту ситуацию и вклинилась информация Старшины, которую доложили Сталину как раз 17 июня. Учитывая особую сложность и противоречивость обстановки последних предвоенных дней, требование Сталина о дополнительной проверке этого сообщения было более чем естественно.

2. Тот факт, что воздушная разведка была осуществлена в полосе компетенции именно Западного округа, означает, **во-первых**, что Сталин ни на йоту не поверил залихватски оптимистичным заявлениям командующего ЗапОВО Павлова, которыми он пытался успокоить

Сталина. Выше об этом уже говорилось. **Во-вторых**, что еще более важно, сам Сталин особое значение придавал безопасности именно на западном, то есть белорусском направлении. Проще говоря, это одно из тех серьезных доказательств того, что в его сознании юго-западное направление не превалировало над другими, как это все время пытаются нам утверждать. Его беспокоило именно западное, оно же белорусское направление.

3. На принятие решения о срочном проведении воздушной разведки именно 18 июня повлияло еще несколько последовавших друг за другом очень важных и тесно взаимосвязанных обстоятельств. Выше о них уже говорилось. Увы, но обязан кое-что повторить. Дабы картина тех дней была бы полной и ясной.

Итак, в начале июня 1941 г. советская разведка внимательно отслеживала неофициальный визит специального представителя президента США генерала Уильяма Donovan на Британские острова. У. Donovan прибыл в Лондон по приглашению личного друга Черчилля, главы Британского координационного центра безопасности в США У. Стивенсона. **6 июня 1941 г.** глава британской политической (дипломатической) разведки Реджинальд Липер пригласил У. Donovan в Британский центр расшифровки германских военных сообщений в Блетчли, где и заявил ему о том, что Гитлер нападет на СССР 22 июня. Выше об этой истории уже говорилось.: **«...премьер-министр поручил мне раскрыть вам тайну, известную г-ну Черчиллю и начальникам штабов вот уже несколько недель. Он разрешил мне сказать вам, и только вам, с тем, чтобы мы могли скоординировать наши планы, — Гитлер нападет на Советскую Россию. Вторжение ожидается в середине июня, вероятно, 22 июня, через две недели и два дня»¹.** Бритты

---

¹ *Stevenson W. A Man called Intrepid. The Secret War the Authentic Account of the most decisive intelligence operations of World War II — and the superspy who controlled them. N.Y., 1977. P. XVI, XVIII, XXIII. Цит. по: Яковлев Н.Н. ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 327.*

элементарно смухлевали. Они вообще никогда не упустили (и не упускают!) случая щелкнуть по носу «провинциальных», как они считают, американцев. Дело в том, что по состоянию **на 6 июня** такая информация не могла пройти по каналам Блетчли. Директива об утверждении **22 июня** датой нападения была подписана в вермахте только **10 июня**. Следовательно, все, что сказал Р. Липер, основывалось на данных Гесса, а также на агентурных сведениях британской разведки.

Специальная справка. Есть все основания утверждать, что эти данные британская разведка получила с помощью своего агента, действовавшего под псевдонимом Фил. В середине 30-х гг. он находился на связи у сотрудника британской разведки, помощника британского военно-воздушного атташе в Берлине полковника Кристи. Кто был его дальнейшим куратором — установить невозможно. Фил — это Адольф Эрнст Хойзингер, с середины октября 1940 г. начальник Оперативного управления Генерального штаба сухопутных войск вермахта (ОКХ), заместитель начальника Генштаба ОКХ. Проще говоря, глава «мозга» Генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха. Генерал А. Хойзингер являлся особо доверенным лицом А. Гитлера в Высшем военном командовании Германии и отвечал за планирование военных операций. Судя по всему, А. Хойзингер был завербован британской разведкой — как агент на перспективу — еще находясь в британском плену, куда он угодил, будучи младшим лейтенантом пехоты во время битвы на Сомме в 1916 г., в период Первой мировой войны. В плену находился вплоть до 1919 г. — срок, более чем достаточный для вербовки и подготовки агента. По возвращении в Германию в кратчайшие сроки стал наиболее доверенным лицом и главным протеже знаменитого германского генерала, идеолога и вдохновителя восточной, то есть прагматичной, просоветской ориентации рейхсвера и сотрудничества последнего с РККА, — Ганса фон Секта. В период

советско-германского сотрудничества в военной сфере с 1922 г. и до привода в 1933 г. Гитлера к власти А. Хойзингер снабжал британскую разведку подробнейшей информацией о всех его аспектах и перипетиях. В том числе и о взаимоотношениях между генералитетами двух армий, о состоянии рейхсвера и РККА и т.д. Эта информация была доступна ему, так как он постоянно находился в Главном штабе рейхсвера. Именно Адольф Хойзингер информировал британскую разведку о сложившемся военно-геополитическом заговоре германских и советских генералов. Как известно, заговор был направлен на одновременное свержение Гитлера и Сталина, установление военных диктатур в Москве и Берлине и дальнейшее формирование трио военных диктатур по «оси» Берлин—Москва—Токио с подключением также и Рима Муссолини. Именно Хойзингер информировал англичан о разработанном и переданном Тухачевским германским генералам плане поражения СССР в случае войны с Германией, вследствие чего в Советском Союзе должен был произойти прогерманский государственный переворот. Эта информация представляла колоссальную угрозу интересам безопасности самой Великобритании. Заговорщики планировали территориальные и экономические уступки Германии и Японии, опираясь на которые те повели бы ожесточенную борьбу против англосаксонского Запада за счет коренного ущемления интересов СССР. Исходя из этого британская разведка чрезвычайно искусно, чужими руками, но едва ли не в прямом смысле «нейрохирургическими методами» завалила весь этот заговор, конвертировав его в Мюнхенскую сделку с Гитлером. В этой операции были задействованы и инициативный агент стратегического влияния МИ-6 глава германского абвера адмирал Канарис, и руководство чехословацкой военной разведки (Франтишек Моравец), и агент последней А-54 — специально подставленный Канарисом майор абвера Пауль Тюммель и т.д. и т.п. Именно Хойзингер, как начальник Оператив-

ного управления Генштаба ОКХ, знал о планах Гитлера напасть на СССР именно 22 июня 1941 г., ибо до 10 июня 1941 г. эта идея еще не была утверждена в письменном виде. Опираясь на информацию Хойзингера и данные союзных Англии разведок, а также материалы радиоперехвата, в Лондоне до 22 июня 1941 г. знали, что нападение произойдет 22 июня, потому как Гитлер планировал превзойти Наполеона. После Второй мировой войны Адольф Эрнст Хойзингер, к сожалению, избежал сурового приговора Нюрнбергского трибунала благодаря своим британским покровителям. Фактически именно он воссоздал германскую армию — бундесвер, затем был на руководящих постах в военном командовании НАТО, и лишь настойчивые разоблачения Советского Союза хотя и с опозданием, но положили конец его карьере.

Короче говоря, англичане умышленно подпустили изрядного туману. Донован тут же отбил телеграмму Рузвельту. В ней он сообщал: **«Если бы англичане переслали в Кремль перехваченные германские важные приказы, Сталин, быть может, уяснил бы истинное положение вещей. Однако англичане считают аппарат Блетчли совершенно секретным. Они используют перехваченную ими информацию в собственных целях»**¹.

Будущий основатель Управления стратегических служб, а затем и ЦРУ напрасно беспокоился за Сталина. Как раз именно с помощью аппарата Блетчли и МИ-6 он и уяснил-таки себе истинное положение вещей. Вся великолепная «кембриджская пятерка» лучших агентов советской разведки едва ли не чемоданами приносила документальную информацию, особенно же имевшие доступ к материалам Блетчли Дж. Кернкросс, А. Блант и К. Филби. Они своевременно обеспечивали Кремль актуальной информацией. Для

---

¹ *Stevenson W.* A Man called Intrepid. The Secret War the Authentic Account of the most decisive intelligence operations of World War II — and the superspy who controlled them. N.Y., 1977. P. XVI, XVIII, XXIII. Цит. по: *Яковлев Н.Н.* ЦРУ против СССР. М., 1983. С. 327.

иллюстрации небезынтересно отметить, что после каждой встречи только с одним Дж. Кернроссом в Москву уходило до **60 пленок** с секретными документами.

Однако Сталин уяснил это себе не только с «помощью» данных британской разведки, но и с «помощью» дипломатической разведки Госдепартамента США. Дело в том, что как раз 6 июня 1941 г. в Вашингтон поступила шифровка из американского посольства в Берлине. В этой срочной телеграмме первый секретарь посольства Дональд Хит с прямой ссылкой на бывшего главного банкира Третьего рейха Ялмара Шахта (в 1940—1941 гг. Я. Шахт поддерживал конфиденциальную связь с указанным дипломатом США) сообщил, что, по данным Я. Шахта от 6 июня 1941 г., **«Гитлер решил 20 июня или около того напасть на Россию...»**¹. Когда же обе шифровки, то есть от У. Донована из Лондона и от Д. Хита из Берлина, сошлись в Вашингтоне, получилось едва ли не абсолютное очередное подтверждение даты нападения.

Так вот, все дело в том, что администрация президента США, Госдепартамент и другие ведомства были хорошо «нафаршированы» советской агентурой. И эта информация, фактически уже в объединенном виде, попала в Москву, приобретя попутно еще и статус перепроверенной по американским источникам и практически достоверной по оценкам американских специалистов разведывательной информации. Именно в таком виде она и легла на стол Сталина. Информация попала в Москву в промежутке с 10 по 12 июня.

В это же время верховное командование Третьего рейха письменно утвердило дату нападения, и командующим ударными группировками вторжения был направлен документ следующего содержания:

---

¹ См.: *Мартиросян А.Б.* Трагедия 22 июня: Блицкриг или Измена? Правда Сталина. М., 2007, 118—119.

«Распоряжение Главнокомандующего сухопутными войсками о назначении срока нападения на Советский Союз.

Ставка главнокомандования сухопутных войск

10.6. 1941 г.

**Главное командование
сухопутных войск**

Совершенно секретно

Только для командования

Генеральный штаб сухопутных войск

Оперативный отдел

На основе предложения, представленного главным командованием сухопутными войсками, верховное главнокомандование вооруженными силами назначило для готовности к военным действиям следующие сроки:

1. Днем “Д” операции “Барбаросса” предлагается считать 22 июня.

2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня. Данные о направлении главного удара будут в этом случае по-прежнему оставаться в тайне.

3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов:

а) Сигнал “Дортмунд”. Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступить к открытому выполнению приказов.

б) Сигнал “Альтона”. Он означает, что наступление переносится на другой срок; но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут уже находиться в полной боевой готовности.

4. 22 июня, 3 часа 30 минут; начало наступления сухопутных войск и перелет авиации через границу. Если метеорологические условия задержат вылет авиации, то сухопутные войска начнут наступление самостоятельно. Гальдер»¹.

¹ Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 214—215.

В промежутке с 10 по 12 июня, когда это распоряжение стали передавать командованию группировок вторжения, Британский центр дешифровки германских военных сообщений в Блетчли перехватил это сообщение и расшифровал. Это, кстати, подтвердил и сам Черчилль, указавший в своих мемуарах, что именно к 12 июня британская разведка окончательно установила, что нападение действительно произойдет именно 22 июня¹. По каналам «кембриджской пятерки», особенно Дж. Кернкросса и А. Бланта, эта информация попала и в Москву. Тут уж сомнения почти полностью рассеялись. Собственно говоря, именно поэтому-то с санкции Сталина Генеральный штаб и дал в это время в приграничные округа на западной границе директивы о разработке планов вывода и занятия по тревоге специальными частями боевых сооружений укрепленных районов, а полевыми войсками — сооружений предполья. Одновременно были даны директивы и о выводе дивизий из глубины округов ближе к государственной границе². Кроме того, было подготовлено знаменитое Сообщение ТАСС от 13 июня (опубликовано в советских газетах 14 июня), которое было вручено послу Германии в Москве, а также премьер-министру Великобритании.

А сомнения именно потому почти рассеялись, что британский перехват британским перехватом, но в вопросах войны и мира должна быть столь абсолютная ясность, которую не сможет подвергнуть сомнениям даже самый дотошно-въедливо придирчивый человек. В той части, в которой сомнения не полностью рассеялись, причина заключалась, увы, в следующем. Несмотря на передававшуюся «кембриджской пятеркой» ценнейшую информацию, в Центре еще сохранялось к ней некоторое недоверие. Но отнюдь не потому, что там поголовно страдали манией подозрительности. Нет. Дело в том, что, к глубокому сожалению, среди сбежавших на Запад предателей из

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. М., 1991. Кн. 2. С. 159.

² СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933—1945 // Под ред. А.П. Нарочницкого. М., 1986. С. 165. ЦА МО РФ. Ф. 16. Оп. 2951. Д. 261 Л. 20—22.

числа бывших высокопоставленных сотрудников советской разведки были двое, которые знали об этих агентах. Один — Лейба Лазаревич Фельдбин, он же Александр Орлов, бывший резидент советской внешней разведки в Испании, — знал об этих агентах чуть ли не все, поскольку начинал работу с ними. Второй — Самуил Гершевич Гинзбург, он же Вальтер Кривицкий, бывший нелегальный резидент в Нидерландах, — увы, тоже кое-что знал о них и в начале 1941 г. выдал британской контрразведке «концы», которые могли привести к расшифровке этой агентуры. Советская разведка благодаря усилиям А. Бланта получила материалы опроса В. Кривицкого британской контрразведкой (в начале 1941 г. Кривицкого вытащили из Америки на Британские острова, где его основательно «выпотрошила» одна из лучших контрразведчиц МИ-5 того времени — Джейн Арчер. Ее доклад с помощью А. Бланта был переправлен в Москву).

Чудом «кембриджская пятерка» тогда уцелела. Но, к сожалению, это обстоятельство некоторое время осложняло возможность для проявления полного доверия к поступающей от них информации. Точнее, ей и доверяли, но в то же время постоянно стремились как можно тщательней перепроверить ее, дабы исключить возможность продвижения в советские верхи направленной британской информации. Ведь Англия в тот период чрезвычайно стремилась ускорить начало смертельной схватки между Германией и СССР, видя в этом единственный шанс для своего спасения. Вот корень того вынужденного недоверия, с которым воспринималась их информация.

Когда сведения об этой расшифровке Британского центра были уже в Москве, разведка погранвойск первый раз установила факт выдвижения группировок вермахта с 13 июня. Но в тот же день был установлен и факт приостановки этого процесса по приказу из Берлина. 15 июня разведка погранвойск повторно и документально установила, что с 18 июня 1941 г. выдвижение ударных группировок на исходные для нападения позиции будет возобновлено с раннего утра 18 июня.

В этот же момент (16 июня) в Москву поступило упомянутое выше сообщение **Старшины**.

И опять произошло совпадение, вызвавшее очередную волну, увы, обязательных, вынужденных сомнений. Потому что его информация не стыковывалась с приводившейся выше информацией (на самом деле дезинформацией), которую 15 июня распространил Риббентроп. Расчет нацистских главарей был на то, что эта информация попадет в Москву и в очередной раз введет советское руководство в заблуждение. Да, информация попала в Москву, но в заблуждение не ввела. Не так-то просто было ввести Сталина в заблуждение.

Соединившись в Москве в весьма причудливую мозаику, все вышеуказанные данные хотя и делали картину событий более или менее понятной, но тем не менее все-таки по-прежнему оставляли наиболее важный ее фрагмент — о дате и времени нападения — расплывчатым. В итоге Сталин принял решение о проведении такой независимой проверки, на результаты которой никто и ничто не смогло бы повлиять. Это и было решение о проведении срочной воздушной разведки по всей линии границы в полосе компетенции именно Западного округа. А результаты этой разведки должны были быть проконтролированы еще и результатами дипломатической блицразведки, то есть реакцией германской стороны на специально выдвинутое по приказу Сталина предложение Молотова о срочном визите в Берлин.

А теперь о том, как была проведена эта воздушная разведка. Вот как это выглядело в описании непосредственного исполнителя этого задания Сталина Героя Советского Союза, генерал-майора авиации (с 4 июня 1940 г.) Г.Н. Захарова, командовавшего перед войной 43-й истребительной авиадивизией Западного Особого военного округа: «...Где-то в середине последней предвоенной недели — это было либо семнадцатого, либо восемнадцатого июня сорок первого года — я получил приказ командующего авиацией Западного Особого военного округа пролететь над западной границей. Про-

тяженность маршрута составляла километров четыреста, а лететь предстояло с юга на север — до Белостока. Я вылетел на У-2 вместе со штурманом 43-й истребительной авиадивизии майором Румянцевым. Приграничные районы западнее государственной границы были забиты войсками. В деревнях, на хуторах, в рощах стояли плохо замаскированные, а то и вовсе не замаскированные танки, бронемашины, орудия. По дорогам шныряли мотоциклы, легковые — судя по всему, штабные — автомобили. Где-то в глубине огромной территории зарождалось движение, которое здесь, у самой нашей границы, притормаживалось, упираясь в нее... и готовое вот-вот перехлестнуть через нее. Количество войск, зафиксированное нами на глазок, вприглядку, не оставляло мне никаких иных вариантов для размышлений кроме единственного: близится война. Все, что я видел во время полета, наслаивалось на мой прежний военный опыт (Г.Н. Захаров воевал в Испании и Китае, где сбил соответственно 6 самолетов лично и 4 в группе. — *А.М.*), и вывод, который я для себя сделал, можно сформулировать в четырех словах: со дня на день.

Мы летали тогда немногим более трех часов. Я часто сажал самолет на любой подходящей площадке, которая могла бы показаться случайной, если бы к самолету тут же не подходил пограничник. Пограничник возникал бесшумно, молча брал под козырек и несколько минут ждал, пока я писал на крыле донесение. Получив донесение, пограничник исчезал, а мы снова поднимались в воздух и, пройдя 30—50 км, снова садились. И я снова писал донесение, а другой пограничник молча ждал и потом, козырнув, бесшумно исчезал. К вечеру таким образом мы долетели до Белостока и приземлились в расположении дивизии Сергея Черных...»¹

¹ Захаров Г.Н. Повесть об истребителях. М., 1977. С. 43.

Комментарий-штрих. Обычно слова Захарова цитируют только до начала второго абзаца приведенной выше цитаты. Мягко выражаясь, это более чем нечестно. Потому как вся суть этого мероприятия заключена именно в этом последнем абзаце. Потому что там показан механизм использования получаемой в режиме реального времени информации воздушной разведки. А сам механизм ясно свидетельствует о том, что по каналам связи пограничных войск информация мгновенно уходила на самый верх. Не говоря уже об особой организации этого мероприятия и координации действий всех сторон.

Следует также добавить, что бесшумно возникавшие и исчезающие пограничники — это не случайность. **Во-первых**, облет государственной границы в приграничной полосе всегда согласовывается с командованием пограничных войск. **Во-вторых**, исходя из этого, пограничники заранее знали, где будет садиться самолет, так как места посадки были заранее согласованы с ними, что также вытекает из описания Захарова. А, **в-третьих**, забрав донесение Захарова, пограничники немедленно передавали их на заставу, откуда оно также немедленно уходило в штаб погранотряда, оттуда — в штаб погранокруга, а тот уже телеграфировал в Главное управление пограничных войск НКВД СССР и далее Сталину. **В-четвертых**, задание командования ВВС округа было обусловлено приказом из Москвы, от командующего ВВС РККА.

Проще говоря, перед вами описание молниеносно осуществленной в режиме реального времени воздушной разведки по всей линии границы в полосе компетенции Западного Особого военного округа. В результате в режиме реального времени в течение одного светового дня была собрана интегральная разведывательная информация, наглядно подтвердившая факт выдвижения ударных группировок вермахта на исходные для нападения позиции. Данное мероприятие было организовано по приказу Сталина командующим

ВВС РККА П.Ф. Жигаревым, который наряду с наркомом госбезопасности В.Н. Меркуловым и его заместителем Б.З. Кобуловым 17 июня побывал у Сталина на приеме (Меркулов и Кобулов зашли в кабинет Сталина в 20.20, вышли в 21.00, Жигарев зашел в 0.45 уже 18-го, вышел в 1 ч. 50 мин. Однако в журнале он проходит как посетитель 17-го числа)¹.

Конечно, могут найтись, как говаривал еще Ф.М. Достоевский, отдельные «специалисты по левой ноздре» и заявить, что-де никого от пограничников в тот день у Сталина не было. Даже самого Берия, в ведении которого и находились пограничные войска. Да, действительно, Берия в тот день не был у Сталина. Но это ничего не значит по очень простой причине. С 20 марта Лаврентий Павлович являлся заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, то есть, если по-простому, заместителем председателя советского правительства. К слову сказать, за Лаврентием Павловичем сохранялись функции общего кураторства над органами внутренних дел и государственной безопасности. С 6 мая главой советского правительства являлся Сталин, и одного его телефонного звонка было достаточно, чтобы Берия организовал подчиненных ему пограничников в помощь намеченной воздушной разведке. Ну, а бывшим заместителям Берия — Меркулову и Кобулову — и вовсе не составило никакого труда в рабочем порядке решить с Лаврентием Павловичем все необходимые в этом случае вопросы. Без пограничников проведение воздушной разведки оказалось бы неэффективным. Прежде всего, дело в том, что Сталин, судя по всему, не захотел отдавать в руки военной разведки ЗапОВО результаты воздушной разведки, опасаясь, очевидно, что они будут субъективно препарированы и дойдут до него через центральный аппарат ГШ или ГРУ. Но и в руки разведки пограничных войск отдавать результаты воздушной разведки Сталин также явно не

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 137.

захотел. Ему нужна была абсолютно объективная информация, на суть которой никто и ничто не смогли бы повлиять. И дело тут не в недоверии, что может сразу же прийти на ум, особенно антисталинистов, а в том, что Сталин ясно осознавал, что по результатам этой разведки ему предстоит принять судьбоносное решение — о приведении или об отказе в приведении войск в боевую готовность. Проще говоря, от того, какое он примет решение, зависела судьба СССР. И ошибиться он не имел права. Как, впрочем, и исходить из информации, на суть которой кто-либо мог бы повлиять, пускай даже и в самых благих намерениях. Информация должна была быть полностью, абсолютно «голой» — что увидели летчики, то и сообщили. Все. Никаких выводов или комментариев.

Именно поэтому пограничников привлекли только как передаточное звено, ибо только у них были более или менее защищенные линии связи непосредственно у границы. И только они могли немедленно передать информацию с границы на заставу, та в комендатуру или же прямо в погранотряд. Погранотряд в штаб погранокруга, там информация могла быть передана уже в местные наркоматы внутренних дел и госбезопасности, поскольку те находились в Минске, а оттуда уже в Москву, в НКВД и НКГБ СССР. С 22 ч. 25 мин. по 23.00 18 июня Кобулов находился в кабинете у Сталина, где в это время уже (с 20 ч. 25 мин.) находились Тимошенко и Жуков, которые вышли от Сталина только в 00.30 уже 19 июня. В 23.10 18 июня в кабинет Сталина вошел и Жигарев, который вышел вместе с Тимошенко и Жуковым¹. Проще говоря, Кобулов докладывал Сталину результаты воздушной разведки в присутствии Тимошенко и Жукова.

Одновременно по приказу Сталина Молотов обратился к германскому правительству с предложением срочно принять его с визитом, факт чего четко зафиксирован в записи от 20 июня 1941 г. в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных сил Гер-

---

¹ Там же.

мании генерала Ф. Гальдера: «Молотов хотел 18.6. говорить с фюрером»¹.

Справка. К слову сказать, очень похоже на то, что это был ответный пас Сталина. Дело в том, что в информации ценнейшего агента ГРУ ХВЦ от 10 июня 1941 г. проскочило упоминание о том, что-де Гитлер предложил Сталину приехать в Германию². И что ответ по данному предложению должен был быть дан до 12 июня 1941 г. Трудно сказать, насколько это правда. Подобная информация нигде более не проходила. И в то же время сомневаться в достоверности сведений ХВЦ оснований тоже нет. За многие годы плодотворного сотрудничества с советской военной разведкой он неоднократно доказывал свою честность и объективность. Так что, если подобное предложение и в самом деле имело место быть, то тогда предложением о срочном визите Молотова в Берлин Сталин ловко отбил пас. Даже если исходить из того, что этакое предложение Гитлера было блефом с его стороны, то опять-таки Сталин очень ловко отбил пас, фактически устраивая фюреру очень жесткую проверку насчет его подлинных планов. Не говоря уже о том, что еще вечером 13 июня 1941 г. прозвучало также и знаменитое Сообщение ТАСС, которое в таком случае есть резон рассматривать также и как ответ на предложение Гитлера приехать в Германию — в том смысле, что по сути-то это было приглашением к переговорам.

На это предложение Молотова (Сталина) последовал немедленный отказ немецкой стороны. Впоследствии было установлено, что в дневнике статс-секретаря МИД Германии Вайцзеккера за 18 июня

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 579.

² Лота В. Секретный фронт Генерального штаба. Разведка. Открытые материалы. М., 2008. С. 232, со ссылкой на ЦА МО РФ (без указания № фонда). Оп. 7272. Д. 1. Л. 87—98 (Перечень донесений о военной подготовке Германии против СССР. Январь — июнь 1941 г.).

1941 г. появилась следующая запись: «Главная политическая забота, которая имеет место здесь (то есть в Берлине. — А.М.) — не дать Сталину возможности с помощью какого-нибудь любезного жеста спутать нам в последний момент все карты»¹.

*Справка. Есть также и данные из дневника Геббельса о том, что-де 20 июня Молотов вновь просился на визит в Германию, но получил отказ. Запись сделана Геббельсом 21 июня*².

Несмотря на то, что в советских архивах, по крайней мере тех, что доступны современным исследователям, никаких данных о подобных предложениях Молотова принять его в Германии со срочным визитом нет, в принципе не приходится особенно сомневаться в том, что факт согласованного со Сталиным предложения Молотова о принятии его в Германии со срочным визитом имел место быть. Причем, Молотов, судя по всему, обращался дважды. Второй раз 20 июня. И это тоже была очередная дополнительная не столько проверка, сколько перепроверка, потому что к этому дню шквал информации о 22 июня как о дате нападения уже был в апогее. И следовало одновременно и окончательно убедиться, что война уже абсолютно неминуема неизбежна, и в то же время еще раз попытаться спутать Гитлеру все карты. Увы, последнее не удалось.

После такой глобальной проверки 18 июня у Сталина не осталось никаких сомнений в том, что война грянет через четыре дня. И когда 18 июня Тимошенко и Жуков доложили ему еще и полученную от Пуркаева информацию от перебежчика, которая в очередной раз — наряду с другими поступавшими сведениями — свидетельствовала о том, что нападение произойдет ранним утром 22 июня, Сталин сделал свой решающий вывод:

¹ Die Weizsacker-Papiere 1933—1950 / Hrsg. Von L.E. Hill. Frankfurt a. M., etc, 1974. S. 260.

² См. Вишнёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 152—153, со ссылкой на немецкие архивы.

18 ИЮНЯ 1941 Г. КОМАНДУЮЩИМ ПРИБАЛТИЙСКИМ, ЛЕНИНГРАДСКИМ, ЗАПАДНЫМ, КИЕВСКИМ И ОДЕССКИМ ВОЕННЫМИ ОКРУГАМИ, БАЛТИЙСКИМ, ЧЕРНОМОРСКИМ И СЕВЕРНЫМИ ФЛОТАМИ БЫЛА НАПРАВЛЕНА САНКЦИОНИРОВАННАЯ СТАЛИНЫМ ДИРЕКТИВА НАЧАЛЬНИКА ГШ РККА ГЕНЕРАЛА АРМИИ ЖУКОВА. ЭТОЙ ДИРЕКТИВОЙ ОНИ СТАВИЛИСЬ В ИЗВЕСТНОСТЬ О ВОЗМОЖНОСТИ НАПАДЕНИЯ ГЕРМАНИИ В БЛИЖАЙШИЕ ДНИ БЕЗ ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ. ЭТА ЖЕ ДИРЕКТИВА ПРЕДПИСЫВАЛА ПРИВЕСТИ ВВЕРЕННЫЕ ИМ ВОЙСКА В ПОЛНУЮ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ!!! В ДОКУМЕНТЕ ФИГУРИРОВАЛА ДАТА 22 ИЮНЯ! ТО ЕСТЬ ЗА ЧЕТЫРЕ ДНЯ ДО НАПАДЕНИЯ БЫЛО САНКЦИОНИРОВАНО ПРИВЕДЕНИЕ ВОЙСК В ПОЛНУЮ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ!!!

Справка. 18 июня 1941 г. Тимошенко и Жуков находились у Сталина на приеме с 20 ч. 25 мин. 18.6. по 0.30 мин. 19.6. Причем во время их пребывания в кабинете Сталина, туда же в 22 ч. 25 мин. вошел и Б.З. Кобулов, пробывший там до 23.00, а вслед за ним в 23.10 вошел и командующий ВВС Жигарев, который вышел вместе с Тимошенко и Жуковым в 00.30 уже 19.6¹.

Данные об этой директивной телеграмме отсутствуют в архивах РФ. По крайней мере, на сегодняшний день положение именно таково. В архиве Генштаба ее тоже нет. То ли она была уничтожена во времена хрущевской «оттепели», то ли ее спрятали так, что теперь уже никто не знает, где она. Единственное четкое упоминание о ней содержится на **70-м листе 4-го тома** следственного дела по обвинению командования ЗапОВО, где зафиксировано показание начальника связи ЗапОВО генерала А.Т. Григорьева: **«И после телеграммы на-**

¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник/Научный редактор А.А. Чернобаев. М., 2008. С. 137.

чальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность...»¹

Тем не менее нелишне будет указать, что в ряде случаев эта директива была доведена в том числе и до сведения командиров отдельных частей, но не ниже командиров дивизий, что подтверждается архивными документами и воспоминаниями некоторых генералов. Судя по материалам расследования причин трагедии 22 июня 1941 г., которое Сталин инициировал еще в начале войны, в том числе и силами Особых отделов НКВД СССР и которое велось также и после войны, в этой телеграмме были указаны также ориентировочные сроки нападения. Прежде всего, сама дата 22 июня 1941 г., что явствует из опубликованных ныне документов военной контрразведки о первых днях агрессии. Аналогичные упоминания есть и в ответах опрошенных после войны генералов, которые перед войной командовали войсками в западных округах. Об этом же свидетельствуют и отдельные документы командования Прибалтийского округа, а также донесения командующих флотами о приведении вверенных им флотов в боевую готовность № 2, которые датированы 19 июня. Кроме того, упоминание об этом факте содержится и на 137-й стр. шестого тома изданной в 1965 г. «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945».

Все это в совокупности и дает основание полагать, что факты вместе с данными перебежчика от 18 июня и направлением 18-го же числа директивы о приведении войск в боевую готовность были искажены, трансформированы, увязаны с переходом границы А. Лисковым и его информацией. А затем, уже в сфальсифицированном виде, приписаны к последним часам 21 июня и увязаны с направлением директивы № 1 от 21 июня. К такому выводу принуждают еще и такие

---

¹ Цит. по: *Ямпольский В.П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» А. Гитлер, 31 июля 1940 г. Документы спецслужб СССР и Германии. 1937—1945 гг. М., 2008. С. 509.

обстоятельства. **Во-первых**, Жуков указал, что, со слов перебежчика, «немецкие войска выходят в исходные районы для наступления». Однако вечером 21 июня этого уже просто не могло быть. **Ударные германские группировки вторжения к тому моменту уже были выведены на исходные для нападения позиции.** А в час дня 21 июня командующие группами армий «Север», «Центр» и «Юг» уже получили сигнал «Дортмунд», который означал, что **в 3 часа 30 минут утра** (по берлинскому времени) 22 июня должно быть начато нападение на СССР. Однако о том, что на рассвете 22 июня начнется нападение на СССР, в германских войсках знали и до указанного времени. К тому же выдвижение германских войск продолжалось вплоть до 21 июня. Именно об этом-то и сообщил перебежчик 18 июня.

Во-вторых, в хорошо известном всем каноническом (но едва ли имеющем право считаться подлинным — объяснение причин такого вывода выходит за пределы настоящей работы¹) варианте директивы № 1 имеется выражение «**быть в полной боевой готовности**». Но «**быть в полной боевой готовности**» означает, что **ранее уже была директива на этот счет!** Тем более что далее в той же директиве приказывается привести все части в боевую готовность. То есть директивой от 18 июня 1941 г. приказывалось привести в полную боевую готовность части непосредственного прикрытия государственной границы, то есть первый оперативный эшелон Первого стратегического эшелона. А директивой № 1 — все остальные части, то есть войска второго эшелона прикрытия. Вот что скрывается во мраке минувших после начала войны десятилетий невидимой стороны одного и того же факта.

Однако завершим дело с перебежчиками. «Последнее сообщение от перебежчиков германской армии о начале войны было

---

¹ По данному вопросу осмелюсь рекомендовать собственное двухтомное фундаментальное исследование «22 июня. Блицкриг предательства: от истоков до кануна» и «22 июня. Детальная анатомия предательства». М., 2012.

получено около 1 часа ночи 22 июня. Перешедший границу военнослужащий 602-го арtpолка германской армии заявил, что вторжение немецко-фашистских войск в СССР начнется через несколько часов»¹.

И, наконец, общий итог по перебежчикам и нарушителям границы. Только за период с 1 по 10 июня пограничники задержали **108** вражеских лазутчиков и диверсантов. **Вдвое больше** их было задержано и в оставшиеся до нападения одиннадцать дней. Всех их тщательно допрашивали, а материалы этих допросов передавались как по своей служебной вертикали вплоть до Москвы, так и соответствующим армейским органам и представителям военной разведки на местах. Упомянутая выше **«Инструкция о взаимоотношениях разведывательных органов НКГБ, погранвойск НКВД, НКО и НК ВМФ по агентурно-оперативной работе»** неукоснительно соблюдалась, а информация вовремя попадала в руки военных. Это четко видно даже по содержанию разведывательных сводок разведывательных отделов приграничных военных округов. Ведь военные разведчики прямо ссылались на данные пограничников, полученные ими от перебежчиков и задержанных на границе лазутчиков и диверсантов, а также от закордонной агентуры. Например, в первой же записи журнала боевых действий войск Северо-Западного фронта от 22 июня 1941 г. о непосредственном кануне войны говорится следующим образом: **«...Наша агентура и перебежчики указывали, что надо ожидать в ближайшее время вооруженного выступления Германии против нас. Почти точно указывались сроки начала наступления — 20—22 июня 1941 г. ...»**² Тот факт, что в этом документе военного командования упомянута информация перебежчиков, означает, что в строгом соответствии с упоминавшейся

¹ Чугунов А.И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 97.

² ЦА МО РФ. Ф. 221. Оп. 1351. Д. 202. Л. 1. Подлинник.

выше Инструкцией об обмене информацией пограничники немедленно сообщали всю полученную от перебежчиков информацию армейскому командованию.

Теперь о тех данных зарубежных резидентур разведки НКГБ и ГРУ, согласно которым дата нападения Германии на СССР была установлена точно или относительно точно.

Комментарий. Многочисленные и хорошо известные историкам и всем интересующимся историей войны данные о различных сроках и датах нападения, которые поступали по каналам разведки НКВД-НКГБ СССР, ГРУ и РУ НКВМФ до 10 июня включительно, ниже не рассматриваются ввиду отсутствия какой-либо актуальности такого анализа. Единственное, что следует отметить, так это то, что ничего удивительного в сильном разномое сроков и дат нападения нет. Это априорная тактика проведения дезинформационных мероприятий любого агрессора. И гитлеровцы тут не составляли какого-то исключения. Соответственно наплели с полтора десятка дат нападения, на информацию о которых натыкалась агентура советских разведывательных служб.

Впервые 22 июня как дата нападения Германии прозвучала в срочном донесении резидента разведки НКГБ в Финляндии Е.Т. Синицына **11 июня 1941 г.** Данные были получены от ценного, проверенного агента хельсинкской резидентуры **Монаха**, информация которого всегда отличалась особой актуальностью и достоверностью. Обстоятельства получения столь важной информации настолько значительны, что необходимо их вкратце указать. Дело в том, что **Монах** сообщил, что утром 11 июня 1941 г. в Хельсинки было подписано тайное соглашение между Германией и Финляндией об участии финских вооруженных сил в предстоящей войне гитлеровской Германии против Советского Союза, которая начнется 22 июня¹. Агент также

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 435; Синицын Е.Т. Резидент свидетельствует. М., 1997. С. 117—118.

отметил, что формально Финляндия вступит в войну на четыре дня позже¹.

Историческая справка. К слову сказать, обстоятельства получения и суть этой информации важны не только тем, что здесь названа точная дата нападения Германии на СССР, но также и тем, что в этой же информации четко указана письменно же зафиксированная в тайном соглашении с Германией готовность Финляндии принять участие в войне Третьего рейха против СССР. Прежде всего, это особо актуально в силу следующей причины. Выражаясь литературно, у нас еще не перевелись отдельные, не совсем адекватные, в том числе и в понимании исторических фактов, «исследователи». Одно из любимых их занятий — обвинять Советский Союз в нападении на Финляндию 25 июня 1941 г. При этом они особо упирают на то, что Финляндия якобы была мирным нейтральным государством, с которым к тому же у СССР был подписан мирный договор. Однако, подписав тайное соглашение с Германией об участии своих вооруженных сил в войне против СССР, с утра 11 июня 1941 г. Финляндия перестала быть даже иллюзорно нейтральной, каковой она и так не была. Тем более что по данным сотрудника хельсинкской резидентуры ГРУ майора М.Д. Ермолова (оперативный псевдоним Бранд), частичная мобилизация в Финляндии началась и вовсе 10—11 июня 1941 г. Более того. 17 июня 1941 г. в Финляндии была объявлена всеобщая мобилизация². А по господствовавшим в те времена понятиям всеобщая мобилизация — это уже объявление войны. Ну а раз войну объявили, да еще и раньше, чем даже гитлеровская Германия напала на СССР, то и отношение к Финляндии было уже как к государству, объявившему войну Советскому Союзу. И соответственно любые военные меры против агрессора были более чем оправданны. Тем более что Финляндия побежала

¹ Синицын Е.Т. Резидент свидетельствует. М., 1997. С. 118.

² ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24120. Д. 3. Л. 327.

даже впереди нацистской телеги. К тому же и возомнивший себя тевтоном австрийский баран во главе Третьего рейха с потрохами выдал Финляндию. 22 июня 1941 г. Гитлер обратился с призывом к членам НСДАП и с воззванием к немецкому народу в связи с военным нападением Германии на СССР. В обоих случаях он заявил, что в этом нападении вместе с германской армией участвуют войска Румынии и Финляндии¹. Ну а раз участвуют, следовательно, обязаны получить соответствующий ответ за такое участие...

12 июня 1941 г. резидент ГРУ в Берлине генерал-майор Тупиков (оперативный псевдоним Арнольд) сообщил в Москву данные Арийца, полученные через Альту, о том, что срок вероятного нападения против СССР — **15—20 июня 1941 г.**²

Правда, за пять дней до этого, то есть **7 июня 1941 г.**, Альта сообщила своему куратору из берлинской резидентуры ГРУ о том, что «...сроки начала кампании против России перенесены после **20 июня...**»³.

12 июня 1941 г. в ГРУ поступило срочное сообщение от легендарного разведчика-нелегала, нелегального резидента, руководителя чрезвычайно эффективной агентурной группы «Крона», впоследствии Героя России **Яна Петровича Черняка**, в котором говорилось, что «**22 июня, 3 часа 30 минут — начало выступления сухопутных войск Германии**». Его сообщение примечательно тем, что оно имело документальное подтверждение. Оно основывалось на добытом его агентурой приказе главнокомандующего сухопутными силами Германии о сроках, основных целях и плане нападения на СССР в рамках операции «Вариант Барбаросса»⁴. Необходимо также отметить, что информация Яна Черняка и его агентурной группы всегда чрезвычайно высоко ценилась в ГРУ.

¹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Stuttgart, 1983. S. 346, 400.

² Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 309.

³ Там же. С. 308.

⁴ Витковский А.Д. Военные тайны Лубянки. М., 2007. С. 140.

16 июня 1941 г. резидент ГРУ в Берлине генерал-майор В.И. Тупиков сообщил в Москву новую информацию от Альты — о том, что, по данным из кругов штаба верховного главнокомандования, упорно циркулирует версия о выступлении против России 22—25 июня¹.

18 июня 1941 г. сотрудница берлинской резидентуры НКГБ СССР, легендарная советская разведчица Е.Ю. Зарубина на встрече с агентом **Вальтером** (сотрудник МИД Германии) получила информацию о том, что **через три дня** Германия нападет на СССР². Информация немедленно была сообщена в Москву и доложена Сталину.

19 июня берлинская резидентура НКГБ СССР сообщила о дате нападения на СССР **22 июня** со ссылкой на сведения, полученные от ценнейшего агента советской внешней разведки **Брайтенбаха (Вилли Леман, ответственный сотрудник гестапо)**. Агент сообщил, что в его ведомстве получен приказ военного командования о том, что **22 июня после 3 часов утра** начать военные действия против Советского Союза³. Информация немедленно была сообщена в Москву и доложена Сталину.

19 же июня 1941 г. из римской резидентуры НКГБ СССР поступило также срочное сообщение. Со ссылкой на агентов **Гау, Дарья и Марта** в нем говорилось о следующем. МИД Италии получил телеграмму от итальянского посла в Берлине, который сообщал, что согласно предоставленной ему официальной информации высшего военного командования Германии, начало военных действий Германии против Советского Союза ожидается **между 20 и 25 июня 1941 г.**⁴ Информация немедленно была доложена Сталину.

19 же июня 1941 г. советская контрразведка перехватила телеграмму итальянского посла в Москве Аугусто Россо в МИД Италии,

¹ Лота В.И. «Альта» против «Барбароссы». М., 2004. С. 349.

² Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. IV. М., 1999. С. 210, 214.

³ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. III. М., 1997. С. 348.

⁴ Там же. С. 172. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Книга 2. М., 1996. С. 269.

в которой с прямой ссылкой на германского посла в Москве В. фон Шуленбурга сообщалось, что война разразится **через два-три дня, возможно в воскресенье**¹. Информация немедленно была доложена Сталину.

***Специальный комментарий.** Здесь, правда, следует сделать одно примечание, имеющее, как представляется, принципиальное значение. Дело в следующем. В опубликованном тексте записки заместителя наркома государственной безопасности Б.З. Кобулова И.В. Сталину, В.М. Молотову и Л.П. Берия с текстом беседы, полученным агентурным путем, посла Италии в СССР А. Россо с германским послом В. Шуленбургом № 2412 от 20 июня 1941 г. этих данных, то есть заявления Шуленбурга о том, что война может разразиться в ближайшие два-три дня, возможно в воскресенье, **НЕТ!** Там содержится лишь упоминание о том, что, по мнению Шуленбурга, конфликт между СССР и Германией неизбежен и что это повлечет за собой тяжелые последствия². При этом публикаторы этого документа, а это высокие профессионалы из «Мосгорархива» и Центрального Архива ФСБ РФ, дали прямую ссылку на архивный источник: ЦА ФСБ. Ф. Зос. Оп. 8. Д. 58. Л. 1979—1980 (отпуск).*

При сравнении текста телеграммы А. Россо с текстом записки этой беседы установлено совпадение на 99,99%. Однако и это, подчеркиваю еще раз, есть принципиальное расхождение между двумя документами только в одном, причем в самом главном. В том, что война может разразиться в ближайшие два-три дня, возможно, в воскресенье. В телеграмме А. Россо такое упоминание есть, а в тексте записки его беседы с Шуленбургом — нет. И это при абсолютном совпадении по всем остальным аспектам их беседы!

¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. I. Книга 2. М., 1996. С. 267.

² Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 171—172.

Как такое могло получиться — более чем затруднительно сказать. Ведь волей-неволей приходится предполагать, что по каким-то причинам исчезла самая важная часть информации. Грешить на советскую контрразведку, в которой на германском направлении в те времена были сосредоточены ее лучшие, высочайшего класса асы, автор не может себе позволить. Хотя бы потому, что в те времена Сталину докладывались самые мельчайшие нюансы информации спецслужб. Он жестко требовал этого. Да и проморгать такую информацию руководители НКГБ СССР тоже не могли и не посмели бы что-либо скрыть. Посольство и военный атташат Германии были настолько чрезвычайно плотно обложены как агентурой (советской, а также из числа немцев — сотрудников посольства), так и всевозможными средствами технического контроля, что там и инфузория-туфелька с амёбой не смогли бы незаметно проползти. Советская контрразведка в то время могла полностью контролировать любой шорох, любой вздох любого сотрудника посольства.

Учитывая практику спецслужб и то, что Шуленбург сам был высокопрофессиональным разведчиком, по всей видимости, произошло следующее. Либо Шуленбург молча написал на листке бумаги свое мнение на счет двух-трех дней, и, показав Россо, тут же сжег ее. Либо, провозжая Россо, тихо шепнул ему на ухо, так, чтобы не слышал секретарь Шуленбурга, который вел запись беседы и который, к слову сказать, был агентом советской контрразведки. И в самую последнюю очередь, увы, придется рассматривать также и вариант отсебятины А. Россо. Попытки дать другие объяснения факту этого разнобоя априори бессмысленны.

19 же июня 1941 г. со ссылкой на германского эмиссара ценный агент софийской резидентуры ГРУ **Коста (Павел Шатев)** сообщил, что война начнется **21 или 22 июня**¹. Информация была немедленно доложена Сталину.

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 2. Л. 83.

7 (СЕМЬ) раз в промежутке с 10-го по вечер 21 июня 1941 г. ценнейший агент ГРУ в германском посольстве в Москве — **ХВЦ, он же Герхард Кегель** — информировал своего куратора о дате нападения, причем его данные концентрировались преимущественно вокруг временного промежутка **20—23—24 июня**. Только рано утром 21 июня агент смог более или менее точно сообщить, что нападение произойдет в ближайшие 48 часов, а вечером того же дня окончательно уточнил — **наступающей ночью произойдет нападение**¹. Информация была доложена Сталину в **20.00 21 июня**.

Кроме того, весьма уместно было бы упомянуть и то, что Г. Кегель (ХВЦ) сообщил очень важную информацию о том, что командование вермахта приказало выдвинуть тяжелую артиллерию к советским границам со сроком завершения этого выдвижения **19 июня**². Тяжелую же артиллерию всегда выдвигают на передовые позиции только непосредственно накануне нападения (наступления). Раньше нельзя и опасно, так как противник может засечь это выдвижение и поймет, в чем дело. Проще говоря, эта информация хотя и не сообщала точной даты нападения, но ясно показывала, что оно вот-вот произойдет — в ближайшие же дни.

21 июня 1941 г. резидент ГРУ и военный атташе во Франции генерал-майор И.А. Суслопаров (оперативный псевдоним Маро) сообщил в Москву, что «**по достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года**»³.

21 июня 1941 г. оперативный сотрудник советской внешней разведки в Варшаве И. Гудимович получил от своего польского помощника информацию о том, что **на рассвете 22 июня** Германия нападет

¹ Приводится по: *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 59, 233—234. В. Лота дал ссылку на ЦА МО РФ без указания фонда. Оп. 7272. Д. 1. Л. 97—98.

² ЦА МО РФ. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87—98, а также *Лота В.* Секретный фронт Генерального штаба. Разведка: открытые материалы. М., 2005. С. 233.

³ *Ивашутин П.И.* Докладывала точно// Военно-исторический журнал, 1990, № 5. С. 57. П.И. Ивашутин — бывший многолетний руководитель ГРУ ГШ СССР.

на СССР¹. Правда, неизвестно, успел ли он доложить об этом в Москву, так как по правилам он считался прикрепленным к берлинской резидентуре НКГБ СССР и сначала должен был доложить ей.

Кроме того, исходя из своих патриотических убеждений, неоценимую инициативную помощь в установлении точной даты нападения советской разведке оказал бывший агент царской военно-морской разведки. Он фигурирует в истории отечественной военной разведки как **Анна Ревельская** (точные имя и фамилия до сих пор не установлены). **В 10 часов утра 17 июня 1941 г.** Анна Ревельская посетила советского военно-морского атташе в Берлине М.А. Воронцова и сообщила ему, что **в 3 часа ночи 22 июня 1941 г. германские войска вторгнутся в Советскую Россию** (так Анна Ревельская назвала Советский Союз). Информация Анны Ревельской немедленно была сообщена в Москву и доложена наркомом ВМФ Н.Г. Кузнецовым Сталину. Именно из-за этой информации Воронцов был немедленно вызван в Москву, куда прибыл только 21-го июня. До этого Воронцов через другие источники смог установить, что **срок нападения на СССР назначен на 21—24 июня**².

***Комментарий.** То обстоятельство, что М.А.Воронцов сообщил точную дату и время нападения Германии и вследствие этого был срочно вызван в Москву, впоследствии подтвердил, правда несколько своеобразно, и его непосредственный начальник — народный комиссар военно-морского флота Кузнецов. В своих мемуарах он написал: «...В те дни, когда сведения о приготовлениях фашистской Германии к войне поступали из самых различных источников, я получил телеграмму военно-морского атташе в Берлине М.А. Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и называл почти точную дату начала войны. Среди множества*

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. III. М., 1997. С. 294.

² Морской сборник. 1991, № 6. В этом номере была опубликована запись беседы с М.А. Воронцовым. *Дамаскин И.А.* Богини разведки и шпионажа. М., 2006. С. 148, 151. В годы Первой мировой войны своими действиями и информацией Анна Ревельская нанесла кайзеровской Германии в буквальном смысле слова невообразимый урон.

*аналогичных материалов такое донесение уже не являлось чем-то исключительным. Однако это был документ, присланный официальным и ответственным лицом. По существующему тогда порядку подобные донесения автоматически направлялись в несколько адресов. Я приказал проверить, получил ли телеграмму И.В. Сталин. Мне доложили: да, получил. Признаться, в ту пору я, видимо, тоже брал под сомнение эту телеграмму, поэтому приказал вызвать Воронцова в Москву для личного доклада...»¹ 21 июня Воронцов, по словам Кузнецова, уже прибыл в Москву. Обратите особое внимание на то, что Кузнецов говорил только о какой-то одной, конкретной телеграмме Воронцова, поступившей буквально накануне войны. Едва ли должно вызывать сомнение то, что речь идет о телеграмме Воронцова с информацией, полученной от Анны Ревельской. Только эта телеграмма могла навсегда застрять в памяти адмирала Кузнецова. **Во-первых**, из-за того, что она была явно с грифом «Молния». По законам разведки информация с указанием точной даты и времени начала агрессии направляется в Центр только с таким грифом. Либо с грифом «Срочно. Немедленно доложить Директору» (то есть руководителю разведки) В принципе это одно и то же. Только из-за этой информации Воронцова и могли срочно вызвать в Москву. Как говорится, «назвался груздем — полезай в кузов». Ведь до этого он сообщал только приблизительные даты. А тут одна конкретная дата и точное время начала агрессии — 3 часа 22 июня 1941 г. Причем, учитывая, что Анна Ревельская находилась в Германии и каким-то образом добыла эти сведения у официальных лиц Третьего рейха, она оперировала только берлинским временем. То есть агрессия начнется в 3 часа 22 июня по берлинскому времени. **Во-вторых**, учитывая, что в этой телеграмме Воронцова точная дата и время начала агрессии были указаны однозначно, именно поэтому она и попала под автоматически действовавший тогда порядок — все*

¹ Цит. по: <http://militera.lib.ru/memo/russian/kuznetsov—1/index.html>.

информации такого рода немедленно направлялись Сталину, Молотову, Берия, Тимошенко, Жукову и Голикову. В-третьих, странно в воспоминаниях Кузнецова вот что. Несмотря на то, что Воронцов со слов Анны Ревельской указал и точную дату, и точное время начала агрессии, Кузнецов охарактеризовал эту информацию как указание «почти точной даты начала войны». Да еще и припел сюда свои сомнения по поводу одной-единственной телеграммы. Уж после войны-то, когда информация Анны Ревельской в телеграмме Воронцова подтвердилась столь кроваво точно, можно же было удержаться от неуместных выпадов в адрес этих данных?! Или это была дань политкорректности по правилам проклятущего ЦК КПСС?! Но как бы там ни было, мемуары Кузнецова все-таки подтвердили, что такая информация действительно была.

Увы, но Н.Г. Кузнецов почему-то не считал возможным вспомнить не только об этом конкретном источнике наиважнейшей стратегической информации, то есть об Анне Ревельской, но и о другом источнике такой же по значимости информации. Ведь едва ли не на следующий день после визита Анны Ревельской М.А. Воронцов получил от военно-морского атташе Швеции копию официального запроса Берлина о маршрутах шведских судов и самолетов в акватории Балтийского моря с 22 июня 1941 года с целью предупреждения нападения на них во время войны с СССР. И эта информация немедленно ушла в Москву. И уже 19 июня Воронцов был вызван в Москву для доклада руководству СССР.

В приведенных выше данных не фигурирует уже более полувека интенсивно эксплуатируемая «информация» Р.Зорге о дате нападения. Дело в том, что это всего лишь миф, запущенный в период Хрущева сугубо в антисталинских целях. Ничего конкретного о дате нападения Р. Зорге не сообщал. 1 июня 1941 г. от него поступило сообщение, в котором он указывал, что, по информации Берлина для посла Германии в Токио О. Отта, нападение Германии на СССР произойдет во второй половине июня¹. И это все, что он сообщил по вопросу о дате в послед-

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 422. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия.

ние три недели перед войной. А 21 июня Р. Зорге сообщил только, что война между СССР и Германией неизбежна¹. Но таких сообщений и без него было предостаточно, и все либо указывали на неизбежность войны, либо на то же самое, но с привязкой к месяцам и временам года. И все не сбылись, кроме тех, которые пришли в Центр, начиная с 11 июня.

Исторический комментарий. К числу путаных информации, которые нередко берут «на щит», относятся две информации, поступившие, правда, не от разведки, а от двух советских послов — в Англии и Франции, соответственно от И.М. Майского и А.Е. Богомолова.

1. И.М. Майский 18 июня 1941 г. прислал в Москву срочную телеграмму, в которой сообщал, что нападение Германии на СССР произойдет в середине июня?! Как такой исключительно образованный человек, как Посол СССР в Великобритании Иван Михайлович Майский (Ляховецкий), не смог отличить 18 июня от середины июня, то есть от 15 июня, — до сих пор непонятно. Но факт остается фактом — такую телеграмму он действительно прислал в Москву. Кстати говоря, небезынтересно отметить, что в известной публикации «Документы внешней политики СССР» именно этой телеграммы Майского нет, что, очевидно, не случайно. И вот что прикажете думать по этому поводу? Как Сталин мог доверять таким информациям? Тут ведь просто на дурь или описку не спишешь — этот посол действительно был очень образованным человеком. Тогда что же надо думать?..

2. Ну а посол Богомолов и вовсе отколол совершенно непонятный финт. 19 июня он прислал в Москву телеграмму следующего содержания: «Сейчас здесь все журналисты болтают о всеобщей мобилизации в СССР, о том, что Германия предъявила нам ультиматум об отделении Украины и передаче ее под протекторат Германии и прочее. Слухи эти идут не только от англичан и американцев, но и из немецких кругов. По-видимому, немцы, пользуясь этой агитацией, и готовят решительную атаку на

¹ ЦА МО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 463. Машинопись на специальном типографском бланке. Копия.

Англию»¹. 19 июня уже и круглому дураку было очевидно, что ни о какой атаке Германии на Англию и речи быть не может. Едва ли не все силы Германия сосредоточила против СССР. Уже были очевидны переброски ударных частей, прежде всего авиации, из Франции в районы, прилегающие к германо-советской границе. О какой же атаке на Англию могла идти речь? Ведь военный атташе Суслонаров докладывал Богомолу о той информации, которую он добывал по своим каналам. Как у Богомолу повернулась рука накатать такое послание в Москву — вообще невозможно понять. Ведь это даже не уровень посла, а просто какой-то базарной бабы — «сейчас здесь все журналисты болтают...»?! Вот уж источник так источник сведений для телеграммы за подписью посла! Ведь знал же и понимал, что это дезинформация, исходящая от крайне заинтересованных в вооруженном столкновении между Германией и СССР англичан и американцев, и тем не менее послал такой бред в Москву. Очевидно, решил подыграть Сообщению ТАСС от 13/14 июня. И как это Молотов терпел такого м...ка в своей епархии?! Кстати говоря, и телеграммы Богомолу в известной публикации «Документы внешней политики СССР» также нет. Неужели кто-либо и в этом случае поверит в случайность?..

Говоря о результативности советских разведывательных служб в установлении точной даты нападения Германии на Советский Союз, следует принять во внимание также и следующее:

1. 27 мая 1941 г. чехословацкая военная разведка, считавшаяся одной из самых сильных в Европе, получила достоверные данные о том, что нападение на Советский Союз произойдет **22 июня**. Информация поступила от ценнейшего агента чехословацкой военной разведки в абвере А-54 — Пауля Тюммеля. Эту информацию руководитель чехословацкой военной разведки генерал Франтишек Моравец передал британской разведке МИ-6. Обе разведки издавна тесно сотруднича-

¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 347. Д. 2373. Л. 159.

ли, не говоря уже о том, что президент и правительство Чехословакии в эмиграции пребывали в Лондоне, как и само руководство разведки Чехословакии¹. В то же время следует помнить, что с 16 мая 1935 г. между чехословацкой военной и советской разведками действовало секретное соглашение об обмене разведывательной информацией по Германии. Соответственно руководство чехословацкой разведки либо самостоятельно, либо через своего президента, Э. Бенеша, передало эти данные советскому представителю в Лондоне для последующей передачи в Москву Сталину, которому Бенеш был многим обязан. К тому же не следует забывать, что в непосредственном окружении самого президента Чехословакии в эмиграции Э. Бенеша находились агенты советской внешней разведки Яромир Смутный и Людмила Каспарикова. Информация ушла в Москву и по этим каналам. Не говоря уже о том, что информация из МИ-6 также шла в Москву полноводной рекой благодаря усилиям великолепной «кембриджской пятерке» блестящих агентов советской внешней разведки. И поступавшая от чехословацкой разведки информация оказывалась втянутой в водоворот этих сообщений.

В отношении сведений чехословацкой военной разведки следует сказать также следующее. Едва только ее руководство оказалось в эмиграции в Лондоне, а произошло это 14 марта 1939 г., то есть накануне полной оккупации Чехословакии Третим рейхом, то спустя всего два дня оно вступило в контакт с советским военным атташе в Лондоне и стало передавать информацию по Германии². А руководитель чехословацкой военной разведки Ф. Моравец стал фигурировать в документах советской военной разведки под псевдонимом Барон. Некоторые историки советской военной разведки полагают,

¹ *Moravec F.* Master of Spies. Memoirs of General Frantisek Moravec. New York, 1977. P. 191—193; *Benes E.* The Memoirs of Dr. Edward Benes. Boston, MA, 1953. P. 150—151.

² *Кочик В.* Некоторые аспекты деятельности советской военной разведки в предвоенный период (1936—1941) // Военно-исторический архив. 2001, № 4. С. 64—65.

что Ф. Моравец был завербован ею. Однако это вряд ли. И без того доброжелательно идущего на сотрудничество как на антифашистской основе, так и на основе межгосударственного соглашения руководителя чехословацкой военной разведки не было нужды вербовать. Он и так передавал едва ли не всю информацию, которую добывала чехословацкая военная разведка, располагавшая обширной агентурной сетью на всей оккупированной нацистами территории Европы.

Другое дело, что в переписке между резидентурой и Центром вместо упоминания имени руководителя этой спецслужбы в целях конспирации употреблялся присвоенный ему псевдоним. Это нормальная практика деятельности любой разведки. Тем более с лицами столь высокого ранга.

Как уже отмечалось выше, информация чехословацкой военной разведки всегда докладывалась наркому обороны СССР С.К. Тимошенко, который по этому поводу вспоминал: «Донесения нашего военного атташе в Лондоне я получал всегда сразу же, как только они поступали. Были там и данные, которые передавала нам чехословацкая разведывательная служба. Без всякого преувеличения должен сказать, что некоторые из них казались невероятными и даже провокационными. Однако наша проверка этих сообщений и время показали, что в большинстве случаев речь шла о правдивой и удивительно точной информации»¹.

Проще говоря, едва только материалы из лондонской резидентуры ГРУ поступали в Москву, то информация чехословацкой военной разведки наряду с другими данными сразу же направлялась Тимошенко (и Жукову явно тоже). Так что еще в конце мая или самое позднее в первых же числах июня благодаря информации чехословацкой военной разведки Тимошенко и Жуков уже знали, что нападение произойдет 22 июня. В этом не приходится сомневаться хотя бы по той простой причине, что с самого начала лондонского периода сотрудни-

¹ Цит. по: Колтакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 154.

чества между Ф. Моравцем и резидентами ГРУ по обоюдному согласию было установлено, что встречи будут происходить **1, 10 и 30-го числа** каждого месяца. Информация о 22 июня как о точной дате нападения на СССР поступила Ф.Моравцу **27 мая** 1941 г. Следовательно, либо 30 мая, либо 1 июня он передал эту информацию советскому резиденту. А быть может, и того ранее — ввиду чрезвычайной актуальности такой информации. Ну, а то, что знал Тимошенко, знал и Жуков. Как, впрочем, и в первую очередь, об этом знал Сталин.

2. Наряду с чехословацкой военной разведкой активную разведывательную деятельность против Третьего рейха вела также и польская военная разведка. Это была не менее сильная спецслужба, чем чехословацкая. Польская военная разведка имела отличные агентурные позиции на оккупированной немцами части Польши, а также в других странах Европы, благодаря чему была прекрасно осведомлена о плане гитлеровской Германии по нападению на Советский Союз. Информацию об этом она, так же как и чехи, передавала британской разведке МИ-6. **Польская военная разведка уже 2 июня пришла к окончательному выводу о том, что нападение на СССР произойдет 22 июня 1941 г.**¹

Специальное уточнение. А до этого глава польского эмигрантского правительства в Лондоне В. Сикорский в письме от **23 мая 1941 г.** на имя У. Черчилля со ссылкой на их беседу 20 мая о вероятности скорой войны Германии против СССР сообщил адресату, что, по имеющейся у него информации, подготовка Германии к этой войне достигла заключительной фазы². И эта информация также попала в руки советской разведки благодаря имевшейся в составе польского правительства агентуре.

Несмотря на то что до начала войны Советский Союз не сотрудничал с польским правительством в эмиграции, тем не менее внутри этого правительства у советской внешней разведки были сильные

¹ Winston S. Churchill to War Cabinet, Notes on the General Situation. Churchill to Sikorski, 4 June 1941. Churchill Archive Center. Cambridge. 20/21 C.

² Documents on polish-soviet relations 1939—1945. L., 1961. Vol. I. P. 102—103.

агентурные позиции. Прежде всего, это министр польского эмигрантского правительства в Лондоне **Генрих**, а также **Садовник**, который являлся одним из наиболее информированных членов правительства¹. Оба поставляли очень серьезную информацию. Так что информация о дате нападения прошла как минимум по одному из этих каналов.

Кроме того, следует иметь в виду, что ГРУ внедрило своего агента в находившийся в эмиграции в Лондоне аппарат главнокомандования «СВБ» («Союз вооруженной борьбы»; польское название **Zwizek Walki Zbrojnej**, польская аббревиатура **ZWZ**), который занимался также и разведывательной деятельностью против Германии и СССР². Речь идет о разведывательном центре Сикорского. Естественно, что добывавшаяся агентурой «СВБ» информация попадала и в Москву.

Короче говоря, каналы, а самое главное, источники для поступления информации польской разведки в руки советской разведки имелись, и очень серьезные. При этом необходимо также учитывать, что данные польской разведки, переданные британской разведке, уходили в Москву и по каналам «кембриджской пятерки» — так же как и данные чехословацкой разведки. Одновременно следует принять во внимание, что в 1940 г. советская разведка сумела перехватить некоторые агентурные линии польской разведки в военных кругах Германии. Произошло это в результате тщательной работы с попавшим в руки советских органов государственной безопасности капитаном польской военной разведки Ю. Сосновским, работавшим против Германии, о чем уже говорилось выше. В отношении двух из них в общих чертах известно, что они являлись важными источниками информации и сослужили хорошую службу советской разведке в 1940—1943 гг.³

¹ Очерки Истории Российской Внешней Разведки. Т. III. М., 1997. С. 291—292.

² Яковлева Е.В. Польша против СССР. 1939—1950. М., 2007. С. 52.

³ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М., 1998. С. 170—171.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что есть все основания убежденно считать, что информация польской военной разведки также попадала в Москву до начала войны, в том числе и ее данные о точной дате нападения на СССР.

Кроме того, не следует забывать, что в Третьем рейхе действовали также и агенты личной разведки Сталина, хотя ее наличие официально отвергается.

1. Ольга Константиновна Чехова-Книппер — выдающаяся, мирового значения актриса театра и кино в первой половине XX в. И одновременно выдающаяся разведчица-нелегал Ольга Константиновна Чехова работала на советскую разведку с 1922 по 1945 г. О масштабах ее разведывательной деятельности, объемах и особенно об уровне и качестве направлявшейся ею в Москву бесценной информации наглядно свидетельствуют следующие факты. **Во-первых**, связь между О.К. Чеховой и Москвой поддерживали сразу три радистки в Берлине и его окрестностях. Случай беспрецедентный в мировой разведывательной практике того времени. Используя в качестве источников и подысточников информации свыше ста иностранцев, нелегальная резидентура Рихарда Зорге обслуживалась всего... одним радистом, а у О.К. Чеховой их было три! Радистки О.К. Чеховой даже не знали, чью информацию они передают. Постоянное наличие в распоряжении Чеховой трех независимых друг от друга каналов радиосвязи неудивительно, ибо, **во-вторых**, первоисточниками стратегически важной информации у нее были сами главари Третьего рейха — Гитлер, Геринг, Гесс, Геббельс, Кейтель, Шпеер и прочие, а также их жены и любовницы, с которыми она поддерживала тесные дружеские связи (например, «дружбу» с той же Евой Браун Ольга Чехова завела по указанию Москвы еще тогда, когда Гитлер только рассматривал ее кандидатуру на роль постоянной любовницы — в начале 30-х гг. прошлого века). Гитлер, что называется, души не чаял в Ольге Чеховой и, присвоив ей специально для нее же учрежденное

звание Государственной артистки Третьего рейха, приглашал ее на самые престижные мероприятия, во время которых демонстративно оказывал ей знаки высшего внимания (например, неизменно усаживал ее рядом с собой).

Естественно, что благодаря такому источнику Сталин был весьма осведомлен о настроениях Гитлера и его ближайшего окружения. А в поток этой информации, **в-третьих**, органически вплеталась также бесценная информация от субагентов лично Ольги Константиновны — старших офицеров вермахта: **Альбрехта фон Квириггейма (штаб ОКВ), Вернера фон Хефтена и Эберхарда Финка (штаб ОКХ)**. О.К. Чехова завербовала их, когда они были еще лейтенантами. К концу войны все трое были полковниками. Первые два были казнены гестапо за участие в заговоре против Гитлера от 20 июля 1944 г. Тогда едва не пострадала сама Ольга Чехова¹.

Принадлежность О.К. Чеховой к советской разведке начисто отрицается Службой внешней разведки. И ничего удивительно в этом нет. СВР говорит правду, отрицая ее принадлежность к советской разведке. Потому как она никогда не проходила по официальным учетам и официально в агентурной сети советской разведки никогда не числилась. Она числилась за личной разведкой Сталина. Но то, что на Лубянке очень узкий круг лиц знал о том, что она ведет разведывательную деятельность в пользу СССР, — тоже факт. Знаменитый Судоплатов в своих мемуарах описывает подготовку к операции по уничтожению Гитлера. И в качестве одного из тех, кто смог бы вывести советского агента-боевика Миклашевского на Гитлера с тем, чтобы он смог бы организовать его убийство, планировалась кандидатура именно О.К. Чеховой. Простите за банальность, но просто так в операциях подобного уровня не имеющих отношение к разведке лиц не привлекают, и уж тем более не планируют их участие.

¹ «Независимое военное обозрение». 2004, № 25.

2. Марика Рёкк (урожденная Мария Керер) — выдающаяся, мирового значения артистка театра, эстрады и кино в первой половине XX века. Если ориентироваться на шкалу особо ценной агентуры, то разведывательный статус Марики Рёкк фактически равен статусу О.К. Чеховой. Ибо и ее источниками информации были все те же главари Третьего рейха, правда, в силу своей профессии она была все-таки ближе к Геббельсу. Марика Рёкк формально принадлежала к агентурной группе советской военной разведки, носившей условное название «Крона». Ее создателем был один из самых выдающихся советских военных разведчиков XX в. легендарный **Ян Черняк**, о котором говорилось выше. Группа была создана еще в середине 20-х гг. XX в. и действовала около 18 лет. Ни один из ее членов не был раскрыт противником. Между тем в нее входило свыше 30 человек, большинство из которых стали видными офицерами вермахта, крупными промышленниками рейха. По каналам этой группы шла бесценная для советского руководства и командования информация. Ввиду особой ценности информации М. Рёкк она была переключена на связь с личной разведкой Сталина¹.

3. Граф Сергей Алексеевич Вронский (1915—1998) — талантливый ученый-астролог и очень близкий к заместителю Гитлера по партии Рудольфу Гессу человек. Особенность разведывательного статуса С.А. Вронского заключалась в том, что он с детства блестяще владел оккультными дисциплинами — астрологией, хиромантией, магией, обладал отличными способностями к гипнозу и психотерапии, был отличным экстрасенсом-медиком. И, судя по всему, он использовался именно в этом направлении, так как был близко знаком не только с верхушкой Третьего рейха, но и поддерживал близкие дружественные отношения с личным астрологом Гитлера Карлом Эрнстом Крафтом. Как это явствует из весьма скромных описаний его жизненного пути, Вронский был занят информационным освещением наиболее тайной

¹ «Независимое военное обозрение». 2004, № 25.

части нацистского режима — его связи с оккультными силами. В том числе и связи через оккультные каналы с наиболее могущественными закулисными силами Запада. Граф был вхож, в частности, в круг членов тайного общества «Врил», создателем и главой которого являлся уже упоминавшийся выше Карл Хаусхофер. В тех скудных сведениях о его тайной работе на Советский Союз и Сталина, которые стали известны, есть (правда, весьма глухие) намеки на какое-то его участие в проекте рейхсфюрера СС Г. Гиммлера «Аненербе» («Наследие предков»).

С.А. Вронский одним из первых установил дату вторжения — 22 июня 1941 г. И если исходить из его скупых слов, то это произошло где-то в начале весны весной 1941 г. Дело в том, что на основании именно его астрологического прогноза Р. Гесс принял решение о полете в Англию, к которому ему еще надо было подготовиться. Правда, тут следует иметь в виду, что Гесс знал дату нападения от Гитлера, причем явно до 30 апреля 1941 г., когда фюрер впервые озвучил ее перед генералитетом.

Наряду с Р. Зорге С.А. Вронский также одним из первых еще в конце 30-х гг. проинформировал Москву об угрозе возможного нападения Германии в 1941 г. Зорге сообщил об этом в одной из январских 1937 г. телеграмм со ссылкой на своего «друга» О. Отта тогда военного атташе Германии в Японии. А Вронский — весной 1938 г., так как тогда в Германии под контролем СС произошло особо секретное совещание астрологов, которое рекомендовало Гитлеру определить время нападения на СССР на май 1941 г.¹

Вронский не числился за советской внешней разведкой. Никаких материалов на этот счет нет. И потому СВР отрицает его принадлежность к советской внешней разведке. И ничуть не грешит против истины. Судя по крайне скудным биографическим данным Вронского, его вербовка была осуществлена по линии разведки Коминтерна,

¹ Оккультные силы СССР / Сост. А. Колпакиди. М., 1998. С. 512—517, 518—520; «Совершенно секретно». 2004. № 7. С. 18—19.

причем он и там явно не прошел по учетам. А когда его уникальные разведывательные возможности сформировались, его переключили на связь с личной разведкой Сталина.

Завершая этот краткий, но, как представляется, достаточно информативный анализ по одному из важнейших вопросов деятельности советской разведки (подразумевая все сообщество советских разведывательных служб того периода) накануне войны, хотелось бы напомнить, что **ориентировочный срок нападения Германии был выявлен советской разведкой примерно за два года до самого нападения.** Еще в первых информационных сигналах 1938—1939 гг. о грядущем в ближайшем будущем нападении Германии на Советский Союз указывалось, что это, вероятно, произойдет примерно через два года. Наиболее значимо этот срок возможного нападения засветился в полученной в промежутке с 17 по 19 июня 1939 г. информации о готовности Гитлера пойти на подписание договора о ненападении. **В этой информации отмечалось, что Гитлер рассчитывает на то, что такой договор будет иметь значение примерно два года!**¹ У Сталина же, как известно, была могучая и очень цепкая память. И когда во второй декаде июня 1941 г. стали поступать сообщения разведки с уже более или менее конкретными данными о дате нападения, то, естественно, не вспомнить о той информации от июня 1939 г. он просто физически не мог, при его-то памяти. Хотя бы, например, потому, что Гитлер сам выболтал Сталину примерный срок нападения в своем майском (1941 г.) ответном письме, на что его сподобил лично Сталин. Гитлер тогда прямо указал, что примерно 15—20 июня он якобы начнет переброску своих войск с германо-советской границы на запад. Но когда на стол Сталина действительно стали ложиться донесения разведки с более или менее точными сведениями о дате нападения, то, вне всякого

¹ Документы внешней политики СССР. Т. XXII, кн. 2. С. 559, (прим.) со ссылкой на архив быв. КГБ СССР, а также ЦА МО. Ф. 23. Оп. 9117. Д. 2. Л. 418—431.

сомнения, круг, что называется, замкнулся. **Учитывая весь массив разведывательной информации, которая поступала к Сталину, на его же глазах все концы со всеми концами сошлись — нападение произойдет в июне, 22-го числа. Как раз через два года. Отсюда и все заблаговременные санкции Сталина на передвижения войск, в том числе и внутри округов, их выдвижение к границе, на приведение их в боевую готовность и т.д.**

ТАК В ЧЕМ ЖЕ ВИНОВАТЫ РАЗВЕДКА И СТАЛИН?..

Содержание

ПРОСКРИПТУМ	3
Раздел I. МИФОТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ ЛЖИ, КЛЕВЕТЫ И СОКРЫТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ О РАЗВЕДКЕ	4
Глава 1. С чего начинается клевета о разведке в связи с 22 июня 1941 года?	4
Глава 2. Сокрытию подлежали данные разведки о неминуемой неизбежности войны?!	39
Глава 3. Разведка и истоки плана «Вариант Барбаросса»: план «Восточной кампании»	114
Раздел II. РАЗВЕДКА ДОЛОЖИЛА ПРАВИЛЬНО!	139
Глава 1. Количество как основа качества	141
Глава 2. Разведка своевременно вскрыла факт переориентации агрессивных устремлений Гитлера против СССР	146
Глава 3. Разведка своевременно установила факт утверждения Гитлером конкретного плана агрессии против СССР	149
Глава 4. Разведка своевременно установила основные цели агрессии Германии против СССР	162
Глава 5. Разведка своевременно и точно вскрыла суть стратегического замысла плана «Вариант Барбаросса»	165
Глава 6. Установление направлений основных ударов вермахта, в том числе и направления главного удара	196
Глава 7. И еще о важнейших успехах советской разведки.....	239

Раздел III. ПОЧЕМУ РАЗВЕДКУ И СТАЛИНА СДЕЛАЛИ КРАЙНИМИ?	249
Глава 1. А мы все равно пойдём на юг! А мы все равно пойдём на юг!.....	249
Глава 2. Шпионаж в высшем командном составе РККА	323
Глава 3. Подлые интриги вокруг доклада ГРУ от 20 марта 1941 года	345
Глава 4. Но разведка доложила точно.....	405

Научно-популярное издание

Историческое расследование

Мартиросян Арсен Беникович

СТАЛИН И РАЗВЕДКА НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Выпускающий редактор *М.К. Залеская*

Корректор *О.Н. Афанасьева*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 30.05.2014. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС». Печ. л. 30.

Тираж 3000 экз. Заказ А-1781.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ISBN 978-5-4444-2079-9

- ИСТОРИЧЕСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ -

Любая послевоенная ложь о любой минувшей войне начинается со лжи в адрес разведки. Дескать, она это недоглядела, то не раздобыла, тут не подтвердила, там ошиблась, здесь не разгадала, там проглядела и т.д. и т.п. История Великой Отечественной войны, прежде всего ее кроваво-трагического начала, не исключение. Родоначальниками не-сносной хулы, лжи и клеветы в адрес советской разведки стали маршалы и генералы предвоенной и военной поры. В деятельности разведки и контрразведки СССР был, конечно, не только позитив, но и негатив тоже. Были ошибки и промахи. Были и необоснованные подозрения в отношении агентуры и разведчиков, а также к сообщаемой ими информации. Были, увы, и провалы. Короче говоря, все было. К сожалению, эти негативные явления — неизменные спутники активной разведывательной деятельности. Подробно о негативных сторонах в этой книге не говорится, но лишь по той простой причине, что и без того об этом натрепали сверх всякой меры много. Именно поэтому-то исследование на 99,9% сосредоточено на информативном показе достижений советской разведки как сообщества всех разведывательных служб СССР накануне войны.